

Яков Дамский
Век шахмат

Яков Дамский Век шахмат

Серия
Chess Idea

Серия
Chess **Idea**

Яков Дамский

Век шахмат,

**заново пережитый
автором, с которым,
наверняка,
не все согласятся...**

Издание второе,
слегка исправленное
и изрядно дополненное

УДК 75.581
ББК 794
Л16

*Фотографии автора из архивов автора
и журнала «64 — Шахматное обозрение»*

Д16 Дамский Я. В.
Век шахмат, заново пережитый автором, с которым, наверняка, не все согласятся: Издание второе, испр. и доп. — М.: Этерна, 2009. — 416 с: ил. — (Chess idea)

ISBN 978-5-490-00206-5

Основное содержание книги известного журналиста, мастера и международного арбитра Якова Дамского отражено в подзаголовке. Это во многом особый взгляд на развитие Игры, высказываемый автором и его героями — выдающимися шахматистами СССР, России, мира. В книге приоткрываются малоизвестные, либо вообще неизвестные витки шахматной истории, оказавшие серьезное влияние на формирование удивительного, своеобразного мира шахмат.

Для самого широкого круга читателей.

**УДК 75.581
ББК 794**

ISBN 978-5-490-00206-5

© Дамский Я.В., 2009
© ООО Издательство «Этерна»,
оформление, 2009

*Галине и Татьяне Дамским,
полноправным соавторам, с благодарностью
посвящая*

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

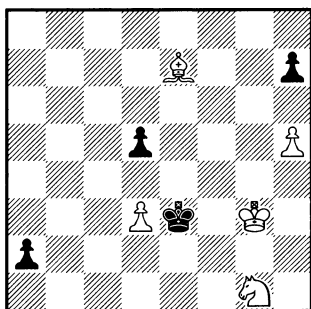
К шахматам неприменимо слово — век. Хотя бы потому, что очень давно (по меркам человеческой жизни) директор Эрмитажа академик Пиотровский-старший показывал мне две каменные фигурки, созданные по-настоящему давно — примерно 4000 лет назад! Никто не знает, как они назывались, но двигались по клетчатому полю и вполне могут считаться эдакими предками шахмат.

И еще потому, что, как гласит легенда, шахматы были посланы в качестве загадки шахиншаху Ирана Хосрову I. А с тех пор худо-бедно полторы тысячи лет прошло, и об этом можно прочесть в пехлевийской «Книге о шатранге» — если, конечно, дадут вам этот манускрипт, цены не имеющий, в руки. Да и Пушкин писал своей ненаглядной Натали «Благодарю тебя, душа моя, что учишься играть в шахматы. Это необходимо в каждом благоустроенном семействе» задолго до наступления века нынешнего. Словом, древнее шахмат лишь вечное небо над нами, нравственный императив в душе, люди, горы, войны, охота, море, огонь...

Но все же к шахматам применимо слово — век! Хотя бы потому, что стала эта игра ШАХМАТАМИ если не век назад, то немногим более. Ранее их любили короли: чего стоит одна лишь хранящаяся в библиотеке Эскуриаля, древней резиденции испанских монархов, завораживающая рукопись Альфонса X Мудрого. Увлекался, говорят, шахматами Карл Великий и даже готов был разыграть на доске с неким молодым рыцарем симпатию собственной жены. Но вот Людовик IX в середине 13-го века специальным указом (делать что ли ему было нечего?) запрещал шахматы на всей территории французского государства, а позднее неистовый монах Савонаролла швырял фигуры в огонь и грозил вечными адскими муками на том свете за прикосновение к шахматам на свете этом. Россия исключения не составляла: Иван Грозный даже умер за шахматной доской, Петр I их жаловал, а вот первый из Николаев смотрел на них, простите, как баран на новые ворота... Да и въехавший в начале 1918-го через Кутафью башню, старинный мост над Неглинкой и

Александровским садом, в Троицкие ворота новый хозяин Московского Кремля Владимир Ульянов-Ленин в бытность свою еще помощником присяжного поверенного воздал шахматам должное и даже зафиксировал это в эпистолярном жанре: «...А вот в «Речи» увидел сегодня этюд, который решил не сразу и который мне очень понравился... Белые начинают и выигрывают. Красивая штука!»

Это — единственная документально установленная позиция, которая стояла на доске у Властелина: легендарная партия императора Наполеона с мадам де Сталь — не в счет. Этюд братьев Платовых действительно весьма изящен, — «красивая штука» — хотя в описании его вождь мирового пролетариата совсем как великий комбинатор Остап Бендер будущего черного ферзя, превращенного из пешки а2, и «назвал позорно — королевой»...

Белые выигрывают

1. ♖f6 d4 2. ♜e2!! a1 ♚.

Теперь при 3. ♖:d4+ ♚:d4 4. ♜:d4 ♚:d4 5. ♜f4 ♚:d3 6. ♜f5 черный король в момент взятия пешки h7 успевает попасть на f6, и где взять белым тот лишний ход, который так необходим для успеха. Воистину, шахматы — это трагедия одного темпа: его всегда не хватает либо для победы, либо для ничьей...

3. ♜c1!!

Создавая неожиданно матовую сеть вокруг черного короля, и помешать смертельному удару с g5 можно одним-единственным способом (3... ♜d2 4. ♜b3+; 3... ♚c1 4. ♖g5+).

3... ♚a5 4. ♖:d4+.

Все-таки!

4... ♜:d4 5. ♜b3+, выигрывая.

Что же касается народного к шахматам отношения... Да, появилась еще в средневековой Германии — точнее, в архиепископстве Магдебургском — деревня Штрёбек, где все поголовно с этой игрой были знакомы. И Гарри Каспарову за победу на одном из турниров «Господин Великий Новгород» вручили пару фигурок поточного, так сказать, шахматного производства, но выкопанных археологами из культурного слоя... XIV века! Будь они редкостью в раскопках — не подарили бы, но двигали когда-то эти ладью со слонем люди посадские, ремесленные или торговые, поскольку иных в той первой русской

республике было всего ничего. Но все же по-настоящему шахматы вошли в сферу общественного сознания — пусть даже на уровне интереса — тоже не столь давно.

Порой этот интерес возрастал до уровня События. Так было, когда в 1948-м в Колонном зале Дома Союзов — бывшем Купеческом собрании — шел матч-турнир за мировую корону: троллейбусы не могли пробраться сквозь армию любителей шахмат, не доставших билетика в кресла, коих насчитывалось более полутора тысяч. То же самое происходило еще не раз: знакомый полковник милиции слезно просил автора всеми правдами и неправдами провести его на скандальнейший — об этом позднее — поединок Анатолия Карпова с Гарри Каспаровым. Иногда общественное внимание затихало, как, например, в наши дни, но причиной тому были потрясения даже не внутреннего, но мирового масштаба. И еще применимо к шахматам это емкое, обобщающее слово потому, что — «дольше века длился день»...

* * *

Все сказанное меньше всего предполагает, что вам, друзья, в этой книге предложена научная история шахмат за последние 100 с лишним лет (временной этот «довесок» порой уходит да-

леко-далеко вглубь, в давно минувшие столетия). Нет здесь и хронологически выстроенной череды событий и тех личностей, которые историю шахмат творили. Здесь «всего лишь» kaleidoscope ярких цветовых пятен, из которых читатель может составить общую картину развития великой Игры; развития прежде всего на фоне жизни Российской Империи, Страны Советов и — России. Но — и всего мирового шахматного процесса тоже, в той или иной степени.

Немало «камешков» этой мозаики впервые выступают на свет Божий. О чем раньше и не принято, и невозможно было говорить: цензура советская порой накладывала табу на информацию детски-невинную, однако касающуюся хоть чуть-чуть того, кому придан был статус «носителя Идеи». Так что не все, вероятно, придется по вкусу поклонникам великого чемпиона X или Y, если вдруг станут всеобщим достоянием некоторые отнюдь не чемпионские его поступки: из песни, однако, слово не выкинешь, да и надо — рано или поздно — вспоминать правду, только правду и одну только правду, как требует того присяга почти во всех судах мира. Только это совсем не суд, и автор отлично понимает субъективность некоторых своих оценок по отношению даже к

великим шахматным личностям. Кто-то, наверное, иначе расценит их дела, о которых узнает из книги: что ж, это его право...

И каждый сможет пополнить Век Шахмат теми представлениями, которые сделают его — Век — еще богаче...

ПРЕДТЕЧИ

Романтик

«Красота шахматной партии не зависит от толщины пожертвованной фигуры». Чтобы прийти к этой сегодня абсолютной истине, нужны были годы, годы и годы. А пока они шли — в мире торжествовали только открытые шахматы. Никакого позиционного маневрирования, никакого накапливания преимуществ и реализация добытого в техническом эндшпиле. Только гамбиты, только жертвы, только комбинационные атаки! Редчайшие исключения среди сильнейших мастеров лишь подтверждали правило. Даже великий Франсуа Андре Даникан Филидор (Фишер назовет его одним из гениев шахмат и именно им откроет десятку лучших игроков всех времен и народов), счастливо деливший свой талант между музыкой (его бюст установлен в Парижской Опере и одних только пасторальных и трагических опер сочинил он более двадцати пяти: за одну, особо понравившуюся, презентовала его шестьюстами рублями даже Екатерина Великая) и шахматами и ставший действительно творцом нового подхода к Игре («Пешка — душа партии» — это его аксиома), увлечь современников и ближайших по времени последователей за собой не смог. Ему поклонялись, его признавали, но играли все же в основном по законам

Пересвета и Челубея: никаких хитростей, никаких засадных полков, копыа наперевес, сабли наголо, и — кто кого.

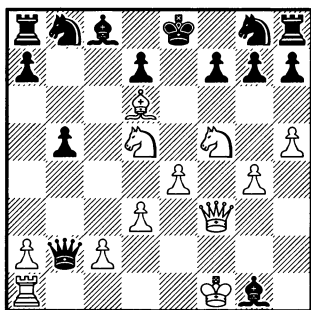
Много-много позже Михаил Таль, обретший в шахматах высокую степень универсализма, скажет: «Дали бы мне сейчас того, молодого, романтического Таля, я бы ему показал, где раки зимуют». Верно, показал бы, хотя и молодой Таль кроме немыслимого комбинационного дара имел в арсенале своем и очень неплохое понимание позиции. Романтики же прошлого века с требованиями игровой ситуации просто не считались. Но, Боже, какую же красоту творили они на доске, какие парадоксальные решения находили и какую шахматную дерзновенность демонстрировали!

В середине XIX века лучшим из них был Адольф Андерсен, преподаватель немецкого языка и математики в маленьком и тихом прусском городке Бреслау. На стене роскошного шахматного ресторана «Симпсон» на Стренде в Лондоне до сих пор висит его дагерротип: огромный высоченный лоб, столь же заметная, прямо-таки африканская нижняя губа и в общем-то маленькие, но какие-то гипнотические глазки. И вот в этом своем обличье Андерсен взял Большой приз на первом международном

турнире 1851 года, собранном в английской столице по случаю Всемирной выставки. Но дело заключалось не только в поверженных соперниках. Сыгранные им партии впервые в истории шахмат — да и затем такого уже не случилось — получили имена собственные как величайшие творения шахматного гения.

Вот эту назвали «бессмертной».

Андерсен — Кизерицкий
Лондон 1851

Имея уже ладей и фигурой меньше, белые позволяют с шахом (!) взять еще одну ладью, но отрезают черному ферзю «взгляд» назад, на пункт g7.

19.e5!! ♖:a1+ 20.♘e2.

Теперь грозит мат в два хода — 21.♘:g7 и 22.♙c7x. Черные защищаются.

20...♘a6 21.♘:g7+ ♕d8 22.♖f6+!!

Отвлекая второго черного коня.

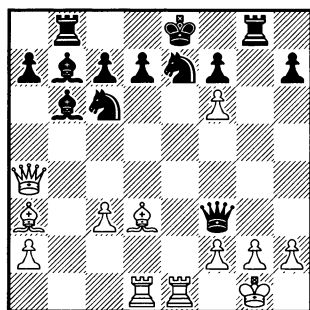
22...♘:f6 23.♙e7x.

Итак, отданы ферзь, две ладьи и слон и приобретено бессмертие. Примечательно, что партию

эту в который раз относительно недавно дискуссионно анализировали на страницах журнала «Шахматы в СССР» мастера и гроссмейстеры — столько простора открывает она для фантазии, такие возможности в себе таит...

А вот эту назвали «вечнозеленой».

Андерсен — Дюфрень
Берлин 1852

Две фигуры белые уже пожертвовали, им грозит неизбежный мат, и что толку в принадлежащей им очереди хода. Ведь вроде бы к черному королю не податься?..

20.♙:e7+! ♘:e7 21.♖:d7+!! ♘:d7 22.♙f5+ ♕e8 23.♙d7+ и мат следующим ходом 24. ♙:e7.

И эту партию анализировали такие гиганты, как Стейниц, Ласкер, Тарраш. Нашли уточнения в защите, атаке, вновь в защите. Но жив остался отзыв другого волшебника, жреца рукопашных битв на доске Михаила Чигорина: «Одна из самых блестящих комбинаций, какие когда-

либо встречались в практических партиях знаменитых игроков».

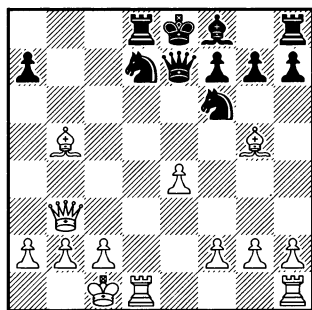
К слову, Андерсен во всей череде шахматных романтиков оказался самым благополучным. Он не закончил душевным расстройством, как его великий преемник на неофициальном шахматном троне Пол Морфи, не запивал периодически горькую, как последний выдающийся представитель «старого стиля» Чигорин, — о них рассказ еще впереди — не ушел из жизни молодым — таких среди шахматных маэстро было немало. Не знаю: врожденная ли

немецкая уравновешенность тому причиной или просто судьба. Но не исключено, что именно поэтому авторы все еще выходящих книг о некоронованном короле Игры все внимание уделяют его творчеству, а не жизненным перипетиям. И, очищенная от пикантных неурядиц, фигура Андерсена сегодня никак не становится менее весомой, потому что по сути именно с него начался отсчет шахматной Красоты. А это, строго говоря, тот самый компонент шахмат, над которым не властно время.

Посланец

Нет-нет, никто в мире не подвергал и не подвергает сомнению его полную доминацию, его абсолютное превосходство над всеми современниками. Действительно, легко победив американских шахматистов, которых, впрочем, в середине прошлого века можно было по пальцам пересчитать, и едва перевалив за рубеж собственного двадцатилетия, Пол Чарлз Морфи ураганом прошелся по престижнейшим шахматным игровым площадкам Старого Света. Парижское кафе «Режанс» и Сент-Джорджский клуб в Лондоне, Бирмингем и театр Итальянской оперы стали молчаливыми соучастниками каких-то невероятных его успехов. Да, именно в опере, когда давали «Норму» Беллини и примадонна Джудитта Па-

ста пела партию жрицы, юный американец ирландско-испано-французского происхождения пожертвовал коня герцогу Брауншвейгскому и графу Изуару, совместно обдумывавшим ходы, и, накрепко связав все черные фигуры, завершил атаку:

13. ♖:d7! ♜:d7 14. ♚d1 ♛e6 15. ♙:d7+ ♘:d7 16. ♛b8+!! ♘:b8 17. ♜d8x.

Вот эта жертва и ей подобные приношения на алтарь атаки создали среди очень и очень многих любителей Игры твердое представление об эдакой «звездности» Морфи, метеором пронесшегося по Европе, разгромившего непобедимого доселе Адольфа Андерсена, ставшего национальным героем Америки (врученный ему после победного турне подарок являл собою драгоценную шахматную доску с фигурами, отличными из золота и серебра) и — вследствие душевной болезни, по тем временам так и не диагностированной, — навсегда покинувшего шахматы. Но не комбинационный дар, вернее, не только он, не умение разглядеть взрывные возможности в позиции были причиной его триумфа. Не за его сенсационные по тем временам сеансы одновременной игры вслепую на 8 досках («Морфи выше Цезаря, ибо он пришел и, не видя, победил» — так оценивали это удивительное в ту пору действо современники) о Поле Морфи восхищенно отзывались Алехин и Ботвинник, Эйве и Фишер.

Человечество всегда задавалось вопросами приоритета, и все они, сменявшие друг друга на шахматном троне, непременно называли Морфи в десятке сильнейших мастеров всех времен и народов — при том, что только чемпионов мира к нынешнему дню уже пятнадцать...

Просто Морфи был как бы посланцем из будущего. Когда он

бросался в атаку на манер своих соперников — например, в первой партии матча с Андерсеном, — то и проигрывал порой. А вот когда... Когда он добивался перевеса в развитии, когда «мобилизационный план» его шахматного войска проводился в действие раньше, чем у партнера, тогда Морфи находил возможности и прорывы организовать, и линии вскрыть, и матовую атаку провести. Словом, это был звонок на перемену. Перемену шахмат чисто романтических на шахматы иные, от наследства не отказывающиеся и принципиально новое к этому наследству прибавляющие.

Однако только в школе перемена длится минуты. Для развития Игры понадобились годы и десятилетия, и конец минувшего века прошел под знаком в общем-то непримиримого соперничества — не столько спортивного, сколько творческого, можно даже сказать, мировоззренческого. Потому что и тогда, и сегодня мелки те мастера и гроссмейстеры, кто ставит во главу угла одни лишь набранные очки и занятые места. И хотя нередкостью в прошлом были книги, где под одним переплетом давались выигрышные советы для шахмат, шашек, покера, трик-трака и даже бирюлек, все же именно шахматы принесли человечеству миниатюрную картину мира и, следовательно, без своей философии существовать бы просто не смогли.

Некоронованный король

Увы, он так и не стал официально признанным властелином шахматного царства, хотя судьба милостивейшим образом улыбалась ему. Он — это Михаил Иванович Чигорин, основоположник так называемой отечественной шахматной школы, сильнейший игрок России в конце позапрошлого и начале прошлого веков. По воле рока и после смерти — намного после! — молва о нем целые десятилетия была гораздо более громкой, нежели о других маэстро, также очень и очень достойных. Просто столетие со дня его рождения — а это 1850 год — совпало с периодом советской нашей истории, когда отец народов, гениальный языковед и лучший друг физкультурников товарищ Сталин начинал очередной крестовый поход против мыслей и душ человеческих, и на посмешище всему миру Россия была объявлена истоком всего на Земле созданного и — по робкой, от КГБ глубоко укрываемой иронии, — даже родиной слонов. Воздавать по заслугам любым зарубежным творцам и мыслителям — значило прослыть космополитом, корней не помнящим, и все последствия отсюда вытекали в сторону сибирских, северных и дальневосточных лагерей. В шахматной нашей литературе как-то вдруг увяли первые чем-

пионы мира, рутинерами и догматиками стали и они, и их ближайшее гроссмейстерское окружение, но словно дуб среди «долины ровная» выросла фигура Чигорина, к тому же — из разночинцев, к тому же — выше лейтенантского чина за одиннадцать лет службы по гражданскому ведомству не продвинувшемуся. Словом — человека из Народа, именем которого во все времена деспоты творили все самое недоброе и неисправимое.

На деле же был Михаил Иванович действительно замечательным игроком, пытливым исследователем шахмат, аналитиком, но — отнюдь не из породы чемпионов. Даже в абсолютно трезвом состоянии — а случались, и весьма нередко, периоды отнюдь не столь счастливые — он мог вдруг проиграть партию тому, кто по классу стоял куда ниже его самого. Он мог вдруг в матче провалиться с треском какой-то отрезок дистанции, например, партии три-четыре подряд; такое случалось и с шахматистами профессионально уравновешенными, но если для тех это выступало исключением, то для Чигорина — системой. Наконец, по-человечески он был просто несносен: самолюбив до болезненности, амбициозен, высокомерен. И тут мало спасает его честь даже то,

что дерзил он (чтобы не сказать резко) не только слабым шахматного мира сего, но и сильным того мира, в котором жил. Чем и плодил себе врагов в непомерных количествах, и многие, ой какие многие беды самого Чигорина проистекали не из «происков злоумышленников», как угодливо трактовали это наши литераторы времен борьбы с космополитизмом, а просто из чисто человеческой неприязни к вполне конкретному и к тому же находящемуся на виду человеку.

Здесь же есть резон если не поставить точку, то хотя бы прояснить еще одну страничку нашей отечественной шахматной истории. Сколько раз приходилось читать сетования на то, что дескать малоцивилизованная Россия пренебрегла трудами своего великого сына и лишь 120 экземпляров его журнала «Шахматный листок» ежемесячно расходились по стране, в то время, как для рентабельности требовалось подписчиков как минимум вдвое больше. Только вот при этом никто, кроме откровенного и абсолютно бесстрашного нашего шахматного мастера и литератора Василия Панова, никогда не осмеливался слова вымолвить о том, что в общем-то не слишком образованный Михаил Иванович (за 9 лет в Гатчинском сиротском институте он прошел пять классов с весьма посредственными оценками, даже по Закону Божьему в аттестате стояла тройка; за-

тем, правда, пришла пора усиленного самонаполнения) вел журнал не только не профессионально, но и не очень-то интересно. А его эскапады в адрес подписчиков и коллег-шахматистов! А чего стоит один лишь пункт устава организованного по сути дела именно Чигориным Санкт-Петербургского шахматного общества в 1891 году: «Не допускаются... учащиеся средних и нижних учебных заведений, юнкера и нижние чины, лица нехристианского вероисповедания». Последняя фраза попала в устав из-за вражды Чигорина с одним-единственным в Питере сильным шахматистом-нехристианином Семеном Алапиным, который как сын купца первой гильдии имел право жительства в столице Российской Империи, но в знак протеста из общества ушла целая когорта корифеев, людей абсолютно русских, православных и — порядочных.

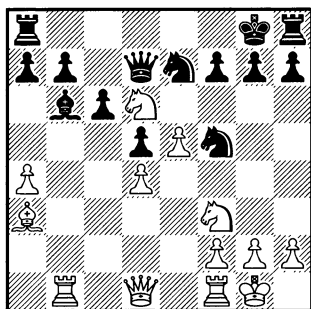
Эти штрихи должны быть восстановлены на картине шахматной жизни, но не они служат ее сюжетом и ее цветовым решением. Главное состоит в том, что Чигорин в 90-х годах прошлого века и вправду входил в пятерку сильнейших шахматистов мира. Это доказали не его матчевые встречи — он дважды проиграл в борьбе за корону чемпиону мира Вильгельму Стейницу, не выиграл ни у одного из пророков новой, реалистической школы в шахматах Зигберта Тарраша, ни

у англичанина Исидора Гунсберга, — а, во-первых, результаты его некоторых турнирных выступлений и, во-вторых, качество его партий.

Вот здесь мы подходим к тому главному, что позволило Чигорину стать избранником шахматного короля Стейница, который сам пригласил Михаила Ивановича к матчу. «Старая школа плоха», — сказал однажды чемпион мира, — «но ее король Чигорин — гениален». И с этим спорить не приходится.

Только чем же все-таки они разнятся, эти старая и новая школы древнего шахматного искусства? Достаточно взглянуть на одну единственную позицию, чтобы это стало осязаемо раз и навсегда. Возникло такое положение в первой же партии матч-реванша за мировую корону **Чигорина со Стейни-**

цем (как видите, первый в истории шахматный чемпион шел на то, чтобы предо-ставлять реванш даже побежденному претенденту: далее, как сказал поэт, «вы, нынешние, нутка?»), и случилось оно в первый же день 1892 года.

Как видите, всего лишь за пешку белые лишили соперника рокировки, нарушили взаимодействие его тяжелых фигур и заметно опередили соперника в развитии. Имеющий перевес —

Первый супертурнир: Гастингс-1895. Пиджачные тройки, сюртуки, галстуки, почти обязательные усы, бородки — таков «узаконенный» внешний облик высшего шахматного света.

обязан атаковать, это один из постулатов шахмат, особо вошедший в жизнь после практики великого Пола Морфи. Но атаковать можно по-разному. Комментируя эту партию, второй чемпион мира Эмануил Ласкер (по сути, именно он вывел на вершину принципы «новой школы» и, привнеся в шахматы психологию, сделал их созвучными нынешнему времени и — на веки веков) предложил здесь 19.a5, после чего белые, отогнав слона, забираются ладьей, взяв пешку b7, на седьмой, по терминологии шахматистов — «обжорный ряд» и решающим образом усиливают давление.

Чигорин избрал другой путь: 19. ♖:f7! ♜:f7 20.e6+ ♜:e6 (ферзь не может взять дерзкую белую пешку из-за коневой «вилки» на g5) 21. ♖e5!, и таким образом белой фигуры белые выманили неприятельского короля на сквозняк, где он и получил смертельное воспаление легких уже к 31-му ходу. Но, ведя заключительную атаку, белые могли натолкнуться и на более упорное сопротивление партнера.

Вот эти два пути решения одной и той же позиции — суть былого разногласия двух школ. Новую возглавлял сам Стейниц, еще истовее защищал ее принципы Тарраш, многие другие, и поскольку она провозглашала объективно справедливые принципы позиционной игры — в нее верили. Чигорин, конечно же, позицию понимал не хуже шах-

матного «бога» и его апостолов. Но вот душа его принадлежала тем уходящим годам, когда Богом была комбинация и только комбинация, и, все осознавая, Михаил Иванович в своей практике все же по преимуществу искал нестандартные *тактические* способы даже там, где их по определению быть не могло. Вот потому-то один очень известный гроссмейстер при мне сказал однажды своим ученикам: «Если хотите получить удовольствие — смотрите партии Чигорина. Если хотите получить пользу — смотрите партии Тарраша».

Правда, другой знаменитый гроссмейстер, безвременно ушедший из жизни мой друг Лева Полугаевский, не стесняясь, признался однажды: «Перед многими турнирами я ощущал чувство робости. И — в сотый раз переигрывал на доске партии Чигорина. После такого допинга никого из самых именитых соперников я не боялся».

Пожалуй, вот эта откровенность человека, которого сам Чигорин в Санкт-Петербургское шахматное общество не допустил бы ни за какие коврижки, и есть отпущение всех земных грехов Михаилу Ивановичу. Если действительно настанет когда-то тот самый судный день, о котором мы узнали еще из Библии, то Чигорин, вооружившись даже одной-единственной этой цитатой, сможет повторить слова поэта: «Мне есть, чем отчитаться перед Ним...»

СТОЛИЦА

Со времен Чигорина город стал не только официальной, но и шахматной столицей Российской Империи. Увы, именно стараниями Михаила Ивановича — скандальной выше некоего среднеприемлемого уровня. И что любопытно: такая вот внутренняя интриганистость, конфронтация и язвительность дожили до дня сегодняшнего. Я далек от утверждений, что в Москве и иных российских шахматных центрах стоят тишь и благодать, но и в бывшей столице, и в великом городе областного значения (как иногда именовали Ленинград его жители), и в нынешнем Питере — к слову, на очередное переименование города готов был сыскать необходимые и немалые деньги не кто иной, как тогдашний чемпион мира Гарри Каспаров — градус недружественности в среде шахматной элиты всегда стоял выше усредненного...

А элита рождалась и пополнялась — щедро. К тому же именами, известными всей цивилизованной России, да и за ее пределами — тоже. Вот, например, фрагмент из списка членов одного из санктпетербургских шахматных обществ (по разным обстоятельствам они жили не слишком долго и после вынужденного тайм-аута возрождались заново): Чернышевский, Некрасов, Панаев, Достоевский, Курочкин, Лавров, великий доносчик Костомаров, профессор, начальник Генштаба и член Государственного Совета Николай Об-

ручев, Тургенев, братья Стасовы... Надо ли дальше?..

В какой-то период первым шахматистом столицы безоговорочно признавался человек, сделавший для пропаганды шахмат во всей Империи много больше других. Илья Степанович Шумов, действительный статский советник, то есть генерал-майор по табели о рангах, именно он в своем шахматном отделе популярнейшего журнала «Всемирная иллюстрация» создал особый вид шахматных задач, которые своим рисунком отображали важнейшие события в жизни государства.

Решать эти композиции, названные «скахографическими» или «изобразительными», было легче легкого, но они привлекали даже мало интересующуюся шахматами публику, а далее зачастую все шло по пословице о завязшем коготке... Например, все общество взволновали события турецкой войны 1877-78 годов, оборона Шипки, героизм русских волонтеров, освобождение братьев-славян из-под янычарского ига и — пожалуйста, вот вам шумовская композиция на тему «Переход через Балканы»; точнее, через тот же в общем-то невысокий, но какой-то очень неудобный перевал Шипку.

Сопровождалась она такими вот строками.

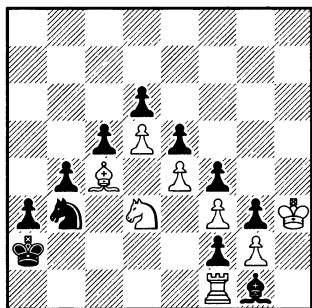
Герои перешли Балканы!

Ужасный путь их не был скор:

Мороз, и турки, и бураны —

Все вражьи силы грозных гор,

*Соединяясь в преграды злые,
Стремились тщетно восемь дней
Расстроить силы удалые,
Остановить богатырей.
Побеждена сама природа!
А дальше — всё возьмет булат!
Но здесь мы до восьмого хода
Дойдем легко — и черным мат!*

Белый король за 7 ходов перебирается с h4 до a4 (черные вынуждены топтаться на месте — g1-h2-g1) и затем — 8. a4:b3x .

В одном из петербургских клубов появилась и, по-видимому, первая русская шахматистка: дочь министерского чиновника Наталья Павловна Гербаневская. Говорят, играла неплохо, периодически побеждала даже известных в столице сеансеров. Но когда милое ее сердцу Общество любителей шахматной игры вынужденно влилось в Санкт-Петербургский немецкий клуб, из шахмат ушла: женщин в клуб не пускали ни под каким видом. Маскарад же представлялся делом невозможным: личико-то всем шахматистам хорошо знакомо.

Три всемирно прозвучавших турнира организовал Санкт-Петербург. Один — главным образом ради своего тогдашнего любимца Михаила Чигорина. Тот на знаменитейшем и действительно выдающемся форуме 1895 года в Гастингсе — символично, что впервые на русском языке сборник турнирных партий Гастингса издали ровно сто лет спустя уже в нынешнем Петербурге — занял второе место, опередив и чемпиона мира Ласкера, и экс-чемпиона мира Стейница, и Тарраша, и вообще всех, за исключением внезапно взлетевшего в зенит шахматного неба молодого американца Пильсбери. А за два тура до конца вообще лидировал и вполне мог рассчитывать на полную победу. Ясно, что при таком повороте дел питерские шахматисты, что называется, подсуетились и пригласили к себе пять первых призеров, обидев тем самым — и всерьез — шестого призера: великолепного российского (!) и в ту пору еще питерского (!!) маэстро Эммануила Шифферса, в некотором роде — даже учителя Чигорина. Впрочем, природа сама стремится к симметрии и четности: Тарраш от участия отказался, действующий чемпион мира занял первое место, экс-чемпион — второе, Пильсбери третье, а Чигорин... Строго говоря, это стало началом его конца...

И еще турнир прославился на весь мир попыткой издателя черносотенной газеты «Новое время» (в ней Михаил Иванович вел шахматный отдел за плату, выросшую в конце концов до очень весомых по тем временам 150 рублей) Суворина «приобрести исключительное право на ... партии турнира». Зрителям даже

в свои блокноты записывать их за-прещалось! Разумеется, ничего из этой вполне большевистской узурпации не получилось, партии публиковали десятки газет во всем мире, но ядовитое семя было посеяно. Сейчас взрастить эту идею — в личном варианте — пытается гротескмейстер Евгений Свешников...

Ренессанс

И все-таки мир заговорил о шахматном Петербурге лишь через 13 лет, уже в 1909-м. Потому что одно дело — как бы продолжить Гастингский турнир соревнованием его победителей и запустить круговорот в шесть кругов, и совсем другое — собрать международный и очень представительный форум, организовав его, как говорится, от А до Я. К тому же «в этом был вопрос и в своем роде национального самолюбия, чувства собственного достоинства... Ведь как никак, а езда только за границу, в гости на турниры и не принимая у себя иностранных гостей, Россия оказывалась все же не вполне равноправной с другими государствами, какого бы совершенства ни достигали отдельные ее представители».

Так писал, выражая всеобщее мнение, один из сильнейших российских мастеров, безусловно лучший российский шахматный литератор того времени Ев-

гений Зноско-Боровский, он же секретарь Организационного комитета по проведению в феврале 1909 года Международного шахматного конгресса в память Михаила Ивановича Чигорина. Интересно, что этим же месяцем датирован роскошно изданный сборник, посвященный конгрессу: партии международного турнира маэстро комментировал сам чемпион мира Ласкер и тот же Зноско (в шахматных кругах вторую часть его

фамилии в устной речи, как правило, опускали). Состоялся еще и турнир любителей, исключительно для россиян, но со строгим отбором, и таким образом зрители следили одновременно за девятнадцатью поединками в двух больших залах Санкт-Петербургского шахматного собрания на Невском, 55.

Интерес к турниру был велик по двум причинам сразу. Во-первых, из-за звездного, как сказали бы мы ныне, состава участников. Ведь среди иностранцев в главном турнире 9 маэстро уже брали первые призы на международных соревнованиях, а остальные — не раз попадали в число призеров. Подданные Российской империи допускались без требования такого формального признака, но это была шеренга очень талантливой, очень творческой молодежи, и уже в ближайшие годы кое-кто из них (в первую очередь Акиба Рубинштейн, разделивший здесь, в Питере, победу с чемпионом мира) вошел в шахматную элиту мира. Турнир же любителей выиграл, получив звание маэстро, Александр Алехин, и этим все сказано.

Вторая же волна интереса шла к турнирам именно потому, что свое явное благоволение выказала Императорская фамилия — для царепоклонной России это имело огромное, даже несколько мистическое значение. Но

все же будем честны: 1000 рублей Государя для международного турнира и ваза Императорского фарфорового завода ценою в 637 рублей для турнира любителей — это два первых приза, и не более того. Потому что Великий Князь Михаил дал, извините, стольник, а еще три Их Высочества — всего лишь по четвертному. Зато вот С-Петербургское Финансовое и Коммерческое Собрание — сразу четыре тысячи, а все остальное — меценаты, поклонники, россияне... Как хотите, но меня куда сильнее трогают 1 рубль 80 копеек, которые прислали, скинувшись по гривеннику, восемнадцать юнкеров Михайловского Артиллерийского училища. Не они ли были потом среди тех, кто в незабываемом 1918-м оказался расстрелянным той же артиллерией в Московском Кремле?..

Кроме юнкеров, все фамилии жертвователей даже по 50, 30, 25, 15 и 10 копеек в одном списке с Государем Императором опубликовал Оргкомитет конгресса — иначе в то время просто не мыслили.

Турнир сделал свое. Прошел на-ура, с оглушительным резонансом в прессе Европы, Америки и, конечно, России, и заложил моральную основу для следующего, который подвел особую, лишь Богу в ту пору ведомую черту в развитии шахматной жизни и жизни вообще.

То был Петербургский 1914 года турнир чемпионов: все без исключения одиннадцать иностранцев уже хаживали в победителях. Вместе с четырьмя российскими участниками они образовали общий однокруговой турнир, и пятеро лучших продолжали борьбу в двух-круговом следующем этапе. Что особо важно: впервые в шахматной истории Оргкомитет по согласованию с мощнейшими Германским и Британским шахматными союзами объявлял первого призера претендентом на мировую шахматную корону и гарантировал совместными усилиями финансовую сторону поединка.

Увы, из этого пункта программы ничего не вышло. Во-первых, Ласкер, отстававший от основного своего конкурента Капабланки на полтора очка, сумел все же победить его в одной — знаменитой! — личной встрече и в конце концов по сумме двух этапов опередить совсем на чуть-чуть, но этого оказалось вполне достаточно. Во-вторых, не успел даже выйти из печати на русском языке (немцы успели!) сборник партий этого уникального соревнования, как пять выстрелов сербского студента Гаврилы Принципа в Сараево дали старт первой мировой войне, перевернувшей жизни людей, народов и государств.

В немецком Мангейме были интернированы российские шахматисты во главе с 3-м призером Петербурга-1914 Алехиным — он, правда, быстрее других сумел вырваться оттуда — и... На этом, строго говоря, закончилась шахматная история российской столицы. В советские годы Питер превратился в Ленинград, и хотя по-прежнему рождал шахматных гениев и таланты, но те в нем в общем-то не задерживались. В меньшей степени потому, что там сохранилась и даже развилась специфическая склочная атмосфера — и это в городе, интеллигенция которого выделялась в любой среде и своим особым языком, и особой питерской вежливостью и даже, если хотите, особым уровнем мышления. А в большей степени из-за того, что постепенно Ленинград становился — и стал! — великим городом областного значения — не я придумал такую удивительно точную, горькую формулировку. Не спасали ни сокровища Эрмитажа, ни Александринка с Маринкой, ни высокая наука, там жившая, ни культура, превосходившая иные города и веи по своей изысканности и утонченности. Да и игровой площадкой крупнейших, мирового значения соревнований вначале редко, а затем все чаще становилась Москва...

Шутка

Тем не менее однажды Ленинград, оставаясь второй шахматной столицей страны, удивил всех, и в первую очередь — самого себя. В том, 1929-м, уже поутихла «шахматная лихорадка», поднятая I Московским международным турниром — от него вчерашнему Петрограду достался лишь визит чемпиона мира Капабланки, который попытался телефонировать некоторым своим дореволюционным приятельницам (Капа в 1913-м какое-то время служил в кубинском посольстве, аккредитованном при Государе Императоре, и писанный красавец латиноамериканского типа, успехом у дам пользовался фантастическим) и дал сеанс одновременной игры, где его чистенько победил подросток в очках, не по возрасту серьезный Миша Ботвинник, — но чувствовался накат нового интереса к шахматам. И вот в боевой и очень популярной ленинградской газете «Смена» появилось объявление, рожденное словно бы в среде средневекового рыцарства. Некто Икс вызывал на матч сразу 10 сильнейших шахматистов города во главе с мастерами (более высокого звания тогда не было) А. Ильиным-Женевским, М. Ботвинником и Я. Рохлиным. Среди остальных вызванных первокатегорников — их на весь-то Советский Союз

имелось человек 50-60 — числились такие неслабые игроки, как, к примеру, будущий гроссмейстер В. Рагозин. Словом, шума вызов наделал немало, его немедленно перепечатали центральные газеты «Известия», «Комсомольская правда», ряд московских и периферийных изданий. Не знаю, и уже никто никогда не узнает, рассказало ли о матче главное радио страны — станция имени Коминтерна, по которой двумя годами раньше шли в эфир первые в мире шахматные репортажи: их вел со Всесоюзной Спартакиады московский мастер и король пешечных эндшпилей Николай Григорьев. Если радио упомянуло об этом — тогда про дерзкий ленинградский «замах» узнал весь народ: в целях пропаганды власть тянула провода связи в глухие села гораздо раньше, чем электропровода, и черные бумажные тарелки и рупоры репродукторов висели на уличных столбах повсеместно.

Условия вызова звучали своеобразно: Икс все партии играет белыми, ходы игроков передаются в редакцию «Смены» до 19.00, Икс отвечает на них не позднее, чем через 3 (!) часа. Если Икс проиграет три партии, он откроет свое имя.

Уклониться от вызова элита не могла: это означало бы потерю

высокого шахматного реноме. Но никто не сомневался, что в ближайшие недели маска с Икса будет сорвана, и он с позором вынужден будет покаяться, пока...

Пока после «стартовой» ничьей с известным шахматным композитором и сильным игроком Леонидом Куббелем Икс не начал подряд принимать капитуляцию от одного соперника за другим. Двоим он просто дал мат на 33 ходу! Оставшиеся занервничали, стали подозревать в Иксе многоопытных мастеров еще старой России — Илью Рабиновича, Григория Левенфиша... Подозрения пали и на чемпиона Ленинграда Ильина-Женевского — дескать, для отвода глаз сам у себя выиграл, но вовремя вспомнили, что он по делам службы на две недели уезжал в Берлин, а ходы-то следовали ежедневно. Секретарь Ленинградской шахматной секции Яков Рохлин, личность по-своему легендарная, безапелляционно «катил бочку» на мастера Петра Романовского, ближайшего соперника Алехина в первых советских турнирах. А мастер Абрам Модель оказался «оправданным» лишь из-за всеобщего мнения, что он, шахматист талантливый и нервный, в таком супертрудном матче сам проиграл бы восемь партий из десяти...

Между тем сеанс продолжался, и элита гнила, как мухи поздней осенью. Только Ботвинник, че-

рез год ставший уже чемпионом СССР (!), чудом «убежал» на ничью, да пол-очка отстоял и Рохлин. 8,5 : 1,5 — результат сеанса обошел всю страну, и шахматисты вверглись в глубокое уныние. Разве такое возможно? Кто он? Откуда?

Но Икс и не думал раскрывать инкогнито: он ведь вообще ни одной партии не проиграл! Редакция «Смены» хранила гордое молчание, ни на какие уговоры не поддаваясь. И тогда «Шахматный листок» — это издательство существовало в Ленинграде уже четыре года и выпускало только шахматные книги и журнал, превратившийся затем в «Шахматы в СССР», с началом перестройки сменивший еще 2-3 названия и почивший в бозе совсем недавно под громким именем «Шахматы в России» — начал собственное следствие, поручив его мастеру Моделю. И тот в одном из номеров за 1930 год опубликовал отчет о расследовании, где детально проанализировал вероятность всех шахматных знаменитостей побывать в шкуре Икса и сделал вывод, что Икс — это... он сам!

Далее — цитата из работы ленинградцев В. Зака, заслуженного тренера СССР, и Я. Длуголенского:

«Почему же, перебирая всевозможных кандидатов, участники сеанса отвергли такого острого комбинационного игрока, ка-

ким был Модель, — ведь большинство партий прямо-таки выдавало его «авторство»?..

«Виноват» тут был сам Абрам Яковлевич.

Завоевав шахматное признание еще в дореволюционное время, Модель приобретает и славу игрока, чрезвычайно подверженного настроению. Сегодня блестяще проведенная партия против шахматиста сильного, завтра бесславный проигрыш игроку слабому.

Вообще, в шахматной биографии А.Я. Моделя (1895-1976) взлеты и неудачи поразительным образом соседствуют.

Так, оказавшись в 1926 году в первенстве Ленинграда на последнем месте (полтора очка из девяти возможных!), в первенстве СССР 1927 года занимает третье-четвертое места — выигрывает двенадцать партий и две заканчивает вничью. В 1929 году, поделив в чемпионате города второй и третий призы, в следующем первенстве оказывается лишь одиннадцатым.

Подобный перечень можно было бы продолжить. Но гораздо интересней послушать мнение людей, близко знавших Моделя.

Александр Алехин, называя его шахматистом талантливейшим и предрекая ему большое будущее, тем не менее оговаривался, что произойдет это при «соответствующем отношении к делу».

«Соответствующего отношения» не последовало. В какой-то момент Модель решил, что «главной» его любовью должны стать музыка и математика, а не шахматы. Главной его любовью действительно стала математика.

Пианист Яков Флиер, услышав в исполнении Моделя одну из сонат Бетховена, в категорической форме заявил, что Модель должен оставить математику и шахматы и посвятить себя исключительно концертной деятельности.

Но случилось это как раз в тот период, когда Абрам Яковлевич считал, что ради музыки не должно жертвовать шахматами.

Добавим, что, если когда-нибудь выйдет стихотворный сборник, посвященный шахматистам и шахматам, добрую половину займут в нем юмористические поэмы и остроумные эпиграммы Моделя.

Таким был хорошо знакомый ленинградцам «шахматный мистер Икс».

К этому есть смысл добавить фрагмент из воспоминаний человека, на каком-то этапе жизни ему близкого, — Михаила Моисеевича Ботвинника.

«Первую партию мы с ним сыграли летом 1925 года в шахматном клубе Ленинградского Дворца труда, в турнире I категории. Вообще же мне сначала довелось ближе узнать человека, а не шахматные качества Абрама Яковлевича. Это про-

изошло в ноябре 1926 года, когда оба мы были участниками матча Ленинград — Стокгольм. Модель отличался жизнерадостностью, находчивостью, быстротой соображения и реакции. Последнее он доказывал неизменным трюком: приставлял свою раскрытую правую кисть руки ладонью вверх к так же раскрытой ладони добровольца-скептика, клал монетку на чужую ладонь и командовал — раз, два, три... Со счетом «три» скептик должен был зажать монетку в своем кулаке, но она всегда оказывалась в кулаке Моделя. Этот «фокус» Абрам Яковлевич повторял с кем угодно и сколько угодно раз.

Все это я впервые «узрел» на встрече шахматной команды с сотрудниками полпредства СССР в Гельсингфорсе. После того как Модель всех очаровал своими фокусами, он предложил последний номер: стакан, наполненный водой, прилипнет к потолку! Немедленно появился стакан, лестница и бильярдный кий. Наконец стакан кием прижат к потолку, а кий держит сам консул. Модель командует, когда нужно отнять кий от стакана: раз, два... и сочувственно говорит консулу: «Придется так постоять, не то стакан упадет и вы обольетесь». Общий хохот...

На второй день в Стокгольме гуляем по городу — чудо! Модель уже говорит по-шведски. Оказывается, Абрам Яковлевич

успел усвоить шведское произношение и читает нам вывески.

Модель как шахматиста я хорошо узнал осенью 1927 года. Играли мы в 5-м чемпионате СССР в Москве: вместе жили в комнате № 217 в гостинице «Ливерпуль» (ныне «Центральная»), что в Столешниковом переулке. Вместе анализировали партии, готовили дебютные схемы. Модель слабо знал теорию начал, предпочитал играть «нетеоретические» дебюты — он и научил меня играть французскую и голландскую!

Анализировал он мастерски, с большой точностью и тщательностью, а я в анализе в свои 16 лет был птенцом. «Мишель, не торопись», — говорил Абрам Яковлевич, когда я быстро показывал ему «форсированный» многоходовый вариант, и вскоре он находил «дыру» в моем анализе уже на втором ходу... У Моделя я и научился искусству анализа.

В чемпионате Модель играл блестяще. Опустив руки между колен и низко держа голову над доской, он полностью отрешался от остального мира — в эти минуты для него шахматы были всем. В простых позициях он находил тонкие пути к инициативе. Он лишь на очко отстал от победителя турнира.

В 1933 году, когда я проиграл 1-ю партию матча С. Флору, Крыленко (о нем — позже. — Я.Д.) встревожился — как помочь? Ко-

нечно, был приглашен в Москву Модель, и он приехал с уже готовыми стихами (надо было рассеять мое уныние).

Оставляя в стороне литературные достоинства этих стихов, они тем не менее дело свое сделали...

*Флор доволен, как дитя,
ходит именинником —
в первом туре он шутя
справился с Ботвинником.*

*И безмерно упоен
эдаким успехом,
пишет письма Саломон
всем знакомым чехам:*

*Так и так, мол, господа,
победитель в драке я,
и Россию без труда
«бьет» Чехословакия*

*На сердце Миши
скребутся мыши —*

*варьянт Панова
навек разбит.*

*И мой Мишутка
вздыхает жутко:
ужели снова
я буду бит?*

*Дрожат колени,
потерян сон:
ужель он гений,
а я пизжон?*

Увы, 6-ю партию я вновь проиграл. Когда матч переехал в Ленинград, все решили, что я безнадёжен. Только Слава Рагозин и Абрам Яковлевич были другого мнения. На квартире у Моделя был обновлен вариант Панова, в 9-й партии Флор потерпел поражение. А голландская защита (по совету Моделя) в 10-й партии помогла свести матч вничью».

Автор познакомился с ним лет за 6-7 до ухода Моделя из

жизни: ему было уже хорошо за 70. Не слишком просторная, отдающая дореволюционной стариной квартира в середине Невского проспекта, атмосфера глубокой интеллигентности всех домочадцев и, конечно, глава семьи, подобного которому более увидеть во всю жизнь не довелось. Я готовил телевизионную передачу о шахматах во время войны — и обойтись без Моделя, центральной шахматной фигуры блокадного Ленинграда, было просто невозможно. Потому что чемпионаты осажденного города — в игровой зал кое-кто из участников приходил прямо с передовой и туда же после сыгранной партии отправлялся — это Модель, и отправленные по «дороге жизни» через Ладогу тысячи и тысячи ленинградских детей (среди них был и четырехлетний Боря Спасский, и пятилетний будущий олимпийский чемпион Саша Иваницкий) — тоже он...

Здесь же — ответ на вполне правомерный и корректный вопрос: отчего это в книге, персональные разделы которой достаются лишь шахматным королям и далеко, ой как далеко не всем «первым визирям» — столько места отведено всего лишь мастеру по званию, то есть одному из многих сотен игроков, одному из многих десятков тренеров, одному из десятков организаторов. Верно, надо бы — о каждом. О моем старшем друге Дмитри

Николаевиче Василевском, книжнике высшей пробы, — на нем десятилетиями держались шахматы в Калуге. О старейшем шахматисте России Михаиле Михайловиче Сегеле — он, перwokлассный математик, прожил в Казани 100 лет и был тем самым звеном, что воочию связывало шахматы 20-х годов с шахматами моих дней: послевоенными и нынешними. О его землячке, перворазряднице и художнице Галине Ивановне Сатониной, чье глубинное видение создало необычные картины и многим дополнило наше представление об Игре. О Серго Асатурьяне, поднимавшем шахматы сначала на Владимирщине, затем в Ставрополье — и это после пройденной им от звонка до звонка Великой Отечественной. О генерале, докторе наук, профессоре и шахматном мастере Олеге Владимировиче Чеботареве, написавшем несколько книг для шахматистов на «общественных», как говорили в советское время, «началах».

О Наиле Мухаметзянове, придумавшем громко прозвучавший матч Татарстан — Европа, о Николае Федоровиче Ананьеве, учредившем в Орле международный шахматный фестиваль «Славянские корни». Об Анатолии Васильевиче Сысоеве, академике, директоре завода, из года в год собиравшего в маленьком уральском городке Краснотурьинске крупнейшие в

мире женские турниры. И, быть может, в первую очередь, о Вере Николаевне Тихомировой. «Мама Вера», — звала ее вся шахматная Россия, и направляя долгие годы шахматную жизнь необъятной республики, она неизменно помогала каждому, кто вв ее заступничестве нуждался. Будущему чемпиону мира Спаскому, будущему гроссмейстеру

Рашковскому, сотням — нет, тысячам! — тех, кто так высоко не поднялся.

Только для этого нужны масштабы энциклопедий — Большой Британской или Брокгауза и Эфрона, и целая жизнь не одного автора. Ибо они — в сумме — и есть настоящий век шахмат.

Абрам Модель — среди них.

РОССИЯ

Теперь уже никто и во сне не оспаривает некогда крамольную мысль о том, что шахматы — наилучшая модель жизни. Борьба в ее динамике, взлеты и падения, долговременная стратегия и дополняющая ее одномоментная тактика — словом, некое графическое воплощение человеческого бытия, сопутствия и противодействия ему всех привходящих обстоятельств. Но что воистину удивительно: сама история шахмат во многом копирует судьбы не одних лишь индивидов, но и государств.

Да, и в шахматах Россия была такой же, как и в жизни. Отставала в организационном, можно сказать, отношении: там, в Париже, Лондоне и Берлине давно существовали «шахматные» кафе и рестораны, упорядоченно выгладели матчи между сильнейшими

игроками и о таких поединках непременно сообщали газеты; даже матч-турниры проводились, а затем и крупные международные соревнования. Наша же родина в первой половине века XIX ничем таким похвастаться не могла, да и позднее — тоже. Но вот с духовностью и самобытностью... Короче: совсем не встречаясь за доской с иностранцами, отказываясь от очень лестных приглашений, Александр Дмитриевич Петров, государственный служащий в Варшаве, статский советник, что в табели о рангах было повыше полковника, стал тем не менее известным всей шахматной Европе. Более того, был всеобщей молвой поставлен в шеренгу тех, кто своими победами безоговорочно причислялся к сильнейшим.

Каким образом все это случилось? В первую очередь, теми же сыгранными партиями. У шахмат ведь есть неоспоримое, можно сказать, историческое превосходство над любыми иными спортивными увлечениями человечества. Пока не появилось на свет Божий изобретение братьев Люмьер, лишь очевидцы — числом мизерным — могли восхищаться мастерством борцов и слаженностью гребцов на какой-нибудь регате Кембридж-Оксфорд, легконогостью бегунов и атлетизмом гиревиков. Да и жили эти легенды лишь одно поколение. Шахматисты, изобретя нотацию, сразу получили язык

международного общения и — пропуск в вечность. Вот потому-то, к примеру, выигранная Петровым в Варшаве, где он после Санкт-Петербурга жил и служил, партия у Гофмана с небанальнейшей жертвой ферзя в том же 1844 году обошла не один десяток европейских газет, за честь считавших иметь постоянные шахматные отделы. Птицу же всегда видно по полету — большую, красивую птицу...

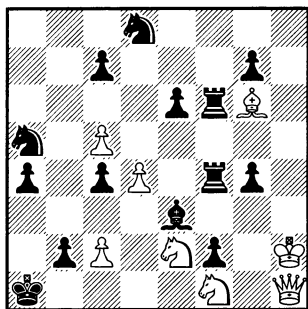
А еще были победные матчи с теми, кто международных встреч не чурался. А еще — публикации в настольном журнале всего российского цивилизованного общества «Отечественные записки», переведенные затем и на французский во Франции и на английский в Англии. И — быть может, главное — первая оригинальная шахматная книга в России, длинно, по нормам того времени названная «Шахматная игра, приведенная в систематический порядок, с присовокуплением игор Филидора и примечаний на оныя, изданная Александром Петровым. Часть I и II. Теория шахматов. Часть III, IV и V. Практика шахматов» (Санкт-Петербург. В типографии Н. Греча. 1824).

Три года с момента цензурского дозволения печатали книгу. Сколько времени работал над ней Александр Дмитриевич — не знаю. Но она в двух экземплярах (один — дарственный автора) оказалась в библиотеке Пушки-

на, и дважды выходила в той же Англии — то ли Мекке, то ли Медине шахматного мира тех лет. И влияние ее на развитие шахматной мысли (не той, над которой иронизировал век спустя великий комбинатор Остап Бендер, но действительно всеобщей, глобальной, неостановимой) переоценить невозможно. «Примечания на игры Филидора» дополняли то новое, что властно вошло в шахматы с именем основоположника шахмат Нового времени, что-то уточняли, многое — прогнозировали. В этой книге выступала та Россия, порой безалаберная, всегда — неустроенная, но — гениальная, которая и сегодня то и дело демонстрирует миру свой несравненный ум...

А в какую форму все это было облачено! Чего стоит лишь едва ли не самая первая, но явно самая знаменитая скахографическая, то есть изобразительная шахматная композиция Петрова «Бегство Наполеона из Москвы в Париж, где белый Царь делает ему мат». Сохранились свидетельства, как восхищался ею герой Отечественной войны генерал от инфантерии, то есть полный российский генерал Милорадович, как считали ее своей путеводной звездой многие русские и советские шахматные композиторы. Правда, в нашей печати стараниями одного общепризнанного историка шахмат эта задача обрела почему-то иной, куда более утяжеленный

облик, но в этом ли, в конце концов, суть? Обратимся к первоисточнику.

«Белые шашки означают Российское войско», — писал Петров. — «Черный Король — Наполеон. Место a1, где стоит Наполеон, есть Москва, а клетка h8, где ему делают мат, — Париж. Конница преследует разбитого Наполеона».

И к шестому ходу белых такое примечание: «Ферзем следовало преградить путь Наполеону, ступив на кл.a8, тогда бы он не ушел в Париж, а был бы ему шах и мат». Это — напоминание о пе-

реправе через Березину, когда действительно представлялась идеальная возможность куда раньше «битвы народов», «ста дней» и Ватерлоо покончить с военным кошмаром. Только надо ли и сейчас валить все упущения на бедного адмирала Чичагова, как это лихо делала советская историография: истина ведь окончательно так и не установлена...

Итак: 1. ♖d2+ ♜a2 2. ♖c3+ ♜a3 3. ♖db1+ ♜b4 4. ♖a2+ ♜b5 5. ♖bc3+ ♜a6 6. ♖b4+ (сюда и относится примечание автора) 6... ♜a7 7. ♖b5+ ♜b8 8. ♖a6+ ♜c8 9. ♖a7+ ♜d7 10. ♖b8+ ♜e7 11. ♖c8+ ♜f8 12. ♖d7+ ♜g8 13. ♖e7+ ♜h8 14. ♖g2x.

Центрами шахматной жизни огромная Российская империя усеяна не была: разве что университетские города или — вдруг — провинциальные, если рождался там сильный шахматный игрок. И все же приоритет оставался за Петербургом и Москвой.

Твои чемпионы, страна

Их много, очень много: ведь первенства России — царской, советской и нынешней, уж даже не знаю, какой именно — проходили, пусть и с перерывами, век с хвостиком: 19 сентября 1899 года в Москве появился первый чемпион Империи. А фактически — даже на три дня раньше, поскольку победитель I Всероссий-

ского турнира Михаил Чигорин оторвался от второго призера Эммануила Шифферса на 2,5 очка. Результат Чигорина вообще был близок к абсолютному: только выигрыши при одном случайном поражении. На II Всероссийском он выступил и того убедительнее: одна ничья при 17 победах и те же 2,5 очка отрыва

от того же Шифферса. Потом, правда, борьба за титул российского чемпиона обострилась. На III Всероссийским почти до финала лидировал Осип Бернштейн, и во многом волею судьбы Чигорин, проигравший и ему, и третьему призеру В. Юревичу, вскоре бросившему шахматы, все же вышел вперед. На IV — безусловный лидер россиян стартовал вообще ужасно. Проиграл и будущему чемпиону Г. Сальве, и С. Алапину, и, воспользовавшись щекотливой ситуацией при просрочке времени в партии с С. Избинским, вышел из турнира. V Всероссийский блестяще провел в 1907 году набирающий мощь Акиба Рубинштейн, и... На этом официальные шахматные чемпионаты Российской Империи закончились. Проводились

всероссийские конгрессы, съезды, в первые советские годы прошла Всероссийская Олимпиада, главный турнир которой уверенно провел Александр Алехин, уже мечтавший к тому времени о шахматной короне мира. По сути, он стал первым чемпионом будущего СССР, как и его предшественники завоевывали не только чисто российские лавры, но и «малороссийские», царства Польского, великого княжества Финляндского и прочая, и прочая, и прочая.

А первый собственно РСФСР-овский чемпионат выиграл Петр Романовский. Личностью он был примечательной. Не только силой игры — в 20-х годах он дважды становился чемпионом СССР, до революции побеждал Алехина и вплотную конкурировал с ним на Олимпиаде 1920 года, — но и своими шахматными интересами, и своим характером. Его внимание привлекла теория миттельшпиля — область в шахматах воистину бескрайняя. «В миттельшпиле сильнее всего стимулируются фантазия и творческая мысль шахматиста, наиболее отчетливое выражение получают как чисто человеческие черты его натуры (темперамент, смелость, изобретательность), так и особенности его шахматного стиля, творческих воззрений и... школы, к которой он принадлежит. Неслучайно материалы миттельшпиля, если рассматривать их в историческом разре-

зе, позволяют очень четко проследить за эволюцией шахматных идей», — эта тема захватила Петра Арсеньевича всерьез и надолго. Его книга по миттельшпилю, впервые вышедшая в 1929 году, встала в один ряд с фундаментальными работами Филидора, Тарраша, Нимцовича — без них сегодняшние шахматы просто немыслимы. Новое издание, готовое к печати, погибло в блокадном Ленинграде — как и жена, и четыре дочери Романовского. Можно дивиться его духовным силам, его нечеловеческой стойкости, но он уже в 50-х сумел воссоздать свой труд...

За титул первого чемпиона РСФСР Романовский получил 4 (!) червонца: эта обеспеченная золотом купюра заменила в 1923 году миллионы и триллионы обесцененных инфляцией рублей. За другие успехи — он первым среди шахматистов стал заслуженным мастером спорта и первым же — заслуженным тренером СССР. На его лекции в МГУ про-

сачивалась вся молодая шахматная Москва, хотя без курьеза однажды дело не обошлось...

Мой товарищ, перворазрядник остроатакующего стиля, окончив с золотой медалью школу, поступил на физфак Московского университета и, естественно, записался в шахматную секцию. Да вот беда: на первое же занятие прибежал с 15-минутным опозданием. Петр Арсеньевич был суров: «Молодой человек, вам лучше не приходить, тем более, что талантом ни шахматным, ни обычным вы явно не отмечены».

Так Роальд Сагдаев оказался перворазрядником неиграющим. И — вскоре — самым молодым в СССР академиком, ученым с мировым именем, директором института космических исследований. Может быть, спасибо сказать Романовскому...

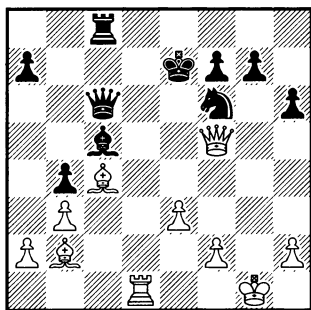
Лишь через пять лет, в 1928-м, возобновились и регулярные чемпионаты Российской Федерации. И первый же их победитель получил в награду иное...

«Потерянный след»

Так была названа одна из статей о **Петре Измайлове**, единственном до войны действующем мастере за Уральским хребтом, шахматисте, по-видимому, уникального таланта. Дело даже не в том, что он в двух партиях с Ботвинником дважды одерживал победы, а совсем в ином: полнос-

тью оторванный от постоянного серьезного шахматного общения родом своей работы (начальник геологической партии) и местом жительства (Томск), он тем не менее метеором блистал на редких для себя турнирах приличного класса и масштаба. На чемпионате СССР 1929 года, обыгры-

вая известных в стране мастеров, вышел из четвертьфинальной группы в полуфинальную, там преградил дорогу наверх Ботвиннику, а в финальной пультке играть... отказался: нужно было сдавать зачеты в Томском университете. Годом раньше стал чемпионом России, в решающей встрече обыграв второго призера, будущего узника ГУЛАГА ленинградца **Михаила Шебаршина**.

Конечно, полуголый король в центре позицию черных не украшает, но все же подкупает стремительность белой атаки на одном дыхании.

25. ♖b5! ♔e6 26. ♖:f6+ gf 26. ♔d7+ ♖f8 27. ♔:f7+!

«Не сложно, но все же своеобразно и красиво» (*П. Романовский*).

27... ♖:f7.

Не лучше и **27... ♔:f7 28. ♔:c8+ ♖g7 29. ♔:c5 ♔g6+ 30. ♖f1**, уходя от вечного шаха.

28. ♖c4 ♔g8+ 29. ♖f1 ♔:c4+ 30. bc ♔g5 32. ♔d7+ ♖g6 33. f4 ♔f5 34. ♔e8+ ♖g7 35. ♔e6, и ввиду варианта **35... ♖g6 36. ♔g8+ ♖h5 37. h3** черные сдались.

В последних числах апреля 1937 года Измайлова расстреляли. За что? Я понял это, когда в начале 50-х услышал на конференции доклад проректора Казанского университета (к слову, родом Измайлов был из Казани и там же восемнадцатилетним юнцом выиграл турнир сильнейших шахматистов Поволжья) доктора наук К., начатый словами: «В свете гениального труда товарища Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» геологи создали новую концепцию залегания руд...» Прозвучало «гениальное» указание людоеда о всех запугивающем Большом Терроре, и что стала стоять жизнь талантливейшего мастера?

...В капитальнейшем «Энциклопедическом шахматном словаре», выпущенном уже в «эпоху гласности», места Измайлову почему-то не нашлось...

Великий молчун

В том же Казанском университете, одном из старейших в стране, русскую литературу XVIII-XIX веков преподавал нам профессор Вознесенский. По старинке некоторых студентов он приглашал домой — за книгами, которых в фантастически богатой университетской библиотеке не было. На лекциях Александр Николаевич потрясал нас знанием невероятным: например, цвета глаз жены Хан-Гирея, к которому по пути на Кавказ заезжал Лермонтов. Но кроме фактов лекции не содержали ничего: ни оценок, ни тенденций, ни сопоставлений — словом, всего того, что составляет суть литературного процесса.

Ответ на локальную эту загадку пришел извне: в 1937-м заведующего кафедрой русской литературы Белорусского университета профессора Вознесенского арестовали. Через два года при замене наркомов НКВД — с Ежова на Берия — выпустили, как и еще пару сотен зэков. В Минск он уже не вернулся — там жена и сын поспешили отречься от «врага народа», осел в Казани и — замолчал. Большой Испуг стал Богом ученого, и профессор ежедневно приносил ему дань. К слову, обкрадывая своих учеников.

В книге о Веке шахмат я вспомнил эту историю из-за очень уж

разительного совпадения. Исаак Болеславский, чемпион России 1946 года и один из сильнейших гроссмейстеров мира, по образованию тоже был филологом, а по складу и масштабу ума — отнюдь не шахматного — из тех, кто автоматически вырастает в профессоров и академиков. Но и молчал он — сродни университетскому моему преподавателю. Конечно, и от природы тоже, но еще и потому, что интуитивно чувствовал двойную мораль общества, в котором ему довелось жить. Сам же — был явно белой вороной и, похоже, в земной своей жизни практически никогда от 10 заповедей и от устоев Нагорной проповеди не отступал ни на йоту:

второго такого человека в шахматах я не встречал, да и вряд ли вообще мог встретить. Достаточно сказать, что в дипломной своей работе о драматургии Салтыкова-Щедрина он вполне осознанно обошелся без ссылок на классиков марксизма, хотя и Ленин, и Сталин не раз цитировали великого сатирика. По этой причине оценен был диплом на три балла — при всей глубине работы, явно «тянувшей» на публикацию в виде научной статьи.

Его дочь Татьяна Болеславская, кандидат искусствоведения (и жена младшего друга своего отца Давида Бронштейна) однажды предположила:

«Почему Болеславский так рано оставил практическую шахматную игру и перешел на тренерскую работу?... Наверное, шахматные специалисты найдут тому профессиональное объяснение. Моя же версия проистекает во многом из особенностей его характера, его психологического склада. Отец боялся живой жизни с ее неожиданностями. Очевидно, его нервная система неадекватно реагировала на случайности, отнимавшие слишком много сил, надолго выбивавшие из равновесия. Это относилось не только к событиям значительным, но и к мелочам повседневной жизни. Как боялся отец всяческих контактов с официальными лицами и унижений, неизбежно связанных с подобными контактами в нашей стране!

Эта боязнь жизни затрудняла ему даже общение с собственными детьми. Порой он просто не знал, как ему себя с ними вести. Поэтому не было простоты и естественности отношений с обеих сторон.

Это нежелание, а может быть, и болезненная невозможность быть активным участником жизни заставляла его уходить в себя. Жизнь воображения, жизнь в любимых книгах порой заменяла ему реальную жизнь с ее нелогичностью, с ее ранящими случайностями, которые невозможно было предугадать и которыми невозможно было управлять. А шахматы... Шахматы 40–50-х годов, когда еще не развилась так сильно индустрия по их изучению, приведшая к эксплуатации чужих открытий, — те шахматы были как бы моделью реальной жизни со всей ее сложностью и непредсказуемостью. И в каждой партии шахматист должен был выходить один в незнакомый мир, не зная, что грозит ему за каждым поворотом, и готовый каждую минуту отразить неожиданную угрозу. Вероятно, это жизненное напряжение шахматной партии было для отца мучительно. Но он любил шахматы, он понимал их глубоко и своеобразно. Он хотел размышлять о шахматах, анализировать их, искать в них новое. Но ему не хотелось участвовать в них как в личном практическом действии. Так он стал тренером. И, насколько я

могу судить, тренером блестящим. В течение ряда лет он был главным тренером шахматной сборной СССР. Он работал с Т. Петросяном, когда тот дважды выигрывал первенство мира.

И был неожиданно отстранен от всего, когда Петросян проиграл свой третий матч на первенство мира Б. Спасскому. Совпадение? Случайность? Не знаю. Но многие неприятности отца начались после этого. Болеславского постепенно оттесняли на периферию шахматной жизни. Другие — более быстроногие и с крепкими локтями — легко пробивали себе дорогу. Наступали 70-е годы которые несколько лет спустя шадяще окрестят застойными...»

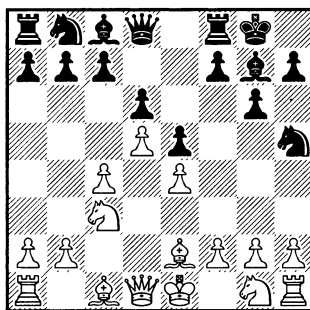
В принципе — это верно. И матч 1950 года, в котором определялся соперник чемпиона мира, Болеславский проиграл Бронштейну не потому, что был слабее, но только по причине иной внутренней, как теперь принято говорить, мотивации. «Играя, я не стремлюсь к победе только ради очка и считаю, что настоящее удовлетворение может дать только выигрыш последовательно проведенной партии. Я не согласен с ныне распространенным мнением, что поскольку шахматы — это борьба, то обоюдные ошибки неизбежны, естественны и не снижают ценности партии. Да, шахматная партия — это борьба, но в первую очередь борьба идей, и поэтому победи-

тель, если он хочет доказать ценность победы, должен доказать правоту своих идей», — эти слова Болеславский написал в середине 50-х, но следовал им всю свою шахматную жизнь.

Новинки в дебютах могут рождать многие. Даже не чемпионы, не гроссмейстеры и не мастера. Новые схемы — это уже прерогатива избранных, новые идеи — удел пророков. К ним и относился первый послевоенный чемпион России — и трехкратный довоенный чемпион Украины. Превратить пешку d6 в отсталую в системе Болеславского в «сицилианке» и «староиндийке» — для подобного нужен талант не только игрока, но и исследователя: по Ботвиннику — творца, первопреходца в шахматах. «Болеславский — крупнейший стратег», — таков был вывод побежденного им в этой партии одного из лучших шахматистов того времени. Вывод справедливый.

Л. Сабо — И. Болеславский

Турнир претендентов
Будапешт 1950

8...♟d7!

Глубокая и интересная жертва пешки. Заметим, что весьма хорошо было бы здесь и 8...♟f4 9.♟f1 ♟d7 10.g3 ♟h5 11.♟g2 a5 12.♟e2 f5 с перспективной контригрой у черных.

9.♟:h5 gh 10.♟:h5 ♟c5 11.♟f3 f5!

Не соблазняясь ходом 11... ♟d3+. В этом случае после 12. ♟e2 ♟:c1+ 13. ♟a:c1 f5 14.♟g5 h6 15.♟e6 перевес белых был бесспорен.

12.0-0.

Вскрытие игры на королевском фланге после 12.ef ♟:f5 было бы чревато для белых большими опасностями. Их ферзь трудно найти удобные поля для отступления.

12...f4.

Черным не имело смысла играть 12...fe 13.♟g5 ♟f5 14.♟e2, и после 15. ♟g:e4 им непросто доказать, есть ли у них компенсация за пешку. Сейчас позиция стратегически определилась. За пожертвованную пешку черные имеют двух слонов и сильные козыри на королевском фланге (клин на f4, полуоткрытая линия «g», наконец, гораздо большее пространство на этом участке). Все это доказывает корректность жертвы пешки.

13.b4 ♟d7 14.♟b2.

И здесь, и в дальнейшем белые не находят правильной линии обороны. Им следовало искать пути к упрощениям и суметь вовремя вернуть пешку назад, но

при этом нейтрализовать нарастающую инициативу черных. С этой целью неплохо было 14.♟g5 ♟f6 15.♟h4 h6 16.♟e6! ♟:e6 17.de ♟e7 18.♟h3, удерживая примерное равенство.

14...♟e7 15.♟g5?

А теперь этот прыжок коня явно запаздывает. Белым следовало продолжать 15.♟d2 ♟f6 16.♟e2, готовясь к длительной осаде.

15...♟f6 16.♟h4.

Ферзь вынужден остаться во вражеском окружении. Ведь после 16.♟d1 ♟g4! 17.♟f3 (17.♟e6? ♟:e6 18.de ♟h4 19.h3 f3! ведет к разгрому белых) 17...♟h8 атака черных вряд ли отразима.

16...h6 17.♟f3.

Конь обязан уйти восвояси. После 17.♟e6 ♟:e6 18.de ♟e6 19.♟d5 ♟f7 20.♟:f6+ ♟:f6 21: ♟a:c1 f3! положение черных явно лучше.

17...♟f7 18.♟d2.

Уже угрожала поимка ферзя: 18...♟h5 и 19...♟f6. Белым приходится освобождать дорогу для отступления ферзя, но это ведет к дальнейшему нарушению взаимодействия их боевых сил. Стратегически положение черных, по-видимому, уже выиграно, хотя предстоит еще напряженная борьба.

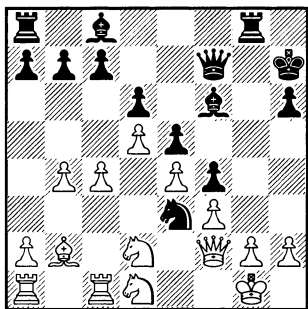
18...♟g4!?

Интересное, но все же не самое эффективное решение. Не менее заманчиво здесь выглядело и 18...f3!? В этом случае белые, однако, могли еще достойно за-

щищаться путем 19.♖g3! fg 20.♗:g2 ♘h5 21.♙h1 ♘f4 22.♗f3, сохраняя шансы на ничью.

Сам Болеславский считал, что лучшим путем здесь было «тихое» 18...♙h7!, и белым трудно найти удовлетворительную защиту. Например, 19.f3 ♘h5 20.♗f2 ♙f6 21.♘e2 ♖g8 22.♙h1 ♗e7, и угроза 23...♙h4 и далее 24...♘g3+ быстро решает.

19.f3 ♘e3 20.♖fc1 ♙h7 21.♘d1 ♙f6 22.♗f2 ♖g8!

23.♘:e3 fe 24.♗:e3 ♙g5 25.♗e2 ♙:d2 26.♗:d2 ♙h3! 27.g3 ♗:f3.

Именно эту позицию Болеславский имел в виду, начиная своим 18-м ходом форсированную игру. Черные напрочь скова-

ли боевые силы белых и угрожают решающим усилением давления по линии f.

28.♖c3 ♗:e4.

Возможно, еще эффективнее было 28...♗h5! Но и ход в партии достаточен для победы.

29.c5 ♖g7 30.♗c2 ♗:c2 31.♖:c2 ♖f8 32.♖f2 ♖g7 33.♖:f7+ ♖:f7 34. cd cd.

Несмотря на большие упрощения, трудности белых не уменьшились. Окончание безнадежно для них, так как их фигуры ничто скованы в своих действиях. Белые вскоре теряют пешку d5, после чего у черных образуется пара связанных проходных в центре.

35.♖e1 ♖f3 36.♙c1 ♖d3 37. ♙e3 a6 38.♙f2 ♖:d5 39.♖c1 ♙g6 40. ♖c7 ♖b5 41.♖c4 ♙e6 42.♖h4 h5 43.a4 ♖d5 44. h3 ♙d7! 45.a5 ♖d3.

Здесь белые записали ход 46.♙e2 и сдали партию без доигрывания. После 46...♙b5 47.♙f2 черные должны легко победить. Но и при лучшем продолжении 46.g4 у белых не было защиты от надвижения проходных пешек.

Сомненью вопреки...

Он дебютировал на чемпионате РСФСР, имея... 2-й разряд, именуемый, правда, в конце 40-х годов — 2-й категорией. Минут за десять до начала тура торопливо поднимался на сцену и обстоятельно устраивался возле своей доски. Демонстрационной доски!

Потому что маленький, тощий до невероятия, Левушка играл в том первенстве роль «мальчика с крючком» — длинной проволоки, с помощью которой на гвоздики навешивались фанерные шахматные фигуры. И никто, включая его самого, даже во сне не видел маль-

чишку одним из сильнейших гроссмейстеров мира — Львом Полугаевским.

Волею судьбы именно он демонстрировал переполненному залу партию, отмеченную затем призом за красоту, и, наверное, более взволнованного, более заинтересованного зрителя в тот вечер просто не было: «Смогу ли когда-ни-будь так?»

И хотя настоящий дебют Полугаевского на чемпионате России прозвучал действительно сенсационно — девятнадцатилетний кандидат в мастера при «живых» трех международных и девяти мастерах (не забывайте Время — тогда это звание было «штучным»!) лишь на пол-очка отстал от «золота» и довольствовался серебряной медалью, сомнения в себе и беспощадная самооценка станут ведущей чертой его характера.

«Совершенно не подготовился к турниру теоретически...»

«Тяжело воспринимал поражения...»

«Отказали нервы, не хватило выдержки...»

«После проигрыша нескольких партий потерял настроение, потерял упорство...»

«Часто попадаю в цейтнот...»

«В цейтноте играю неудачно...»

«Плохо разыгрываю позиции, в которых надо что-то жертвовать...»

«Слабо реализую преимущество...»

«Сильно волнуюсь и испытываю трусость при ведении атаки в

неясных, обоюдоострых позициях...»

«Неправильно распределяю время для работы и отдыха во время анализа отложенных партий...»

Если предположить справедливость хотя бы половины из этих выводов, то даже перворазрядника стоило бы немедленно понизить на ступень, заподозрив нечто неладное в его творчестве. А между тем упрекал себя в столь смертных грехах Полугаевский-мастер и Полугаевский-гроссмейстер! Требовательность его к себе была поистине беспредельной, а намеченная там же, в дневнике, программа действий — разносторонней и скрупулезно точной! И — удивительное дело! — подавляющую часть ее Полугаевский выполнил. Во всяком случае, он избавился и от репутации заядлого «цейтнотчика», и в

теории сказал свое слово, и в критические минуты научился играть даже сильнее, чем в «нормальном» состоянии, и атаковать стал гораздо охотнее...

И когда Ботвинник, чья шахматная программа очень важна для эвристического обучения электронно-вычислительных машин, говорил однажды о способности гроссмейстеров к самопрограммированию в связи с возрастом, то Лев Полугаевский, разменявший к тому времени уже пятый десяток, был упомянут Ботвинником едва ли не в качестве эталона.

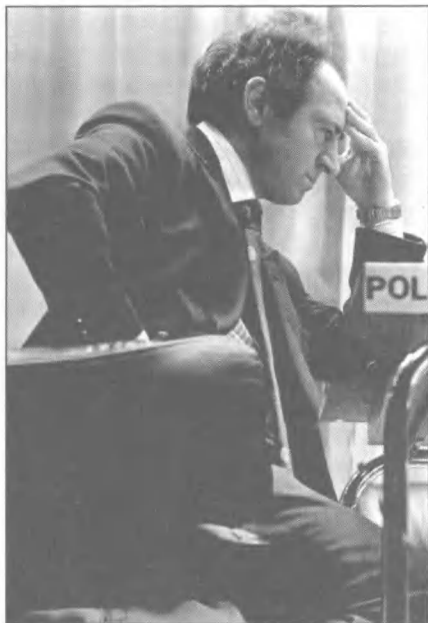
Разумеется, не все свои слабости сумел полностью устранить — «исправить», как говорил он сам, — Полугаевский, хотя и мог вслед за Алехиным повторить: «Посредством шахмат я воспитал свой характер». Нет-нет да и проявлялась излишняя впечатлительность, приводящая порой чуть ли не к потере самоконтроля. Осталась мнительность, при которой частность подвергается непременно общению, а случайность возводится в абсолют. И золотую середину в подготовке к соревнованиям многоопытный Полугаевский так и не научился находить не только с астрономической, но и с обычной житейской точностью. Сколько раз шахматная работа вытесняла у него отдых, и он садился за доску измотанный, потеряв всякий вкус к шахматной борьбе.

Может быть, случилось так еще и потому, что он был упрям. Как, впрочем, подавляющее большинство знаменитых гроссмейстеров. Как и они, слушал, что ему говорят, но делал все или почти все по-своему...

Это — лишь эскиз к портрету Льва Полугаевского. Иначе и быть не может: человек всегда сложнее даже детального рассказа о нем, в особенности если человек этот незаурядный.

К тому же, Полугаевский — неоднозначен. И в жизни, и в шахматах. У него свой стиль, своеобразный, трудный и для него самого, и для соперников. Ему трудно подражать, может быть, даже невозможно, но без партий Полугаевского, без его поисков и находок шахматное искусство потеряло бы один из своих оттенков.

Он добился в шахматах многого. Куда больше, чем титул чемпиона Российской Федерации: дважды выигрывал первенства СССР, десятки раз — международные турниры. Доходил до полуфиналов претендентских матчей — и не однажды! И все же именно на том, победном для себя Российском чемпионате в Омске летом 1961 года получил награду, о которой мало кто знал и которую... мало кто имел. Даже у Анатолия Карпова, собравшего одну из лучших в мире шахматно-филателистических коллекций, ее не было, пока я не подарил ему синеватый почтовый

конверт. На нем омские связисты без всякой санкции своего властного Министерства, сделали фиолетовую надпечатку: «Гроссмейстер Л. Полугаевский — чемпион РСФСР»...

А его разработки... Равных по глубине и «дальнобойности» во всей шахматной практике найти непросто. Вот одна из них с примечаниями победителя.

Ферзевый гамбит D44
Л. Полугаевский — Э. Торре
 Москва 1981

1.d4 d5 2.c4 c6 3.♘f3 ♘f6 4.♗c3 e6 5.♕g5 dc 6.e4 b5 7.e5 h6 8.♕h4 g5 9.♗:g5 hg 10.♕:g5 ♗bd7.

«Возникла исходная, если можно так сказать, позиция «варианта Ботвинника». Именно ее

я примерно полмесяца, рискуя потерять драгоценное время, анализировал при подготовке к матчу претендентов с Э.Мекингом. Риск оправдал себя. Бессонной ночью, весь захваченный работой, я однажды буквально вздрогнул: словно жар-птица за хвост была поймана абсолютно новая идея...

В матче она не понадобилась, и листок с записью пролежал у меня чуть больше четырех лет!

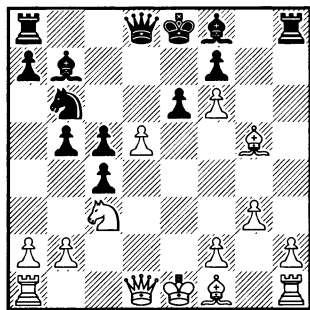
11.ef.

Если белые играют 11.g3, то им надо считаться и с 11...b4 12.♗e4 ♗:e4 13.♕:d8 ♖:d8 (знатоки варианта ставят под сомнение вывод теории, что все это выгодно белым), и с 11...♙a5. Теперь же после 11...♙b6 белые при помощи 12.g3 переведут игру на главные рельсы варианта, где у них есть перевес. Поэтому черные в промежутке избирают

11...♕b7 12.g3!

Все-таки!

12...c5 13.d5 ♗b6.

Эта позиция не раз становилась предметом теоретических изысканий, проверялась на прак-

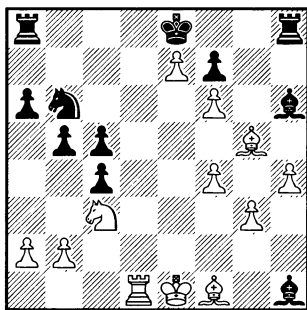
тике. Именно здесь черные до самого последнего времени подерживали примерное равновесие.

14.de ♖:d1+ 15.♚:d1 ♕:h1 16.e7 a6.

Очевидно, что на 16...♕h6 у черных пока нет времени ввиду 17.♘:b5 ♚c8 18.♘c7+.

Что теперь делать белым? И мои анализы, и партия Белявский — Багиров из матч-турнира сборных команд страны (Москва 1981) показали: после 17.ef♖+ ♕:f8 18.♚d6 ♚b8 19.♕e3 ♚h5 у белых есть хорошая компенсация за качество, но, пожалуй, не более того, так как им постоянно приходится считаться с возможным движением черных пешек ферзевого фланга. И вот...

17.h4!! ♕h6 18.f4!!

Отдав ладью, белые вовсе не собираются восстанавливать материальное равновесие и довольствуются тем, что ладье h8 не скоро суждено войти в игру.

18...b4 19.♚d6!

И это — результат все той же домашней заготовки (забегая вперед, могу признаться, что по-

зиция была проанализирована мною до 30-го хода, случившегося в партии с Э. Торре). Если бы белые отступили 19.♘b1, то у черных все было бы в порядке. Сейчас же для коня освобождается поле d1, откуда он сразу устремится в центр.

19...♚b8.

После 19...bc 20.♚:b6 cb (если 20...c2 21.♕d2 ♕d7 22.♕:c4 ♕e4, то выигрывает даже парадоксальное на вид 23. ♚:a6!) 21.♕:c4 и далее ♚:b2 черные гибнут из-за слабости на f7 и удивительной беспомощности своих ладей. Причем, поставив ладью на линию «d», белые могут даже менять слонов и играть уникальный «трехладейный» эндшпиль! Филиппинский гроссмейстер после длительного раздумья избирает наилучший шанс.

20.♘d1 ♕:g5 21.fg ♘d5.

Препятствуя маршруту ♘d1-e3 и одновременно собираясь отдать коня за пешки e7 и f6.

22.♕:c4 ♘:e7 23.fe ♕:e7 24.♚f6!

Гораздо важнее воспрепятствовать включению в игру ладьи h8, чем гнаться за пешкой a6.

24...♚hf8 25.♘f2.

Неплохо и 25.♘f2 с дальнейшим ♘f2-d3, но мне не понравилось, что после взятия на c5 белые фигуры не защищают друг друга и в некоторых случаях могут «провиснуть». Поэтому вместо пешки c5 на прицел берутся важные поля d5 и f5.

25...♕e4 26.♚:a6.

Теперь, когда надежно перекрыта вертикаль «е» и черная ладья с е8 не успевает вступить в игру, белые восстанавливают материальное равновесие, сохраняя весьма существенный позиционный перевес и отличные шансы на победу.

26... ♖b8 27. ♖f6.

Напрашивалось 27.h5, но за доской я воздержался от этого обязывающего продолжения из-за возможного 27... ♗g8 с тем, чтобы на 28.g6 отдать качество: 28...fg 29. ♕:g8 ♗:g8, и хотя у белых лишняя пешка, реализация ее может оказаться не простым делом. Поэтому борьба продолжается в позиционном ключе.

27... ♗d6 28. ♗f4 ♗d4 29.h5.

Теперь уже 29... ♗g8 невозможно, и черные пытаются развязаться.

29... ♕d3 30. ♘d5+ ♕d6 31. ♗:d4 cd 32. ♕b3 ♕c2 33. ♕:c2 ♕:d5 34. ♕b3+?

Ошибка, которая могла перечеркнуть все достигнутое ранее. Выигрывало простое 34.h6 с дальнейшим 35.h7 и движением

короля в центр. К тому же черный король не удерживался на d5, так как грозило 36.g6 и на 30...fg — 37. ♕b3+ и 38. ♕g8.

34... ♕e5 35.g4 ♕f4?

В цейтноте черные не используют отличный шанс, предоставленный им белыми: 35...d3!! (при слоне на с2 этого хода не было бы). Теперь в случае 36.g6 fg 37.hg черные отводят короля на f6, а после 36. ♕d2 ♕d4! 37.g6 fg 38.hg ♗f2+ (или 36.h6 ♕f4 37. ♕:f7 ♕e3!) у них грозная контригра, и спастись надо уже белым.

36.g6 ♕e3.

На 36...d3 у белых есть 37. ♕d2, а в случае 36...fg 37.hg пешка проходит до поля превращения. Но и в партии создать контратаку с матовыми угрозами черные уже не успевают.

37.g7 ♗c8 38. ♕f1.

Достаточно и 38.h6.

38...d3 39. ♕g2 ♕f4 40.h6.

В безнадежном положении черные просрочили время. Пожалуй, эта новинка — лучшее из того, что мне удалось сделать в шахматах за всю жизнь!»

Учитель

Вначале было имя. Оно пришло к нам, группе мальчишек, непозволительно поздно по нынешним меркам, — в 13—14 лет — научившимся передвигать фигуры и сразу же властно схваченным приступом шахматной горячки, при помощи того беспро-

волочного телеграфа, который впоследствии получил название «Агентства ОБС» — «Одна бабка сказала». Роль этой самой старушки сыграл кто-то из наших сверстников другой «шахматной школы» города — только они и мы всерьез спорили в командном

школьном первенстве Казани: «К нам приходил Нежметдинов, давал сеанс, всех обыграл!»

«Слабаки вы!» — гордо ответствовали мы. — «К нам тоже приходил мастер третьей категории К., так мы ему два очка из восьми отдали...»

Прошу поверить: диалог этот не придуман. Школьный военрук, он же учитель физкультуры, именно так рекомендовал нам сеансера — третьекатегорника, впечатление от которого ни сильным, ни приятным не назовешь. И когда мы прослышали, что в городском Доме пионеров назначен сеанс Нежметдинова, то отправились туда — побеждать.

До конца дней своих не забуду ту первую встречу, сразу же открывшую нам Рашида Гибятовича — только поняли мы это позднее — с очень важной по-человечески стороны. С тридцатью соперниками должен он был играть, но ребята все подходили и подходили, и тогда отнюдь не командирским голосом Нежметдинов распорядился:

— Несите шахматы!

Добрый час собирали ребята доски, где только могли. В каких-то комплектах вместо ладей высились поставленные на попа катушки, вместо слонов — позеленевшие ружейные гильзы — своеобразное эхо войны. В лучшем случае отличить белые фигуры от черных было непросто. Нежметдинов соглашался на все! И на 78 соперников — тоже. Много

Спартакосы — Тигран Петросян и Рашид Нежметдинов

позже не раз и не два принимался я прикидывать: кто еще из хорошо знакомых мне «гроссов» и мастеров *так* шел бы навстречу ребятам в сеансе, проводимом, как это принято говорить, в общественном порядке? И — не нашел кандидатуру более или менее реальную. Если не прав — пусть меня поправят...

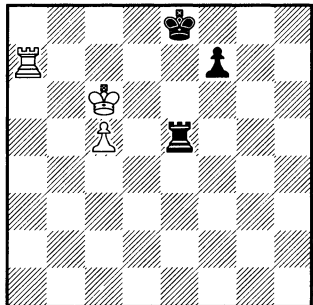
Тот сеанс продолжался непедagogично долго — до половины второго ночи! И в крошечной темноте мы вчетвером вприпрыжку мчались по спящим улицам, твердо зная, что расплата неминуема: сходявшие с ума от страха за пропавших чад родители барражировали по всем закоулкам, где теоретически можно было найти нас живыми или мертвыми...

И все же мы ликовали, каким-то шестым чувством оценив тот вечер как первую долгожданную встречу с настоящими шахматами. Да и за результаты стыдиться не приходилось: товарищи мои

добыли полтора очка, а я продержался в сеансе дольше всех и капитулировал лишь после того, как уставший Нежметдинов попросил стул и совершенно серьезно устроился напротив.

Правда, где-то в душе таилась досада: по моим тогдашним представлениям эндшпиль можно было и не проигрывать.

Маленькое отступление: убежденность в этом я лелеял до весны 1954 года, пока вернувшийся из Бухареста Рашид Гибятович не показал нам свою партию со шведским гроссмейстером **Г. Штальбергом**. Строго говоря, партия была как партия, ничего особенного, обоюдные ошибки... Но эндшпиль!!

То, что у белых лучше, — очевидно. Но очевидно и то, что ничейные тенденции (при пресловутой «правильной игре» сторон) должны все же возобладать. Конечно, при домашнем анализе Нежметдинов видел отсутствие выигрыша при наиболее логичном 43.♘b6 ♞e1! 44.c6 ♞b1+ 45.♘c7 ♘e7 46.♘c8+ ♘e6 47.c7 f5, и черные, отдав ладью за пеш-

ку, в конце концов вынудят к этому же белых.

«Учитывая все это, я решил сделать невзрачный с виду, «средний», как метко сказал после партии С. Фурман, ничем не грозящий ход 43.♞b7! Однако он оказался неожиданным для Штальберга и заставил его надолго задуматься. Допущенная им ошибка говорит о том, что хитрость удалась», — не скрывал истину Нежметдинов. И пояснил, что после 43...♞e6+? (и здесь необходимо 43... ♞e1) 44.♘c7 ♘e7 тактические особенности положения белой ладьи на b7 заключаются в том, что она в нужный момент может быть защищена пешкой с. Например, в случае 44...♞e7+ 45.♘b8 ♞e6 46.♞b6!, после чего белые выигрывают.

Дальше игра шла «a tempo»: 45.c6 f5 (здесь 45...♞e1 уже опаздывает — 46. ♘b8+ ♘e6 47.c7 ♞c1 48.c8♞ ♞:c8+ 49. ♘:c8 f5 50.♞b5 с теоретическим выигрышем) 46.♞b5 ♘f6 (или 46...f4 47.♘b7 f3 48.c7 f2 49.♞f5 ♞f6 50.♞:f6 ♘:f6 51.c8♞ f1♞ 52.♞f8+) 47.♘b7 ♘g5 48.c7 ♞e8 49. ♘c6! (с угрозой 50.♞b8) 49...♞c8 50. ♞b8 ♞:c7+ 51.♘:c7 ♘f4 (успевают белые и в варианте 51...f4 52.♘d6 ♘g4 53.♘e5 f3 54.♞f8 ♘g3 55.♘e4 f2 56.♘e3) 52.♘d6, и черные сдались.»

И старая досада на «случайное поражение» в том, уже далеком сеансе одновременной игры ра-
створилась, как сахар в кипятке: можно ли было спасти даже при-

мерно равное окончание против такого мастера?! Взамен пришло другое чувство — то самое, которое всегда стараются вызвать прирожденные Учителя: надо бы научиться играть так же...

В подобных бесконечных встречах и раскрывался для нас Нежметдинов. Не только как шахматист — как человек. Импульсивный, увлеченный, с абсолютно неистощимой фантазией и воображением. Заговорили при нем, например, о stokлеточных шашках, только-только завоевывавших себе место под спортивным солнцем страны. «Зря мелочатся, — мгновенно отреагировал Рашид, — сделали бы лучше доску 100 на 100, в игре 4 тысячи шашек и контроль два с половиной года на 40 ходов!» Мы умерли от хохота, а он с сонмом чертей в глазах тут же начал импровизировать на тему, как должны называться дебютные схемы этой игры.

Очень часто жил он по принципу «сам придумал — сам поверил». Приехал однажды с какого-то сбора шахматистов России, таинственно пригласил к себе домой, показал нам пару каких-то вариантов и... потребовал клятву, что даже в легких партиях мы их две недели применять не будем. «Скоро матч СССР — Америка, американцы могут узнать!» — обосновал он свое требование, и сколько мы ни доказывали, что легкие партии не записываются, а если бы и

записывались, то дальше блокнота не уйдут, и что только и дел у американских гроссмейстеров, как срочно засылать специально обученных шпионов к казанским перворазрядникам — Рашид стоял насмерть, как спартанец у Фермопилл. Он не шутил, он даже обиделся — и мы уступили и поклялись...

Как о человеке я могу рассказывать о нем бесконечно. О его удивительной эрудиции: читал он запоем, быстро, все подряд, на каждом турнире в первую очередь обходил участников — кто что захватил с собой, и свое мнение имел о каждой книге, о каждом писателе. Стихи знал и любил, Есенина — до самозабвения.

Начисто лишенный голоса, пел его песни тогда, когда и по радио они еще не зазвучали вновь, и сборников есенинских еще не переиздавали. Обожал и знал весь репертуар великих итальянцев Титта Руффо, Энрико Карузо, Маттиа Батистини, однажды в гостях увидел коллекцию старых толстых грампластинок Шаляпина и, напроць отметя все правила «хорошего тона», отправил спать хозяев и слушал, слушал, слушал всю ночь, до 6-ти утра. А однажды буквально потряс нас, воспроизведя более чем фривольную песню казаков атамана Платова, с которой те на измученных, взбодренных шампанским конях входили в Париж солнечными

мартовскими днями 1814 года. «Откуда Вы узнали, Рашид Гибытович?» — пристали мы. Он лукаво улыбался: «Читать надо! И не только «Каштанку»!»

Вообще мозг его не терпел покоя. Скажем, едем в поезде, темновато, трясет — ни почитать, ни шахматы расставить. Так каких только игр он ни придумывал. От традиционных — в слова и города, до самых изощренных. Вовлекал в них всех, сам чаще побеждал, нежели проигрывал, и очень не любил людей нелюбопытных, малоразвитых по причине душевной лени. Как изменилось его отношение — внешне оно оставалось таким же, но ведь мы уже научились фиксировать незаметные постороннему оттенки — к поселившемуся в Казани сильному кандидату в мастера О., когда Рашид выяснил редкую «флюс-видность» того: в подобных ситуациях постоянные беззлобные шутки и розыгрыши, на которые Нежметдинов был щедр и неистощим, обретали известную жесткость.

Словом он владел — виртуозно. Чувствовал язык, его нюансы, краски; говорил всегда так, что заслушаешься. Турниры ли шли, просто ли собирались в клубе, но и мое шахматное поколение, и последующие ежевечерне проводили Рашида до дома и там, уже на подступах к ночи, часами стояли, просто не в силах уйти; и прохожие невольно прислушивались к торопливому страстному

говору молодого — и в сорок, и в юбилейные пятьдесят, и в пятьдесят пять лет — человека. А потом опять — кроссы к собственному жилищу, и объяснения с родителями, которые уже ко всему привыкли и все же почему-то продолжали волноваться.

Могу рассказывать и о том, как проснувшись часов в восемь утра в номере гостиницы — в Чебоксарах ли, Горьком, Ростове, Вологде, Ленинграде — я видел рядом неразобранную постель, пустой чайник, позицию на доске и Рашида, над ней склонившегося. Таким вот отношением к делу он и воспитывал своих учеников. Тренируя юношей Российской Федерации, во время командного чемпионата страны водил их в Эрмитаж, серьезный разговор перемежал шуткой («Видите статую без головы? Это кандидат в мастера Дионисий после партии с гроссмейстером Смысловым!») и приводил ребят в гостиницу предельно усталыми физически, но духовно освеженными. А будучи главным судьей турнира молодых мастеров РСФСР, писал о них в местной сочинской газете и в бюллетене «Шахматисты России» в высшей степени деликатно, уважительно, оправдывая многие ошибки юных коллег, за исключением одной — пассивности в игре. Этого Рашид Гибытович терпеть не мог! Только за влияние на молодежь вполне можно было присваивать ему звание заслуженно-

го тренера СССР: он же получил награду «*gonopis cause*» — и за работу с мужской сборной РСФСР. Восьмым по счету среди шахматистов страны!

И все-таки каким он сам себя ощущал в удивительном мире деревянных фигурок, душевных страстей, игры ума? Об этом зашел однажды разговор профессора Московского университета, доктора филологии Владислава Антоновича Ковалева с Нежметдиновым во время одного из спартаковских первенств в кукольно-чистеньком, утонувшем в дюнах Светлогорске. Менее трех лет оставалось жить Рашиду Гибятовичу, и составленный из ответов его монолог стал как бы последним словом Учителя.

«Я действительно стремлюсь к неожиданному: уже выходя из дебюта, стараюсь найти план, не встречавшийся раньше, а уж он приводит к нестандартной игре, чаще всего — к красивым комбинациям. Поэтому у меня есть неожиданные ходы, развивающие новый план, а есть неожиданные ходы, развивающие атаку, основанную на индивидуальных признаках позиции.

Меня часто оценивают неверно, лучше сказать — однобоко: таким игроком, который всегда безрассудно бросается в гущу осложнений, создает дикие атаки, играет на психологию. А я комбинирую только тогда, когда созрела позиция; я не рассчитываю на то, что противник не раз-

берется. Никогда не делаю умышленно слабых ходов, которые хотя и ведут к необозримым осложнениям, но дают противнику какие-то шансы. Так любит играть Таль. Интуитивных жертв у меня меньше, чем думают. И по стилю мне ближе Бронштейн, считающий до конца, во всяком случае, стремящийся к этому. Конечно, есть позиции, где исчерпывающий расчет за доской невозможен.

Кстати сказать, Бронштейн стал играть лучше, но менее результативно. Тут никакого парадокса нет. Умудренный Бронштейн видит в своих прежних комбинациях тот элемент ненадежности, о существовании которого он раньше и не подозревал. Затевая какую-нибудь комбинацию, он теперь видит все ответы противника, в том числе из множества проигрывающих — один ее опровергающий. Увидев этот вариант, Бронштейн не решается на комбинацию, предпочитает ничью. Этой щепетильностью, что ли, он мне привлекателен. Но вместе с тем, какая бы ни была комбинация, она прекрасна! Комбинация — это лучшее в шахматах. Это то, что волнует, переворачивает душу, создает прекрасное настроение».

Кто-то, наверное, примет этот взгляд Нежметдинова «изнутри», кто-то отклонит. Михаил Таль, например, не согласился: «Я-то знаю, как жертвовал Рашид Гибятович!»

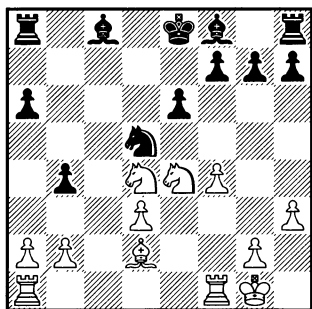
Сицилианская защита В43

Р. Нежметдинов — М. Таль

II Спартакиада народов СССР

Москва 1959

1.e4 c5 2.♘f3 e6 3.d4 cd 4.♗:d4
 а6 5.♗c3 ♖c7 6.♙d3 ♗c6 7.♙e3
 ♗f6 8. 0-0 ♗e5 9.h3 b5 10.f4 ♗c4
 11.♙:c4 ♖:c4 12.♖d3 d5 13.ed
 ♖:d3 14.cd b4 15.♗e4 ♗:d5 16.
 ♙d2.

Здесь произошел один из тех забавных эпизодов, которые — при крайней их редкости — веселят зрителей, смущают судей и... как-то влияют на логику дальнейшей борьбы. Лидер российской сборной в условиях командного турнира отнюдь не считал себя вправе рисковать и, сделав 16-й ход, предложил ничью двукратному чемпиону страны. Таль шевельнул губами, и Нежметдинову, остротой слуха не отличавшемуся, показалось, что мирное предложение принято. Молниеносно рука Рашида Гибаитовича

мелькнула над доской, и он стал перебрасывать фигуры с поля на поле, доказывая равенство в варианте 16...f5 17.♗g5 ♙c5 18.♗f3...

Таль безумно удивился: он ведь и слова не произнес, и о ничьей не думал — интересы команды требовали продолжения битвы, да и свои козыри черные в этой позиции еще не исчерпали... В результате фигуры заняли свои места, сражение возобновилось, а в душе Нежметдинова вспыхнул несколько уязвленный азарт бойца.

16...a5.

Конечно, еще не проигрывает, но все же позволяет белым увеличить перевес в развитии. Черный король пока в центре, и, пожалуй, думать о контратаке на пункт d3 было рановато.

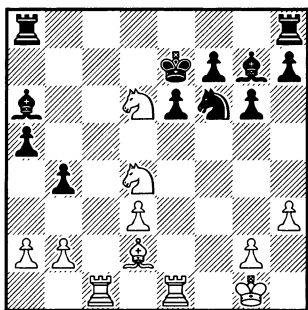
17.♖ac1 ♙a6 18.♖fe1 g6.

При 18...♙:d3? 19.f5 у белых сильнейшая атака, но оказывается, этот прорыв непредотвратим и теперь.

19.f5 ♙g7 20.f6!

Жертвой пешки белые отвлекают черного красавца — коня от защиты поля c7 (20...♙:f6? 21.♗:f6+ ♗:f6 22.♗:e6 fe 23.♖:e6+ ♗f7 24.♖cc6) и лишают соперника подготовленной контригры по большой черной диагонали.

20...♗:f6 21.♗d6+ ♗e7.

22. ♖:f7! ♜:f7 23. ♚c7+ ♜g8
24. ♖e6 ♖e8 25. ♚d7 ♖f6?

Безусловно, угроза 26. ♖:g7 ♖:g7 27. ♖f4 с дальнейшим ♖f4-e5 более чем неприятна, но тем не менее только сейчас белые выигрывают. После беспокоящего 25... ♖b5 26. ♚b7 ♖a6 или 25... ♖c8 26. ♚d8 ♖b7 им пришлось бы примириться с повторением ходов.

26. ♚f1!

Коэффициент штурма в связи с внезапно возникшей матовой сетью настолько возрос, что спасения уже нет. Грозит 27. ♚:f6 ♖:f6 28. ♚g7x, нельзя упускать из-под защиты и поле f8. Единственным способом черные затянули борьбу — 26... ♖g7 27. ♚:f6 ♖:e6 28. ♚:e6 ♖b5 29. ♚c7 h5 30. ♚g6+ ♜f8, но как только миновал контроль времени, под угрозой неизбежного мата сдались.

Сицилианская защита В84

Р. Нежметдинов — М. Таль

29-й чемпионат СССР

Баку 1961

1.e4 c5 2. ♖f3 d6 3.d4 cd
4. ♖:d4 ♖f6 5. ♖c3 e6 6. ♖e2 a6

7.0-0 ♚c7 8.f4 ♖bd7 9.g4 b5
10.a3 ♖b7 11. ♖f3 ♖c5.

Первый определяющий момент в партии. За доской экс-чемпион мира, помнящий все, что где-либо и когда-либо было сыграно, отказался от встретившегося в партии Нежметдинов — Жилин (Сочи 1958) плана с 11... h6!? и на 12. ♚e1 — 12... ♖b6 с богатой контригрой. Возможно, его насторожило имеющееся у белых эластичное 12. ♚e2!?, и если 12... ♖b6, то 13.g5 hg!? 14.fg ♖fd7 (контрудара 14...d5 белым бояться уже не приходится, так как пункт h2 защищен) 15.g6 с острейшей позицией, в которой шансы белых представляются более весомыми. Но ходу в партии стоило предпочесть 11... e5!! (промежуточное 11...h6 слабее, так как после 12. ♚e2 e5 13. ♖f5 g6 у белых появляется дополнительный тактический мотив — 14. ♖:h6! ♖:h6 15.g5 ♖g7 16.gf с перевесом) 12. ♖f5 g6 13. ♖e3 ef 14. ♖ed5 ♖:d5 15. ♖:d5 (15.ed g5) 14... ♖:d5 16. ♚:d5 ♚c8 с равными шансами.

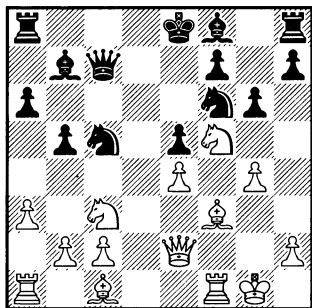
12. ♚e2 e5.

Теперь этот контрудар более рискован. Заслуживало внимания 12... ♖fd7, препятствуя прорыву e4-e5.

13. ♖f5 g6.

И здесь, по-видимому, надежнее указанный впоследствии Б. Спасским переход к защите путем 13...ef 14. ♖:f4 ♖bd7.

14.fe de.

15. ♖h6!

По признанию Таля, ход этот явился для него совершенно неожиданным. Конечно, экс-чемпиона мира не упрекнешь в поклонении догматам типа «Конь на краю доски всегда стоит плохо», но... Помнится Таль однажды признался, что в этот момент решил «наказать» белых за беспримерную дерзость: ведь коня можно считать в положении офсайда...

Сам Нежметдинов так отозвался о прыжке коня: «Трудный ход!»

15... ♙e6 16. ♜g2!

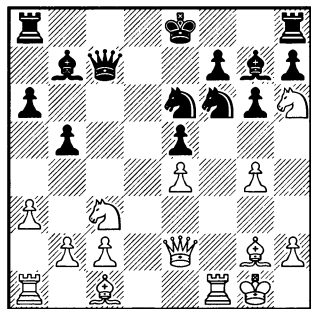
Одновременно оберегая слона от размена и открывая вертикаль «f».

16... ♙g7.

Попытка перекрыть магистраль белой атаки — 16... ♖f4 вела к безнадежной позиции — 17. ♜:f4 ef 18.e5! ♖d7 (или 18... ♙:h6 19.ef+ ♜f8 20.♙e7+, выигрывая фигуру; после же 18... ♖g8? самое простое — 19.♖:g8 ♜:g8 20.♜:f4) 19.e6 ♙:h6 20.ed+ ♜f8 21.♙:b7 ♙:b7 22.♙e5 (неплохо и 22.♜ad1) 22... ♙b6+ 23.♜f2! ♜g8 24.♖d5 с множеством неотразимых угроз;

например, 24... ♙c6 (24... ♙c5 — 25.b4!) 25.♖f6 или сразу 25.g5.

Теперь же, как будто, у черных все в порядке: не достигает цели 17.g5 — 17... ♙:h6 18.gh ♖h5 с вторжением на f4. Однако черный король пока еще в центре, а искать пути к вражескому властелину Нежметдинов всегда умел.

17. ♜:f6! ♙:f6 18. ♖d5 ♙d8.

Упорнее выглядит 18. ♙:d5 19.ed ♖d4 20.♙f2 ♙b6 (20... ♙d6 21.g5) 21.g5 ♖e2+ 22.♜f2 ♙:f2+ 23.♜:f2 ♖:d4 (после 23... ♖:c1 24.gf черный конь ловится «бесплатно» — 24... ♖d3+ 25.cd ♜c8 26.♜e1) 24.gf ♖:c2 25.♜a2, хотя и здесь партию черных вряд ли возможно спасти.

19. ♙f2 ♖f4?

Больше трудностей было бы у белых после предварительного 19... ♙:d5, после чего арифметически четкого выигрыша не видно. Например: 20.ed ♖f4 21.♙:f4 ef 22.♙:f4 ♙b6+ 23.♜h1 0-0-0 (плохо 23... ♜a7 ввиду 24.♜e1+ ♜f8 25.♜e6!), и тут Нежметдинов приводит исключительной силы вариант — 24.c3!! («Поспешай медленно!» — теперь черному

слону становится очень тесно, в то время как прямолинейный обмен ударами 24.♘:f7 ♘:b2 25.♚f1 — если 25.♚b1, то 25...♚hf8 26.♚b2 ♚d7 — 25...♚hf8 26.♚b4 ♘g7 27.♘:d8 ♚:f1+ 28.♘:f1 ♚f2 заставлял уже белых искать вечный шах после 29.♘h3! ♘d4 — или 29...♚f3+ 30.♘g1 ♚:h3 31.♚c5+, и черному королю негде укрыться — 30.g5+) 24...♚hf8 25.g5 ♘e7 26.♘h3+ ♘b7 27.♘:f7 ♘a7! 28.♘a6 с серьезным перевесом, не исключаящим, впрочем, продолжения борьбы.

20. ♘:f4 ef.

И здесь еще не поздно было взять коня на d5.

21.e5! ♘:e5.

Увы, черным приходится вскрывать центральные вертикали, по которым на них же обрушится атака. Не спасали и другие способы защиты. На 21...♘:d5 выигрывало 22.ef! ♘:g2 23.♚e1+, забирая ферзя. При отходах чернопольного слона возникающие варианты, по словам Нежметдинова, «довольно красивы»:

а) 21...♘g5 22.♘f6+ ♘f8 23.♘:b7 ♚b8 (23...♘:h6 24.h4 g5 25.♚c5+ ♘g7 26.♘h5+ ♘g8 27.e6) 24.♘f3! ♘:h6 25.♚d1 ♚e7 26.♚h4! ♘g7 27.♘d7+ ♘e8 28.♚f2 ♚c8 29.♚d4, и у белых неотразимая атака.

б) 21...♘h4 22.♚d4! (с угрозой e5-e6) 22...♚f8 (22...♘:d5 23.♘:d5 ♚f8 24.♘c6+ ♘e7 25.♚c5+ ♘e6 26.♘:a8) 23.♚d1 ♘:d5 24.♘:d5 ♚c8 25.♚a7 ♚c7 26.♚a6 ♚c5+ 27.♘h1 ♚d8 (27...♚c2 28.♘:f7+

♚:f7 29.♚e6+ ♚e7 30.♚g8x) 28.♘:f7+ ♚:f7 29.♚e6+ ♚e7 30.♚:d8+ ♘:d8 31.♘:f7+, и белые должны выиграть.

Конечно, все это за доской Рашид Гибаевич не рассчитывал, да к тому же не все здесь представляется обязательным. Существенно другое: его постоянная тяга и в партии, и в анализе идти по дорогам с «красивым пейзажем».

Верно, красота — это не только жертва самой «толстой» фигуры, она зачастую таится в изысканной простоте, и все же длинные, поистине марафонские атаки Нежметдинова действуют завораживающе...

22. ♚e1 f6.

После 22...♘:d5 23.♚e5+ ♘e6 24.♘c6+ черный король обречен либо в варианте 24...♘f8 25.♘:a8 ♚a8 26.♚d4 ♘g7 27.g5 (сам Нежметдинов указывает на еще более красивое 27.♚f5+! ♘:h6 28.♚h5+! gh 29.♚f6x), либо при аналогичном 24...♘e7 25.♘:a8 ♚a8 26.♚c5+ ♘f6 27.g5 ♘g7 28.♚e6.

23. ♘:f6+! ♚:f6 24. ♚d4!

Картинная позиция. У белых нет ладьи, а у черных — защиты...

24... ♘f8 25. ♚e5 ♚d8.

На 25...♚d8 выигрывало 26.♚e8+! ♘g7 27.♚e7+. И теперь следует форсированный вариант.

26. ♚f5+ gf 27. ♚h8+ ♘e7 28. ♚g7+ ♘e6 29. gf+. Черные сдались.

Кажется, это единственный случай, когда приз за красивей-

шую партию был вручен не Тало, а его сопернику...

Такая игра была для Нежметдинова нормой, а не исключением. Отсюда — множество специальных призов, причем не раз после многолюдных и представительных турниров жюри решало вопрос: не кого отметить, а за какую из красивых партий награждать Рашида. Из огромной его фантазии родились два мастерских значка — по шахматам и по шашкам: такого «дуплета» в мире нет. И — пять золотых медалей чемпиона России (плюс четыре серебряные и одна «бронза»): рекорд этот, в золотой его части

был повторен питерским гроссмейстером Петром Свидлером, входившим в мировую десятку, лишь повека спустя. Конечно, в ряду чемпионов России — целая армия талантливых гроссмейстеров, включая чемпиона мира ФИДЕ-99 Александра Халифмана, и легион мастеров — от самобытных до, увы, обыкновенных: были годы, когда чемпионаты республики никого из именитых не привлекали. Но всех не перечислить, обо всех не рассказать — никакой книги не хватит. К тому же нынешние, молодые — это уже следующий век российских шахмат...

ПЕРВОПРЕСТОЛЬНАЯ

Сто лет назад она, как, впрочем, и Империя, чувствовала себя уверенно. О годах последней Балканской войны — пусть братоубийственной, окрашенной особым состоянием духа, но все-таки войны — напоминала лишь гранитная часовня великого эклектика Шервуда на Ильинке, слава Богу, утихли взрывы да выстрелы таинственных бомбистов-революционеров. С почетом приняли в Париже делегацию, заложившую в честь императора Александра III красивейший мост над Сеной: москвичи в дворцовой свите выглядели достойно. Досадно, конечно, что Первая Всероссийская выставка собралась в Нижнем, но ведь не в Питере: этим волжским что с выставкой, что без нее против Первопрестольной не выстоять. Опять же грандиозная картина «Принцесса Грёза» вроде бы вот-вот вернется в Москву, поскольку она есть собственность господина Морозова...

Словом, ничто не мешало Москве жить спокойно. Стучать ткацкими станками на Трехгорке, гужеваться за Крестьянской заставой, ладить первые линии непривычного еще, но такого удобного электричества. Для «чистой публики» недвижимо хранил свои порядки Английский клуб на Тверской, почти что напротив громады Страстного монастыря, а неподалеку на Большой Дмитровке в доме Востряковых до шести утра приглушенно гудел Ли-

тературно-художественный кружок с ежегодным бюджетом тысяч в 150—200: деньги по тем временам колоссальные. И кто только там ни бывал: актеры Малого, профессура, знаменитости домощенные и приезжие.

Впрочем, бывали и по соседству. В нарядном, отступившем от красной линии особнячке классического стиля с красивой чугунной оградой и двумя воротами. Арендовало его у барона Шеппинга Московское собрание врачей; оно, отнюдь не чуждое прекрасному, на долгие двенадцать лет приютило у себя, щедро делясь огромным залом и анфиладой комнат, Московский шахматный кружок.

«Текущий год в летописях мировой шахматной жизни будет отмечен как наиболее чрезвычайный крупными событиями: матч-турнир чемпионов в Петербурге, матч Стейница с Шифферсом, турниры в Нюрнберге и Будапеште и в заключение борьба за первенство в мире между Стейницем и Ласкером в Москве. При этом на долю русских любителей выпала честь устройства важнейших в этом перечне состязаний».

*(«Московские ведомости»
1 сентября 1896 г.)*

Да уж, со ставшей за век ломкой газетной страницей тут не поспоришь. Собрание шахматных маэстро в столице — во многом ради своего коренного жите-

ля Чигорина, поединок аж в Ростове недавнего шахматного короля со второй российской звездой Шифферсом и — вершина вершин — матч за корону в Москве.

Точнее, матч-реванш. Он был обусловлен еще два года назад, когда 26-летний Эмануил Ласкер, не собравший, однако, первоначальную ставку в 3000 долларов, вызвал на поединок и обошелся с 58-летним Вильгельмом Стейницем — шахматным старцем и по нынешним временам — как Бог с черепахой. И хотя по содержанию игры победа молодости не была ни блистательной, ни даже яркой, и к тому же был Ласкером взят лишь третий приз в грандиозном Гастингском турнире год спустя («Чемпион мира, — иронизировали газеты — доказал, что он тоже очень сильный игрок»), но в исходе матча-реванша никто не сомневался и потому денег на его проведение не предлагал.

Будем, однако, реалистами: при той ситуации в шахматном мире рано или поздно матч был бы куда-нибудь приглашен, и маэстро, сегодняшней политикой и амбициями не зараженные, в это самое «куда-нибудь» спокойно бы поехали. Только зачем, если свое слово сказала Москва? Впервые в практике даже взяла на себя путевые расходы Стейница из Нью-Йорка и Ласкера из Лондона (оба они, к слову, числились германцами), пообещала

победителю 2000 рублей и побежденному — 1000. А также — само собой — полное гостеприимство с открытым счетом на все время поединка, хоть бы он длился год (на деле маэстро управились за 9 недель, холодных для Ласкера и приятных для Стейница, который по модной тогда теории жил и старался жить только в прохладе и в московскую зиму иначе как с открытым окном спать не мог). Забегая вперед, играли они в принятое тогда «приличным обществом» время — с семи вечера до двух ночи. И зал ни в один тур пустым не был, особенно когда дорогую входную двухрублевую плату понизили на полтинник...

Как бы то ни было, худо-бедно тысяч десять-двенадцать золотом либо ассигнациями на матч требовалось. Конечно, состояли в Московском шахматном кружке люди небедные — и профессор математики Бугаев, и граф Сергей Толстой (сын Лёвы Николаевича), и редактор журнала «Шахматное обозрение» Бобров, но все же, все же... Проблемы исчезли, когда в игру вступил меценат из меценатов Михаил Николаевич Бостанжогло. Любитель шахмат, театра, искусства вообще, табачный фабрикант-миллионер, он был человеком необычным. В историю упомянутого выше Литературно-художественного кружка, удивить который практически никому не удавалось, он вошел

еще и тем, что за «золотым» карточным столом пошел ва-банк против одиннадцать раз подряд выигравшего князя Сумбатова-Южина, великого артиста Императорского Малого театра, и поставил при этом на кон ни много ни мало, как сто тысяч! У любого другого такой чек бы не приняли, но Бостанжогло...

Вот потому-то праздником стал для московских поклонников древней игры миг, когда...

«Вечером того же дня Ласкер и Стейниц были в Шахматном кружке, где собрались московские любители приветствовать прибывших маэстро. У обоих хороший вид: Стейниц прибыл, окончив курс лечения в Баварии, а Ласкер — после отдыха по окончании Нюрнбергского турнира; можно думать, что оба игрока приступят к матчу с полными силами и дадут, как результат своей борьбы за обладание мировой шахматной короной, ряд глубоко продуманных интересных партий. Заметим здесь, между прочим, что Московский кружок, организовавший матч, предоставил желающим печатать партии матча, и этого решения нельзя не приветствовать как прекрасные новости; до сих пор у нас и за границей партии подобных состязаний являлись собственностью организаторов, которые уже и представляли на них монополию какому-либо одному

органу, что, конечно, не было большим удобством для желающих следить за партиями».

(«Московские ведомости»,
1 ноября 1896 г.)

Потом был освещенный электричеством большой зал на втором этаже (про то, что это «лампочки Ильича», никто еще не догадывался, но домов с таким светом в Москве можно было по загнутым пальцам считать), игра «в одни ворота», переносы партий по нездоровью участников (на честное слово, без врачебных справок), теплая, отнюдь не нынешняя атмосфера поединка. Без курьеза дело также не обошлось: некий житель Моршанска искренне возмущился в письме, как смеют эти господа спорить за первенство в мире, когда он, Н. Шумов, за десять лет не проиграл ни одной партии! Правда, в конце послания г-н Шумов несколько успокоился и согласился сразиться с победителем: пусть только вышлют ему условия матча.

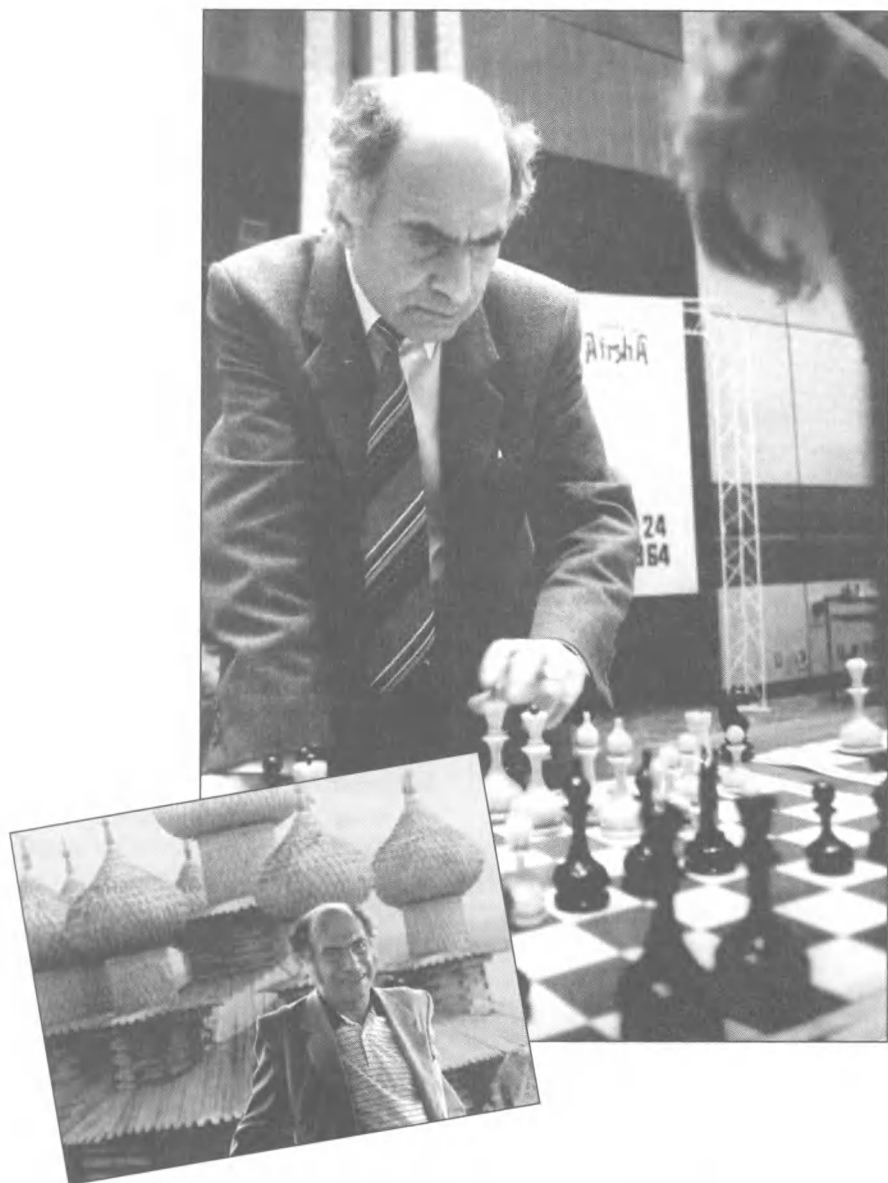
Но вот на него гостеприимство Москвы распространено не было...

...У истории есть свои особенности. Одна из них состоит в том, что любое событие влечет за собой череду последующих, и они часто служат пробным камнем нашей духовности, мудрости, цивилизованности наконец. Сегодня в доме на Большой Дмитровке обосновался один из филиалов вроде бы модного и

вполне благополучного банка. По случаю столетия матча за шахматную корону в Москве президенту этого уважаемого учреждения отправлен был факс с предложением отметить здание мемориальной доской стоимостью в один ланч для членов правления — и то не в самом

дорогом столичном ресторане. Далее все шло по Пушкину: «Долго ждал он у моря ответа. Не дождался...»

А ведь и вправду интересно: чего именно не хватило господину банкиру: духовности, мудрости, цивилизованности? Или просто — не Бостанжогло?

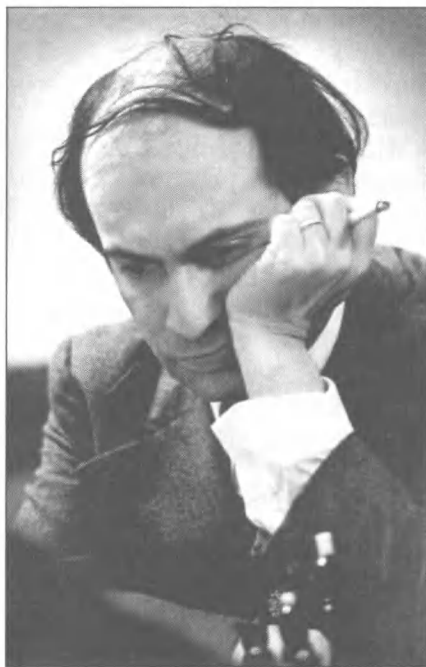
ПРЕДТЕЧИ

(продолжение)

Последний из могикан

Довольно давно уже никому не приходит в голову делить сильных шахматистов на игроков позиционных и комбинационных. Сегодняшние шахматы — универсальны, взвешены, сбалансированы, и любой гроссмейстер экстра-класса владеет всей палитрой красок, составляющих подлинное произведение шахматного искусства. Другое дело, что к такой гармонии древняя игра шла не одно столетие. Вроде бы совсем уже изжил себя период романтизма, гусарских атак, комбинаций во имя самой комбинации, но вдруг, отодвинув в тень воцарившиеся классические шахматы Ласкера, Капабланки и Ботвинника, древний мятежный дух вновь ворвался в шахматный мир и очаровал всех, открыв хорошо забытое старое. Сделал это 8-й по счету Король в шахматной истории.

Бесконечная череда чемпионов и рекордов в людском сознании неравнозначна. Мы считаем сильнейшим человеком Земли штангиста-супертяжеловеса и на задворки своего внимания отодвигаем удивительные по отношению к собственному весу килограммы, поднятые «мухачом». Среди ночи назовем быстрейшего в мире спринтера и долго будем вспоминать фантастические секунды на дистанции всего лишь раза в четыре

длиннее. Прыжок в высоту для нас — это победа над земным притяжением, а вот тройной — дело, конечно, заметное и почетное, но...

В этой схеме, полной условностей и несправедливостей, однако абсолютно реальной и живой, шахматы стоят наособицу. Их короли — тоже. Наверное, потому, что сильнейшие в мудрой игре подсознательно — и априори — признаются если не самыми умными в мире, то среди них, умнейших. К тому же попробуйте сопоставить академика медицины с академиком химии:

непременно возникнет детский вопрос о сравнительной силе кита и слона. Кто кого соберет? Дай ответ! Не дает ответа. В шахматах же все формализовано: у кого на пол-очка больше, тот и умнее.

По всему по этому более известного на свете спортивного титула, нежели Король шахмат, пожалуй, нет. К тому же пере- считать чемпионов мира за всю цивилизованную историю шахмат можно почти что по пальцам рук. Были они — и есть — очень земными. В той или иной степени — детьми своего времени, щедрыми и скупыми, добрыми и не очень, порой интриганами, всегда или почти всегда — исполненными внутреннего высокомерия, рожденного, впрочем, всеобщим поклонением шахматного и нешахматного миров. И только один из пятнадцати являл собою нечто совершенно необычное. Только один играючи перенес испытание славой (когда его аттестовали — «живой гений», он отшучивался — «полуживой»), деньгами (они интересовали его в пределах сегодняшнего, ну в крайнем случае завтрашнего ужина — хватит, и слава Богу; когда же ЦК КП, Президиум Верховного Совета депутатов трудящихся и Совет Министров ныне абсолютно суверенной республики подарили ему на благословенном Рижском взморье дачу стоимостью в миллион

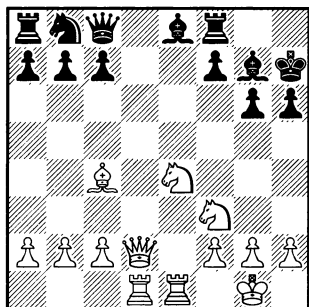
(!) советских рублей с копейками, а затем отобрали подарок, он и ухом не повел, в то время как иные его коллеги по шахматному трону душой бы тронулись после такой потери), властью (ее, правда, у него никогда и не было, потому как меньше кого бы то ни было он стремился командовать хоть кем-то, за исключением разве что своей жены).

После всего сказанного невозможно не догадаться, что речь идет о Михаиле Тале. Конечно, и до этого волшебный мир Игры знал блистательных мастеров комбинаций, жертвенных атак, красивых тактических ударов, но... «Время, которого у нас нет, дороже фигур, которые у нас есть», — только Таль сформулировал как афоризм эту доминанту современных шахмат, только Таль возвел эту глобальную идею в Принцип, и только он, Михаил Таль, собственной неисчерпаемой практикой подтвердил жизнеспособность и продуктивность этой динамики, дополнившей некую статику догматических, так называемых классических шахмат.

Вот потому-то одним махом взлетевший на шахматный трон, самый молодой по тем временам чемпион мира был провозглашен устами гроссмейстеров, мастеров и миллионами любителей шахмат гением. Помнится, никто, кроме патриарха советских шахмат Михаила Ботвинни-

ка, против такой оценки не возражал...

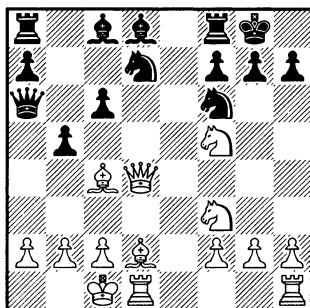
Играл он феерически. И почему-то сильнейшие из сильнейших «позволяли» ему проводить свои стремительные, взрывные, наподобие фехтовальных эскапад, истинно талевские атаки.

19. ♖eg5+ hg 20. ♖:g5+ ♔g8
21. ♗f4 ♕d7 22. ♖:d7 ♕:d7 23.
♕:f7+. Черные сдались.

Так был повержен непробиваемый, не более одной партии в год проигрывавший «железный» Тигран Петросян, и на этом же командном чемпионате СССР 1974 года позади Талья на первой доске остались еще два экс-чемпиона мира — Смыслов и Спаский, а также Бронштейн, Геллер... Каково созвездие, а?.. К слову, именно результат Талья позволил его команде «Даугава», слабойшей в квалификационном отношении, выступить достойно, и за бортом высшей лиги остался «Локомотив», ведомый Б. Спасским, Л. Полугаевским, другими «гроссами». И сколько бы раз ни играл Таль за сборную

СССР на Всемирных Олимпиадах, всегда блистал, всегда словно бы электризовал товарищей искрометностью и неудержимым напором. 12 из 13-ти на Олимпиаде-66 в Гаване! 14 из 16-ти — на трудно складывавшейся Олимпиаде-72 в Скопле! 11 из 15-ти на первой доске в Лейпциге-60 и 13,5 из 15-ти в Мюнхене-58!!! Другое дело, сколько раз он, за себя постоять не умевший, оставался в нашей команде «седьмым лишним»...

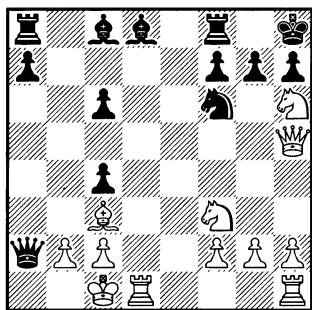

А вот здесь в партии против очень грозного в те годы **Смыслова** Таль на турнире претендентов-1959, будучи еще гроссмейстером без году неделя, но находясь на своем немыслимом взлете, и не подумал увести из-под удара атакованную фигуру. За что жертва? Помните, «время, которого у нас нет...»

14. ♗h4! bc 15. ♗g5 ♕h5:

В надежде вернуть лишний материал, упрощениями снизить натиск и самому перейти в контратаку.

16. ♕h6+ ♔h8 17. ♗:h5 ♗:a2
18. ♕c3 ♕f6.

19. ♖:f7!!

Так со вчерашним чемпионом мира не играл еще никто! «Не красоты ради, а быстроты для», — прокомментировал это позднее сам Таль. Угроза классического спертого мата, редкая даже в менее значимых соревнованиях, вынудила черных расстаться с качеством — 19... ♖a1+ 20. ♕d2 ♖:f7 21. ♖f7+ ♕g8 22. ♖:a1, и через четыре хода черные сдались.

Дальше — больше, и собрал Таль за свою жизнь, не столь уж долгую, около полусотни призов за красоту — рекорд, который вряд ли когда-нибудь будет улучшен...

С 1993-го его нет с нами. Нет в прямом, материалистическом смысле слова, но есть и всегда будет — в духовном. Знаю тех, кому он снится. Знаю куда большее количество людей, вспоминающих о встрече с ним: радугой расцветали комнаты, в которых появлялся Таль. В его речи причудливым узором сплетались мудрость, остроумие и обыденность: словно творца библейских

притчей перенесли в день сегодняшний и предложили выступить на эстраде.

Надо было слышать, к примеру, рассказ Талья о том, как он, уже немолодой и совсем не слишком здоровый (таковым он никогда, впрочем, не числился), взял и выиграл первый в мире неофициальный чемпионат по блицу, оставив позади и Гарри Каспарова, и Анатолия Карпова, и всех зарубежных гроссмейстеров, порой ему в сыновья годившихся. Но как передать неповторимую его интонацию, неповторимую талевскую улыбку на бумаге? И на сцене концертной студии «Останкино» (существовала некогда такая телевизионная встреча с очень интересными людьми) он был неподражаем, когда в лицах изображал сомнения канадской банковской служащей: надо ли вручать чек в 50 тысяч долларов ему, а гроссмейстеру Ваганяну — в 20, и не хватит ли с них соответственно долларов пятьсот и двести. И как затем, доставленные в Москву, эти призы нашли своего «истинного владельца» — Госкомспорт СССР...

А когда в ломящемся от публики зале Центрального шахматного клуба Талью вдруг был брошен вопрос: «Вы морфинист?» — то ответной мгновенной реакции позавидовали бы все первые ракетки мира, вместе взятые. «Нет, я чигоринец», — выпалил Таль, и шахматная аудитория с востор-

гом встретила ответ, в полной мере оценив нюансы, основанные на именах великих Морфи и Чигорина. Хотя, если отвлечься от шахмат, то чисто физические страдания от 12 (!) хирургических операций и бесконечных приступов вполне могли бы сделать человека и наркоманом, и алкоголиком, и вообще кем хотите.

Да, второй компонент из этой триады Таль любил. В хорошей компании, обязательно за хорошим, блещущим остроумием разговором. Сейчас-то я понимаю: скучновато ему порой становилось в мире — точнее, на одной шестой земного шара, где, так или эдак, со скидкой на его вольность и богемность, он, личность заметная и просто Личность, все время обитал «под колпаком». Сколько вытерпел он, гений шахмат, когда годами его не выпускали сыграть за рубежом, когда однажды утром просто сняли с трапа самолета! А как же: столько времени живет «невенчанный», значит, и заложницей такую женщину считать нельзя? То, что потом они уже с печатями в паспортах пройдут вместе по жизни 22 года, советская власть со своей «моралью» предвидеть не смогла. Подобное обращение с человеческим достоинством в СССР коробило многих.

Из песни слова не выкинешь: не один, не два и не десять наших шахматистов навсегда покинули родные места. Легально, с оформлением всех положенных

эмиграционных документов или с нарушением 64-й (мистика какая-то, и здесь чисто шахматное число!) статьи Уголовного Кодекса РСФСР, которая среди прочего грозила приличным сроком и даже высшей мерой наказания так называемым «невозвращенцам» из зарубежных командировок. О некоторых в наших газетах появлялись уничтожительные статьи и письма в редакцию — это когда умолчать было невозможно. О других шахматные болельщики узнавали много позже, получив какой-нибудь зарубежный журнал и найдя там знакомую фамилию среди участников чемпионата той или иной страны. Как правило, фамилии возглавляли таблицу; бывшие советские гроссмейстеры (если уезжали мастера, то долго они за рубежом в этом звании не засиживались) становились чемпионами Франции и Соединенных Штатов, Израиля и Швейцарии, Голландии, Швеции, Канады, Австралии, даже — парадокс — дружественных нам Болгарии и Польши.

Вот потому-то как нечто обыденное принято было известие, что число наших «бывших» пополняет и еще один экс-чемпион мира: вслед за Спасским — Михаил Таль. И новость эта (прежде чем стать слухом) отпечаталась черным по белому на страницах одной молодой по возрасту, но весьма популярной газеты, название которой в полном соот-

ветствии с правилами старой русской орфографии заканчивается на букву «ъ»).

Вообще-то надо сказать, что Талю всю жизнь сопутствовали легенды. Одну из них мы, изрядно поспорив между собой, все же разоблачили в книге «В огонь атаки» (строго говоря, авторы дружно называли ее чуть иначе — «На алтарь атаки», но в то время слова из «церковного» лексикона поднимали у цензоров и издателей шерсть дыбом, и название нам «зарезали»). Так вот и канул в лету многократно расписанный в сотнях статей и в манускриптах миф о том, что мальчишка Таль с шахматной доской под мышкой пришел в санаторий к отдыхавшему там Михаилу Ботвиннику, только что ставшему шахматным королем мира, и что только неведомая женщина, не пустившая Мишу-младшего дальше крыльца, помешала тогда их первой матчевой встрече.

Было и такое: с траурными рамками вышли многие, самые серьезные югославские газеты. Таля боготворили в этой стране, где он одержал не одну из своих ослепительных побед, где его фамилия становилась именем новорожденных, и некрологи поэтому содержали слова, идущие от души. Тут даже остроумнейший Таль онемел от изумления, но очень быстро пришел в себя и повторил бессмертное высказывание классика — «Слухи о моей смерти сильно преувеличены».

И вот — Таль эмигрирует в Израиль? Ему предложена должность главного тренера национальной сборной (это Талю-то, просто не способному хоть на минуту стать даже президентом), и он согласился.

Ему, мол, приготовлена роскошная квартира, и он согласен, а сам и в своей рижской, неохватной, довольствовался всю жизнь диваном, горой книг под боком — иногда по 3-4 за ночь! — и что-то бурчащим в изголовье телевизором. И еще обещали ему золотые Голанские высоты и Средиземное море, полное вина...

Откуда взял тогда все это спортивный обозреватель газеты, из какого пальца высосал — я не знаю. Правдой было лишь то, что во время командного чемпионата Европы в Израиле Таль, как и другие экс-чемпионы мира, был приглашен организаторами в качестве почетного гостя, и надо быть, наверное, уж очень дремучим человеком, чтобы отказаться от предложенной двухдневной экскурсии по колыбели европейской цивилизации. А на день третий или пятый у Таля заболел зуб, и когда в стоматологическом кабинете отлично оборудованного госпиталя врач увидел его так называемые зубы (Талю всегда было в высшей степени наплевать на собственное здоровье), то... Словом, через неделю Таль блистал голливудским оскалом слегка тонированных, «под на-

стоящие», зубов, полученных в подарок от врача ли, от организаторов ли чемпионата Европы — не знаю, не спрашивал...

И тут же, как совсем достоверная, пошла по шахматному и нешахматному народу другая молва: Таль эмигрирует в Германию, где его ждет все то же самое, только вот вином налито не Средиземное море, а Рейн на всем его протяжении...

И снова засыпали Талья вопросами, и в международном аэропорту Шереметьево слышал он из уст таможенника: «Что, в последний раз летите?» А все потому, что никто не знал, как в очередную, очень болезненную для него «невыходную» годину Таль на мое отчаянное предложение — «Миха, а не свалить ли тебе отсюда к ... матери!?» ответил так, что холодом пробежало по спине: «В Риге у меня слишком большое кладбище». Патриоты, ныне клянущиеся в своей любви к России, — вы способны на такое? Не на митинге — тет-а-тет?..

Но при всех допускаемых им излишествах — абсолютная мощь ума и фантастическая, не дававшая сбоев трезвость памяти. Вот, например, типичное. Сiju пишу. Помню, что в одной из партий свердловского турнира военных лет Рагозин сыграл ♗c1-h6, ставя слона под удар пешки g7 и разрушая прикрытие черного короля. Кроме этого не помню ничего: ни имени сопер-

ника, ни номера хода, ни точного положения фигур на ферзевом фланге.

В общем-то, ничего страшного. Существует библиотека, а в ней — бюллетени того давнего турнира и журнал «Теоретический бюллетень», где я эту партию и видел. Но... На Гоголевский бульвар ехать полчаса, а телефон — под рукой, и — редкий случай — Таль сейчас в Риге.

Автоматика срабатывает безотказно.

— Миша, помнишь, в Свердловске, в 42-м, Рагозин двинул слона на h6 под бой пешки g7...

— А-а, с Болеславским. Ходы нужны? Записывай...

И Таль с быстротой, сопоставимой лишь со скоростью света, выпаливает мне ходы до того самого 15. ♗h6, так, как будто перед ним лежит печатный текст этой партии или как будто все свои 30 лет в Больших шахматах он только тем и занимался, что ежедневно, словно молитву, повторял по утрам девятнадцатиходовую миниатюру Рагозин — Болеславский...

Такое случалось не раз, не два и не десять. Потом я поменял квартиру, телефон в ней оказался неподключенным к междугородней автоматике, и на какие-то месяцы эксплуатация талевской памяти прекратилась. А потом... Потом я с удивлением заметил, что Таль словно бы старается забыть какую-то часть того, что

всю жизнь запоминал. Конечно, он по-прежнему мог ответить на любой вопрос, но при этом не чувствовалось того мгновенного возбуждения, которое пронизывало его мозг при возникновении новой задачи...

Разгадка нашлась тогда, когда по какой-то причине я взял в руки учебник Ласкера и натолкнулся на высказывание человека, которого весь мир считал мыслителем. Он писал: «Большую часть жизни я потратил на то, чтобы выбросить из головы массу усвоенного в юности». Так может быть, и Таль чисто интуитивно — или осознанно? — сделал нечто подобное? Не это ли позволило ему стать в «новых шахматах» «новым Талем», о котором Михаил Ботвинник сказал однажды: «Таль оказался способным к самопрограммированию»?

Впрочем, все это служит лишь ним доказательством «теоремы» о непостижимости Таля...

Таль ушел. Безвременно. Может, в иной мир, может, в лучший. Подло и глупо было бы винить рижских врачей, многократно Таля спасавших, что на сей раз, при очередной операции, ему занесли стафилококк, проникший и в печень, и в единственную оставшуюся почку, но не посмеавший тронуть его могучий мозг и сердце. Несколько лет доигрывал Таль эту безнадежную уже партию своей жизни. Смертельно больным, на инва-

лидной коляске, сыграл еще в последние свои месяцы в Испании. Взял третий приз — сейф (это ему-то, бессребренику!) в блиц-турнире на сцене любимого Домжура в Москве и выиграл к тому же у чемпиона мира, находящегося в расцвете сил. И за несколько дней до финиша мы еще дописывали с ним последнюю совместную книгу. Она сразу же вышла в Англии, но вот на русском, для своих, — относительно недавно.

А теперь — послесловие, которого лучше бы не было. В 1995-м, когда усилиями Гарри Каспарова в Риге прошел этап Кубка Профессиональной шахматной ассоциации — мемориал Таля, тогдашний Президент Латвийской Республики г-н Гунтис Улманис сказал мне в микрофон, и его слова на волнах «Маяка» разнеслись далеко по свету: «Таль — это личность, это величина и в какой-то степени символ Латвии. И я могу только сожалеть, что Таль не дожил до тех времен, когда Латвия стала суверенным государством... Я думаю, история Латвии отведет Талю место очень и очень значительное...»

Я тоже верю в это. Только, наоборот, для этого надо суверенной Латвии стать иным, человеческим государством. Потому что исчезла с лица земли квартира Таля, обещанная шахматистам как его музей. С дома № 34 по бывшей улице Горького ис-

чезла мемориальная доска: воры ли польстились на килограмм цветного металла, власти ли передумали — Бог знает. Возле альма-матер, Рижского университета так и не встал уже изготовленный бюст самого знаменитого его выпускника, а на кладбище до последних дней не было памятника, пусть самого простого и самого дешевого. Зато 8 июля 1996 года в паспорте жены Таля Энгелины Николаевны твердая рука латвийского чиновника перечеркнула штамп с так называемым персональным кодом, или, попросту говоря, видом на жительство. И на могилу мужа теперь ей можно приезжать, каждый раз испрашивая визу и ожидая ответа, в том числе и весьма вероятного отказного, месяца по полтора.

Но вдруг так и надо поступать с какими-то родными какого-то «символа Латвии»? В чем-то ведь должна она выражаться, Свобода...

P.S. Впрочем, иногда слова тоже обретают силу. И всего-навсего через дюжину лет после всего сказанного доска на доме, где жил Таль, вновь появилась. Теперь уже с надписью только на государственном латышском языке, но это уже не столь важно...

P.P.S. Москвичи поначалу отнеслись к Талю лучше. Сразу же после его кончины Ратко Кнежевич, югославский фотожурналист и бизнесмен, давным-давно жи-

вущий в российской столице, на свои средства организовал блиц-турнир в память друга, и самые именитые гроссмейстеры мира прямо-таки рванулись в Москву, отказываясь от призов и компенсации за авиабилеты. Он же привез к нам отданные семьей награды великого шахматиста, полученные на десятках соревнований, его портреты кисти известных мастеров, медали, кубки. И на шестом этаже гостиницы «Минск» на Тверской в шахматном клубе «Гусар из Риги» (так при жизни часто называли Таль) возник его музей. А потом...

Потом чье-то стремление к чистогану накрыло своей тенью посмертный дом гения, и музей исчез, поскольку вытеснен был с завидного куска московской земли и клуб его имени.

Кто-то от этого стал богаче. Человечество — и это не громкое слово — обеднело.

И все же «рукописи не горят». Эстафету подхватил Президент Калмыкии и ФИДЕ Кирсан Илюмжинов, и в Сити-Чесс, сохранились, пусть и в резко сокращенном виде, свидетельства талевских побед. Жалко только, что видят их относительно немногие шахматисты...

* * *

Еще несколько «кусочков мозаики» к портрету этого Человека.

Московское издательство собиралось выпустить комплект из

16 открыток двойного формата, посвященных лучшим советским шахматистам. На каждой — перечень официальных успехов, наград, титулов, фрагмент одной из партий — своеобразная визитная карточка гроссмейстера и — очень короткое эссе. О Тале оно начиналось так:

«На такое во всем мире способен, без сомнения, только Таль: когда его однажды спросили о любимых своих партиях, он назвал три поединка. Причем первые два — блестяще выиграл, а третий... проиграл, «дав» к тому же сопернику приз за красивейшую партию турнира.

— Ну и что?! — ответил Таль на недоумение слушателя. — Я участвовал в создании красивой атаки, и она, хотя и обрушилась на меня, доставила удовольствие...

Таков Таль».

Можно добавить, что это была вышеприведенная встреча со старейшим участником чемпионата СССР 1961 года, таким же рыцарем комбинаций и парадоксов Рашидом Нежметдиновым, и что после партии состоялся диалог... Впрочем, слово Талю:

«Возвращаясь в гостиницу вместе с Полугаевским, я предложил ему пари, что ни одной ничьей у меня больше не будет. Играть осталось шесть партий, и Лева удивился:

— Как ничьих не будет?

— А вот так!!

— Ты что, собираешься все проигрывать?

— Нет!

Пари я выиграл, так как баланс на финише оказался $+5-1=0!$ »

Что ж, истинная красота действует на истинных ее ценителей.

* * *

И здесь парадокс: экс-чемпион мира, шестикратный чемпион СССР, победитель восьми Всемирных Олимпиад (трижды — абсолютно лучшие результаты!), шести первенств Европы и крупнейших международных турниров ревниво относится к счету в... сеансах одновременной игры.

Да-да, в сеансах, которых дал, наверное, не одну тысячу. Понятно: можно гордиться разгромом, учиненным по радио сборной команде Австралии. Но досадовать из-за упущенной победы в какой-нибудь партии какого-нибудь сеанса?! Причем досадовать достаточно серьезно?! Ох, как влетело мне однажды, когда в альтернативном сеансе мы проиграли одну партию из тридцати. Проиграл-то ее, конечно, я, не поняв коварного замысла гроссмейстера и потеряв темп на «нормальный», позиционно обоснованный ход. Весь вечер и часть ночи (спать Таль ложился совсем по Корнею Ивановичу Чуковскому — «от двух до пяти») он, мило улыбаясь, возвращался к содеянному — и прощения мне не было...

Безусловно, в сеансах Таль — джентльмен из джентльменов. Всегда разрешит партнеру пропустить ход и подумать, всегда сам предложит даме ничью (даже если той меньше двенадцати лет), всегда поздравит соперника с успехом (ничья — тоже успех!) и найдет добрые

слова для оценки его игры. Но... Сколько раз он с таким удовольствием говорил о счете типа 24,5 : 0,5, что все эмоции гроссмейстера при этом лежали, как на ладони. Удивительно, но факт...

* * *

Кстати, и за доской в серьезных встречах он совсем не был так уж спокоен, как это иногда казалось со стороны. И если допускал ошибку, то начинал ругать себя, что называется, последними словами. Знал, что очень часто такое «отвлечение» от дела сказывается губительно, и все-таки продолжал...

* * *

Или такая история. Еду году в 80-м по окраине Риги и вижу множество людей с книгами в руках. Официального книгообмена тогда еще не существовало, и я вышел из машины: интересно, кого на кого меняют.

На руках — «полный джентльменский набор»: Юлиан Семенов, Валентин Пикуль, братья Вайнеры, Дюма-отец... И — «В огонь атаки», наша с Талем книга о нем.

— На что меняете?

Хозяин мнется и с ответом не торопится. Все ясно.

— Сколько?

— Пятнадцать.

Удовольствие я получил несказанное: тут же позвонил Талю, спросил:

Накануне несостоявшегося матча: с Робертом Фишером: кроме тренера — гроссмейстера Семёна Фрумана Анатолию Карпову советуют Тигран Петросян и Михаил Таль

— Миша, знаешь свою цену? А мою? Так вот, по семь рублей с полтиной на нос!..

Реакция была мгновенной.

— Надо скорее умирать, прижизненные издания всегда дорожают!

* * *

Таль лежит на диване, ноги согнуты в коленях, одна заброшена на другую (при этом идея снять отлично выглаженные брюки и укрыться пледом даже не приходит ему в голову), страницы переворачиваются одна за одной, окурки не помещаются в литой чугунной пепельнице. Попутно переведен английский текст (а «в

запасе» еще свободное владение немецким, сербским — даже по югославскому телевидению выступал, латышским, естественно, и не столь свободное — испанским, голландским...), заданный моей дочери на дом и... «Доброе дело никогда не остается безнаказанным» — в подтверждение этого афоризма двенадцатилетняя Танька, наследственно ненавидящая алгебру, продолжает приставать:

— Дядя Миш... А тут как?..

Задача решена, за ней другая. И вдруг Таль переходит в контратаку.

— Котятин (им же придуманный — и прижившийся! — «псев-

доним» Татьяны), ну-ка назови два трехзначных числа.

Книга откладывается, и весь вечер измученный ребенок «выдает» нечто вроде 673 и 497, а Таль неумоимо и с азартом их перемножает. В уме! Несколько раз я на бумаге контролирую его — все верно. Тайком включаю секундомер: на первые умножения Талью требовалось секунд по 40, через час-другой — секунд 20. Много? Для циркового трюка — пожалуй, да, а вот для человека с чисто гуманитарным образованием и складом души... Впрочем, попробуйте сами...

* * *

Абсолютный музыкальный слух, абсолютная память, но... Шахматная моя библиотека не раз несла серьезный урон, когда Таль находился в Москве. Типовым уже был вариант: часов в одиннадцать утра раздается телефонный звонок и мужской голос вежливо спрашивает:

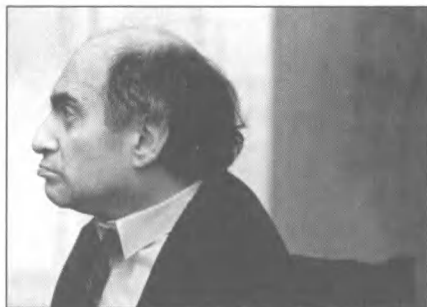
— У вас находится Михаил Таль?

— Да.

— А у меня находится... его паспорт. Вчера вечером я нашел его в телефонной будке, сегодня позвонил в шахматную федерацию и мне сказали, где искать Талья.

— Большое спасибо, куда можно приехать за паспортом?

Собеседник назначает randevu и, помявшись, произносит стереотипное:

— А Михаил Нехемьевич не мог бы подарить мне книжку с автографом?

— Конечно, конечно!

И мы лезем на полки, и Таль пишет какие-то теплые слова, а я ругаю его на чем свет стоит. Разумеется, не за книжку. Но как можно держать паспорт, а то и заграничный, в боковом кармане пиджака или в брюках? И зачем в поисках двухкопеечной монеты обязательно выгребать все на полочку в кабинке телефона-автомата?

Таль улыбается, соглашается, а я замолкаю, ощущая себя одним из героев известной басни Крылова про кота Ваську. Ну кому же охота чувствовать себя таким беспробудным... поваром?!

* * *

Вот таков Таль в самые обычные, отнюдь не звездные минуты своей жизни. Конечно, таких мгновений было много, и Таль в них еще более разный: невыносимый и ласковый, веселый и угнетенный, всегда добрый, всегда обаятельный. Словом, всем нам

знакомый непостижимый Михаил Таль.

Пусть же рассказ о последнем из рыцарей романтического Века шахмат завершат строки, написать которые на всем свете мог только он:

«Когда ты садишься играть свою первую в жизни шахматную партию, думаешь ли ты, надеешься ли ты, что тебе когда-нибудь предстоит играть матч на первенство мира. Наверное, нет. Наверное, нет, потому что матч на первенство мира достаточно редкое явление, и просто физически в нем не может участвовать слишком много любителей шахмат: гроссмейстеры — они ведь тоже любители...

Итак, первая в жизни партия. Играя ее, человек еще не знает, что уподобился в эти минуты тому, кто принял в себя порцию микробов гонконгского, английского, азиатского гриппа. Он еще чувствует себя здоровым, но микробы уже делают свое дело.

Нечто подобное происходит и в шахматах. Ты садишься иг-

рать, тебе только что показали, что конь ходит буквой «Г» (может быть, ты еще не знаешь грамоту, но эту букву уже освоил), слон ходит вкось, тура — именно тура! — ходит прямо, а королева — опять-таки не ферзь, а королева! — любит свой цвет. Эту первую партию ты проигрываешь, если конечно папа, старший брат или просто старший знакомый не захотят сделать тебе нечто приятное. Потом ты играешь вторую партию, третью... А потом, совершенно незаметно для себя начинаешь чувствовать, что без шахмат тебе чего-то не достает. Можешь радоваться: ты оказался в числе людей, у которых нет врожденного иммунитета к шахматной лихорадке...

Так начинают все. А потом — все та же дорога, у одного более гладкая, у другого — менее. Но когда ты садишься играть матч на первенство мира, ты иногда вспоминаешь ту первую партию...»

СТОЛБОВОЙ ДОРОГОЙ ИГРЫ

Наш расширенный Век уже не раз являл всем протуберанцы шахматного романтизма. Как и положено, они выплескивали в эдакий океан повседневности сгустки энергии, расцветивая упорядоченную целесообразность происходящего. Им, охотникам за Красотой, им, апологетам эпохи «Бури и натиска», немедленно начинали подражать, и на какое-то время картина шахматного мира становилась более радужной. Романтики — молодой Давид Бронштейн, зре-

лый возрастом Рашид Нежметдинов, московский чемпион Николай Рюмин, югослав Драголюб Велимирович, ленинградско-новосибирско-молдавский гроссмейстер Анатолий Лутиков — входили навсегда в историю шахмат и... все-таки не делали ее. Только дополняли, украшали. Служили катализатором, дрожжами, допингом наконец. По столбовому же пути неумолимо и безостановочно двигались другие — во главе с Королями Игры.

Мудрость влюбленного

«Я не историк шахмат, я сам кусок шахматной истории, мимо которого никто не пройдет. Я о себе не напишу, но уверен, что кто-нибудь напишет».

Так за четыре года до смерти оценил себя Вильгельм Стейниц. Необразованный и максимально начитанный, скандальный и благородный, большую часть жизни одинокий и вечно влюбленный в шахматы. Ради них он, тринадцатый ребенок в довольно бедной пражской семье, бросил политехнический институт, куда привел его один лишь мощный ум, непрестанно работавший в огромном, сократовского типа черепе, и где учились дети князей, графов и банкиров.

Ради шахмат — собственного необычного их понимания — он

оставался без денег и без работы, поскольку в своих шахматных отделах крупнейших газет печатал не то, что ждала от него Публика, а то и только то, что он считал нужным и важным. Зато всегда делал и говорил лишь то, что думал и чувствовал. Сызмала. Очевидцы донесли до нас диалог юноши, игравшего на ставку со вторым или третьим по значимости финансовым магнатом всей огромной Австро-Венгерской Империи — неким Эпштейном. Тот нетерпеливым «Ну-у» поторопил задумавшегося было Стейница и услышал то же самое «Ну-у», когда сам надолго углубился в размышления.

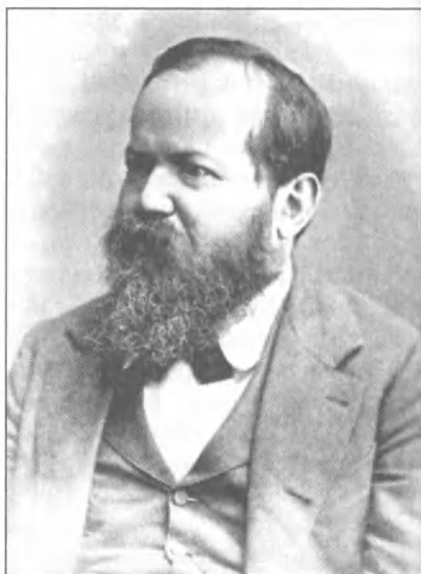
— Не забывайте, молодой человек! — вскипел банкир. — Вы говорите с Эпштейном!

— За шахматной доской я — Эпштейн! — последовал ответ.

Наконец, ради шахмат он, единственный из чемпионов мира, сам предлагал соперникам попытаться отобрать у него корону — дважды вызов направлялся Михаилу Чигорину. «Старая школа плоха, но ее король гениален», — никто, пожалуй, кроме Стейница, не раздавал еще живущим конкурентам такие дифирамбы. После смерти — это пожалуйста: даже Алехин, с Капабланкой не здоровавшийся, в телеграмме соболезнования возвел кубинца в заоблачный ранг; даже Ботвинник, десятилетиями ревновавший Таля к всеобщему восхищению им, явно потеплел душой, пережив своего давнего соперника.

Стейниц же... «Трижды ура в честь нового чемпиона мира!» — сравните это сердечное восклицание в адрес Ласкера с запиской, присланной в аналогичной ситуации Капабланкой, лично в турнирный зал не явившимся: «Я сдаю матч...»

Совсем незадолго до поединка за корону со своим постоянным и непримиримым оппонентом в газетной полемике Иоганном Цукертортом Стейниц, комментируя одну из его партий, писал: «Предыдущие ходы и только что сделанный ход белых представляют собой одну из величайших комбинаций, может быть даже самую красивую из всех, которые ког-

да-либо были созданы на шахматной доске. Не хватает слов, чтобы выразить наше восхищение высоким мастерством, с которым Цукерторт провел эту партию».

Печатая свой восторг, Стейниц прекрасно видел, к чему идет дело: менее чем через месяц шахматный отдел крупнейшей лондонской газеты, дававший ему основные средства к жизни, перешел под редакцию... Цукерторта. Но что поделаешь: играл тот очень и очень неплохо, и совесть Стейница требовала воздать ему по заслугам.

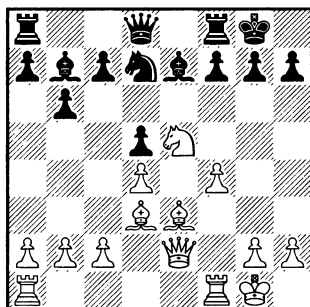
А его корреспонденции с матч-реванша в Москве... «Почему я проигрываю с таким треском? Прежде всего потому, что Ласкер величайший игрок, с которым я когда-либо встречал-

ся и, вероятно, лучший, когда-либо вообще существовавший». Вот так.

Другие маэстро прошлого времени и наших дней винили в своих неудачах и тропическую жару, и альпийский ветер под тамошним названием «фен», и, разумеется, простуду, зубную боль, несварение желудка, холод в гостинице и жар в голове. Да-а, когда недавно один из порядочнейших людей в шахматах, четырехкратный чемпион СССР Александр Белявский упомянул в комментариях к партии, что у Стейница и сейчас есть чему поучиться, он вполне мог бы расширить свою чисто шахматную «рекомендацию» до уровня общечеловеческой.

Что же касается творчества... В главе «Наследство, растущее в цене» есть партия 59-летнего Стейница против Барделебена — одна из тончайших и оригинальнейших комбинаций во всей истории шахмат. На первом своем международном турнире в Лондоне в 1862 году Стейниц, блиставший до того в основном в венгерском кафе «Куропатка», на ставку в несколько гульденов давая соперникам коня вперед, получил лишь последний, шестой приз ценной в 5(!) фунтов стерлингов, но об этой партии восторженно отзывался победитель турнира великий Адольф Андерсен, и она была признана красивейшей.

В. Стейниц — О. Монгреден

Белые владеют пространством, магистралями атаки и — начинают ее. Обнадеживающе выглядело и 13.f5, но дебютант все же рассчитал до конца.

13. ♖f3 f5 14. ♖h3 g6.

Не пуская ферзя на h5 и планируя 15... ♖f6. Любая контригра черных уже опаздывала, например, 14... c5 15. ♖h5 ♖f6 16. ♖:f5 ♖c8 17. ♖:h7+! с матом в два хода — 17... ♖:h7 18. ♖:h7+ и 19. ♖g6x.

15. g4! fg.

Кое-как можно было еще побороться при помощи 15... ♖:e5 16. fe ♖c8, но предвидеть комбинацию белых дано не каждому: в то время — особенно.

16. ♖:h7!! ♖:e5 17. fe ♖:h7 18. ♖:g4 ♖g8 19. ♖h5+ ♖g7 20. ♖h6+!

Стоило соблазниться ходом 20. ♖:g6+, как после 20... ♖h8! белые просто оставались без ферзя.

20... ♖f7 21. ♖h7+ ♖e6 22. ♖h3+!

Не пуская короля на d7.

22... ♖f7 23. ♖f1+ ♖e8 24. ♖e6 ♖g7 25. ♖g5!

Тут, правда, выигрывало и 25. ♖b5+, и 25. ♖h6, но белых влечет не материальный перевес, а возможный при случае матовый финал.

25... ♛d7(?).

Надежды оправдались: 25... ♖c8 избавляло от мата, но не от поражения: 26. ♖:g6+ ♛:g6 27. ♛:g6+ ♜d7 28. ♛f7.

26. ♖:g6+ ♛:g6 27. ♛:g6+ ♜d8 28. ♛f8+ ♛e8 29. ♛:e8x!

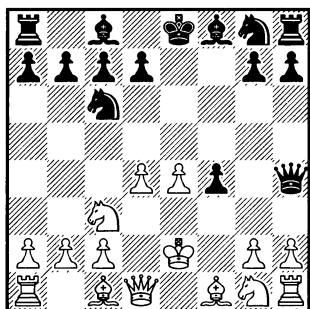
Но, конечно же, не этими лихими атаками обогатил Стейниц шахматы: в конце концов коллекция шедевров содержала бы на дюжину комбинаций меньше, только и всего. Нет, Старик, как именовал его иногда Ласкер, причем вполне дружески, сделал иное. Как Линней в биологии, Фарадей в электротехнике, Эйнштейн в физике и Менделеев в химии, он заложил фундамент нового дома, в котором уже век живет весь шахматный мир — при всех творческих особенностях каждого игрока.

И не только фундамент: стены, как минимум, первого этажа Стейниц тоже воздвиг. Своими партиями, в которых — оценка позиции, то есть учет всех ее микроскопических плюсов и минусов (позднее возникнет аксиома: «сила шахматиста — это сила его оценочных способностей»). Стейниц первым заговорил об этом и предрек, что при равновесии на доске любая атака обречена при точной защите на неуспех: комбинация невозможна на

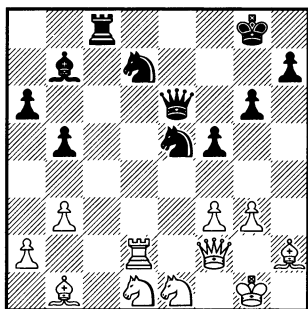
ровном месте, она должна иметь под собой достаточно надежные предпосылки.

И еще: накопление преимуществ. Экономия шахматных сил. Перевес на каком-то участке доски как сигнал к наступлению именно здесь. Слабые поля. Хорошие и плохие фигуры, et cetera, et cetera, et cetera. Словом, понятие «позиционная игра» и «игра по позиции», то есть, по требованию позиции — это Стейниц. И — шахматы на всем протяжении Века.

Его, как и Линнея, и Фарадея, и Эйнштейна с Менделеевым, очень многие приняли в штyki. Тем более, что в полемике первый чемпион мира часто перегибал палку. Он твердо верил в правомочность и перспективность защиты, в частности — защиты королем самого себя, и отсюда гамбит Стейница, метеор в сонме малых и больших «планет», предложенных им в испанской партии и французской защите, в ферзевом и королевском гамбитах, в итальянской, русской, шотландских партиях.

Испытание временем конкретный гамбит Стейница (на диаграмме — его исходная позиция) не выдержал, но идеи Старика в более широком их понимании переживут столетия...

«Рекомендую вам тщательное изучение этой позиции, в которой белые могут удержать равновесие только весьма остроумным защитительным маневром», — писал Эм. Ласкер в книге «Здравый смысл в шахматах». — «Вопрос касается только одного ближайшего хода белых. Черные угрожают 1... ♗:f3 2. ♘:f3 ♗:f3+ 3. ♖:f3 ♖e1+, и выигрыш. Как белым спастись?

Если 1. ♖c2 ♖:c2 2. ♗:c2 ♖c6 3. ♘g2 ♗:f3 4. ♘:f3 ♗e5 то черные отыгрывают фигуру, сохраняя лишнюю пешку; недостаточно и 1. ♖e2 или 1. ♘e3».

Продолжим комментарий Ласкера. «Ход, сделанный в партии и единственный спасающий игру, был 33. ♗f1, против которого черные должны играть очень осторожно, чтобы не попасть в худшее положение, — всякая слишком стремительная атака не удастся».

Действительно, король в 18-й партии матча на первенство мира **Стейниц — Ласкер** (США, 1894) сам взял под защиту возможное поле вторжения e1, ушел от любых комбинационных ударов, связанных со взятием на f3, и, главное, освободил ферзя от забот оборонительного толка. Фигуры белых сразу стали «компактнее», и уже грозит 34. ♖e3 с недвусмысленным 35.f4.

Впрочем, и черные оказались «на высоте».

33... ♖c5! 34. ♖e3 ♖d5.

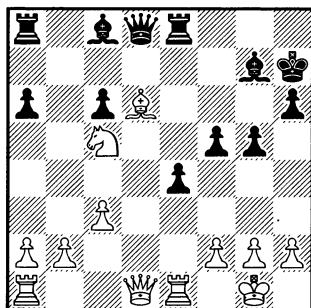
Как раз вовремя.

35. ♖:d5 ♖:d5 36. ♘c3 ♖c6 37. ♗f2.

Все та же тактика: король сам может позаботиться о слабостях собственной линии обороны.

Позднее, правда, белые «зевнули» пешку, а черные... не воспользовались таким подарком судьбы. Партия на 61-м ходу закончилась вничью.

Без той партии наверняка не было бы вот этой, современной.

На первый взгляд черные в критической ситуации. Слабостей у них масса, ферзевый фланг

заморожен, поэтому решение белых в партии **О. Рене — А. Чернин** (командный чемпионат мира, Люцерн 1985) начать атаку на короля вполне обоснованно.

21.h4 ♖g6!!

Великий Стейниц не удержался бы от аплодисментов. Король сам защищает поле h5 от вторжения ферзя, цементирует собственный фланг и вообще «берет игру на себя».

22.♙e3 gh! 23.f3 ♖g5 24.♙d2 ef 25.♙f4 ♜d8 26.♞d3 ♖:g2+ 27. ♖:g2+ fg.

Как-то незаметно погибли все белые пешки на королевском фланге, хотя борьба еще не завершена.

28.♙ae1 a5 29.♙1e2 ♜a7 30. ♞e5+ ♙:e5 31.♙:e5 f4!

Не только открывая выход королю, но и включая его в линию нападения!

32.♙:g2+ ♖f5 33.♙f2 ♜d1+ 34.♙g2 h3+!

Ввиду вариантов **35.♙:h3 ♙g6+** или **35.♙h2 ♙d2** с крупными потерями белые сдались.

«Шахматы — не для слабых духом».

Сколько тысяч раз цитировались эти гордые слова первого официального чемпиона мира! «Шахматы требуют всего человека, полностью, и такого, кто умеет не держаться рабски за пройденное, а самостоятельно пытается исследовать их глубины. Это правда, что я тяжелый, критически настроенный человек, но как же не быть крити-

чески настроенным, когда столь часто слышишь поверхностные суждения о положениях, всю глубину и смысл которых видишь лишь после тщательного анализа. Как можно не гневаться, когда видишь, что рабски держатся за устарелые методы лишь для того, чтобы не выходить из своего мирного спокойствия. Да, шахматы трудны, они требуют работы, и меня может удовлетворить лишь серьезное размышление и ревностное исследование. Только безжалостная критика ведет к цели. Но критически мыслящий человек считается многими врагом, а не тем, кто прокладывает путь к истине. Но меня никто не свернет с этого пути».

Так оно и было. Только открывая фундаментальные законы шахмат, создавая, если хотите, периодическую систему элементов этой Игры, Стейниц открыл и тот длинный — к горю — список ее рыцарей, которые закончили свою жизнь в нищете и забвении.

Проблемы с нервной системой, неустойчивой, видимо, от природы и многожды расшатываемой погоней за куском хлеба, начались у него давно, примерно лет в тридцать. Усиливались, когда шло перенапряжение, когда создавалась и утверждалась в бесконечных спорах Новая школа шахмат; все же Стейниц научился их побеждать. Но, как показала жизнь, до поры до времени.

Матч-реванш с Ласкером в Москве он вел уже больным — приходилось часто прикладывать лед к гудящей, пылающей голове. Стейниц, впрочем, вообще был убежденным поклонником холода: обливался по утрам — зимой (!), в Москве (!!) — холодной водой, на ночь старался открывать старательно утепленное окно в гостинице. Все это плюс действительная невнятица, которую он понес однажды после матча, привели к срочному вызову американского консула и — отправке в Морозовскую психиатрическую лечебницу, называемую в народе «скорбным домом».

Там Стейниц очень быстро пришел в себя и... никак не мог оттуда вырваться. Консул, сдавший его, предпочел умыть руки, никому иному врачи этого беспаспортного иностранного пациента, с первого больничного дня упрямо выдававшего себя за... Стейница, отдавать не хотели... Месяц — за это время его победитель Ласкер успел через прессу объявить сбор средств в пользу попавшего в беду шахматного титана (немцы всенародно скинулись на... 45 марок) — вел Старик свою сверхнормативную московскую «партию» и выиграл ее. Утверждают, что последним и поистине гениальным ходом Стейница в ней было обращение к врачам: «По законам Российской Империи я по своему вероисповеданию не имею права житель-

ства в Москве. Вышлите же меня!» Сумасшедший так не рассуждает — решили врачи.

Стейниц уехал. Давать сеансы, играть в консультационных партиях и турнирах: жену с двумя маленькими детьми требовалось кормить хоть как-нибудь. Только и это длилось недолго. Призовые места становились труднодостижимыми, сказывался возраст и то, что, по словам философа и психолога Ласкера, «Стейниц был мыслителем, достойным университетской кафедры. Игроком он не был, для этого он был слишком глубок»...

И вот...

«Время действия: мрачный, тусклый февраль 1900 года...

Место действия: небольшой пароходик, скользящий по реке Гудзон, в Нью-Йорке.

Одна из остановок в рейсе парохода — близлежащий городок Уорд. На этом островке высится здание, тусклое и мрачное — почти тюрьма. Но это здание страшной тюрьмы — те, кто заключены в нем, никогда почти отсюда не выходят, это приют для душевнобольных, это последнее место пребывания на земле для «безнадежных», для этих печальных обломков человечества.

На пароходике легко заметить путешественника, которого высажат на этом островке, поведут в это здание. Это старик, уже дряхлый старик. У него густая рыжая с сильной проседью борода, он приземистый, коротконогий, пе-

редвигается при помощи костылей, но чувствует, что когда-то был он сильным человеком. Его глубоко сидящие глаза под прекрасным, мощным лбом, под тяжелыми бровями — беспокойно блуждают с тоскливой жалобой. Два здоровых санитаров поодаль внимательно следят за стариком. Что же, все это вполне обычно: «нормальный», так сказать, сумасшедший...

Но у старика в руках какой-то предмет, и судорожно, со страстным упрямством прижимает он этот предмет к груди. Это — доска, деревянная доска, разбитая на 64 клетки, 32 из которых окрашены в черный цвет, 32 — в желтый. Старик прижимает к груди, словно единственную ценность всей своей жизни — шахматную доску стоимостью в доллар.

— Хэлло, Джек! — обращается один из пассажиров с обычной американской фамильярностью к санитару, предлагая ему сигаретку, — кто этот старый парень и

почему он так прижимает к груди свою деревянную доску?

— О, это занятный тип, — словоохотливо отвечает санитар, — он, видишь ли, сошел с ума оттого, что слишком много играл в эту игру... как ее, шахматы, что ли... Но он не американец, он не то еврей, не то цыган, откуда-то из Европы...

И пассажир уже с почтением, смешанным со страхом, смотрит на старика: сошел с ума оттого, что забавлялся игрой в шахматы? Вот это странно... Правда, он не американец...

Пароходик подошел к пристани. Старика высаживают на островок.

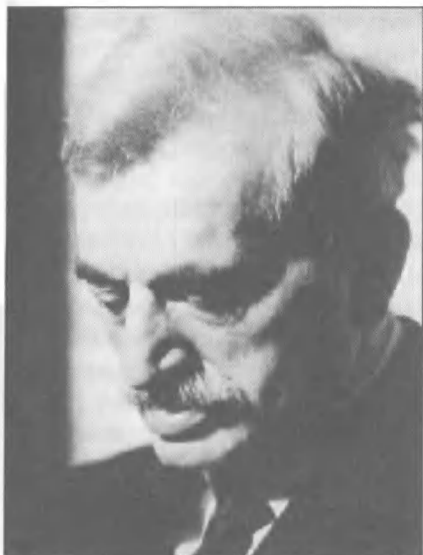
Так начинается книга Михаила Левидова о Стейнице и Ласкере, вышедшая более полувека назад, в основанной Горьким серии «Жизнь замечательных людей». Так можно закончить рассказ о Стейнице. Через полгода его не стало. Шахматную доску он, как и Алехин, до последней минуты держал перед собой...

Любовь мудреца

Сплетничать можно по поводу каждого. Слухи рождаются вокруг знаменитостей, и лишь в адрес воистину великих слагают легенды. Иногда — по незнанию, чаще — в поисках романтического ореола того, кто у всех на устах. И, раз возникнув, легенды начинают свою самостоятельную жизнь, ко-

чужая из газеты в журнал, из журналов — в книги, обрстая подробностями и... свидетельствами, хотя из юрис-пруденции хорошо известна ироническая формула — «врет, как очевидец».

Ласкер собственные легенды не рушил. В частности ту, что во время тура ему в Фонтанный зал 2-го

Дома Союзов, а если отбросить эту революционную абракадабру, то в ресторан московской гостиницы «Метрополь» принесли телеграмму из Берлина. И, обрадованный сообщением о принятой его (с братом) пьесе к постановке в престижнейшем «Deutsche Theater», он позволил юному мексиканцу Карлосу Торре провести против него на доске знаменитую комбинацию «мельница». Ни за какие коврижки суровый, даже желчный председатель турнирного комитета, по тем временам — главный арбитр и король пешечных эндшпилей «по совместительству» Николай Григорьев не пустил бы почтальона на сцену во время игры, да и активный организатор I, II и III Московских международных турниров Валериан Еремеев, брошюру которого я редактировал лет 40 назад, ни слова о такой пикантной под-

робности не произнес. Хотя особо отметил, что после победы Торре обеими руками схватил протянутую руку Ласкера и с откровенными слезами радости что-то быстро и долго ему говорил под неугасимую овацию зрителей...

Впрочем, это лишь легендочка на фоне всей его удивительной жизни. «Ласкер — это случай», — сказал однажды его друг Альберт Эйнштейн, самый, по-видимому, великий ум достаточно беспринципного, но отнюдь не глупого XX века. Случай — в смысле игры Природы, отпустившей одному человеку столько первоклассного интеллекта, что — по минимуму — хватило бы и на полностью укомплектованную дивизию! Профессор математики — и без малейшего напряжения, словно бы само собой. «У него необыкновенный дар чувствовать сочетания и взаимосвязи», — говорил о пятилетнем ребенке известный математик Кевитц: к слову, и в шахматах более важного компонента нет. Доктор философии (и не словоблудной так называемой марксистско-ленинской, а подлинной, рвущейся вглубь понятий) — это ведь тоже неслабо: «Философия несовершенства» — название одной из его книг, на русский язык, помоему, так и не переведенной. Драматург — и нешуточный, поэт — хотя и для избранных, редактор и издатель шахматного журнала, автор учебников, на которых росли поколения мастеров

и гроссмейстеров. Впрочем, об этом любители шахмат хорошо знают, как и о том, что, по словам Алехина, «многие идеи шахматного искусства невысказаны без Ласкера» и что «Ласкер должен служить примером для всех шахматистов как нынешнего, так и будущих поколений».

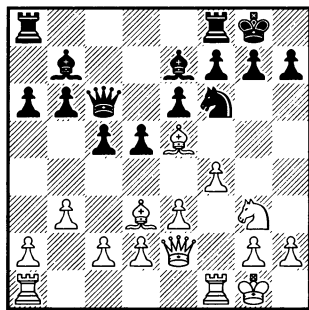
И еще его интеллект, что, собственно, отличало Ласкера от людей «обычных», не довольствовался одной, двумя, даже тремя сферами применения. Во второй половине 20-х годов он вдруг устремился туда, куда творческий ум человека еще «не ступал» — в область интеллектуальных карточных игр. Итогом стала вышедшая в 1928 году книга «Стратегия карточной игры»: любопытнейший синтез математической теории вероятностей и методологии шахмат применительно к таким «забавам», как покер, винт, экарте. «Рекомендуемая им стратегия, может быть, и правильна, но настолько сложна, что вряд ли найдется хоть один карточный игрок, который сумел бы мобилизовать достаточно энергии, чтоб овладеть ею, и достаточно хладнокровия, чтобы следовать ей. Для самого Ласкера эта книга явилась, вероятно, не более как умственным спортом, но этот спорт в стиле Ласкера», — такой вывод сделал писатель Михаил Левилов, как все старые русские интеллигенты свободно владевший и немецким языком

тоже и читавший Ласкера в подлиннике; его томик «Стейнниц. Ласкер» еще в горьковской серии «Жизнь замечательных людей» вот уже более полувека — библиографическая редкость.

Конечно, в разговоре о человеке, дольше всех — бесконечные 27 (!) лет — восседавшем на шахматном троне, не обойтись без упоминаний о его новаторстве, порой удивительном и парадоксальном. Вот малая толика из им, Ласкером, содеянного.

Эм. Ласкер — Бауэр Амстердам 1889

Именно в этой партии шахматы обогатились новой темой, новым грозным оружием атаки — жертвой двух слонов на полях h7 и g7. Неплохая творческая заявка 20-летнего даже еще не маэстро.

14. ♖h5! ♜h5.

Не спасали и другие продолжения. Например, 14...♜e8 15. ♜g7! ♜g7 16. ♖g4 или 14...d4 15. ♜f6 ♜f6 16. ♖g4 ♜h8 (16...e5 17. ♜e4!) 17. ♖f3 ♖g8 (17...de 18. ♜f6 gf 19. ♖h4) 18. ♜h7 ♖gd8 19. ♖h3 ♜e7 20. ♜e4!

15. ♖:h7+! ♜:h7 16. ♜:h5+ ♜g8
17. ♖:g7!!

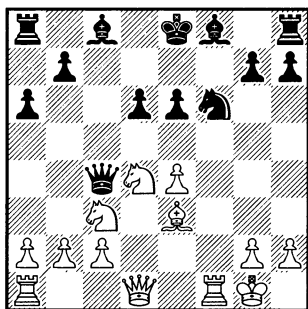
Жертва второго слона окончательно раскрывает черного короля, попадающего под атаку тяжелых фигур.

17... ♜:g7 18. ♜g4+ ♜h7 19. ♜f3
e5 20. ♜h3+ ♜h6 21. ♜:h6+ ♜:h6
22. ♜d7.

На этом кончается комбинация Ласкера. Белые выигрывают еще фигуру, и дальнейшее бесполезное сопротивление черных до 33-го хода вызывает лишь недоумение.

Сорок шесть лет спустя, без поражений заканчивая труднейший II Московский международный турнир и по общему мнению являясь моральным его победителем, 67-летний Ласкер в последнем туре проводит атаку с энергией себя, 20-летнего.

Эм. Ласкер — В. Пирц
Москва 1935

13. ♜:f6! gf 14. ♜h5+ ♜d8.

Красивые варианты приготовили белые на 14... ♜e7: 15. ♖f5+ ef 16. ♖d5+ ♜d8 (на 16... ♜d7 белые забирают ферзя или дают мат

в несколько ходов; если же черные отступали 14... ♜d7, то 15. ♜f7+ ♖e7 16. ♖f5! ♜e8 17. ♜d1 d5 18. ♖:d5, и в принципе можно сдаваться) 17. ♖b6+ ♜d7 18. ♜f7+ ♜c6 19. ♜c7+ ♜b5 20. a4+ ♜:a4 21. c4+ ♜:c4 22. ♜a5x!

15. ♜f7 ♖d7.

Плохо 15... ♖e7 ввиду 16. ♖f5 ♜e8 (16... ♜c7 17. ♖b6 ♜:b6 18. ♜:e7x) 17. ♖:d6! ♖:d6 (или 17... ♜c6 18. ♖:e8 ♜:e8 19. ♖b6+ ♜d7 20. ♜d1+) 18. ♖b6+ ♖c7 19. ♜d1+, выигрывая.

16. ♜:f6+ ♜c7 17. ♜:h8 ♖h6 18. ♖:e6+ ♜:e6 19. ♜:a8 ♖:e3+ 20. ♜h1. Черные сдались.

А в середине этой изумительной шахматной карьеры — партия, повергшая в изумление всех: в этом нет ни грана преувеличения.

Испанская партия C68
Эм. Ласкер — Х.-Р. Капабланка
Петербург 1914

1. e4 e5 2. ♖f3 ♖c6 3. ♖b5 a6 4. ♖:c6 dc 5. d4 ed 6. ♜:d4 ♜:d4 7. ♖:d4.

Разменный вариант. Еще только в прошлом туре Ласкер выигрывшем у Алехина убедительно доказал, что невыгоды пешечного расположения черных более чем достаточно компенсируются хорошим развитием и преимуществом двух слонов. Почему же в такой ответственной встрече, отставая от Капабланки на целое очко, Ласкер вместо сложного дебюта выбрал этот быстро упрощающий игру вариант?

Им руководили чисто психологические причины. Турнирное положение Капабланки обязывало последнего избегать осложнений и играть на ничью. Но в разменном варианте малоактивная игра черных может подвести к проигрышному эндшпилю, и в этом Ласкер видел свои скрытые шансы.

7...♙d6 8.♘c3 ♘e7 9.0-0 0-0 10.f4 ♗e8 11.♘b3 f6 12.f5!!

Один из самых знаменитых, парадоксальных и глубоких ходов в шахматах. Белые добровольно создают себе отсталую пешку e4, обесценивают динамическую силу своей пешечной пары в центре и предоставляют сопернику «вечный» форпост на e5. Но... При этом они стремятся по возможности ограничить действие черных слонов. Допускаемое ими при этом ослабление пункта e5 не имеет существенного значения, так как черные в ближайшее время не в состоянии использовать его для своих фигур. При этом решающее значение в дальнейшем приобретает то обстоятельство, что пункт e6 прочно переходит во власть белых.

12...b6 13.♙f4 ♙b7?

Неудачный ход, после которого черные оказываются в плохой позиции. По окончании партии Капабланка указал возможность получения равной игры путем 13...♙f4! 14.♗:f4 c5 15.♗d1 ♙b7 16. ♗f2 (16.♗d7 ♗ac8 и 17...♙c6) 16...♗ad8 17.♗:d8 ♗:d8 18.♗d2 ♗:d2 19.♘:d2 ♘c6! 20.♘d5 ♘d4.

14.♙:d6 cd.

Несмотря на то, что черные выправили свою пешечную цепь, позиция их неприглядная из-за слабости пешки d6 и плохого положения белопольного слона. Теперь Ласкер рядом энергичных ходов еще больше усиливает свое положение.

15.♘d4 ♗ad8 16.♘e6 ♗d7 17. ♗ad1 ♘c8 18.♗f2 b5 19.♗fd2 ♗de7 20.b4 ♘f7 21.a3 ♙a8.

Равносильно капитуляции. Единственной возможностью получить практические шансы на спасение партии была жертва качества 21...♗:e6 22.fe+ ♗:e6 с сильной позиционной угрозой 22...♘e7 и переводом коня через поле b6 на c4.

22.♘f2 ♗a7 23.g4 h6 24.♗d3 a5 25.h4 ab 26.ab ♗ae7.

У черной ладьи нет по линии «a» полей для вторжения.

27.♘f3 ♗g8 28.♘f4 g6 29.♗g3 g5+.

Несправедливы упреки в адрес Капабланки по поводу сделанного им хода, так как рекомендуемое многими 29...gf тоже проигрывало из-за 30.ef! (но не 30.gf ♗:g3 31.♘:g3 ♗e8, и черные первыми успевают захватить линию «g») 30...d5 (чтобы ввести через поле d6 в игру коня) 31.g5 ♘d6 (быстро проигрывает 31...hg+ 32.hg fg+ 33. ♘:g5+ ♘f8 34.f6 ♗a7 35.♘e5! с решающим прорывом) 32.g6+ ♘e8 33.♗a1, и черные не в состоянии долго держаться.

30.♘f3 ♘b6 31.hg!

Белые, не отвлекаясь, проводят свой план. После 31.♙:d6 черные получали некоторую контригру: 31...gh 32.♙h3 ♘c4 33.♙d8 ♘e5+ 34.♘e2 ♙:d8 35.♘:d8+ ♘e8 36.♘e6 ♙a7 37.♙:h4 ♙a3.

31...hg 32.♙h3.

Теперь взятие на d6 было бы еще хуже из-за 32.♙:d6 ♘c4 33.♙d8 ♙:d8 34.♘:d8+ ♘e8 35.♘e6 ♙h7!

32...♙d7.

Более естественный на первый взгляд ход 32...♘c4, как указал Р. Рети, форсированно проигрывает: 33.♙h7+ ♘e8 43.♙a1 ♘b7 35.♘c7+ ♘d7 36.♙:e7+ ♘:e7 37.♙a7, и на любое отступление слона следует 38.♘7d5+ и 39.♘:f6.

33.♘g3 ♘e8 34.♙dh1 ♘b7 35.e5!

Изящная жертва пешки, освобождая поле для решающего вторжения коня.

35...de 36.♘e4 ♘d5 37.♘6c5 ♘c8 38.♘:d7 ♘:d7 39.♙h7 ♙f8 40.♙a1 ♘d8 41.♙a8+ ♘c8 42.♘c5. Черные сдались.

(Частично — комментарии В. Зака, воспитателя целой плеяды ленинградских мальчишек во главе с Б. Спасским и В. Корчным).

Но чтобы еще рельефнее стал портрет 2-го в истории шахматного короля — две дополнительные линии его жизни. Об одной — любовной — кое-что известно, но отнюдь не в таких подробностях, которые приводит друг Ласкера немецкий врач С. Ганнак.

«Он встретился случайно у своих друзей с женщиной, которая заняла большое место в его жизни. Марта Вамбергер, дочь крупного берлинского банкира. Красива, образована, остроумна. Любовь поразила Ласкера молниеносно. Он писал ей пламенные письма, просил стать его женой.

Стать его женой? Но это невозможно! Он узнает, что Марта уже десятый год замужем. Что ее мужа, беднягу Кона, уважаемого и деликатного человека, тяжелая хроническая болезнь сделала полным инвалидом. Что Марта обязана жертвовать своей молодостью, своей жизнью для этого несчастного человека.

Эта новость действует на Ласкера, точно удар кинжалом. С этого времени для него жизнь в Берлине в двух шагах от любимой женщины становится невыносимой. Ласкер принимает решение уехать в другую страну. Он отказывается от устойчивого положения профессора, от комфортабельной и обеспеченной жизни, к которой давно стремился и с таким трудом достиг. Он подает в отставку и тотчас уезжает в Америку.

...Все матчи Ласкера были событиями. Но, безусловно, ни один из них не вызвал такого волнения, какое охватило Германию, когда был объявлен матч Ласкера с его главным противником — доктором Зигбертом Таррашем. Это было в 1908 году.

Уже шесть лет Ласкер не ступал ногой на родную землю. И за это время доктор Тарраш приобрел как шахматист известность и славу. Он уже неоднократно горделиво заявлял, что Ласкер не такой уже устрашающий противник, как о нем идет молва. Доктор Тарраш в одном из интервью самоуверенно заявил:

— Этому господину я могу сказать лишь три слова: шах и мат!

Этот матч представлял собой борьбу двух характеров, двух стилей, двух методов — диаметрально противоположных.

Доктор Зигберт Тарраш был одним из наиболее известных медиков в Нюрнберге. Он был женат на девушке из хорошего общества, за которой получил большое приданое. Он считал себя очень серьезной и важной персоной, любил порядок, был добросовестным и дисциплинированным — образец respectable немецкого буржуа.

Как умелый лектор, он любил демонстрировать свою эрудицию. О каждом вопросе имел свое твердое мнение и судил обо всем авторитетным тоном, за что в мире шахмат ему дали прозвище Немецкий Наставник. Вся его шахматная концепция покоилась на принципе незыблемости. Решения, которые Тарраш давал проблемам, как самым простым, так и самым сложным, должны были иметь характер абсолютный, быть пригодными для всех времен, для всех эпох.

Ласкер же, наоборот, несмотря на то, что изучил теорию шахмат с не меньшим прилежанием, превосходно знал все секреты знаменитых мастеров прошлого, и его интеллект был вооружен строгими законами математических наук, всегда должен был считаться со своим сердцем, с интуицией, которая могла его повести в хорошую или плохую сторону. Он не был игроком автоматического стиля. Он был богатой волевой личностью. Он не мог играть в шахматы, двигая фигурки, как колесики, прилагая к этому более или менее туманные теории.

Ему необходимо было воевать против человека, его ума, его хитрости, проникнуть в сферу его мышления, его вкусов, его идей и все это использовать для того, чтобы победить. Для Ласкера гораздо важнее шахматной науки была, в конце концов, психология противника. Прежде всего Ласкер был психологом. Разве он не написал докторский трактат на философскую тему о войне, сенсационный по тонкости стиля и остроте суждений?

Его поклонников часто удивляло, что он жертвовал партнеру важную фигуру. Но в этом как раз и состояло исключительное искусство Ласкера: опьянить противника подобием победы, усыпить его бдительность и незаметно вовлечь в расставленные капканы, тем более хитрые и опасные, что они были скрыты под маской слабости.

В то время как пресса раздувала возбуждение публики, Ласкер, равнодушный к шуму, который был вызван его приездом в Германию, думал лишь об одном — о том, что увидит ту, которая никогда не оставляла его разум и сердце за все эти шесть лет.

Марта с годами расцвела, стала еще красивее, прелестнее. Ласкера захватила новая, еще более сильная страсть. Он чувствует: если бы эта женщина стала подругой его жизни, он мог бы совершать великие дела. Он говорит ей об этом. Он умоляет ее развестись и стать его женой. Марта очень взволнована, однако возражает:

— Ганс слишком болен, я не могу его оставить. Он умрет от огорчения. Я не могу решиться на это...

— Тогда поедем со мной на несколько дней в Дюссельдорф. Я уверен: если ты будешь возле меня, я выиграю чемпионат. Я чувствовал бы невероятную силу!

Марта Кон непоколебима. Ее муж при смерти. Не может быть и мысли о том, чтобы оставить его хотя бы на восемь дней.

Ласкер получил по жребии право играть белыми. И вот, к изумлению Тарраша и всех присутствующих, он позволяет себе роскошь начать с серии ходов, называемой испанской партией, которая «случайно» оказывается одной из любимых и изученных Таррашем. Это был весьма искусный маневр. Тарраш, уверенный в удаче, дал себя незаметно увлечь к одному из очень тонких вариантов этой партии, совершил много ошибок и проиграл.

Взбешенный доктор, играя в свою очередь белыми, сразу начал «испанскую партию». В течение долгих часов можно было думать, что Ласкер проигрывает. Он избегал решающей битвы, маневрировал, и, казалось, его позиция ухудшалась. И вдруг он предложил Таррашу соблазн — взять фигуру. Тарраш недолго раздумывал. Под аплодисменты присутствующих он взял фигуру, отказавшись таким образом от правильного атакующего хода. Тогда Ласкер захватил инициативу и сконцентрировал свои силы на слабом фронте противника. Спустя два часа доктор вновь был вынужден сдаться. Его очень опечалила «эта глупая игра», и он до конца своей жизни не мог понять, как Ласкеру удалось разрушить один из его наиболее проверенных планов «испанской партии».

Преследуя Тарраша в излюбленной им «испанской партии»,

Ласкер выиграл у него еще дважды. Самодовольный, непогрешимый Тарраш, раздраженный проигрышами, пришел в бешенство. Чувствуя приближение печального результата турнира, который его сделает смешным, он стал играть с яростью. Вся психологическая работа Ласкера сделалась бесполезной перед столь разгневанным противником.

Растерявшийся Ласкер сыграл вничью две следующие партии, а третью проиграл. Он думал, не отвернулась ли от него удача. Его игра стала скачкообразной и непоследовательной. Ежедневно он совершал непростительные ошибки. И снова он в поисках спасения обратился к своему сердцу.

— Если бы Марта была рядом со мной, я бы не дошел до такого состояния, — говорил он с горечью.

Он был загипнотизирован этой суеверной идеей. И, проиграв еще одну партию, больше не мог выдержать. Он зовет Марту Кон на помощь и, не получая от нее ответа, посылает ей каждый день телеграммы: «Умоляю, приезжай, спаси твоего несчастного сумасшедшего, который тебя любит и не может больше обойтись без тебя...»

Марта больше не могла сопротивляться. Она показала мужу телеграммы Ласкера. Умиравший благородно поддержал его просьбу.

Та, кто спустя несколько месяцев после смерти Ганса Кона стала преданной подругой Эмануила Ласкера, поспешила на помощь гению, которого любила.

Ласкер, изменившийся, возрожденный, снова обрел свои силы. Его игра стала настоящим фейерверком. Если иногда какие-нибудь трудности возникали перед Ласкером, его взгляд находил в зале женщину, которую любил, — она там спокойно вязала. И все становилось тогда просто и легко для Ласкера, удивлялись его изобретательность и отвага.

И вот наконец Тарраш окончательно повержен. Эмануил Ласкер остался — и еще надолго — неоспоримым чемпионом мира.

Спустя несколько месяцев после этого сенсационного матча Ганс Кон умер, и Ласкер женился на Марте. Для Ласкера наступил период спокойствия, работы, расцвета, счастья...»

Еще одна история из жизни Ласкера в Европе вообще и в европейской части России в частности неизвестна практически никому: около трех десятков лет назад телепередача «Клуб 4-х коней», в которой я ее рассказывал, была в последний момент снята с основного эфира и «прокрутилась» лишь по всем четырем телевизионным «Орбита» — для жителей Сибири и Дальнего Востока. Правящая в СССР

партия хотя официально и не отменяла решения своего XX съезда, осудившего культ личности, но на рубеже 60—70-х годов вспоминать сталинские репрессии уже не позволяла. А к одному такому эпизоду и оказался причастен Ласкер...

Год 1933-й застал его дома, в Берлине. Вообще-то шахматный король из семьи ненавистных Гитлеру плутократов не происходил: в юности у братьев Эммуила и Бертольда, студента-медика, не каждый день случались деньги на обед, а для выхода в университет или «на люди» они поочередно надевали и единственные приличные брюки, и единственную пару обуви. Так что по имущественному цензу они вполне подходили новому коричневому режиму: такие вот оборванцы и пополняли — стремительно! — отряды штурмовиков.

Увы, выбившиеся своим умом из нищеты братья не могли быть оставлены в покое властью по иной причине: они, немцы неизвестно в каком колене, ни одной мировой религией не очарованные, тем не менее считались евреями. Надежда на то, что Гитлер не тронет уважаемого всем миром шахматиста, естественно, даже не теплилась: фюрер расправлялся с лауреатами Нобелевской премии, заманивался на самого Эйнштейна... Ласкер, переезжая по континенту с турнира на турнир, обратил-

ся к советским шахматистам, и еще не расстрелянный к тому времени бывший первый Верховный Главнокомандующий войсками РСФСР прапорщик Крыленко, ныне нарком юстиции республики, сделал все возможное, чтобы страна победившего социализма предоставила убежище великому гражданину страны победившего национал-социализма. После II Московского международного Ласкер остался в Москве...

Будем откровенны: с ним очень носились, ибо престарелый мудрец с мировым авторитетом на минуточку оказался козырной картой в показушном красочном пасьянсе, раскладываемом Советской властью перед всем белым светом. Ему дали отдельную (в СССР 30-х годов понимали, что это такое!) квартиру в центре, зачислили в штат (то есть платили профессорскую зарплату) академического Института математики им. Стеклова и предоставили ему возможность дома, в четырех стенах, заниматься чем угодно: математикой — так математикой, философией — так философией, шахматами — так шахматами. Внешнеторговые советские организации присылали ему образцы коньяков и вин, чая и сигар, отправляемых на экспорт: мнение знатока Ласкера порой оказывалось решающим, как позднее — мнение знатоков графа (и пролетарско-

го писателя) Алексея Толстого с Ильей Эренбургом. 1 Мая 1936 года чета Ласкерова была приглашена на гостевые трибуны, и перед ними по Красной площади шли войска непобедимой Красной Армии, катились и танки, и незабытые еще тачанки, а потом много часов, ликуя при виде Сталина, шли бесконечные колонны демонстрантов...

Тут в самую пору бы задаться риторическим вопросом: о чем думал в эти минуты старый человек, столь прозорливо моделировавший ситуации на шахматной доске для своих фигур и на театральной сцене для персонажей своих пьес? Только вот нужды в таком вопросе нет, поскольку ответ подсказал мне Эрнст Бруннович Гельмс, герой той самой «полупрошедшей» в эфир телевизионной передачи.

Дело в том, что московское жилье Ласкера посещали многие. Научные работники, шахматисты, актеры. Но только те, кто владел немецким или — реже — английским и французским: Ласкер осваивать русский язык уже не стал. Круг знакомых оставался все же достаточно узким, и маэстро искренне обрадовался, когда кто-то привел в его дом очень молодого человека, москвича по месту рождения и — немца. К тому же — небесталанного, любопытно-деликатного, умеющего и рассказывать, и слушать. Интервал лет в сорок не помешал им сблизиться, как

и мне — интервал в четверть века — подружиться потом с Эрни...

Тогда тот работал в конструкторском бюро Туполева: знаменитые самолеты АНТ устанавливали один мировой рекорд за другим, сотрудников КБ поощряли орденами и — главное! — прикреплением к особым, от простого народа закрытым производственным распределителям. И хотя никакой собственной информации о жизни Страны Советов у Ласкера не было и быть не могло, ум аналитика мирового класса позволил ему так много узреть меж пустых и трескучих газетных строк, что однажды он обратился к Гельмсу с советом, за который Эрни всю оставшуюся жизнь почитал Ласкера вторым отцом.

А рекомендация была не из слабых: уйти из КБ в частности и авиастроения вообще, уехать из Москвы куда подальше и заняться таким делом, где даже он, немец Гельмс, никому в глаза не светил бы и ни на чьем слуху не звучал. И это — в конце 35-го, когда «в народе» все казалось еще тихим и спокойным! Сам Ласкер к тому моменту жил в Москве примерно полгода.

Самое смешное, что Эрнст послушался. Уехал в достаточно провинциальную, несмотря на свой мощный университет, Казань, поступил рабочим сцены в Русский драматический театр (вскоре — имени Горького), на-

чал потихоньку сам делать элементы декораций, стал художником, потом главным художником театра, народным художником Татарской автономной советской социалистической республики и заслуженным художником РСФСР, одним из лучших художников-сатириков. Никогда не выпускал изо рта прямую английскую трубку, дома — всегда сидел за мольбертом и ежедневно молился неуставными, нецерковными словами сначала за здоровье своего старшего друга, затем — десятилетиями — в память его. Потому что, в полном соответствии с прогнозом Ласкера, в 37-м, то есть года через полтора, все ту-полевское КБ село за решетку. И если гениального авиаконструктора (при взгляде на макет он сразу говорил, полетит самолет или нет) сталинская власть все-таки «использовала» в так называемой «шарашке» — конструкторском бюро для заключенных, по иронии судьбы — тоже в Казани, то из его сотрудников далеко не все живыми прошли лагеря. Гельмс прошел бы — вряд ли. Но его при аресте КБ не искали — руки не дошли...

Так что, стоя среди званных на Красной площади, Ласкер,

быть может, лучше всех предвидел участь тех, кто возвышался на Мавзолее Ленина рядом с Отцом Всех Народов, и тех, кто столь истово приветствовал Его. Не веривший в свой иммунитет против Гитлера, как мог он верить в Сталина?

Через пару недель Ласкер сыграл еще в III Московском международном, потом — под флагом СССР — на турнире в Ноттингеме, и... Фрау Марта отправилась в Нью-Йорк якобы к дочери от первого брака, а следом за ней — и Ласкер. В советской прессе по поводу выпадения из колоды этой козырной карты на долгие годы утвердилось глухая фраза: «по семейным обстоятельствам»...

Да, в Америке не было профессорской зарплаты, но он чувствовал там себя Человеком. Старый и больной, давал сеансы одновременной игры, читал лекции, играл в небольших турнирах — ради хлеба насущного себе и любимой. И, может быть, именно поэтому 13 января 1941 года, придя в сознание, грустно проговорил как бы самому себе:

— Король... Бедный шахматный король...

Фрау Марта слышала эти его последние слова...

На балу жизни

«Он весел и любезен, бархатные глаза его скользят по публике, задерживаясь на женских лицах. В турнире он стоит не так уж хорошо, но... не все ли равно? Стоит ли из-за этого портить себе жизнь? Глядя на него, начинаешь верить, что он ничуть не огорчен, не раздосадован и даже не думает о том, как улыбнется над его проигранными партиями страшный соперник там, в далеком Париже... Он может позволить себе все, даже роскошь неудачи. Зато при встрече с лидером, с первым призером, он жертвует фигуру в дебюте и разносит его, как щенка. И десять лет спорят потом аналитики: корректна была жертва или некорректна?»

Таким увиделся третий чемпион мира Хосе-Рауль Капабланка и-Граупера «мальчику с крючком» — демонстратору I Московского международного турнира 1925 года, мастеру и будущему писателю Евгению Загорянскому. Снятая тогда же знаменитым режиссером В. Пудовкиным кинокомедия «Шахматная горячка», где роль Капабланки сыграл... Капабланка, это подтверждает: эlegantен, божественен, красив почище Аполлона, поскольк и ум в глазах, и повадки дипломатические. Его жене, из России вывезенной Ольге Чегодаевой, похоже, завидуют все

женщины Европы и обеих Америки; другой вопрос — завидует ли сама себе она, имея столько конкуренток. Говорят, именно из-за дамы, а вовсе не поддавшись уговорам секретаря ленинградской шахсекции Якова Рохлина, он в выходной день турнира съездил в северную столицу, где и проиграл в сеансе одновременной игры 14-летнему очкарику с холодным упрямым взглядом...

И жизнь его баловала как бы и за себя, и за обоих предшественников на шахматном троне. Из богатой семьи, где шахматы — обязательный элемент воспитания. Щедро одарен свыше — позднее А. Алехин, десяток лет с ним вообще не здоровавшийся, скажет: «С его смертью мы потеряли величайшего шахматного гения, равного которому мы никогда не увидим». М. Ботвинник признается: «Из чемпионов, с которыми мне приходилось встречаться (а это все, от Ласкера до Каспарова и Крамника — Я.Д.), самое сильное впечатление произвел Капабланка», а А. Карпов добавит: «Идеалом может быть лишь образ собирательный. Ближе всего к нему подходит, по-моему, Хосе-Рауль Капабланка».

Существует легенда о том, что Михаил Чигорин на Кубе во время матча со Стейнцем отказался от предложения сыграть

хотя бы одну партию с четырехлетним малышом, выказывавшем на доске удивительную, совсем не детскую сметливость. Да, Капабланка совсем как Моцарт, концертировавший в таком же возрасте, вышел из вундеркиндов, но, как немногие, сохранил «вундерство» и во взрослой жизни. Он очень рано по меркам того времени — в 23 года от роду — послал вызов на матч за корону Эмануилу Ласкеру, но... Получив согласие при нескольких действительно неприемлемых для него пунктах, Капабланка 1911 года допустил ошибку, непростительную для Капабланки 1913 года — сотрудника кубинской дипломатической миссии в России. Требова-

ние чемпиона мира о перевесе претендента в 2 очка (ранее Ласкер играл на этих условиях матч со Шлехтером) Капа — так звали его во всем мире — охарактеризовал английским словом «unfair». То ли Колумбийский университет в США не довел до совершенства его английский язык (при родном испанском), то ли сознательно использовано было это слово — кто теперь скажет? Только переводилось оно двояко. В мягком варианте — как «несправедливое», в твердом — как «некрасивое» и даже «нечестное». Ласкер предпочел второй вариант, и на 10 (!) лет вопрос о матче с опасным соискателем короны сошел с авансцены. Кто знает, состоялся ли бы он и в 1921-м, если бы за один доллар в поверженной после мировой войны Германии не давали сотни тысяч марок и если бы Куба не установила в матче Ласкер — Капабланка такой высокий призовой фонд...

Любопытно, однако, что, став чемпионом мира, Капабланка на супертурнирах и в Нью-Йорке-1924, и в Москве-1925 и -1935 финиширует позади стареющего и уже просто старого Ласкера...

К советским шахматистам у него было отношение особое. Не обошлось, конечно, без приятных воспоминаний о работе в до-reволюционном и довоенном Санкт-Петербурге, но... Капабланку грел уникальный прием, ему устраиваемый («Утро 20 но-

ября. Огромная толпа атакует Московский вокзал. Женщины с цветами, приверженцы шахмат с досками для большей импозантности, среди них мастеров нет: все в Москве. На площади дежурит машина. К моменту прибытия поезда напор толпы усиливается. Вызванный наряд милиции сбился с ног, не понимая, почему такой ажиотаж. «Видно, какая-то кинозвезда приедет, — успокаивал начальник. — Наверно, красавица!..»

С большим трудом удастся отеснить любопытных и сделать узкий проход у выхода. Еще пара минут, и все благополучно кончается. Сажусь с Капабланкой в машину и едем в гостиницу.

Только подходим к администратору — новость! Портфель передает мне несколько *пачек писем* на имя Капабланки...» — это из воспоминаний Якова Рохлина), грело особое благоволение власти (роскошный «Линкольн» для поездок в любое время по Москве и Ленинграду выделялся, естественно, из того гаража, где он только и мог быть), грели, наконец, очень высокие гонорары за выступления в общем-то нищей стране. Отсюда его гастрольная поездка по Украине, во время которой чемпион мира впервые в жизни поднялся в воздух (увидев 21 июня 1935 года на аэродроме в Киеве одномоторный четырехместный самолетик, Капабланка поехал и... сел писать завещание в пользу оставшейся на

Х.-Р. Капабланка, М. Ботвинник
и Эм. Ласкер

Кубе жены), и полет до Днепропетровска ему так понравился, что дальнейшие перегоны до Одессы, Харькова, Москвы и Берлина он совершал только по воздуху.

Отсюда и его просьба к советским властям взять на себя организацию его матч-реванша с Алехиным в 1935-м году: 25 тысяч долларов призового фонда и расходы на содержание участников. Крыленко вроде бы и хотел этого, но — немало воды утекло с времен финансировавшегося Москвой матч-реванша Ласкер — Стейниц — все же отказал (к тому же до покаянного письма Алехина в адрес Шахматной секции СССР был еще целый год). Капабланка, опять-таки, вроде бы выслушав ответ, пару минут стоял в смущении, а затем грустно произнес единственную фразу: «Алехин переживет меня, но матч играть не будет...»

Непосредственно же на шахматной доске он продолжил классическую линию шахмат Стейница — Ласкера при всех уникальных особенностях соб-

ственного дарования. Правда, по большому счету совсем не знал дебютов, но при тогдашнем состоянии теории и при умении мгновенно, быстрее всех нащупать узловые точки позиции для Капы это было не совсем обязательно. Эндшпиль интуитивно играл, как Бог: есть партия, где при полностью пустой вертикали «f» он поставил ладью на f4, а ходов через восемь выяснилось — только с этого поля ладья обеспечивала победу, а не с f5, f6, f7 или f8. Техника у него вообще была на грани фантастики.

Капабланка прекрасно осознавал это. Как, впрочем, и иные свои достоинства и недостатки. Не знаю, кто еще из корифеев мог бы опубликовать накануне крупнейшего и важнейшего для себя нью-йоркского турнира 1927 года такую вот пронзительную самооценку:

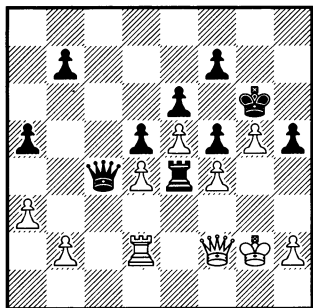
«Остается обсудить только шансы автора этих строк... Ясно, что чемпион мира должен обладать качествами, которые не так-то легко обнаружить у соперников. Я сознаю, однако, что такие качества непостоянны и что теперь я, может быть, слабее, чем в свои лучшие времена — десять лет назад. По моему мнению, я был в расцвете сил в Гаване, когда играл матч с Костичем и тот проиграл пять партий подряд. С другой стороны, некоторые из моих соперников, если не все, теперь силь-

нее, чем раньше. Насколько велика разница в результате снижения моих сил и усиления соперников, покажет итог турнира.

Интересно сравнить прошлое с настоящим. В своем первом международном турнире в Сан-Себастьяне в 1911 г. я не вызывал большого доверия как претендент на первый приз, но был полон честолюбия и благодаря Богине Удачи преуспел в завоевании славы. Сейчас я заслужил доверие, которое достигается лишь годами непрерывных успехов, но честолюбия почти нет, и легкомысленная Леди уже не так добра ко мне. Тогда я не знал достоинств своих противников, но обладал огромной работоспособностью. Теперь я изучил противников до косточки, но — увы! — работоспособность уже не та. Тогда я был очень нервен и легко расстраивался. Теперь я холоден, собран и меня не взволнуешь и землетрясением! Я теперь имею больше опыта, но меньше сил. Может ли возродиться бывалая сила? Скоро увидим. Сцена готова, и вот-вот взойдется занавес над тем, что должно быть одним из самых достопримечательных шахматных соревнований».

К слову, на том, нью-йоркском, Капа обошел второго призера и своего соперника в надвигающемся матче за корону Александра Алехина на 2,5(!) очка.

А. Нимцович — Х.-Р. Капабланка
 Нью-Йорк 1927

Позиция белых труднейшая: слабости на d4 и f4 буквально сковывают их тяжелые фигуры. И черные наметили цель — цугцванг.

38...b5! 39.♖g1 b4 40.ab ab.

Поле c3 теперь под контролем пешки.

41.♖g2 ♜c1.

«Первая позиция цугцванга. Ферзь и ладья, как легко убедиться, не могут двигаться, а продвижение h2-h4 еще более ослабило бы позицию белых; черным лучше всего ответить на это b4-b3, а затем ♜e4-e1 или даже ♜c1-e1. Поэтому белые вынуждены ходить королем, после чего черный ферзь попадает на h1» (*P. Petu*).

42.♖g3 ♜h1 43.♞d3 ♞e1 44.♞f3 ♞d1.

Ход, приближающий цугцванг. Белый ферзь ходить не может, на 45.♖h3 выигрывает 45...♞d2, а на 45.♞b3 последовало бы 45...♞f1 46.♜d2 h4+! 47.♖:h4 ♞f3 48.♞:f3 (или 48.♞:b4 ♖g1) 48...♜:f3 49.h3 b3 50.♜h2 ♜e3 51.♜g3 ♜:d4

52.♜f3 ♜:b2, и черные легко выигрывают.

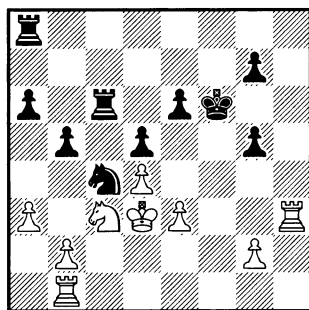
45.b3 ♞c1.

Теперь цугцванг становится вынужденным.

46.♞e3 ♞f1.

Белые сдались, так как избежать приведенного в примечаниях к 44-му ходу варианта они не могут.

Е. Боголюбов — Х.-Р. Капабланка
 Киссинген 1928

Перевес черных определяется, конечно же, не лишней двояной пешкой, но с какой точностью они усиливают свой позиционный пресс.

29...♞ac8 (с угрозой 30...♞:b2) **30.♞a2 a5 31.♞f3+ ♖g6 32.g4 ♞d6 33.♞c3 b4 34.ab ab 35.♞d1.**

На 35.♞a2 черные заготовили 35...♞e4! 36.♞:b4 ♞c4 37.♞a2 ♞c2 38.♞d1 ♞:b2 39.♞c1 ♞:c1!, заканчивая борьбу.

35...♞c2 36.♞f2 b3! 37.♞a1 ♞e4.

Король белых в матовой сети, но что дальше?

38.♞e2 ♞8c6.

Просто так, выжидая? Да нет, это подготовка к одной из знаме-

нитых «маленьких комбинаций» Капабланки, всегда бывших его грозным оружием: тактика помогла стратегии.

39. ♖b1 e5! 40. ♖a1 (естественно, пешка e5 неприкосновенна: **40.de ♖c5+**) **40... ♖6c4 41. ♖a5 ♖c5+**!

Вот и она! Мат неизбежен и белые сдались.

Во всей мировой шахматной литературе есть лишь два сборника партий, проигранных (!) гроссмейстерами. Первый из них посвящен гениальному кубинцу. На то были все основания: за три десятка лет в Больших шахматах Капабланка лишь 35 раз останавливал часы — и это при почти шестистах поединках! Защита его, как и в этой встрече с **Ф. Маршаллом** (Нью-Йорк 1918), заслуживает всяческого признания.

Ферзевый гамбит D64

1.d4 d5 2. ♖f3 ♖f6 3.c4 e6 4. ♖c3 ♖bd7 5. ♖g5 ♖e7 6.e3 0-0 7. ♖c1 c6 8. ♖c2 dc 9. ♖:c4 ♖d5 10. ♖:e7 ♖:e7 11.0-0 ♖:c3 12. ♖:c3 b6 13.e4 ♖b7 14. ♖fe1 ♖fd8.

Изобретенная Капабланкой и применяемая им здесь разгрузочная система избавила черных от дебютных затруднений. Они планируют поставить ферзевую ладью на c8, коня на f6 и провести c6-c5. Прорыв соперника в центре не меняет оценку позиции.

15.d5 ♖c5!

С дополнительной угрозой **16... ♖:e4!**

16.de ♖:e6 17. ♖:e6 ♖:e6?

«Основание» для перехода к защите. Куда сильнее **17... fe 18.b4 ♖ac8** и **19... c5.**

18. ♖d4!

Оказывается, **18... ♖:a2??** ведет к потере ферзя (**19. ♖a1**), а после **18... ♖d7 19. ♖f5 f6 20. ♖g3! ♖h8 (20... c5?? 21. ♖cd1 ♖f7 22. ♖h6+)** **21. ♖cd1 ♖f7 22.h4** у белых перевес как в миттельшпиле, так и в возможном тяжелофигурном эндшпиле.

18... ♖e5! 19. ♖:c6 ♖:c3 20. ♖:c3 ♖d2.

Тонкой жертвой пешки черные избавляются от основных угроз и собираются удержать позицию в ладейном окончании после **21. ♖e7+ ♖f8 22. ♖c7 ♖e8!** (хуже **22... ♖:e4 23.f3 ♖c2 24. ♖c8**) **23. ♖:b7 ♖:e7 24. ♖b8+ ♖e8 25. ♖:e8+ ♖:e8 26. ♖b1 ♖d7.** Попытка белых избежать этого дает сопернику активную контригру.

21. ♖b1? ♖e8! 22.e5.

Или **22.f3 f5!**, и вторая черная ладья стремится на e2.

22... g5!

«Форточка» открыта, ход **f2-f4** предупрежден! Видимо, уже белым надо мечтать о спасении в вариантах типа **23.a4 ♖:c6 24. ♖:c6 ♖:e5 25.b4 ♖ee2 (25... ♖b2 26. ♖cc1) 26. ♖f1 ♖a2 27.a5** или **23. ♖:a7 ♖:e5 24.a4 ♖ee2 25. ♖g3.**

23.h4 gh 24. ♖e1.

На **24.f4** черные продолжали бы как в партии.

24... ♖e6! 25. ♖ec1.

Или 25.♘:a7 ♖g6 26.g3 hg 27. fg ♗h6 с разгромом.

25...♘g7 26.b4 b5.

У белого коня не должно быть опоры.

27.a3 ♖g6 28.♘f1 ♗a2!

Идеальный цугцванг.

29.♘g1.

Затягивало сопротивление лишь 29.e6!? fe 30.♗d3.

29...h3 30.g3 a6!

И снова цугцванг.

31.e6 ♗:e6.

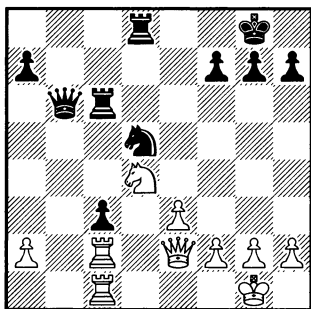
Теперь можно и так, поскольку на 32.♗d8 сразу решает 32...h2+ 33.♘:h2 ♗h6+ 34.♘g1 ♗hlx.

32.g4 ♗h6 33.f3 ♗d6!

Вторая ладья врывается в лагерь соперника, защиты нет.

34.♗e7 ♗dd2 35.♗f5+ ♘f6 36.♗h4 ♘g5 37.♗f5 ♗g2+ 38.♘f1 ♗h2 39.f4+ ♘:f4. Белые сдались.

Комбинационное зрение Капабланки — он одинаково много видел и за себя, и за партнера — тоже всегда было блистательным, что подтверждалось призами за красоту. Она никогда не выступала у Капы самоцелью, но органично вытекала из всей его игры.

Пешка c3 — сила или слабость? От решения этого вопроса зависит вся оценка позиции в партии **О. Бернштейн — Х.-Р. Капабланка** (Москва 1914). Впрочем, пока атакована черная ладья.

25...♗c7!

Одновременно и хорошо завуалированная ловушка, и звено в стратегическом плане черных — после ♗d8-c8 надежно защищенная пешка станет грозной.

26.♗b5 (!!) ♗c5 27.♗:c3?

Белые попались в западню. Но отступление коня позволило бы черным поставить и вторую ладью на вертикаль «с».

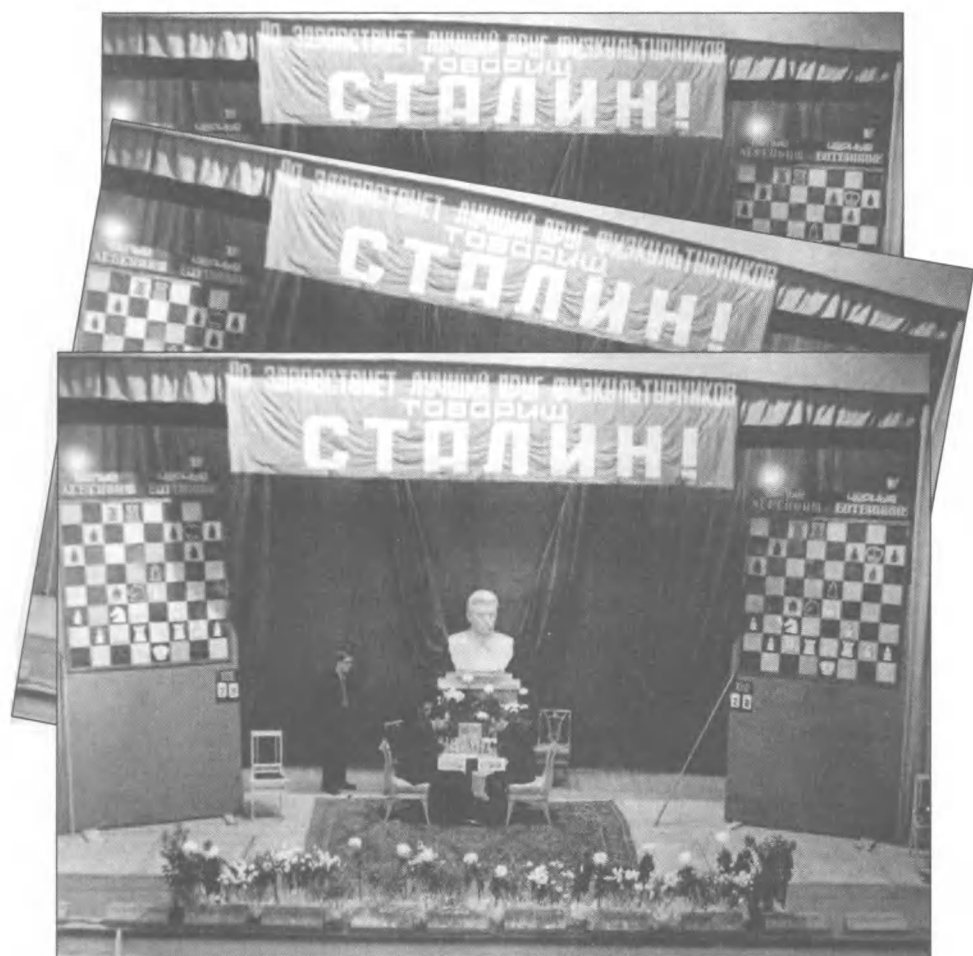
27...♗:c3 28.♗:c3 ♗:c3 29.♗:c3.

Теперь нельзя 29...♗b1+ 30.♗f1 ♗d1 из-за мата по 8-й горизонтали. Зато можно...

29...♗b2!

И белые сдались, так как в случае 30.♗:b2 мат в один ход получают уже они, а после 30.♗c2 ♗b1+ 31.♗f1 ♗:c2 остаются без ладьи.

...После уникального 27-летнего царствования Эмануил Ласкер досрочно при счете +0–4=10 признал свое поражение в 1921 году и повторил при этом благородную формулу Стейница: «Ура в честь нового чемпиона мира Капабланки». Но еще до этого на одной шестой части земной суши распалась шахматная связь времен...

ВЛАСТЬ И ШАХМАТЫ

Орудие культуры. Пролетарской

Что с того, что цвет империи, ушедший в эмиграцию или насильно высланный из огромной страны, злым и не тихим словом поминал Великую Октябрьскую да еще и Социалистическую в придачу? Что с того, что от Балтики до Тихого океана, от Белого до Черного морей прокатились ужасы террора красного, подкрепленного террором белым? Шахматистам России и шахматам на этой одной шестой части Земли революция стала не мачехой, но мамой родной. А расстрелянный деникинцами молодой и сильно талантливый киевский мастер Эвенсон и чуть-чуть не расстрелянный ВЧК Александр Алехин — так это, по глобальным меркам, ничтожная плата за принципиально новое государственное отношение к игре. К тому же, как утверждал старик Хоттабыч, «чуть-чуть — не считается».

Причем первый камень в этой лавине благоприствования тронулся с места усилиями одного-единственного человека. Таким было время, что в обстановке всеобщего беспорядка даже чиновник среднего масштаба (далеко еще впереди тот период маразма, когда каждую ерунду имел право решать лишь Лучший Друг советских физкультурников, и

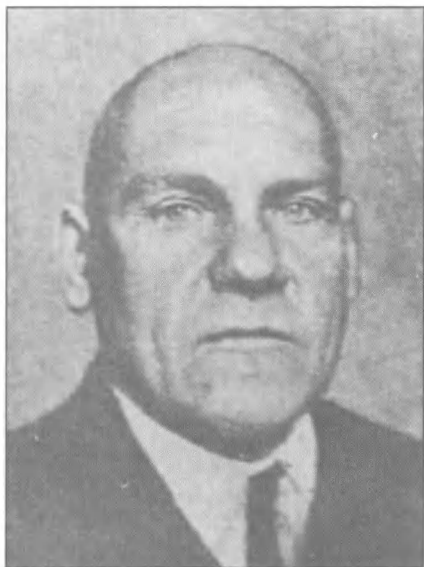
никто больше) взял и запустил по стране волну особого отношения к шахматам. Это был профессиональный революционер и в личном плане весьма порядочный человек, интеллектуал Александр Ильин, в годы своей политической эмиграции выигравший чемпионат Женевы и (по этой причине тоже) обретший вторую фамилию — Жевевский. Позднее в шахматном мире он прославится своей сенсационной победой над чемпионом мира непробиваемым Капабланкой в I Московском международном турнире 1925 года, а тогда, на пять лет раньше, Александр Федорович состоял главным комиссаром Центрального управления Всевобуча. В этом слове ключевой выступала не первая, заглавная, а вторая буква «в», заключавшая в себе слово «военное». А поскольку Революция в полном соответствии с идеями Ленина (к слову, шахматиста примерно второго разряда) и Троцкого (в шахматном отношении вроде бы ему не уступавшего) вот-вот должна была перерасти в мировую, то военное обучение играло роль первостепенную. И когда шахматы по линии Всевобуча вошли в программу допризывной подготовки молодежи, а разбросанные гражданской войной по стране масте-

ра чуть ли не в приказном порядке и под конвоем были собраны в Москву на I Всероссийскую шахматную олимпиаду (так что первым чемпионом РСФСР по праву числится великий Алехин), стало ясно: для мудрой игры подготовлена благодатная почва.

К тому же шахматисты, в принципе люди неглупые, немедленно оценили ситуацию и обратили ее на пользу любимой игре. Не сосчитать, сколько тысяч раз примерно за 60 лет Советской власти растиражированы были — в книгах и кино, газетах и журналах, на стенах шахматных клубов и изб-читален — слова Владимира Ленина: «Шахматы — это гимнастика ума». Только изучите под микроскопом хоть 30-томное, на долгие годы запрещенное 2-е издание собрания сочинений Ильича (пришлось: «под редакцией и с предисловием Л. Б. Каменева», злейшего врага И. В. Сталина и, следовательно, всего советского народа), хоть последнее 55-томное его собрание — нигде и намек на эту тему вы не найдете. И в воспоминаниях современников, с ним в шахматы игравших, — ни гу-гу. По той простой причине, что придумал это один из самых деятельных организаторов нашей шахматной жизни, сначала ленинградец, а затем москвич Яков Герасимович Рохлин. «Вы помните — Ленин говорил о шахматах», — с таким паролем входил он в обко-

мы и горкомы партии, и в городах открывались шахматные клубы, туда приезжали с лекциями и сеансами мастера, гротесмейстеры, чемпионы мира. «Вы помните, Ленин сказал...», — и шахматная жизнь в каком-нибудь Захолустьинске получала новый импульс, потому что тамошняя власть, во-первых, не могла признаться, что Ленина не помнит, а, во-вторых, все освященное «словом» вождя чтילה куда более истово, чем вместе взятые 10 заповедей. И не стоит за этот «тактический удар» строго судить Якова Герасимовича, устроившего в Ленинграде, в частности, тот самый сеанс Капабланки, в котором чемпиона мира победил четырнадцатилетний Миша Ботвинник. На Рохлина и Господь Бог за такую святую, во имя шахмат ложь не сердился, иначе он не отпустил бы ему без малого век жизни.

Правда, без обязательных в России перегибов дело не обошлось. Руководство шахматами, равно как и альпинизмом, взял на себя прокурор республики и очень нужный Ленину человек — Николай Крыленко, и после первого же Всесоюзного шахматного съезда полосы газет и страницы документов запестрели официально признанными лозунгами: «Шахматы — орудие культурной революции», «Шахматы — мощное орудие культурного подъема масс» и «Шахматы — орудие политики». Отзвук именно после-

Николай Васильевич Крыленко: прапорщик, главнокомандующий, прокурор, альпинист, народный комиссар. Расстрелян Властью, которой служил верой и правдой.

днего лозунга и до сих пор витает над нашим шахматным небом, то сгущаясь в грозовые тучи, то несколько рассеиваясь до прозрачного кружева легких перистых облаков. Во всяком случае, одно из решений Всесоюзной шахматной секции в 1925 году дословно звучало так: «Шахсекция считает, что в известных условиях участие рабочих шахматистов в буржуазных состязаниях было бы политически выгодным, поскольку спланивалось бы рабочих вокруг идеи классовой солидарности и противопоставления себя, как класса, буржуазии. С этой точки зрения шахсекция считала бы в извест-

ных условиях возможным участие шахматной пролетарской организации в международных турнирах с тем, чтобы победой над буржуазными мастерами поднять в среде пролетарских масс уважение к себе и веру в свои силы и молодые дарования.»

А еще через десяток лет...

«Усиление государственного контроля над работой спортивных организаций... открывает широкие перспективы.» Это уже не что-нибудь, а передовая статья газеты «Правда», то есть директива, обжалованию не подлежащая.

Да и сам Крыленко, изнутри познавший кухню взаимоотношений в высшем эшелоне власти, отнюдь не бездарно умел воздействовать на всех тех, чье покровительство шахматам шло на пользу:

«Шахматы являются тем исключительным произведением человеческого гения, которое совмещает в себе ряд элементов, свойственных целому ряду отраслей культуры. Они требуют, прежде всего, последовательности и методичности в мышлении, что их роднит с наукой. Они включают в себя богатейшие элементы художественного творчества, что их сближает с искусством. Они в то же время — непосредственная борьба, и борьба напряженная, требующая гигантской выдержки и железной воли, что их роднит не только со

спортом, но, что гораздо важнее, — с общественным творчеством, с политической деятельностью. И как орудие культуры, и как могучее средство воспитания лучших качеств человека, и как средство развития эстетических, интеллектуальных, художественных и волевых качеств в человеке — шахматы представляют собой такое могучее средство именно культурного воспитания и перевоспитания людей, что пренебрегать ими и недооценивать их могут только невежды или ограниченные люди, не способные понять ни всего многообразия жизни, ни, в частности, многогранности человеческого творчества.

...Но только в Советской стране шахматы получили это свое признание...»

Таким образом — впервые в истории — шахматы из-под финансовой опеки отдельных лиц (пусть даже изредка и королей) перешли под опеку государства, получив тем самым невидимую «пайзцу Чингисхана» — знак покровительства, благоволения и... большей или меньшей сытости. Как следствие — крупнейший международный турнир 1925 года в Москве, II и III Московские международные турниры в середине 30-х годов. Они собирали весь цвет мировых шахмат за исключением эмигранта Алекина, условия участникам предлагались поистине царские. Шахматы полноправно вошли в

программу Всесоюзной Спартакиады: тогда же на волнах радиостанции им. «Коминтерна» впервые в мире прозвучали специальные шахматные выпуски, вел их мастер и арбитр Николай Григорьев. За шахматную доску сели женщины — в царской России это выглядело нонсенсом. Кое-где появилась Игра и в нищих лапотных колхозах; правда, победитель всеколхозного чемпионата и в конце 30-х играл примерно в силу третьеразрядника середины 50-х, но факт остается фактом: ранее по всей России (но не Империи: в ее кавказских и среднеазиатских владениях и в юртах, и в саклях черно-белая доска встречалась в самые стародавние времена) вряд ли реально было найти селянина-шахматиста. Легенды, разумеется, ходили: про оброчного холопа князя Курлятева Ивашку Шустрого (правда, он все же не пахарь был, а слуга при помещицьем дворе), про послушника монастырского Павла, нарушившего строжайшее указание — «священникам, диаконам и монахам в кости, тавлеи, шахматы не играти, души своей не губити», но и он лишь выходцем был из настоящего крестьянства. Только то — легенды, а шахматы в крестьянской еще Советской стране 20-х годов постепенно становились реальностью.

Еще важнее было создание и «самопроизвольное» появление в центре и в регионах шахмат-

ных журналов: в Петрограде-Ленинграде и Москве, на Украине, в Татарии. Относительно незадолго до расстрела Крыленко смог организовать и первую в мире шахматную газету: и теоретическая, и чисто спортивная информация доходила теперь до советских игроков куда оперативнее, чем это происходило во всем остальном мире. А турнирные бюллетени по принципу: сегодня партия сыграна — послезавтра опубликована! По сей день за ними гоняются серьезные шахматные библиофилы: без этой ярчайшей приметы времени нет и не может быть полной картины Века.

Но, сделав великое доброе дело для Шахмат (о чем все прекрасно знают), Власть параллельно обратила в рабство Шах-

матистов (о чем все задумывались гораздо меньше).

Где играть, сколько и с кем — стало лишь ее прерогативой, а ведь управлять душевной склонностью и профессией человека — значит управлять и самим человеком. Для Михаила Таля, например, не играть — означало не жить, а его однажды в 7 часов утра сняли с трапа самолета в международном аэропорту Шереметьево: не только ему, но и всем Власть еще раз напоминала «ху из ху», кто есть кто. Смертельно бледным вышел однажды из высокого спортивноначальственного кабинета гроссмейстер Юрий Балашов и, начав доигрывание отложенной партии, демонстративно подставил ферзя Анатолию Карпову: тот впервые в ранге чемпиона мира (провозглашенного, потому эпитет «бумажный тигр» всю гулял еще по страницам зарубежной печати) участвовал в первенстве СССР, стартовал провально и надо было спасать королевскую репутацию. Аналогичная история случилась в том турнире и с мастером Кареном Григоряном... Пусть не сам Анатолий Евгеньевич все это инициировал: Власть опекала того, на кого сделала ставку.

И еще подкрепление — рассказ гроссмейстера Эдуарда Гуфельда.

«Я, наверное, не только чемпион мира в игре по телетайпу в составе советской команды, но и

чемпион мира 60-х годов по неучастию в международных турнирах. Правда, это чемпионство досталось мне безо всякого на то желания и в упорной борьбе... против него. Чего стоит одно только отчаянное письмо в Управление шахмат Спорткомитета СССР: «Согласен участвовать в международном турнире на территории стран капиталистических, стран социалистических, стран «третьего мира» и даже стран, которые в своем историческом развитии миновали ту или иную общественную формацию». Письмо, говорят, произвело сенсацию, один из моих бывших шахматных руководителей до сих пор хранит его на память. Но увы... даже такой высокий уровень моей политической подготовки не принес желаемого эффекта: каким невыездным я был, таким же и остался...

Приведу для примера несколько памятных фрагментов из моего шахматного бытия. Год 1975-й. Тот самый, в котором Роберт Фишер отказался защищать звание чемпиона мира. Лыщу себя мыслью, что Фишер обязательно играл бы матч, если бы знал, что от его решения первым в шахматном мире пострадает... Эдуард Гуфельд...

Почему? С точки зрения чиновников все логично: Карпов провозглашен чемпионом мира без традиционного матча с предыдущим чемпионом, и спортивному руководству казалось

необходимым срочно лишний раз всех убедить, что он сильнейший. Итак, пусть это продемонстрирует в ближайшем турнире в Портороже — Любляне, сильным по составу и в те годы престижным. И стоит ли считаться с такой «мелочью», что на него запланирован Эдуард Гуфельд? Какое это имеет значение? И стоит ли просить югославскую федерацию расширить турнир на пару мест: для нового чемпиона и его тренера? Организаторы турнира отнеслись бы к этому с пониманием. Но «одалиживаться» хозяину международной советской федерации не пристало. И начальник Управления шахмат Спорткомитета СССР, в прошлом военный прокурор полковник Виктор Батуринский без лишних слов вычеркнул меня из списка участников.

Или вот еще две забавные (для шахматного начальства) истории. Спустя два года меня снова «наметили» в международный турнир. И тот же Батуринский понес (а может, и не понес, кто кроме него самого знает?) к начальству на подпись приказ, но когда вернулся в Центральный шахматный клуб СССР, пыхнув сигарой, объявил мне:

— Вы не едете!

— Как?!

— Пришло сообщение: в СССР из-за рубежа не возвращался гроссмейстер Альбурт. Пришлось принять меры.

— Но при чем тут я?!

— При том...

В следующем году я вновь собирался играть. Но «вы будете очень смеяться»: в Канаде, благополучно проскочив полицейский кордон, с рейса Аэрофлота убегает мастер Иванов. И Батуринский, видимо, позабыв о нашем прошлогоднем диалоге, вновь «доверительно» повествует мне, пуская клубы сигарного дыма: «Шел к начальству за подписью, узнали про Иванова, велели принять меры...»

Что здесь скажешь? Если можно вычислить некую генетическую связь между Альбуртом и Гуфельдом, то надо обладать незаурядной фантазией, чтобы установить параллель между Гуфельдом и И-ва-но-вым, если, конечно, Иванов ранее не менял фамилию...

Забегу немного вперед. Прошло время, практическая игра во многом уступила в моей жизни место тренерской, лекционной и, наконец, литературной работе. И вот только что вышедшую свою книгу я подарил Батуринскому, владельцу одной из крупнейших в мире частных шахматных библиотек, с надписью: «Виктору Давыдовичу Батуринскому — человеку, который делал все возможное, чтобы я стал тем, кем я стал, а не тем, кем я мог стать». Батуринский, отошедший в то время от трудов праведных, перелистывал ее с легкой понимающей улыбкой.

Впрочем, однажды удался «реванш» и мне.

Было это в 1971 году, когда я получил приглашение на довольно крупный, а в то время для меня очень престижный мемориал Ласкера в Берлине. Получил заграничный паспорт, билет и... уверения, что могу спать спокойно. Спускаюсь по мраморной лестнице Центрального шахматного клуба СССР, в вестибюле случайно встречаю другого бывшего киевлянина Д. Бронштейна. Он мне жалуется, что тоже оформлен на турнир в Берлине, но не едет, так как «мест больше нет» — квота советских участников исчерпана.

Я очень удивился. Как так? Ведь Бронштейн — один из сильнейших наших гроссмейстеров. Это ему принадлежит реплика по поводу решающей партии матча с Ботвинником: «Совсем не думал о том, что в один ход теряю сразу два звания — чемпиона и экс-чемпиона мира».

Все это я мгновенно вспомнил и подумал: как же так, такой шахматист, который, если бы сделал другой ход конем, мог стать чемпионом мира, останется вне игры? Немцы пригласили его на турнир, но наша федерация почему-то не посылает. А я — молодой, неопытный — еду. Несправедливо! И принял совершенно неожиданно для себя решение: отказаться от поездки в пользу Давида Ионовича.

Обратно идти по лестнице было труднее, но когда в федерации я официально заявил, что отказываюсь ехать в Берлин, а вместо меня прошу направить Бронштейна, руководители наших шахмат застыли примерно в той же позе, что и герои гоголевского «Ревизора» в финальной сцене. Очевидно, это был первый случай подобного рода в истории советского спорта.

Даже значка с этого турнира я не получил, но в виде «компенсации» выиграл у Бронштейна одну из ближайших наших партий, и моя коллекция пополнилась.

Ну, а «мальтийский крест»... В 1980 году на Олимпиаде в Ла-Валетте женская сборная страны впервые состояла только из грузинских шахматисток и стартовала совсем не так удачно, как рассчитывали.

Не надо забывать: в те годы выступления наших спортсменов за рубежом рассматривались с точки зрения «большой политики»: успехи подтверждали преимущества социалистической системы, а неудачи, очевидно, лили воду на мельницу капитализма. И вот на заседании высшего грузинского руководства кто-то обращает внимание на неуверенную игру своих шахматисток и предлагает довести до сведения Спорткомитета СССР, что Грузия считает необходимым срочно послать на помощь гроссмейстера Гуфельда.

После этого меня энергично искала милиция Тбилиси и, узнав такое, я откровенно обрадовался. Во-первых, потому, что действительно принес бы пользу: ведь чемпионка мира Майя Чибурданидзе доросла до трона не без моего участия, да и с другими членами команды я не раз работал на тренировочных сборах. А, во-вторых, на загадочной Мальте, от одного названия которой так и веет средневековьем, рыцарями, пиратами и прочей экзотикой, мне бывать не доводилось.

Немедленно по правительственной связи решение сообщили председателю Спорткомитета СССР С. Павлову. Тот отреагировал живо: «Очень правильно, но ведь ваш гроссмейстер «невыездной» (был такой термин, хорошо понятный, правда, лишь на одной шестой части планеты). — «Станет выездным!»

И уже в вечернем самолете в Москву вылетели не только я с председателем республиканской шахматной федерации, но и фельдъегерь с сокровенным пакетом, где хранилась моя выездная судьба.

Но... Общесоюзный спортивный руководитель уже тогда, задолго до своего превращения в Чрезвычайного и Полномочного Посла СССР, обладал дипломатическим даром: он немедленно переговорил с главой нашей делегации на Олимпиаде, все тем

же Батуриным. Тот просчитал несложный вариант: если женщины проиграют, с Гуфельдом или без него, все равно влетит Батуринскому, и еще как влетит! Если женщины выиграют при Гуфельде — тоже влетит, хотя и не сильно: почему, дескать, сам правильно не подобрал тренеров. Если же женщины выиграют без этого чертова Гуфельда — он, Батуринский, герой вдвойне.

Надо ли объяснять, каким оказался его ответ. Председатель Спорткомитета не настаивал: он ведь хотел помочь, а если не надо — то не надо...

Я вернулся в Тбилиси и вскоре начал через ОВИР оформляться на турнир в Чехословакию по приглашению организаторов и... Казалось бы, и страна социалистическая, и расходы наше государство не несет, ан нет — не пускают. И при этом говорят какую-то ерунду о том, что по поводу выдающихся (!) деятелей (!!) культуры (!!!), к которым я отношусь (!!!!), нужно особое решение. Приятно, конечно, получить столь высокую оценку, но одновременно я понял, что здесь что-то не так. Отправился к высокому начальству, и, наконец, услышал признание:

— Вас отправляло на Мальту высшее руководство республики! Почему же вы не поехали?

Все стало ясно. Если меня не пустила Москва, значит, за мной что-то есть. И нечто страшное, известное только Москве! А ее спрашивать не принято. Легче дать ОВИРу соответствующую команду.

Я начал объяснять, что не шпион... Помогло ли мое красноречие, или то, что я каждую неделю комментировал по тбилисскому телевидению шахматы, или еще что-то, но я вдруг услышал:

— Хорошо, Эдуард Ефимович, мы постараемся...

Через несколько дней мне домой позвонил сам начальник республиканского ОВИРа: «Ваш паспорт готов, можете ехать».

Я очень вежливо поблагодарил и добавил, что турнир начался позавчера. Расстались мы друзьями. Я чувствовал за спиной тень мальтийского креста, мой собеседник — удовлетворение от честно исполненного долга...

А потом... Потом «скорый поезд» моей спортивной биографии уже ушел...»

ТВОИ СЫНОВЬЯ, ГУЛАГ

*«...Я была тогда с моим народом,
Там, где мой народ, к несчастью, был».*

Эти строки пронзительного «Реквиема» Анны Ахматовой — и о шахматистах тоже. Далеко не худшая часть советского народа — грамотная, думающая, деятельная, они разделили со всеми и в полном объеме все те репрессии, что Власть обрушивала на своих мало-мальски заметных граждан, а порой и на незаметных. Ни одна страна мира во всей истории человечества не подвергалась столь массовому и столь продолжительному террору со стороны собственных властителей — изверги типа Гитлера, Пол Пота и людоеда-императора Бокасса и в подметки не годились вождям светлого социалистического общества.

Доводилось читать в шахматных изданиях, что вот в процентном отношении шахматистов преследовали меньше, чем, к примеру, военных или ученых. Но, во-первых, какие могут учитываться проценты, если речь идет о человеческих жизнях. А, во-вторых... Один расстрелянный гроссмейстер из десятка имевшихся — это много или мало? Два из пяти братьев-композиторов — это крохи? Десятки известных в шахматах человеческих фигур, тысячи и сотни тысяч любителей Игры — не слишком ли великая кровавая дань за

вполне заинтересованное, доброе отношение к фигуркам деревянным и к их «вкладу» в строительство нового мира? Вопросы, как вы понимаете, риторические.

Их всех, прошедших этапами ГУЛАГА — Главного Управления лагерей ВЧК-ГПУ-НКВД-МГБ-КГБ, — не перечислить. Тем более, обо всех не написать. Огоньками в памяти рассыпаны рассказы о них — и их, уцелевших, рассказы — по многим газетным и журнальным страницам, многое шло из уст в уста и — не забывалось. Слишком глубокими шрамами рисовалось это на сердцах и судьбах людей, чья жизнь в один миг оказывалась перевернутой. Жизнь, по сути дела лишь начинавшаяся...

«В 1935 году на меня возложили обязанность возглавлять совместно с шашечными мастерами Тимковским и Шебедевым шахматно-шашечную секцию ДСО «Энергия» (в те годы я уже работал в «Мосэнерго»). Я проводил командные соревнования в клубе «Красный луч» на Раушской набережной, пригласил Андрея Либиенталю дать сеанс одновременной игры, проводил сеансы в подшефной школе. В этом же году многократно бывал на 2-м Московском международном турнире, проходившем в Музее

изящных искусств. Впервые увидел Ботвинника, Флора, Шпильмана, Веру Менчик, которая после турнира в сеансе на 10 досках сокрушила наших шахматисток.

А в одну из страшных ночей 1937-го к нам явились пятеро незванных гостей и увезли меня вместе с больным отцом на Лубянку. Так завершилась первая половина моей 60-летней шахматной деятельности», — это повествование 29-летнего в ту пору Сергея Романовича.

«В Таганской тюрьме, где я провел около двух месяцев, шахматы были единственным якорем спасения от тоски по дому, отчаяния, сознания своего бессилия. Мы лепили фигуры и пешки из хлебного мякиша, посыпая половину зубным порошком...

А потом нас повезли на восток строить Куйбышевский гидроузел, который после начала войны был законсервирован. Пять с половиной лет лагерей были годами голода, болезней, унижений и непосильного физического труда. Однако природный оптимизм и здоровый организм сделали свое дело. На фоне тысяч смертей от дизентерии, цинги и пеллагры я закалился, духовно окреп, сжал зубы и выжил. Весной 1943 года группу освободившихся «врагов народа» отвезли в военкомат. В действующую армию нас не брали, видя в нашем лице представителей «пятой колонны», а направили в стройроту КЭЧ.

В 1944-м году мне удалось организовать шахматное первенство Приволжского военного округа и в борьбе с киевским первоарядником капитаном Локшиным занять первое место.

А в 1945-м, по окончании войны, строительные войска формировали и предложили репрессированным в 48 часов покинуть Куйбышев, так как он считался режимным городом. С превеликим трудом я добрался до Рязани, где и пустил корни на столетия...

Да, очень многим из них было около тридцати, но далеко не всем довелось выжить. Никто не знает, какого числа в октябре 1936-го пуля оборвала мысли одного из сильнейших первокатегорников Ленинграда художника Николая Салмина, десятилетием раньше игравшего в первом международном матче советских шахматистов с командой Стокгольма: на соседних досках выступали Ильин-Женевский, Ботвинник, Леонид и Арвид Куббели. Арвид был старшим в этой удивительной тройке братьев-композиторов, известных буквально всему шахматному миру еще с дореволюционных времен. Сотни задач и этюдов числились за каждым, а «старшенький» и в практической игре не уступал мастерам. Да вот провинился тихий бухгалтер районного спортобщества «Спартак»: отправил несколько задач в одну немецкую газету и не догадался те-

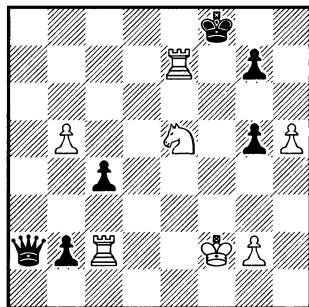
леграфно отозвать их, как это сделал брат Леонид, когда на выборах победил Гитлер. Четыре года спустя в конце самого страшного 37-го его осудили на 10 лет без права переписки. Это был замаскированный расстрел.

Почему-то именно шахматные композиторы «в процентном отношении» гибли чаще других. То ли считались менее ценным «материалом» в великой шахматной стройке, то ли имена их чаще мелькали в газетах, да еще над заметными в сплошном тексте шахматными диаграммами... Гипотез можно выдвигать множество, аксиомой же выступала война против собственного народа во имя Великого Страх: той силы, что сковывает, обезволивает и заставляет оставаться рабами всех.

И вот отправлен за решетку один из братьев Платовых — Михаил. Помните, он один из авторов той самой «красивой штучки», которая так восхитила основной лик в советской социалистической иконографии? Только какое это имело значение, если ведущий инженер одного из военных заводов Серпухова как-то без особого почтения отозвался о «Ленине сегодня», то есть о Сталине. Из десяти приговоренных лет Михаил Николаевич просуществовал в Каргопольском лагере на Архангельщине лишь год. Нет, не просуществовал — прожил! В голоде, холоде и стремительно

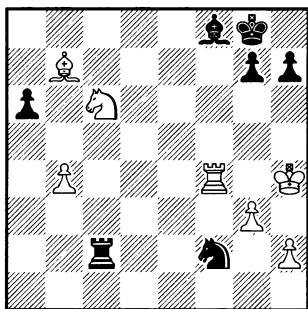
нараставших болезнях он в письмах просил информацию о матче Алехин — Эйве, благодарил за присланные — и тщательно, на просвет изученные тупым лагерным начальством — шахматные журналы. Сам же 11 июня 1938 года отправил брату и соавтору Василию Платову свой последний, за колючей проволокой созданный этюд на символическую, по-моему, в тех обстоятельствах тему «вскрытого нападения».

1. ♖g6+ ♜g8 2. ♚ce2 (с угрозой мата в 2 хода) 2... ♛a3! 3. ♚e8+ ♜f7 4. ♖e5+ ♜f6 (естественно, жертву ладьи принимать нельзя из-за вскрытого шаха с выигрышем ферзя) 5. ♚e6+ ♜f5 (вновь отклоняя данайский дар) 6. g4+ ♜f4 7. ♚e4+! (вторая ладья ложится на плаху) 7... ♜e4 8. ♖c4+.

Конечно, у братьев Платовых в совместном творчестве и у каждого в отдельности есть десятки более сильных, более ценных в эстетическом отношении композиций. Только вот дороже этого этюда, наверное, нет ничего...

А задатки будущего прекрасного этюдиста просматривались у школьника Сережи Каминера еще в первой, по-видимому, опубликованной партии... Михаила Ботвинника. В такой позиции

белые недооценили сеть, наброшенную на их короля, сыграли 1. ♚d4 и — получили чистый мат после 1... ♚c6! 2. ♙:c6 ♙e7+ 3. ♜h5 g6+ 4. ♜h6 ♖h3! Взять под контроль сразу оба «матующих поля» g5 и f8 белые не в силах.

Постепенно Каминер стал композитором с Большой Буквы. Его этюды один из основоположников этого жанра в России Василий Платов ставил наравне с творениями классика А. Ринка, 12 (!) его произведений вошли в «Альбом ФИДЕ», посвященный композиции 1914–1944 годов. Увы, этого Каминер уже не увидел...

«Была осень 1937 года. Я играл в Москве матч на первенство СССР с Г.Левенфишем. Неожиданный телефонный звонок, и в номер гостиницы «Националь» является Сережа Каминер.

— Здесь в тетради, — говорит он, — все мои этюды, некоторые еще недоработаны. Возьмите их себе. Боюсь, что у меня они пропадут.

Увы, тревога оказалась обожнованной».

Это — свидетельство Михаила Ботвинника, почему-то переведшего их взаимоотношения на «вы», хотя дружили они с детства, с того самого их товарищеского матча 1924 года, когда одному было 13, другому — 16 лет. Но не в том суть. Видный инженер-технолог, занимавший уже заметную должность в Москве, Каминер был расстрелян в начале 1938-го. Свои взгляды на этюдную композицию, которые изложил в серьезных теоретических статьях, осуществить на практике он не успел...

Обычно в те годы книги, журналы, даже отрывные настенные календари с упоминанием о «врагах народа» немедленно изымались из обращения. Шахматы были областью специфической, интеллект НКВД до них не вполне дорос, и еще в сталинское время студентом-первокурсником я купил у букиниста за смешную по тем понятиям цену первый том «Шахматного ежегодника» — первый до войны и последний. Он вышел в свет примерно за 9 месяцев до ареста Каминера...

Нет, всех их перечислить невозможно — поклонников шахмат, мучеников ГУЛАГА. С 1930 года — одновременно с будущим академиком, патриархом русской культуры Дмитрием Лихачевым — в печально знаменитый СЛОН — Соловецкий лагерь особого назначения, любимое детище само-

го «железного Феликса» — угодили поэт Юрий Казарновский, чьи стихи под названием «Шахматы» по недосмотру лишь крепнущей советской цензуры появились в печати тогда, когда их автора отделяли от мира старинные монастырские стены, заплетенные колючей проволокой, и стылые воды Белого моря:

...Все будет, как мечтал

Вольтер,

С одной поправкой основною:

Войну Всемирный СССР

Заменил шахматной доскою.

И боев дикое убранство

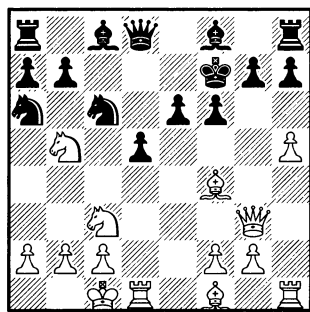
Забудет просветленный мир.

С веселой песней новобранцы

Пойдут на шахматный турнир.

За стихи — точнее, за эпиграмму на них — получил 10 лет Соловков и Александр Бобрищев-Пушкин, получивший некогда приз за красоту в турнире по переписке 1908-1910 годов, организованном популярнейшим дореволюционным журналом «Нива».

Бобрищев-Пушкин — Тимофеев

14. ♖c4! ♜e7 15. ♞d6+ ♔g8
16. ♞:d5 ed 17. ♚:d5 ♜e6 18. ♞f5

♠:f5 19. ♖:d8 ♙:c4 20. ♚c3. Черные сдались.

А эпиграмма... Посвященная знаменитому «Мистеру Твистеру», она позабавила его автора.

*«Дети, не верьте, врет вам
Маршак,
Мистер Твистер — совсем
не дурак,
Быть не могло этой глупой
истории
Ни в «Англетере» и ни
в «Астории».*

Впрочем, строки эти, конечно же, послужили лишь поводом. А потом, когда Соловецкие острова руками заключенных превратились в базу военно-морского флота, в море вышла баржа «Клара» с остававшимися в живых узниками. Вышла — и никуда не пришла. На борту среди других числился член правления Петербургского шахматного собрания и Комитета по организации знаменитого Петербургского международного турнира чемпионов 1914 года, потомок декабриста и защитник Бейлиса в печальном процессе времен царской реакции, столбовой дворянин Александр Владимирович Бобрищев-Пушкин...

Международный арбитр профессор Сергей Гродзенский, много сил и времени отдавший поиску материалов об узниках совести, рассказывает:

«Студента 3-го курса Челябинского пединститута, комсомольского активиста Владимира Левицкого арестовали в 1946 году.

Его однодельцами стали несколько молодых поэтов и прозаиков. Всем им инкриминировалось участие в выпуске рукописного журнала «Снежное вино» и подготовке журнала «Барабанщик», девизом которого должны были стать крамольные для того времени строчки Г.Гейне в переводе В.Левицкого:

*Людей от сна барабаном
буди,
Зорю барабань, поднимая
народ,
Бей, пока бьется сердце
в груди,
С боем барабанным смело
вперед!*

Когда на первом допросе следователь спросил, с какого возраста Владимир сочиняет стихи, то услышал в ответ: с 7 лет. И в протоколе допроса появилась запись, что подследственный занимается контрреволюционной деятельностью... с семилетнего возраста.

После перевода в таежный лагерь под Верхним Уфалеем Левицкого отправили на лесоповал. Здесь условия были таковы, что совсем немного времени потребовалось, чтобы превратиться в «доходягу-фитиля». Когда физическое состояние Владимира дошло до критического даже по лагерным понятиям, его направили в лазарет. Здесь его ангелом-хранителем стал помощник начальника санчасти — шахматист второго разряда. И пошла жизнь у Владимира по своеобраз-

ному режиму: днем — сон, а ночью — игра в шахматы. Лекарь старался получить больше уроков шахмат и потому продержал квалифицированного тренера на постельном режиме дольше, чем это предусмотрено порядком «исребительно-тудовых». То был весомый шанс на выживание. Недаром в лагере говаривали: «день кантовки — месяц жизни».

Следующий этап «крутого маршрута» Владимира Левицкого пришлось на печально известный «Степлаг» в Джезказгане.

После тяжкого труда Владимир хотелось забыться за шахматами. Он вспоминает: «Сложим мы, бывало, с напарником шестикубовый штабель из камня, ложимся под него, расчеркиваем доску, выбираем камешки, формой напоминающие шахматные фигуры, и играем...

Среди моих партнеров был известный генетик, профессор В.П. Эфроимсон. Играл Владимир Павлович импульсивно, взволнованно, в силу второго разряда. Дружба с ним, зародившаяся когда-то в лагере, продолжалась затем десятилетия вплоть до его кончины. Это был настоящий человек, убежденный борец против сталинизма и лысенковщины. Среди «зэков» встречались квалифицированные шахматисты — кандидаты в мастера и перворазрядники.

С кандидатом Николаем Мирошниченко мы даже играли матч на звание чемпиона Джез-

казганского отделения Степлага. Для поединков с Мирошниченко мне давали разовый пропуск из второго лагпункта в первый, где отбывал срок партнер, и надзиратель благосклонно пропускал меня через проход в каменной стене, а когда я возвращался, он осведомлялся: «Ну как?» Он был патриотом своего лагпункта.

Матч, кстати, я выиграл.

Испанская партия C70
В. Левицкий — Н. Мирошниченко
Степлаг 1951

1.e4 e5 2.♘f3 ♘c6 3.♙b5 a6
4.♙a4 b5 5.♙b3 ♙c5 6.♘:e5 ♙:f2+
7.♙:f2 ♘:e5 8.d4 ♙f6+ 9.♙g1 ♘g6
10.e5 ♙b6 11.♙f3 ♙:d4+ 12.♙e3
♙:e5 13.♙:f7+ ♙e7 14.♙:g6 hg
15.♙f2 ♙f5 16.♙g5+ ♘f6 17.♙e1+
♙f7 18.♙f4 d5 19.♘c3 c6 20.♙g1
♙e6 21.♘e2 ♘h5 22.♙c3 ♘f6
23.♙:c6 ♙ac8 24.♙:a6 ♙c4 25.♙g3
g5 26.♘d4! Черные сдались
(26...♙:d4 27. ♙a7+).

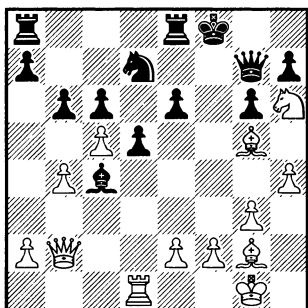
И, конечно же, самым квалифицированным среди шахматных жертв Власть стал гроссмейстер Владимир Петров, выигрывавший в международных турнирах у Алехина и Тартаковера, Пирца и Штальберга. Он брал первые места на доске, выступая на Всемирных шахматных Олимпиадах с 31-го по 39-й год, обгонял в таблицах чемпиона мира Алехина, Кереса и Файна в расцвете их сил, на сильнейшем турнире в Кемери-37 раз-

делил первое место с Решевским и Флором — тогдашним, всех пугавшим.

Вместе с Латвией став советским, Петров довольно быстро осваивался в новой для себя шахматной среде.

В. Петров — М. Стольберг
12-й чемпионат СССР
Москва 1940

27. ♖d4!

И атака белых сразу становится неотразимой.

27...e5 28. ♜d2!! ♜ed8.

После 28...ed черные получали мат — 29. ♜f4+ ♘f6 30. ♙:f6 ♜d7 31. ♙d4+ ♜e7 32. ♜f6x, а при 28... ♜e6 29. ♜:c4 dc 30. ♜c3 b5 31. ♙:c6 сам Петров оценивал позицию черных с двумя лишними качествами как безнадежную.

29. ♜:c4 dc 30. ♜d6+ ♜e8 31. ♜e6+ ♜f8 32. ♙e7+, и ввиду неизбежного мата черные сдались.

Война застала его в лидирующей группе ростовского полуфинала СССР. Петров возвратился в Москву, поступил на работу переводчиком Всесоюзного радио (в архиве Гостелерадио СССР я нашел им написанную автобиографию и анкету — он свободно говорил и по-немецки, и по-английски, и по-латышски, и французский был ему не чужд). Параллельно занял еще вторые места на трех турнирах военных лет — дважды в Москве (в том числе на полулегендарном чемпионате прифронтового города осенью-зимой 1941 года) и в Свердловске в 1942-м. Ни играть, ни жить ему больше не довелось. Статья Уголовного Кодекса РСФСР была обычная, политическая, 58-я, обвинение — в контрреволюции. Именно так, вспоминает писатель Илья Эренбург, в сентябре 1941 года был отправлен в ГУЛАГ дипломат Николай Иванов. Ему вменили в вину «антигерманские

настроения» двухлетней давности; в день так называемого суда фашистские войска рвались к Москве. Иванову все же повезло: выжил. Петрову — нет...

...По злой иронии судьбы в особняке на Гоголевском буль-

варе Москвы, отданном шахматистам под Центральный клуб страны и в далеком прошлом принадлежавшем влюбленной в Чайковского баронессе Надежде Филаретовне фон Мекк, ранее располагался... «Дальстрой». Одно из управлений ГУЛАГА.

Заложники

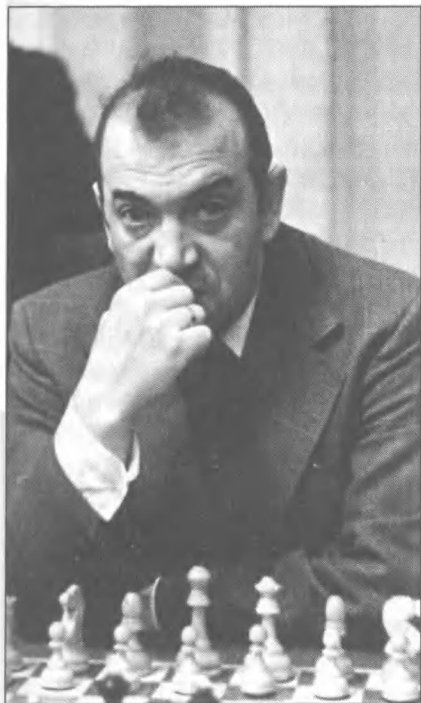
В полном объеме свою беспринципность Власть проявила и в трагической эпопее с семьей Виктора Корчного.

Его жена, милая душевная Изабелла, гостеприимная, домовитая и — в отличие от супруга — доброжелательная к людям, несколько дней пребывала в полном ступоре, узнав о невозвращении мужа из-за рубежа. Хотя — опять-таки в отличие от Виктора Львовича — еще не понимала в полном объеме, чем это грозит ей и сыну, как раз в те дни заканчивавшему школу.

О-о, какая паника поднялась в прославленном Ленинградском Политехническом, когда через месяц в его приемную комиссию принес свои документы Игорь Викторович Корчной, 1959 года рождения, русский (при отце — наполовину еврее и матери — чистокровной армянке), проживающий на Васильевском острове великого города. Сам ректор звонил в Москву по этому случаю, получив несколько дней спустя из Министерства высшего обра-

зования СССР воистину соломонов ответ. Правда, свои решения мудрый царь иудейский принимал самостоятельно, а тут отчетливо торчали уши Старой площади — места дислокации всевластного ЦК: «К экзаменам допустить, специально не «заваливать», но каждый предмет принимать строго и коллегиально». В результате — случай неслыханный: парень держал приемные испытания аж перед тремя экзаменаторами, и только Бог знает, сколько из них в душе ему сочувствовали. Подготовлен он был достойно, умом ни Всевышний, ни отец родной не обидели, и Корчной-младший стал студентом Политеха. На целых 8 месяцев.

Нет, из института его не исключали. Это мама Белла, получив организованный мужем вызов из Израйла (по советскому паспорту Виктор Львович числился русским, а по иудейскому канону он как сын еврейки и сам был таковым), подала заявление на выезд из СССР и — вот она, недальновидность (шахматистка

так никогда бы не поступила): забрала сына из института перед самой летней сессией. Разрешения уехать ей, естественно, не дали, а сын — начал получать... повестки из военкомата.

Впрочем, этим военные пока ограничивались и довольствовались причитаниями Беллы, что сына нет дома, что он в отъезде и прочей неправдоподобной ерундовиной. «Злодей» же тем временем давал одно «клеветническое» интервью за другим (Власть особо обиделась на то, что их публиковали не только продажные капиталистические газеты и журналы всего мира, но и вроде бы социалистическая югославская

пресса: было даже предписано в обширном и, разумеется, секретном решении Секретариата ЦК КПСС под пунктом девять — «Газете «Советский спорт» опубликовать реплику в адрес югославской печати, которая систематически помещает оскорбительные высказывания Корчного в адрес чемпиона мира»), обращался за помощью ко всем мыслимым и немыслимым международным организациям и — как танк шел напролом на штурм шахматного Олимпа.

Добившись права на матч с Карповым, перед самым вылетом на Филиппины в аэропорту Цюриха Корчной обнародовал свое письмо Генеральному Секретарю ЦК КПСС, одиннадцати-кратному Герою почти всех стран социалистического лагеря Леониду Ильичу Брежневу; по окончании перелета оригинал его передали в советское посольство в Маниле:

«...С момента подачи заявления на выезд моей семьи прошло около года. Положение у них катастрофическое. Они лишены средств к существованию, возможности работать или учиться. Моего сына, который уже год как решил проститься с родиной, хотят забрать в армию... я обращаюсь к Вашему милосердию, господин Председатель. Прошу Вас проявить сострадание к двум гражданам СССР, жизнь которых волею судьбы не связана с жизнью советского общества, и разрешить им выезд из Советского Союза».

(Другое дело, что к тому времени семья нужна была Корчному в лучшем случае процентов на 50, но это — совсем другой разговор).

Однако КГБ сыграл «на опережение». Еще 12 июня 1978 года на своем бланке за № 1167-А и под грифом «Секретно» в ЦК КПСС ушло послание «О нежелательности выезда за границу семьи невозвращенца Корчного В.Л.»:

«В июле 1978 года на Филиппинах начнется чемпионат мира по шахматам, в котором примет участие отказавшийся возвратиться в 1976 году из Нидерландов на Родину гроссмейстер Корчной В.Л. Будучи за рубежом, Корчной сделал ряд клеветнических заявлений относительно советской действительности. В Ленинграде остались его жена, Корчная Изабелла Егишевна, 1931 года рождения, армянка по национальности, и сын Корчной Игорь Викторович, 1959 года рождения, русский. В настоящее время они при активной поддержке Корчного добиваются выезда из СССР в Израиль.

По мнению Комитета госбезопасности, удовлетворять ходатайства членов семьи Корчного нецелесообразно по следующим соображениям: по существующей практике никому из членов семей невозвращенцев и изменников Родины разрешений на выезд за границу не выдается. Разрешение на выезд жене и сыну Кор-

чного В.Л. создало бы прецедент, которым не преминули бы воспользоваться проживающие за рубежом другие невозвращенцы и изменники Родины. Пример с Корчным, безусловно, послужил бы для спецслужб противника и средств массовой информации капиталистических государств поводом для оказания на нас давления. Просим рассмотреть».

Подписал документ, как и положено, сам Председатель Комитета госбезопасности Ю.В. Андропов, будущий Генсек, интеллектуал и даже поэт в юности.

Через четыре дня последовал ответ: «Совершенно секретно. Согласиться с предложениями Комитета госбезопасности при Совете Министров СССР в отношении Корчной И.Е. и ее сына Корчного И.В...» (Выписка из протокола Секретариата ЦК.)

Как известно, Карпов в Багио победил. После чего мгновенно на имя «Дорогого Леонида Ильича» ушла телеграмма вполне верноподданного содержания, и уже заготовлен был Указ о награждении все еще юного чемпиона мира высшей правительственной наградой — орденом Ленина. Но Власть и тут показала свою бесчеловечность. Стоило по прилете в Москву (встречать «шахматный» авиалайнер пришли — разумеется, добровольно — сотни солдат, студентов Института физкультуры и просто любителей Игры) обрадованному молодому человеку сказать, что он рад был своим ус-

пехом доставить минуты счастья советскому народу, как немедленно окрысился серый кардинал Коммунистической партии, ее главный идеолог М.А. Суслов: «Кто он такой, чтобы доставлять или не доставлять счастье советскому народу?!» И награда немедленно шагнула на ступеньку ниже, превратившись в орден Трудового Красного Знамени. Зато вручал его чемпиону сам Генсек, прошамкав при этом историческую фразу: «Взял корону — держи ее!» Кому она в большей степени была адресована — сказать трудно...

Через три года, после следующего победного матча с Корчным, вновь последовал телеграфный рапорт все еще удерживавшему корону Леониду Ильичу, и орден Ленина нашел героя...

А в промежутке, но гораздо ближе к первому противостоянию...

«Секретно. ЦК КПСС. № 20093-А от 20 октября 1978 года.

Об антиобщественных акциях членов семьи невозвращенца Корчного В.Л.

Комитет государственной безопасности СССР располагает данными о том, что жена невозвращенца, участника матча на звание чемпиона мира по шахматам Корчного — Корчная И.Е. подготовила обращение к зарубежной общественности и личное письмо к президенту США Картеру, которое намерена передать через Государственного секретаря США Вэнса, в связи с отказом

ей и сыну выехать из Советского Союза в Израиль. В этих же целях она 19 октября с.г. провела в Москве на квартире начальника отдела Всесоюзного научно-исследовательского института морского рыбного хозяйства и океанографии Габовича Е.Я. встречу с иностранными корреспондентами. На встрече присутствовали 9 корреспондентов из США, Великобритании, ФРГ, Франции и Швеции.

...Сын Корчного — Корчной И.В., 1959 года рождения, умышленно уклоняется от призыва в Советскую Армию, настроен антисоветски. Несмотря на то, что Корчная пытается нагнетать провокационную шумиху, разрешать ей и сыну выезд за границу не следует, так как по существующей практике членам семей изменников Родины и невозвращенцев выезд не разрешается, о чем докладывалось ЦК КПСС № 1167-А от 12 июня 1978 года.

Что же касается сына Корчного, то он в соответствии с Законом о всеобщей воинской обязанности подлежит призыву в Советскую Армию и в случае уклонения от службы будет привлечен к уголовной ответственности на основании действующего в нашей стране законодательства.

Сообщается в порядке информации»,

И снова подпись — Ю. Андропов.

Заметьте: КГБ уже не просил рассмотреть, он просто ставил

ЦК в известность. И военкомат в Ленинграде от «позиционного давления» немедленно перешел к «атаке на короля». Вместо повесток в дом Корчного явились люди в милицмейской форме (и в штатском — тоже), Игорь был арестован и скорый, зато неправедный суд определил ему два с половиной года лагерей. Причем в степном Петропавловске-Казахстанском остальным зэкам всячески объяснялось, что с ними сидит сын изменника Родины и сам такой же...

Только в чем же сказалась беспринципность Власти, всяма принципиально отстаивавшей пусть бесчеловечные, но тем не менее — Законы? Да просто в том, что когда в 1981-м на помощь Чемпиону против Злодея вновь были мобилизованы мощнейшие шахматные умы, заготовлено было и еще одно секретное оружие, по мощи намного превосходящее наши «катушки» времен Великой Отечественной и мало уступающие тем атомным бомбам, что поставили точку во Второй Мировой. Было решено: если матч для Карпова станет складываться непросто, в Мерано вылетят... Белла и Игорь Корчные! Не по своей воле — так сказать, по этапу! И это безусловно выбьет Злодея из седла, потому что сцену ему жена брошенная и законная непременно устроит, в том числе — за новую жену, в то время еще незаконную. Что, замы-

сел дурно пахнет? Власть прекрасно понимала это, но иезуитский принцип «Цель оправдывает средства» всегда был присущ прорабам «строительства нового мира»...

К счастью или к сожалению, но внедрять троянского коня в лагерь Корчного не понадобилось. Карпов одноворотно победил, после чего и семью отпустили по-тихому, и супружеской гроссмейстерской паре Борис Гулько — Анна Ахшарумова (уникум: муж и жена — чемпионы СССР!) после 6 (!) лет отказа разрешили выезд: ранее боялись, что Гулько станет ценнейшим секундантом Корчного.

Это — пример того, как Власть, руководя шахматами, ломала и калечила судьбы людей. Было и иное, куда более мягкое и даже смешное, но от этого не менее безумное вмешательство; о нем проще — из собственного опыта.

В конце 1970 года межзональный шахматный турнир в Пальма-де-Мальорка, определявший претендентов на мировую шахматную корону, с огромным отрывом выиграл Роберт Фишер, молодой, еще безбородый, еще не свихнувшийся, как сегодня, на почве мании преследования. Но уже тогда Фишер был... американцем, и каюсь: огорченный не слишком-то блистательным выступлением наших гроссмейстеров, эту сторону фишеровского таланта я как-то недооце-

нил. Решил, что о турнире все равно нужно рассказывать, и в очередной телевизионный «Клуб четырех коней» пригласил гроссмейстера Евгения Васюкова, побывавшего на Мальорке.

Надо сказать, то было еще первобытное время советского телевидения. Никаких предварительных видеозаписей, все «живьем» из студии с включением лишь заранее смонтированных фрагментов кино.

И вот сижу я в кресле за столиком, Женя Васюков стоит у демонстрационной доски, до эфира осталось секунд 20—30, как вдруг в студии раздается отчаянный голос моего редакционного коллеги:

— О Фишере — ни слова!

Еще секунд пять ушло на то, чтобы выйти из состояния «гrogги», — боксеры, увы, знают, что это такое.

— Как?! Он же победитель!!!

Крик сменился свистящим шепотом:

— Дед приказал! Сам! Только что!

Дедом все Гостелерадио СССР звало за глаза своего председателя Сергея Георгиевича Лапина — человека умного, хитрого, злобного, с явно выраженным комплексом Наполеона, то бишь мужчины малорослого, и с какими-то садистскими черточками в характере. За-прещая даже упоминать в эфире о Пастернаке, Мандельштаме и Цветаевой, он, говорят, дома своим гостям мог читать их

наизусть часами. А уж шахматы любил — донельзя. Отдыхая ежегодно в Юрмале, всегда просил — точнее, просили от его имени, — Михаила Талья дать в правительственном санатории сеанс одновременной игры на трех или пяти «высокопартийных» досках.

Его приказ обсуждению не подлежал, и выход — шахматы учат многому! — нашелся мгновенно. Открылись ворота шахматного королевства, отзвучала преамбула, и Васюков, видимо, несказанно удивив всех телезрителей, начал:

— О Фишере, конечно, все всё знают, и поэтому я вам расскажу об остальных претендентах...

Но это были семечки. Полное безумие наступило семь лет спустя, когда в Багио встретились в матче за корону Анатолий Карпов и Виктор Корчной. Естественно, умолчать о поединке на высшем шахматном уровне было невозможно, и я, работающий к тому времени в основном на радио, получил перед матчем указание действительно уникальное:

— Про матч рассказывать все подробно, советских людей это интересует, но Корчного не называть!

Что позволило мне тогда не записать горькую или просто умом не тронуться — до сих пор понять не могу. Видно, кто-то крепко заступался за меня перед Богом.

Первые две-три партии в отчетах по радио звучали примерно так: «Анатолий Карпов избрал

вариант такой-то, черные ответили тем-то. А на 41-м ходу черные предложили ничью, и Карпов ее принял».

Но голь на выдумку хитра, и сообщая, всем журналистским миром, для неудобопроизносимого слова «Корчной» был найден достаточно нейтральный аналог — «претендент».

И пошло-поехало. «Карпов сыграл конем, претендент ответил ферзем». Хохотала вся Москва — это точно. А быть может — и весь интеллектуальный Советский Союз.

В конце концов на нашей многолюдной редакционной летучке я однажды попросил разрешения рассказать анекдот. Из той самой серии, в которой третьеклассник Вовочка все время шокирует своими выходками учительницу Марью Ивановну. И рассказывал его, ни слова не выбрасывая из песни:

«Хулиган Вовочка встает на уроке и спрашивает:

— Малья Иванна, скажите, пожалуйста, как пишется слово «ж...»?

— Негодяй! Стань носом в угол, нет такого слова в русском языке!

Вовочка стоит в углу и через весь класс кричит соседке по парте:

— Манька, подумай, ж... есть, а слова нет!»

В редакции я слыл за интеллигента, да и вообще в то ханжеское время публично ничего подобно-

го не произносилось, и потому тишина в зале достигла вполне измеримой плотности. Потом главный редактор очнулся:

— Это вы к чему?

— К тому, что Корчной есть, а слова такого нет.

Еще через неделю мы снова собрались на летучку, и я как сейчас вижу улыбающегося главного, из-за начальственного стола отсылающего мне записку. К слову, храню ее как маленький штришок былого: «Яков Владимирович! Ж... есть и слово есть! Работайте!»

К кому ходил за таким разрешением мой главный редактор и кому понравился пересказанный незамысловатый анекдот про Вовочку — до сих пор не знаю. На расспросы главный отделивался улыбкой и молчал не хуже Зои Космодемьянской...

Впрочем, иногда властные козни срывались: волею случая и стараниями людей...

В конце 1985 года, после того, как молодые шахматисты — один из них ходил в гроссмейстерах считанные месяцы, другой — год с небольшим, третий вообще такого звания не имел — разделили 1—3-е места на чемпионате СССР, Виктору Гаврикову, Михаилу Гуревичу и Александру Чернину был назначен дополнительный двухкруговой турнир в Вильнюсе. В положении о соревновании — а это официальное руководство к действию — было оговорено все: если первое место

вновь разделят двое — оба они станут чемпионами, если все наберут равное количество очков — медали разделят по дополнительным показателям прошедшего чемпионата страны.

Получился именно такой расклад! Сразу после игры в день последнего тура я позвонил главному арбитру, моему другу Ефиму Нузу (среди организаторов шахматной жизни в стране он был из сильнейших, два клуба «Спартак» в Москве, «пробитых» Т. Петросяном, им были в прямом и переносном смысле слова выстроены) и попросил подвести к телефону Михаила Гуревича: по традиции на волнах радио «Маяк» выступали все чемпионы страны.

— Понимаешь, — услышал я смущенный ответ, — во-первых, он уже улетел в Харьков, а во-вторых, чемпиона-то нет. Когда Заместителю Председателя Госкомспорта СССР доложили, что все партии «перебоя» завершились вничью, он распорядился на регламент наплевать, золотую медаль Гуревичу не давать, а каждому вручить по серебряной. И торжественного закрытия по такому случаю не было...

Откровенно говоря, в принципе мне было все равно. Дружил и работал я с шахматистами другого поколения, Михаила Гуревича до того в глаза не видел, а если вдруг и видел — то в толпе участников какого-нибудь турнира Дома пионеров. Но сам факт са-

моуправства Власти, сам факт издевательства над бесправным советским шахматным «рабом» бесил, и я взорвался:

— Ты мне ничего не говорил, хо-рошо?

И, получив заверение, объявил по «Маяку» и I программе Всесоюзного радио (и те, и другие волны слышал весь Советский Союз, да и заграница тоже), что участники овер-тайма в Вильнюсе завершили все встречи вничью и что *по утвержденному ранее регламенту* чемпионом СССР стал харьковский мастер, которому будет присвоено гроссмейстерское звание — опять-таки по существующим правилам спортивной квалификации.

Как видите, лжи здесь не было. Но ведь мог я, сидя в Москве, не знать об устном распоряжении высокого чиновника, в принципе секретно переданном в Вильнюс?

Сделано это было в 21.05 по московскому времени. Еще минут через двадцать на телетайпе ТАССа появилось аналогичное сообщение: там и вправду не знали о волюнтаристском решении начальника. Выждав еще полчаса, пока не завершит свою работу спортивная редакция ТАСС и, следовательно, наложить эмбарго на свою собственную информацию уже не сможет, я со злорадством в душе позвонил еще одному чиновнику, уже чисто шахматному:

— Миша, Гуревич стал чемпионом и...

— Ты ничего не знаешь! Нельзя об этом сообщать, завтра опубликуем разъяснение!

— Мишенька, поздно! И по радио прошло, и ТАСС дал «ленточку», и во всех газетах уже набрано. Утром они выйдут!

Реакция заместителя начальника Управления шахмат Спорткомитета СССР мне искренне понравилась: все-таки Михаил Бейлин сам «доигрался» в шахматах до значка мастера и соображал быстрее своего властного начальника.

— Что ж, с прессой спорить не станем.

И еще больше мне понравился звонок по срочно добытому номеру телефона в Харьков.

— Могу ли я попросить чемпиона СССР гроссмейстера Михаила Гуревича?

— Какого чемпиона?! Какого гроссмейстера?! Ничего этого нет!! Мы сидим и пишем протест в Спорткомитет...

— Не надо писать. Надо говорить.

— Что говорить?! Кому?!

— Слушателям «Маяка» о том, как вы чувствуете себя в новом амбулу.

...Интервью вышло в эфир, как положено, в 23.05. Спорткомитет наутро проглотил пилюлю молча, золотую медаль Гуревичу походя вручили где-то в коридоре месяца через полтора...

Орудие культуры. Пролетарской (продолжение)

Когда гремели бои...

Умное воздействие на Власть позволило шахматистам сохранить любимую игру даже во время величайшего бедствия — Второй мировой войны. И вновь спасательный круг бросил один-единственный человек — полковник самого страшного ведомства страны Борис Вайнштейн:

«Моя общественная работа в шахматах началась давно, еще в двадцатые годы, когда я учился в Ташкенте. Там было много любителей шахмат, но, так сказать, не-

организованных. Я входил в Бюро пролетарского студенчества Средней Азии, и нам удалось создать Среднеазиатскую шахматную секцию, которую я возглавил.

Переехав в Москву, я продолжил шахматную деятельность. Был членом квалификационной комиссии, перед войной выступал в печати под псевдонимом «Ферзьбери» (и только в редких случаях под своей фамилией). Играл я на уровне первой категории, на большее не претендовал,

хотя и участвовал однажды в финале всесоюзного чемпионата. Но особых лавров я там не снискал, и шахматы моей профессией не стали.

А потом началась война. Всесоюзная шахматная секция практически распалась, ее председатель Владимир Евгеньевич Герман ушел на фронт, шахматная жизнь угасла...

И вот в январе 1942 года я, в то время начальник планового отдела НКВД, позвонил Розалии Самойловне Землячке, зампреду Совнаркома. Я сообщил ей, что шахматная секция страны перестала существовать, а между тем шахматы могли бы сейчас оказать весьма действенную помощь. Она сказала, что не понимает, какой толк может быть от них во время войны. Я, как мог, разъяснил ей, отметив в первую очередь, что шахматы могли бы помочь в гос-

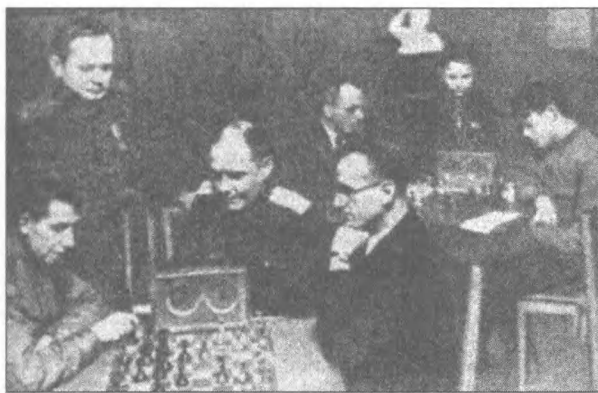
питальях — ведь среди раненых много любителей этой игры, и в ответ услышал: «Я поняла. Напишите мне записку».

Записку я написал.

...Землячка переслала ее со своей положительной резолюцией председателю Комитета физкультуры В.Снегову. В итоге мы заново сформировали Всесоюзную шахматную секцию, и я был назначен ее председателем (потом, уже на пленуме, состоялись выборы и я был как бы узаконен в своей должности).

В первую очередь, мы развернули работу в госпиталях. Действовали и через армию, и через органы здравоохранения, всюду встречали полнейшее понимание и поддержку. Благодаря этому удалось сохранить шахматные кадры. И не только сохранить. Никто еще почему-то не написал, что наши послевоенные шахматы

отличаются от довоенных, как небо от земли. Произошел качественный скачок. Прежде всего — общением шахматистов и между собой, и с массой любителей. Кроме того, даже в самые тяжелые годы войны нам удавалось выпускать какую-никакую шахматную периодику. Выходили турнирные бюллетени, отдели в «Огоньке» и

Чемпионат блокадного Ленинграда. За столиком (слева) чемпион СССР по шашкам и кандидат в мастера по шахматам В. Соков; на втором плане за столиком слева — «тот самый» мистер X — А. Модель

«Вечерке», журнал шахматного бюро ВОКСа (Всесоюзное общество культурных связей с заграницей). Удавалось проводить и соревнования: в Куйбышеве, Свердловске, Москве...

Я перечисляю все это вовсе не для того, чтобы показать свои заслуги перед отечественными шахматами. По большому счету, мне хотелось бы только одного: чтобы шахматисты вспоминали меня тем, что за всю войну на полях сражений мы потеряли лишь нескольких мастеров — Белавенца, Стольберга, М. Макогонова, Кайева, Мазеля. Не было ни одной другой области культуры, где бы так сохранили кадры!..»

Да, из Действующей армии (видимо, через тот же всеильно-репрессивный аппарат НКВД) отзывались ведущие мастера страны — Вячеслав Рагозин (в недалеком будущем — гроссмейстер, чемпион мира по переписке и вице-президент ФИДЕ), Григорий Гольдберг (впоследствии организатор первого в мире шахматного отдела в Центральном институте физкультуры: там получили высшее шахматное образование не один десяток гроссмейстеров и видных тренеров, в свою очередь воспитавших сотни мастеров и «гроссов»), будущий гроссмейстер и второй по счету наставник Б. Спасского Александр Толуш, будущий чемпион мира по переписке и профессор Е. Загорянский...

Маленькое отступление: был во время войны уникальный случай, когда не Власть, а сами шахматы спасли своего верного рыцаря. Мне рассказал эту невероятную историю человек, кого с гордостью почитаю как старшего друга и после его ухода из жизни. Он представлял собою тот самый старый тип русской (да-да, русской, несмотря на имя, отчество и фамилию) питерской интеллигенции, которая — а не только шахматно-точные кварталы, дворцы и мрамор бесконечных львиных фигур — поставила этот город наособицу, создала в нем особый, неповторимый климат золотого и серебряного веков нашей культуры и тем самым — и только этим — все еще продолжает выделять многострадальный Санкт-Петербург — Санкт-Петербург — Петроград — Ленинград — Санкт-Петербург из числа иных миллионных городов областного значения...

Всю войну будущий международный арбитр, полковник медицинской службы Леонид Иосифович Шапиро провел в Ленинграде. Главный хирург крупнейшего, затем частично разбомбленного госпиталя на Суворовском проспекте, потом и главный хирург осажденного города, он меньше всего старался заниматься организационными, тоже нужными, но все-таки бумажными делами, а оперировал, оперировал, оперировал. «Моей нормой было стоять у

стола по 20 часов в сутки, — говорил он мне, — и сейчас я сам не верю, что такое — возможно». Как не верили до поры до времени медики — неужели можно сутками лежать в снегу и даже не простудиться, как не верили немецкие генералы и иностранные «спецы» — неужели можно столь часто закрывать грудью амбразуры и бросаться с гранатами под гусеницы танков, как это делали советские солдаты не во Вторую мировую — в свою Вторую Отечественную войну...

В один из декабрьских, пронзительных и трескучих дней сорок первого года к оперировавшему Шапиро подошла медсестра.

— Вас внизу спрашивает ваш друг.

— Кто такой?

— Не говорит...

Больше часа понадобилось хирургу, чтобы завершить работу, и пока на стол клали нового раненого, Шапиро сбежал к проходной. Действительно, присевши в углу, его ждал старый и добрый друг, с которым не один вечер провели вместе и за шахматной доской, и в театральных залах, и на турнирных площадках.

Первый же вопрос ошеломил:

— Ленья, у тебя дома дрова есть?

— Есть немножко угля.

— Тогда дай мне ключ от квартиры. Я у тебя погреюсь часок, а потом умру...

Так спокойно, без аффектации и драматизма было это сказано, и так буднично прозвучали эти слова в голодном и холодном Ленинграде, что Шапиро молча достал из кармана ключи, обнял друга, заплакал и пошел к операционному столу. Делать работу, ставшую в те годы единственным смыслом и единственным содержанием его жизни.

— Я смог выбраться из госпиталя только на третий день, — вспоминал потом Леонид Иосифович. — Взял с собой двух солдат из похоронной команды и гроб — оказать другу эту последнюю услугу было еще в моей власти. Только вот дома я буквально потерял дар речи. При холодной печурке (уголь давно кончился) в полутьме, набросив поверх зимнего пальто ватное одеяло, три дня не евший сидел за моим письменным столом друг, а рядом лежала моя, начатая еще до войны, большая теоретическая статья для прекращенного с июля 41-го одного столичного шахматного издания. Исчерканная вдоль и поперек, с множеством вставок и добавок на отдельных листках.

— Ленья, — увидев меня, оторвался от доски и от рукописи друг. — Я вот тут посмотрел и не понимаю, как ты мог написать такую ерунду. Ошибка на ошибке! Кое-что я тебе исправил...

...Еще через пару дней истощенного до невероятия шахматного аналитика, записного теат-

рала, одного из самых чистых и справедливых людей во всем шахматном мире Григория Ионовича Равинского вывезли на Большую Землю...

В 1944-м мастер Равинский играл в чемпионате Советского Союза. Уверенно, как иногда говорят, занял последнее место —

блокадная дистрофия еще не выпустила его из своих лап. Но уже в 47-м стал чемпионом Москвы, воспитал гроссмейстеров Е. Васюкова и В. Чехова, одним из первых в стране получил звание заслуженного тренера СССР. Ученики нередко вспоминают его по сей день...

Когда отгрели бои...

Закончилась война. Она изменила многое в душах людей, как сделала это и Отечественная 1812 года. Десятки миллионов жертв: в боях едва ли не четверть к одному, и — увы — страшный такой баланс — не в нашу пользу. Об этом не писали, но фронтовики не знают, не понимать происходившее — не могли. Целые армии советских людей впервые побывали за рубежом, увидев аккуратные фольварки немецких фермеров; ограбленные фашистами, но несущие на себе следы бывшего благополучия чешские деревни, несравнимую с колхозным бытом жизнь венгерских хуторов. Власть представляла, к чему может привести такое сравнение, и вчерашние освободители Европы эшелонами потянулись на Восток: их ждал ГУЛАГ.

Шахматисты исключения не составили. Новые репрессии, новые придирки. Уже в апреле 1945-го пишет покаянное, хотя и не лишенное внутреннего досто-

инства письмо зампреду Совмина СССР и министру иностранных дел В. Молотову Пауль Керес, гроссмейстер СССР с момента «добровольного вхождения» Эстонии в состав Союза. Его не допустили в чемпионат страны, поскольку за три с лишним года фашистской оккупации Таллина пять раз играл в организованных немцами турнирах. Алехинских явных грехов за ним не водилось, в дружбе с нацистскими бонзами замечен не был, но сам факт игры на территории Великой Германии считался сотрудничеством с врагом и «тянул» на 25 лет лагерей.

«Как же Кересу удалось избежать репрессий? Помогло письмо В. Молотову, а точнее — первый секретарь ЦК КП(б) Эстонии Н. Каротамм, которому письмо было переслано для принятия решения. Каротамм немедленно вызвал Кереса и после трехчасового разговора стал его верным поклонником и защитником... А зимой 1945 года,

вспоминает жена Кереса Мария Августовна, к ним домой вдруг пожаловал из Москвы генерал госбезопасности, чтобы лично побеседовать с Паулем. Но беседа была довольно миролюбивой. Генерал даже оставил свой московский телефон, чтобы Керес в случае надобности мог ему звонить. Но неопределенность и ограничения продолжались еще несколько лет. Кереса не включили в сборную СССР на исторический матч против США в сентябре 1945 года. Его первое выступление на всесоюзной арене состоялось лишь в начале 46-го, когда он сыграл в открытом чемпионате Грузии (на Западе до сих пор пишут, что Кереса сослали на Кавказ для перевоспитания). Особенно удручающим для Кереса было то, что его не пустили на первый крупный послевоенный турнир в Гронингене, хотя он имел от голландцев персональное приглашение», — это из книги биографа Кереса, эстонского мастера Вальтера Хезра.

Чаще же Власть придиралась по глупости. Михаил Ботвинник вспоминал о том, как перед московским матчем с американцами осенью 1946 года первый секретарь ЦК ВЛКСМ. Михайлов дал команду советской сборной: победить еще более убедительно, чем в радиоматче СССР—США год назад. А тогда счет получился фантастический — 15,5 : 4,5. Превзойти его — значило «под

ноль» громить гроссмейстерского класса половину американской команды во главе с претендентами на шахматный трон С. Решевским и Р. Файном и мастерского класса вторую половину команды, нашим сорокалетним «гроссам» — С. Флору, А. Лилиенталю, И. Бондаревскому не уступавшим. Уши непрофессионализма торчали из каждого слова такой инструкции, но Власть Советов всегда чувствовала себя правой, ибо все делала ради всемирного торжества Коммунизма. И — на любом уровне — чтобы быть святее Папы Римского...

Властью и только Властью, причем разными ее представителями по-разному решался в то же время вопрос вопросов: о матче с А. Алехиным за мировую шахматную корону. Ботвинник с присущей ему энергией добивался поединка, неизменно более благоприятного для него, чем при начале переговоров после АВРО-турнира в конце 1938 года. Семилетний перерыв резко склонил чашу весов в его сторону. Во-первых, 35 лет Ботвинника — это не алехинские 53. Во-вторых, блистательные партии советского гроссмейстера на пяти турнирах подряд (XIV по счету чемпионат СССР 1945 года назван был даже «14-й симфонией Ботвинника»: 15 очков из 17-ти без единого поражения!) — это не маловыразительные поединки

Кумир очень и очень многих — Михаил Ботвинник

Алехина с пятьюразрядными испанскими и португальскими шахматистами; да и в турнирах третьего рейха его разочек обогнал совсем не именитый швед Гёза Штольц, а разок догнал восемнадцатилетний немецкий талант Клаус Юнге: вскоре погибший в бою, он не успел, подобно Ласкеру и Таррашу, вновь поднять германские шахматы на достойное место...

И хотя Алехин в преддверии столь желанного ему матча тщательно готовился, собираясь «отвадить» Ботвинника (через 15 лет это удалось Талю) от коронного дебюта — французской защиты и подвергнуть «испанской пытке», объективно все говорило не в пользу чемпиона. В том числе — и еще одно обстоятельство, полнее других сформулированное все тем же председателем Всесоюзной шахсекции,

полковником теперь уже Министерства госбезопасности Борисом Вайнштейном:

«Алехин — это военный преступник, и не перед Советским Союзом, а перед Францией. Он был офицером французской армии и после капитуляции Франции перешел на сторону врага. Он стал помощником гауляйтера Франка, одного из самых кровавых гитлеровских палачей. Помощником по культуре — это была его официальная должность! (В журнале «Deutsche Schachblätter» в конце 1941 года было опубликовано фото с подписью: «В краковском замке. Чемпион мира д-р Алехин показывает гауляйтеру д-ру Франку свою блестящую партию против Кинингена». — Я.Д.)...

Я еще работал в НКВД (ушел оттуда уже после войны, в 1946-м) и спросил генерал-лейтенанта

Мамулова, управляющего делами у Берии.

Сам он в шахматы не играл, но любил их. И я ему говорю: «Степан Соломонович, тут есть такое соображение: а не сыграть ли нашему Ботвиннику матч с Алехиным? Кое-кто, правда, сомневается в его победе». А Мамулов и говорит: «Выиграет или нет — не имеет никакого значения, ибо матч вообще не может состояться. Алехин — военный преступник и при попытке проехать в СССР будет арестован на границе и выдан французским властям. Если, конечно, французы не затребуют его раньше из Испании».

В то время генерал Франко стал уже выдавать военных преступников. Алехин знал это, вот почему и вынужден был уехать в Португалию: тамошний глава правительства Салазар не выдавал военных преступников, и союзники смотрели на это сквозь пальцы. Когда же Алехин заявил, что он не причастен ни к фашистскому режиму, ни к антисемитским статьям, опубликованным в 1941 году в «*Pariser Zeitung*», ему предложили приехать во Францию и предстать перед французским судом. По моим сведениям, Алехину, как военному служащему, инкриминировалась измена родине. Я не думаю, конечно, чтобы его каз-

нили, подобно маршалу Петэну, но осужден он мог быть вполне.

...Я выступил на эту тему в печати еще в 1944 году. В частности, написал, что своими действиями во время войны Алехин поставил себя вне рядов культурного человечества. И на заседании шахматной секции, когда Ботвинник поднял вопрос о матче, я его в лоб спросил: «Михаил Моисеевич, я человек беспартийный, но вы-то коммунист, и мы с вами оба евреи по национальности. И я не понимаю, как вы будете пожимать руку, которая по локоть в крови коммунистов и евреев?!» На что он холодно-кровно ответил, что если не состоится его матч с Алехиным, то Эйве провозгласит себя чемпионом мира, а потом проиграет матч Решевскому, и, таким образом, звание чемпиона мира навсегда уплывет от нас в Америку.

...Ботвинник, вероятно, просто сказал Молотову, что матч политически важен, иначе титул чемпиона мира уйдет от нас, а Молотов дал добро. Больше ничего и не требовалось. Подумаешь, какое дело! Сталин в эти дела не лез. Берия тоже. А у Молотова хватало власти, чтобы самому решить этот вопрос...

Как всем известно, Бог распорядился иначе.

Беспредел

Есть в шахматах давно подмеченное, но никем не объясненное «правило»: перед тем, как начать безостановочный спуск вниз, едва ли не каждый мало-мальски заметный игрок вдруг выдавал эдакий протуберанец успеха, показывал один из лучших своих спортивных результатов. А потом уже «садились в бричку и ехал с ярмарки»...

В отношениях с шахматами Власть подчинилась тому же неписанному закону. Уже на излете Советского диктата она достигла апогея беспредела — во время первого матча Анатолия Карпова с Гарри Каспаровым.

Их шахматное противостояние было predetermined самим масштабом талантов. Их противостояние околошахматное было инициировано извне и, естественно, оно не могло не бросить тень и на саму шахматную доску. Аппарат Власть меньше всего хотел перемены в черно-белом королевстве: правящий монарх устривал ее на 101 процент. Но свои интересы заставляли помогать претенденту тех, кто имел «претензии» к аппарату, кто хотел видоизменить его — в идеологическом и личностном плане. Член Политбюро ЦК КПСС, второй человек в партии и, видимо, в государстве поддерживал Каспарова на пути к Олимпу потому, что Гарри — единственный

из всех спортсменов Азербайджанской ССР — входил в сборную Союза, стоял в первой шеренге сборной. Конечно, лучше бы его фамилия оканчивалась чисто тюркским словом «оглы», то есть «сын», но на нет и суда нет: в 1984-м Баку еще искренне чувствовал себя городом интернациональным. Главный идеолог так называемой «перестройки» Яковлев, на десятилетие оторванный от реальной Власть ссылкой... в Канаду на пост Чрезвычайного и Полномочного посла (!!), симпатизировал юноше, во-первых, как человеку новых убеждений, и, во-вторых, в пик старым членам Политбюро с их ставленниками на всех ступенях партийно-правящей лестницы. Алиев и Яковлев заставили ЦК и Спорткомитет организовать, выплатив огромную неустойку за сорванный ранее усилиями того же ЦК и Спорткомитета матч претендентов Каспаров — Корчной, встречу тех же соперников. В решающем бою сильные мира сего хранили формальный нейтралитет: дескать, играют двое советских, нам все равно.

Только не все равно было аппарату и немного над ним стоящим начальникам. Подозреваю, как неодобрительно качали они головами, когда поведший в безлимитном матче со счетом 4 : 0 Карпов — их любимый, ими вос-

питанный и обласканный Карпов — начал их же подводить, делая ничью за ничьей 17 раз подряд! Если бы чемпиона мира не обуяла *ide fix*, если бы не поставил он перед собой счетом именно 6 : 0 вбить осиновый кол в шахматную могилу соперника (и если не навсегда, то надолго избавившись от его поползновений на трон), матч к двадцатой партии закончился бы с результатом 6 : 2 или 6 : 3 в его пользу — в этом никто не сомневался. А так... Спринтер по натуре, человек не гигантского здоровья и выносливости (даже накормить его было делом нелегким), Карпов устал. Куда больше, чем на матче с Корчным в Багио, где после 27-й партии потерпел три поражения почти подряд. В Москве же он добился пятой «сухой» победы над Каспаровым и... На стол председателя оргкомитета, кандидата в члены Политбюро и малокомпетентного в вопросах культуры Министра культуры СССР Петра Ниловича Демичева лег подписанный видными врачами абсолютно секретный документ: чемпион мира на грани нервного истощения, последствия могут носить необратимый характер.

После чего, собственно, и начался беспредел. Для начала матч отправили — вопреки регламенту — из одного здания в другое: дескать, стране нужен самый престижный ее зал — Колонный Дома Союзов, который

шахматисты занимают непростоительно долго (это правда: поединок шел уже четыре с лишним месяца!). Переезд в иное помещение занял 5 (!!) дней, а везти-то надо было шахматный столик, пару кресел для участников да несколько фанерных демонстрационных досок: поклажа в один грузовик при «плече» длиной километров в десять. Одной ночи рабочим сцены хватило бы за глаза, но чемпиону, находившемуся в шаге от победы (5 : 1), давали отдых...

То были семечки. Беспрецедентность началась тогда, когда на новом месте Каспаров выиграл подряд 47-ю и 48-ю партии. Президенту ФИДЕ Флоренсио Кампоманесу, заложившему основу своего состояния на матче Карпов — Корчной в Багио, ушла отчаянная телеграмма председателя Шахматной федерации СССР, летчика-космонавта, дважды Героя СССР и личного друга Карпова Виталия Севастьянова с просьбой срочно объявить трехмесячный перерыв. «Кампо» прилетел, провел три дня подряд в переговорах с делегациями участников (ясно, с кем они заранее согласовывались) и, прикрывая собою Власть, объявил о... прекращении матча! Впервые в истории шахмат! Пожалуй, впервые в истории спорта вообще!

В мире не нашлось газеты, прошедшей мимо такого произвола. Обсуждалось и то, в чью пользу такое решение. Михаил

Таль, например, человек справедливый по природе своей, затруднялся с ответом. Карпов и вправду падает с ног, но случайность никто еще в мире не отменял, и одна-единственная победа на ошибке соперника всегда возможна. Каспаров куда бодрее, но побед-то нужно три... Но, главное, произволом ФИДЕ возмущались все, и миру было ясно, откуда у Кампоманеса «ноги растут». Впрочем, без стеснения закупаемая голоса делегатов из стран Азии и Африки на конгрессах ФИДЕ, он президентствовал еще целый десяток лет...

Власть еще пыталась управлять шахматной атмосферой во время второй половины матч-реванша 1986 года, проходившей в Ленинграде: три четверти зрительного зала занимали сотрудники КГБ и приведенные ими люди. Но все дальше в историю уходил пугающий 1937-й, слабее изо дня в день становилась шестая статья Конституции СССР о правящей роли КПСС. Время голосовало «за» и «против»: что лучше — государственная забота о шахматах плюс рабство, либо отсутствие и того, и другого — иной разговор.

Впрочем, для людей «нормальной ориентации головного мозга» — это не вопрос...

СТОЛБОВОЙ ДОРОГОЙ ИГРЫ

(продолжение)

«Но поражение от победы...»

Он тоже был своеобразным założником. У самого себя. У собственной страсти, которая неведомо как овладела человеком, волею судеб имевшим перед собою сто дорог. Страсть, даже возвышенная, способна интеллектуала превратить в личность аморальную, высокий разум дополнить человеческой низостью, даже гениальность совместить с злодейством. В полном объеме все это к Александру Алехину, четвертому по счету чемпиону мира, не относится, но его всепоглощающая страсть к шахматам толкала его на поступки весьма двусмысленные. И о себе он «заботился» не всегда благородными и достойными способами, видимо, инстинктивно сохраняя уникальный, природой созданный и им самим отшлифованный «инструмент» для служения Шахматам. Он ведь, по свидетельству жизни прожившего в эмиграции писателя Льва Любимова, и вдохновлялся-то, лишь говоря о шахматах, хотя был и доктором права, и имел возможность общения с такими неординарными личностями, как Бунин, Набоков, Шаляпин, Куприн...

Фактом рождения соединив в себе корни столбового дворянства и миллионного купечества, Алехин, никогда в юности социализмом не болевший, во время гражданской войны не столько

жил, сколько выживал, и ради этого шел на все. Выпускник Императорского Санкт-Петербургского училища правоведения (только учеба в нем дала Алехину чин IX класса, что в военной табели о рангах соответствовало погонам гвардейского штабс-капитана), надежнейшего оплота монархии, он побывал в кандидатах Российской коммунистической партии большевиков и в следователях советского Центропрозыска то ли уголовничков, то ли потерявшихся во всеобщей сумятице граждан. Что-то водилось за ним в 1919 году и в Одессе: иначе с чего бы его брали сначала белые, а затем красные контрразведчики. Его однокашники тем временем свято и истово служили белой идее, и иного для себя не мыслили...

Ради своей страсти Алехин пошел даже против собственного естества. Из всех его жен три были на десять и более лет старше Алехина: так называемый «Эдипов комплекс» ничего иного ему «не позволял». Но вот одна жена — вторая по счету — оказалась молоденькой, зато обладала иным от материнского к мужу отношения бесценным качеством: была швейцарской коммунисткой, работала в Москве переводчицей Коминтерна (ее даже принимал Ленин!), и брак с ней позволял Алехину беспрепят-

ственно выехать за рубеж. Видимо, это был первый в РСФСР и СССР вариант «жены как средства передвижения», ставший столь обычным лет через 50-60...

С конца 40-х годов, когда в поисках опоры в народе, подавившем во время войны европейскую жизнь, Власть и ее верховный жрец Иосиф Сталин начали войну с «космополитизмом», в свет выпустили аксиому: Алехин ради титула чемпиона мира уехал из Советской России. Мне это представляется всего лишь теоремой, которую еще доказывать и доказывать. Мощный аналитический ум не столько шахматиста, сколько правоведа просто обязан был подсказать его обладателю: собранный в голодном и холодном 1920 году фактически 1-й чемпионат РСФСР, который Алехин и выиграл, есть символ доброго отношения новой власти к шахматам. Московский супертурнир-1925, который принес победу жившему в Германии тогдашнему советскому гражданину Ефиму Боголюбову, только подтверждал это. Так что ради *советского* чемпиона мира Власть вполне могла расстараться, и путь к трону, прыжок через «золотой вал» Капабланки — не исключено — был бы куда легче. Телеграфировало же позднее Второе Лицо государства Вячеслав Молотов Ботвиннику, просившему разрешения на матч — и деньги, естественно, — такие слова («Остальное нетрудно

обеспечить»), в которых сам Ботвинник явно слышал грузинский акцент Лица Первого...

Впрочем, что толку сейчас гадать, строить версии, прибегать к сослагательному наклонению, которого, как известно, история не приемлет. Алехин уехал. Увез с собой — в себе! — страсть к чемпионскому титулу. Увез убеждение, что «Комбинация — душа шахматной партии», и этой формуле во многом подчинил даже содержание своей игры: стратегически точно и оригинально ставя партию, он все же искал — и находил! — тот счастливый для себя момент, когда на второй и третий план отступали вопросы форпостов и слабых пунктов, открытых линий и материального соотношения сил. А на авансцену выходило шахматное волшебство, при котором подчас пешка сильнее ферзя, и формальная логика уступает место полету фантазии. В его творчестве такое было не исключением — правилом!

И еще он увез с собой Характер. Боевой, жесткий, даже жестокий. По словам гроссмейстера Флора, одно время считавшегося едва ли не наиболее серьезным конкурентом Алехина, тот однажды признался, что испытывает особое удовольствие именно во время добивания соперника. Да и публичное заявление: «Я на каждом ходу заставляю их мыслить самостоятельно» многое может сказать о нраве Александра Александровича.

Все это — вместе взятое — и сделало из Алехина действительно непревзойденного шахматного бойца. Он усиливал это впечатление двумя рекордными сенсациями одновременной игры вслепую (в 1933 году — на 32 досках!). Такие шоу оглушительно действовали на несведущую в шахматах, но имеющую вес в обществе богатую публику. Он не просто довольствовался первыми местами: в 1931-м на модном курорте Блде он оторвался от второго призера на 4,5 очка — мир такого еще не видывал! Нет, вполне заслужены были им такие вот восторженные слова Савелия Тартаковера:

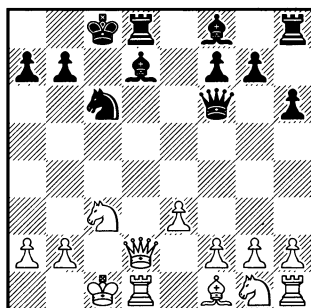
«...Игра Алехина пронизана солнцем. Кипучий и стремительный, он более какого-либо другого маэстро олицетворяет собой пышный расцвет XX шахматного

века, причем главной особенностью его игры является неисчерпаемость его шахматной фантазии, позволяющая ему вести партии под постоянным напряжением в 1000 вольт!!!»

...По-видимому, тайна искусства Алехина заключается в невероятной жизненной силе, наполняющей все его существо. Какова его игра, таков и он сам — белокурый и рослый, широкоплечий и серьезный. «Я побеждаю, следовательно, я существую» — так лучше всего можно было бы охарактеризовать шахматную философию Алехина...»

И, поверьте, то был совсем не единичный всплеск восторга. Партии «гения комбинации» — это тоже один из применявшихся к нему эпитетов — давали к тому все основания. Вот лишь пара фрагментов с примечаниями победителя.

В. Пирц — А. Алехин
Блед 1931

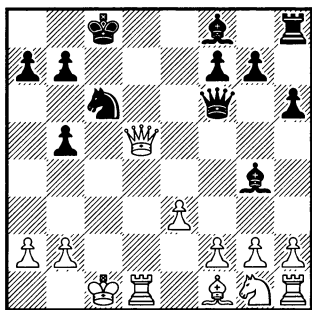

«Черным представляется теперь случай провести атаку на короля в «добром старом стиле».

12...♙g4 13.♘d5.

Слишком поздно!

13...♚d5! 14.♙d5.

14...♙a3!

В случае 14...♙:d1 15.♙:d1 ♙:f2 16.♙g4+ f5 17. ♙e2 ♙:e2 с последующим Сс5 черные, вероятно, выиграли бы лишь в затяжном эндшпиле.

15.♙b3.

У белых нет ничего лучшего, например:

а) 15.ba ♙c3+ 16.♙b1 ♚d8! 17.♙:d8+ ♘:d8 с двойной угрозой 18...♙:d1 и ♙f5+;

б) 15.♚d2 ♙b2+! 16.♚b2 ♙c3+ 17.♙b1 (или 17.♚c2 ♙a1+ 18.♙d2 ♚d8) 17...♙e1+ 18.♙c2 ♚d8, и черные выигрывают.

15...♙:d1 16.♙:a3 ♙:f2 17.♙d3 ♙g4!

Но не 17...♚d8 ввиду 18.♘h3! ♙f6 19.♙c3 с шансами на спасение.

18.♘f3 ♙:f3.

И здесь 18...♚d8 было бы неуместно ввиду 19.♙e2.

19.♙f5+ ♙b8 20.♙:f3 ♙e1+ 21.♙c2.

Если бы белые отдали пешку, борьба не была бы слишком дол-

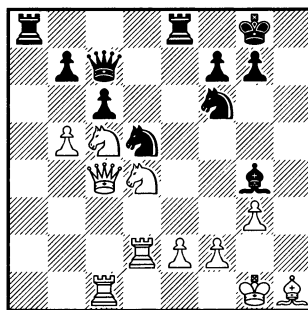
гой: 21.♙d1 ♙:e3+ 22.♙d2 ♙e6! 23.♙b1 ♚d8 24.♙f4+ ♙a8 с несколькими решающими угрозами.

21...♚c8 22.♙g3+ ♘e5+! 23.♙b3 ♙d1+ 24.♙a3 ♚c5!

Быстрый проигрыш теперь неизбежен. Например, 25.b4 ♚c3+ 26.♙b2 ♙c1x, или 25.b3 ♚a5+ 26.♙b4 ♙d2x, или 25.♙b4 (допускает наиболее изящное решение) 25...♙d2+! 26.♙:c5 b6+ 27.♙b5 ♙a5x. Белые сдались.»

Р. Рети — А. Алехин

Баден-Баден 1925

26...♚e3!

«Кажется почти невероятным, что этот эффектный ход не только ликвидирует атаку белых, но даже доставляет им серьезные затруднения. И все же это так. Совершенно ясно, что ладью взять нельзя из-за 27... ♙:g3+ с последующим 28... ♘e3, и черные выигрывают. В то же время белые должны что-то предпринять для отражения угрозы 27...♚:g3+.

27.♘f3.

Как показывает течение борьбы, этот естественный ход проиг-

рывает форсированно. Недостаточно было бы также 27.♙h2 ввиду 27...♚aa3! 28.♜cb3 (но не 28.fe ввиду 28...♜:e3 с последующим ♜f1+ и т.д.) 28...♚e5! 29.bc bc с мощной атакой, поскольку 30.fe все еще плохо из-за 30...♚h5+ и 31...♚h3.

Единственный шанс на спасение заключается в 27.♙f3! ♙:f3 28.ef! cb 29.♜:b5 ♚a5!, но черные все еще сохраняют преимущество, так как 30.♚:d5? сразу проигрывает ввиду 30...♚e1+ 31.♚:e1 ♚:e1+ с последующим 32...♚a1.

27...cb 28.♚:b5 ♜c3! 29.♚:b7.

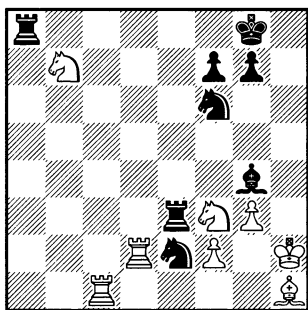
В случае 29.♚c4 ответ 29...b5! оказался бы решающим.

29...♚:b7.

Но не 29...♜:e2+ ввиду 30.♚:e2! ♚:b7 31.♚:e3! с некоторыми шансами на ничью у белых.

30.♜:b7 ♜:e2+ 31.♙h2.

Или 31.♙f1 ♜:g3+ 32.fg ♙:f3 33.♙:f3 ♚:f3+ 34.♙g2 ♚aa3 35.♚d8+ ♙h7 36.♚h1+ ♙g6 37.♚h3 ♚fb3!, и черные выигрывают.

31...♜e4!

Начало новой комбинации, которая, однако, является несомненным логическим следствием

предыдущих маневров. Цель ее заключается в том, чтобы в результате серии из 12 практически вынужденных ходов выиграть оторвавшегося от своей базы коня b7.

Ладья на e3 все еще неприкосновенна, так как после 32.fe? ♜:d2 белые теряют качество.

32.♚c4!

Относительно лучшая защита.

32...♜:f2.

Недостаточно было бы 32...♜:d2 из-за 33.♜:d2! или 32...♙:f3 из-за 33.♚:e4! Позиция все еще очень сложна.

33.♙g2 ♙e6!

Важное звено комбинации!

34.♚cc2.

Здесь и в дальнейшем, как легко убедиться, у белых нет выбора. На всякий другой ход решает 34...♜g4+ 35.♙h1 ♚a1+.

34...♜g4+ 35.♙h3.

Не 35.♙h1 ввиду 35...♚a1+.

35...♜e5+ 36.♙h2 ♚:f3! 37.♚:e2 ♜g4+ 38.♙h3 ♜e3+ 39.♙h2 ♜:c2 40.♙:f3 ♜d4.

Если теперь 41.♚e3, то 41...♜:f3+ 42.♚:f3 ♙d5! (заключительный удар!), выигрывая фигуру. Белые сдались.

Я считаю эту партию и партию против Боголюбова в Гастингсе в 1922 году (она тоже попала в книгу — Я.Д.) самыми блестящими партиями в моей шахматной карьере!»

Что же касается связей и отношений Алехина с Россией, нас особо интересующих, то... Тут сам черт ногу сломит, хотя с не-

которой натяжкой они укладываются в одну-единственную формулу: грешил и каялся, каялся и грешил. Речь идет не об эмиграции: большевики, по примеру Ленина, половину сознательной жизни проведшего в Швейцарии, Франции, Англии и других европейских странах, смотрели на место жительства человека сквозь пальцы — лишь бы он был «хорошим» и лояльным по отношению к стране победившего социализма. Например, Ефим Боголюбов, интернированный с другими русскими шахматистами в немецком городке Триберге и пустивший там семейные корни, исправно сотрудничавший с советскими шахматными и нешахматными изданиями, приезжал, мощно выиграл I Московский международный... Но стоило ему смиренно попросить отказ от советского гражданства — ради гражданства германского, — как ... «С ренегатом Боголюбовым нам больше не по пути», — припечатал Николай Крыленко так же хлестко, как делал это при обвинении Рыкова, Зиновьева, Каменева, Троцкого — ближайших сподвижников Ленина и как в 1938-м сделал это против него самого.

Алехинские статьи — да что там статьи: книги! — тоже систематически печатались в СССР. Но то и дело в русских газетах за рубежом (у нас они числились под рубрикой «белогвардейские») проскальзывали нелестные заме-

чания великого шахматиста о большевиках и их порядке в бывшей Отчизне. Сам ли он такое говаривал или ему приписывалось — кто знает. Уже в 30-х годах, вновь предлагая свое сотрудничество, Алехин прислал в газету «64» такое письмо:

«...Надеюсь, что мои ошибки в прошлом, ныне вполне осознанные, не окажутся непреложным препятствием к названному участию.

Ошибки эти заключались:

а) в непростительно-непротивленческом отношении к освещению моего политического лица международной противосоветской печатью, на протяжении многих лет привешивавшей мне выдуманный ею белогвардейский ярлык;

б) в неправильном и тенденциозном (главным образом за отсутствием прямых сведений) толковании фактов шахматного строительства и проявлений общечеловеческости в СССР в статьях и частью словесных выступлениях.

Я тем глубже жалею об этих ошибках, что за последние годы равнодушное отношение мое к гигантскому росту советских достижений превратилось в восторженное.

Доказать это отношение на деле было бы, повторяю, мне величайшим удовлетворением».

В конце жизни он оправдывался уже перед всем шахматным миром, отрицая свои антисемитские выпады в фашистском изда-

нии «*Pariezer Zeitung*» в марте 1941 года. Ему не слишком повели и в первый послевоенный международный турнир в Лондоне не пустили. Но все же исполком ФИДЕ согласился на матч Алехина с Ботвинником — ник-

то, впрочем, в таком «благословении» и не нуждался. Только это косвенное «отпущение грехов» до чемпиона дойти не успело. Он умер в ту же ночь. Победенным в жизни. Непобеденным в шахматах.

Равный... Первый... или Воля Каиссы

«Тот, кому суждено стать чемпионом мира, тот им и становится. Я не знаю случайного чемпиона мира или человека, который случайно бы не стал чемпионом мира».

С такой вот фаталистической ноткой лермонтовского Печорина выступил однажды действительно неслучайный шахматный король Гарри Каспаров. Теоретически он прав: всегда можно найти причины, по которым не сделали последний шаг вверх Михаил Чигорин («Пить надо меньше») и Зигберт Тарраш («Зазнаваться надо меньше»), Виктор Корчной («Злобствовать надо меньше»). Можно найти и причину, по которой вступил на трон Макс Эйве («Работал больше и не пил, а Алехин в то время поступал как раз наоборот»). Но сколько весят все эти безусловно реальные обстоятельства, какое место уделять им в шахматной истории — вот в чем вопрос.

Был все-таки достаточно случайный чемпион мира! Когда позднее Ботвинник на протяжении трех пятилеток сводил вничью

матчи за корону, проигрывал и брал реванш и особо в турнирах не блистал, он ввел в обиход формулу: «Первый среди равных». Про Эйве середины 30-х годов с полным правом можно было сказать: «Один из равных». Верно, составил Ласкер, угадал нереализованная в спортивной части шахмат гигантская мощь Акибы Рубинштейна, коричневая чума фашизма сдернула с родной почвы Сало Флора, перекаати-полем скитавшегося по странам Европы. Наконец, лишь в школу ходил еще Вася Смыслов... Но выигрывал крупнейшие турниры вернувшийся из дипломатии к шахматам Хосе Капабланка, не уступал ему Михаил Ботвинник, за океаном все громче звучали голоса бывшего вундеркинда Сэмми Решевского и Ройбна Файна, за два-три года ставшего первым номером в сборной США.

Эйве же... Он выигрывал турниры, как правило, не слишком значимые, проигрывал турниры. Побеждал в матчах, как правило, мастеров второго и третьего эшелона, и уступал в матчах Алехину, дважды Боголюбову,

Капабланке — как правило, с минимальным счетом. «Эйве — это гений организованности. Он стал сильным мастером благодаря своей невероятной работоспособности, умению каждую минуту использовать плодотворно», — сказал о нем сам неплохой мастер Ганс Кмох, которого Эйве — первым в мире — привлек к работе в качестве секунданта.

Да, развивая учение Стейница, Эйве писал книги, создал, едва ли не первым в мире, солидную картотеку дебютов, параллельно преподавал математику и астрономию в лицее и — наиглавнейшее! — был лучшим и любимым в маленькой и очень честной стране Голландии, которая обеспечила ему финансовую, главную для Алехина, сторону матча. К тому же чемпион в отдельных партиях едва на стуле держался, несмотря на обильное закусывание баснословно дорогой на Западе черной зернистой икрой (голландцы даже не хотели оплачивать такой ресторанный загул и обратились к третьейскому арбитру Ласкеру; мудрец пыхнул своей сигарой и ответил: «Господа! Алехин выступает под французским флагом, но у него русская душа и русские привычки. Надо платить, господа!»). В результате с минимальным перевесом верх взял Эйве и навеки вошел в историю 5-м чемпионом мира. «На смену шахматному философу Стейницу, человеку энергии Ласкеру,

виртуозу Капабланке, романтику Алехину пришел логик», — оценил случившееся безусловный король шахматной журналистики, сам не раз выигрывавший у Эйве гроссмейстер Савелий Тартаковер, и только глухой не услышит в этой череде скептическую, я бы даже сказал, неуважительную нотку.

Как у всякого сильного игрока были у Эйве свои достижения: и четкие позиционные планы, и яркие тактические удары, и верная оценка позиции, и теоретические новинки...

Защита Нимцовича Е41

Д. Бронштейн — М. Эйве

Турнир претендентов

Цюрих 1953

«Главный ресурс обороны — хладнокровие — был всецело использован моим партнером. Один момент я был вынужден прервать расчет вариантов и спросить себя, кто же кого атакует?» — так отозвался об этой партии соперник экс-чемпиона мира.

1.d4 ♘f6 2.c4 e6 3.♙c3 ♙b4 4.e3 c5 5.♙d3 d5 6.♘f3 0-0 7.0-0 ♘c6 8.a3 ♙:c3 9.bc dc 10.♙:c4 ♚c7 11.♙d3 e5 12.♚c2 ♚e8 13.e4 ed.

Упростить игру черные могли при помощи 13...c4 14.♙:c4 ed 15.cd ♘a5 16.♙d3 ♚:c2 17.♙:c2 ♘:e4, но полного равенства при этом не достигали. Отсюда — осложнения, начатые ходом в партии.

14.cd ♖g4 15.♗:c5.

На 15.e5 черные планировали 15...♖:f3 16.ef ♘:d4 17.♖:h7+ ♘h8 18.fg+ ♘:g7 19.♖b2 ♗ad8. Теперь не годится 20.gf из-за 20...♗h8, но все же «обнаженность» черного короля заставляет предпочесть позицию белых. Впрочем, ничего форсированно-го у них нет.

15...♘:e4 16.♖:e4 ♗:e4 17.♘g5.

Только проиграть могут белые в варианте 17.d5? ♖:f3 18.gf ♗h4 19.f4 ♗d7.

17...♗e7 18.♗c2 g6 19.♘e4 ♖f5 20.♘f6+ ♘g7 21.♗d2 ♘:f6.

Королю черных не суждено вернуться в укрытие, и атака на него, безусловно, стоит фигуры. Здесь возможно и 22.♗h6, и 22.♖b2, и — ход в партии.

22.d5 ♗d8!

Замечательное хладнокровие. Возвращая материал, черные организуют своеобразное укрытие для короля и начинают подумывать о контратаке.

23.♖b2+ ♘e5 24.f4 ♗c5+ 25.♘h1 ♗:d5 26.fe+ ♘e6 27.♗g5 ♘d7.

Король сам убегает из-под огня, и хотя он еще «не дома», но лишняя пешка, и — главное — максимальная централизация фигур позволяют черным с оптимизмом смотреть в будущее.

28.♗ac1.

Предлагавшееся Д. Бронштейном 28. a4 вряд ли может считаться решающим: после 28...♗e6 29.♖a3 у черных вместо 29...♗c4 30.♖d6 ♗:e6 31.ed ♗:d6 32.♗ad1 есть 29...♗d4 30.♖d6 f6 с острой и далеко не безнадёжной игрой.

28...♗b6 29.♖c3 ♗e8 30.♖b4 ♗:e5 31.♗h4 a5.

«Здесь у меня появилось подозрение, что черные начали играть на выигрыш» (Д. Бронштейн).

32.♖e1 h5.

Заманчивое 32...♖e6 33.♖g3 (33.♗:h7 ♗h5 34.♗g8 ♗d6 35.♗c8+ ♘e7 36.♗c7+ ♖d7) 33... ♗f5 передает инициативу черным, но промежуточным 33.♖f2! белые использовали бы недопустимость поля e6 для вражеского короля.

33.♖f2! ♗a6 34.♖g3 ♗e4 35.♗:f5!

Иного способа сделать ничью у белых уже нет: защита противной стороны достигла цели — 39.♗c7+ ♘e8.

35...♖:h4 36.♗:d5+ ♘e6
37.♗cd1.

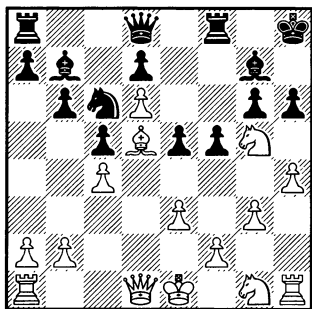
Угроза «вилки» ладьей на d6 не оставляет черным времени для сохранения достаточного материального перевеса.

37...♖c4 38.♗d6+ ♘e7 39.♗d7+ ♘f6 40.♙:h4+ ♖:h4 41.♗f1+ ♘g5. Ничья ввиду 42.♗d5+ и 43.♗:a5.

Еще фрагмент из «позднего Эйве» с его же примечаниями.

М. Эйве — М. Найдорф

Турнир претендентов
Цюрих 1953

15.g4!

Нужно использовать агрессивную позицию слона d5 и коня g5, прежде чем черные успеют построить линию обороны. После 16.gf грозит выпад ферзя на h5.

15...e4.

Черные намереваются начать контратаку, но этот ход имеет дефект: поле f4 становится доступно белому коню.

16.♘e2.

Белые последовательно осуществляют свой план.

16...♙:b2 17.♘f4 ♖f6 18.gf
♙:a1.

Если 18...gf, то 19.♗b1 ♙e5 20.♘h5 ♖g6 21.♗g1 hg 22.♗:g5 ♖e8 23.♘g7! ♙:g7 24.♗h5+ ♙h6 25.♗:h6+ ♘g7 26.♗h5, и кажется, что атака белых компенсирует потерю фигуры. Кроме этого, на 18...gf у белых есть сильный ответ 19.♖h5!.

19.♘:g6+ ♘g7 20.♘:e4 ♙c3+.

Но не 20...♖:f5 из-за 21.♖:a1+ ♘:g6 22.♗g1+.

21.♘f1 ♖:f5.

На первый взгляд события для черных развиваются не так плохо: у них на ладью больше, при случае может осуществиться матовая атака с ударом на f2, наконец, висит белый конь g6. Однако после следующего хода все фигуры белых оказываются готовыми к прямой атаке на короля противника.

22.♘f4.

Несчастье черных в том, что они не в состоянии спасти своего слона, так как 22...♙e5 опровергается путем 23.♘g3 ♖h7 24.♖g4+ ♘h8 25.♘g6+.

22...♘h8.

Другие ответы намного слабее, например: 1) 22...♙f6 23.♘g3 ♖e5 24.♖g4+!; 2) 22...♖e5 23.♖g4+ и т. д.

23.♘:c3.

Теперь материальное соотношение сил стало таким: качество за пешку, а это означает, что позиционный перевес белых должен сказаться.

23... ♖ae8 24. ♘ce2.

Через поле g3 конь подключается к атаке.

24... ♖g8.

Качество уже не играет никакой роли. Как после 25. ♕:g8, так и после 25. ♘g3 ♖:g3 ситуация оставалась еще неясной.

25.h5 ♖g5 26. ♘g3.

Из-за угрозы ♘g6+ следующая жертва уже не уравнивает шансы.

26... ♖:g3 27.fg ♖:e3 28. ♕f2 ♖e8.

Если 28... ♖a3, то 29. ♖e2 с угрозами 30. ♖b2+ и 30. ♖e8+.

29. ♖e1 ♖:e1.

Не лучше 29... ♖f8, на что белые отвечают 30. ♕g1 и после 30... ♕g7 могут выиграть несколькими путями (достаточно, например, 31. ♖e7!).

30. ♖:e1 ♕g7.

30... ♘e5 опровергается посредством 31. ♖:e5 и 32. ♘g6+.

31. ♖e8 ♖c2+ 32. ♕g1 ♖d1+ 33. ♕h2 ♖c2+ 34. ♘g2.

Теперь белый король в безопасности, чего не скажешь о черном.

34... ♖f5.

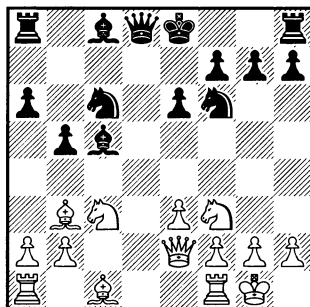
Защиты уже нет.

35. ♖g8+ ♕f6 36. ♖h8+ ♕g5 37. ♖g7+.

Черные сдались. Они получают мат в 2 хода: 37... ♕:h5 38. ♕f7+ ♖:f7 39.g4x.

Что касается матчей за корону... Алехин великодушно отметил мастерство своего соперника, особо выделив 5-ю партию поединка 1935 года.

М. Эйве — А. Алехин

В этом многократно встречавшемся варианте ферзевого гамбита раньше прямолинейно играли 11. ♖d1, и после 11... ♖b6 ничего реального не добивались. Эйве применяет совершенно естественное 11.e4, а Алехин зачем-то бросается в пучину обострений.

11...b4 12.e5 bc 13.ef gf (вынужденно: 13... ♖:f6? 14. ♖c4 ♖e7 15. ♕e3) 14. ♖c4 ♖b6 15. ♖:c3 ♘d4 (15... ♕e7 16. ♕g5 e5 17. ♘:e5) 16. ♘:d4 ♕:d4 17. ♕a4+ ♕e7 18. ♕e3 ♕:c3?

Пожалуй, решающая ошибка. После 18... ♖d8! у черных похуже, но ничего страшного нет. Теперь же белые слоны демонстрируют поистине слоновью силу.

19. ♕:b6 ♕e5.

Или 19... ♕b4 20. ♖ac1 ♕d6 21. ♖fd1 с множеством угроз, главная из которых 22. ♖c6; на 21...f5 у белых есть удар 22. ♖:d6! ♕:d6 23. ♕c5+, и белые форсированно добиваются материального перевеса.

20. ♖ad1 ♕f8.

Альтернативой, но не спасением служило 20...f5 21.f4 ♕:b2 22.♖f2 ♕c3 23.♗c2.

21.f4 ♕:b2 22.♖f3 ♕b7 23.♗g3 и, отражая угрозу мата черные отдали слона — **23...♕a3** (23...♗c8 24.♗d8+! ♖e7 25.♗:h8 ♗:h8 26.♕c5+ ♖d8 27.♗b3), после чего несколько постыдно сопротивлялись еще 17 ходов...

Через 35 лет после своего кратковременного чемпионства Эйве вновь вышел на авансцену шахмат — уже как президент ФИДЕ. Его прозвали «летучим голландцем» — столько стран он посетил, и именно при нем число членов Международной федерации перевалило за 100.

Но и досталось Эйве по первое число: на период его президентства пришлось скандальнейшие противоборства Спасского с Фишером, Карпова с Корчным и несостоявшийся матч Фишера с Карповым. Президент ФИДЕ маневрировал как мог, извивался как уж на сковороде, его — нейтрала по должности и по совести — была, совсем по Ленину, и та, и другая сторона. На третий четырехлетний срок 77-летний Эйве свою кандидатуру уже не выставлял...

С Советским Союзом и советскими шахматистами у экс-чемпиона мира были продолжительные и очень сложные отношения. Поначалу — неприкрытая вражда с Ботвинником: единственным по сути нашим шахматным полпредом за рубежом.

В 1946-м на открытии турнира в Гронингене — совместная с тремя дочерьми песня на русском языке: о Сталине аполитичный Эйве знал только из газет, не слишком-то осведомленных, а фашистов, как человек порядочный, ненавидел. Еще до войны приезжал в Ленин-град, и в истории наших шахмат появился удивительный термин — «турнир мастеров с участием Эйве и Кмоха». К слову, побили там варягов изрядно: ставший через год королем Эйве занял лишь 6-е место.

Потом кончились амбиции, и с Ботвинником началась дружба. Дошло до того, что по пути в Японию Эйве проехал с выступлениями весь СССР с Запада на Восток. Однажды только его постигла мелкая неприятность: он путешествовал с двумя дочерьми и официальной дамой сердца, а администратор столичной гостиницы «Москва» наотрез отказалась селить президента ФИДЕ с подругой в забронированный «люкс»: документов о браке у них, видите ли, не было. Разъяренный Ботвинник звонил на ночь глядя домой аж самому «хозяину Москвы» — несменяемому председателю Моссовета Промыслову, тот сделал для старого Эйве исключение из высококонравственной советской морали...

... Да, он все же случайно стал королем и, единственный из них, ничем принципиальным

шахматы не обогатил. Но слово бы удержал нить шахматных времен: в матч-турнире на первенство мира, где победил Ботвинник, участвовал экс-чемпи-

он мира Эйве. Легитимность необычного соревнования от этого только возросла. Ведь говорят: монарх — он и в изгнании монарх...

Жизнь в борьбе

Все мы в мае и ноябре ходили на демонстрации. Иногда — по принуждению, отбывая, так сказать, номер. Чаше — особенно в хорошую погоду — с удовольствием, но не от возможности показать родной партии и правительству тесное с ними единение, а в предвкушении веселой тусовки с коллегами до и после пробега перед властно стоящей трибуной: и глоток-другой можно было сделать совсем по-студенчески, втихую, и анекдоты потравить, и пофлиртовать от души...

Но совсем иным стал для каждого другой майский день. Пронзительным, высоким, наполнявшим душу трепетным и неизъяснимым волнением. Его страна ждала 1418 дней, с ним связывались надежды на иную жизнь и на Жизнь вообще. Радость со слезами на глазах — лучше поэта сказать о нем невозможно.

И когда через три года именно 9 мая он стал фактически, хотя еще и не формально, первым советским шахматным чемпионом мира — это было воспринято как предначертанное. Как посланное свыше, если хотите. Вольно или невольно даже истинные хозяева

необъятной державы, ни во что на свете — и в своих пророков Маркса и Ленина тоже — не верившие, относились к этому совпадению именно так и только так. Он — 37-летний Михаил Ботвинник, и без того снискавший уважение сильных советского мира сего, стал героем, и даже если отбросить все идеологические, пропагандистские и все прочие мотивы, то с полным на то основанием.

Я любил его тогда беззаветно. Только-только научившись двигать фигуры, часть которых по причине утраты заменялась катушками и спичечными коробками, прикидывал, когда же сам смогу встретиться с ним за шахматной доской. А, быть может, и ничью сделать, или даже выиграть? Ведь обыграл же я своего старшего друга Валеева, а тот — однажды — первокатегорника Ермолина, а тот — самого мастера Кламана, а тот — великого Кереса, а уж Керес, как всем известно, и у Ботвинника целое очко отбирал! Сколько, значит, мне осталось шагов до чемпиона мира? Пять? Ну, лет пять можно и подождать...

Увы, так и не сбылась моя мечта, как и мечта многих точно так же рассуждавших мальчишек. Правда, в конце концов я «выигрывал» у чемпиона мира всего лишь «в два хода», но сразиться с ним, испытать на себе сладостное иго его уникального шахматного прессинга так и не довелось. Хотя познакомились мы близко, и дома друг у друга бывали, и это позволило, уйдя от юношеской влюбленности (хотя мой друг Таль так и не мог мне простить, что в его матче с Ботвинником я искренне болел за Михаила-старшего), понять масштаб этого человека. Его величие и в поисках истины, и в заблуждениях, к шахматам отношения не имевшим.

Но вначале — факты, только факты и одни лишь факты.

На отборочном этапе чемпионата СССР делит выходящее в финал место более чем уважаемый мастер, к тому же обладавший немалым политическим весом. Главный судья говорит, что его можно включить в финал, если никто из участников протестовать не станет. Все согласно молчат, вопрос совсем уже решен, но... Встает самый юный, шестнадцатилетний финалист и произносит несколько слов на тему: закон есть закон. И мастер с дореволюционным стажем, большевик ленинской гвардии, как принято было в 20-х годах утверждать, в главный турнир страны не попадает...

Полuveком позже в издательстве «Молодая гвардия» лежит его, мэтра советских шахмат, рукопись «К достижению цели». Лежит полгода, год, полтора... Все дело в одном буквально абзаце, где рассказано про то, как мальчишкой Миша однажды, извините, обкакался (!). Эпизод, действительно, «не из вкусных», и без него книга не теряла ни йоты своей информативности и поучительности. «Без этого издавать не буду», — заявил автор и, пройдя самые разные ЦК, своего добился. Вообще исправить что-то в своих книгах он позволил редактору лишь однажды: когда тот указал Патриарху — так Ботвинника именовали за глаза в шахматном мире — на незаме-

ченный мат в два хода. Против такого неубиенного аргумента даже Ботвинник, считавший себя всегда правым, возражения не нашел...

А еще ранее, когда он стал чемпионом мира, вышла в свет его, можно сказать, документально-художественная биография. Автором книги, которую я и сейчас помню постранично, был очень хороший русско-советский писатель Кирилл Левин, в меру нашими властями замалчивавшийся, в меру издававшийся. Нет ни одного человека, кому бы эта ныне библиографическая редкость не понравилась, за исключением... самого Ботвинника. В газету «Советский спорт» он даже прислал резкое «опровержение» всей книги на том основании, что в ней указан год рождения... дочери (!). Это недопустимо, утверждал чемпион, хотя, видит Бог, никого еще в мире рождение детей не позорило.

И воспитывалась дочь в полном уважении к тому образу жизни, который вел глава семьи. Зарядка по утрам, до минут выверенный режим. Мой старший товарищ дома у Ботвинника увидел однажды лежащую на диване девочку: на спине, руки по швам, глаза открыты. «Что с тобой, Оленька?» — «Отдыхаю после обеда». Ваши восьмилетние дети так отвечали, а?..

Характер у Патриарха вообще был железным. В учебнике медицины есть ссылка на то, как не-

кий муж силой воли и воздействием остановил начинавшийся у жены приступ хронической болезни. Это о нем, о Ботвиннике.

А много спустя в той же газете «Советский спорт» появилась самая странная в истории благодарность своим поклонникам, поздравившим Ботвинника с юбилеем. Не вижу своей заслуги, писал Патриарх, что вместе с Землей я 60 раз обернулся вокруг Солнца...

В его записных книжках — это факт — периодически появлялись самому себе направленные предначертания типа: «С Р. не разговаривать до 1 июля», «Три месяца не контактировать с прессой». При этом, правда, делались исключения, когда в них появлялась реальная или видимая необходимость...

И вместе с тем любой обратившийся к Ботвиннику человек мог быть уверен: необходимую помощь он либо получит, либо, как минимум, будет сделана попытка эту помощь оказать. По себе знаю: когда с одним из самых молодых в Советском Союзе инфарктов я загремел в кардиологию, два месяца в одно и то же время у меня дома звонил телефон и, поздоровавшись, Михаил Моисеевич задавал жене два вопроса: про самочувствие и про то, не нужно ли что-то сделать. Постепенно темы разговора расширились, но как только стало ясно, что больной скорее жив, чем мертв, звонки прекратились.

И вот тогда-то я кончиками пальцев понял то, что до меня уже знали многие: жизнь Ботвинника — это борьба. Совсем по знаменитой формуле Маркса и — не совсем по ней. Патриарху постоянно требовался не враг, но барьер, который непременно нужно взять — и важнее этого на всем белом свете нет ничего. Барьер не всегда существовал реально, он искусственно создавался, выдвигался, если хотите — придумывался. И в штурме его Ботвинник шел напролом. С безразличностью читал я кое-какие намеки, что вот он, близкий к властям вообще и ко второму лицу государства Молотову в частности, не спас от репрессий друга юности и соавтора по шахматной композиции Каминера в том страшном 37-м году. Никто в мире тогда не мог бы сделать такое! Но он помогал и своему главному шахматному конкуренту Кересу, коему власти ой как не благоволили, и многим-многим: имя им — легион. Он, используя огромный авторитет и железную логику, добыл шахматистам их Центральный клуб, устоявший в урагане поползновений на это здание и по сей день. Он...

Впрочем, оставим область психологии и чисто человеческих отношений, где Ботвинник ни ангелом (хотя он не раз упрямо декларировал свой собственный «милый характер»), ни идеалом не был. Все же память о че-

ловеке зиждется на содеянном, и здесь он действительно успел невероятно много. Люди науки и техники меня поймут: не каждому дано ввести в обиход новый термин, а Ботвинник сумел это сделать: «асинхронизированные синхронные электродвигатели» — его придумка, хотя с точки зрения лингвиста это звучит даже хуже масла масляного. Но лингвистика одно, а наука, инженерия — совсем другое. Только до чего же путь доктора технических наук профессора Ботвинника соответствовал пути Ботвинника-шахматиста! Та же железная логика, неумолимая последовательность живет во всех его исследованиях, и каждое следующее — в чем-то исходит из предыдущего, захватывая нехоженые еще области техники. «Я никогда, кроме как во время войны, ничего не изобретал специально, все вытекало у нас из основной темы работы», — сказал Ботвинник. «Все» — это полдюжины авторских свидетельств, удостоверяющих первопродство, приоритет исследователя в том или ином вопросе. Для инженера, который не разменивается по мелочам, это — немало.

Смысл главного изобретения Ботвинника вот в чем.

Никто из нас, зажигая по вечерам настольную лампу, не обдумывает тот факт, что простым щелчком выключателя он «подсоединяет» свою квартиру к огромной и очень сложной систе-

ме энергосети. Ее сердце — генераторы, машины, вырабатывающие ток. У генераторов и в сети — равная частота, у них одинаковое напряжение, и пока этот баланс поддерживается — все в порядке.

Но, видимо, в то время, когда Господь Бог создавал электричество, черт придумал короткое замыкание. Отменить его нельзя. Хотя бы потому, что молнии — объективная реальность (планируется даже едва ли не на каждые 100 километров линии электропередачи по одному удару молнии в год, а в грозоопасных районах — и того больше). И обрыв проводов в результате обледенения или урагана, или падения метеорита, или аварии самолета, или любой иной случайности — предупредить невозможно. Тогда в сети резко возрастают токи и так же резко падает напряжение. Падает напряжение и в генераторе, он выпадает из синхронизма, его частота начинает опережать частоту сети (или отставать от нее), и энергосистема может развалиться. Вот доказательство того, что это не голая теория и не досужие домыслы. Осенью 1966 года огромный Нью-Йорк почти сутки сидел без электроэнергии. Погасли движущиеся огни Бродвея и экраны телевизоров, остановились поезда метро, отключились телефоны, в лифтах небоскребов застряли тысячи — нет, десятки тысяч! —

людей. А все началось с «несущественного» повреждения.

Поэтому надо в случае аварии поддерживать напряжение в генераторе, сохраняя тем самым напряжение у потребителей электроэнергии. Возбудить генератор и тут же как можно скорее «успокоить» его после того, как короткое замыкание — причина аварии — отключено от сети. Специально для этого создают регуляторы напряжения.

Это известно давно. Но Ботвинник и его группа уже на первом этапе своей научной работы пошли дальше: они разработали регуляторы, реагирующие не только на величину напряжения, но и на скорость изменения его. Теперь, например, в случае, когда напряжение выше нормы, но имеет тенденцию к уменьшению, стало возможным не торопиться ослаблять магнитное поле генератора — ведь напряжение стремится к норме. Короче: регулятор Ботвинника позволил точнее и быстрее выравнивать напряжение в энергосистеме, сеть стала более устойчивой, а регулирование происходило как бы с упреждением, с «предсказанием». На языке науки это называлось «автоматическим регулированием возбуждений синхронной машины».

Далее он перешел к работе над более общей проблемой, и первое изобретение Ботвинника и его сотрудников не заставило себя ждать: появилось в реестре

государственных изобретений СССР за номером 119590. Свою заявку на него изобретатели подали 17 сентября 1958 года. Нелишне вспомнить, что весной, в мае, Ботвинник, выиграв матч-реванш у В. Смыслова, вернул себе звание чемпиона мира, а две недели спустя после передачи авторской заявки, возглавляя команду СССР на Всемирной Олимпиаде в Мюнхене, набрал на первой доске 9 очков из 12-ти.

И это несмотря на то, что, по утверждению Ботвинника, шахматы и энергетика не шли у него по параллельным линиям, и что, следовательно, в какие-то периоды «верх» в нем брал гроссмейстер, а в какие-то «побеждал» научный работник!

А «летающий танк»! Его Ботвинник походя придумал во время войны, и авторская заявка со словом «танк» немедленно легла в хранилище военных секретов. Не стоит здесь рассказывать о сути этого изобретения, но когда лет сорок назад я писал статью о Ботвиннике-ученом и до спецхрана добрался, то был потрясен последними словами автора. На Земле, утверждал Ботвинник, моя идея вряд ли реализуема по причине силы тяжести, но когда начнется освоение Луны...

К слову, в то время еще не прозвучали ни Сталинградская победа, ни Курская, но в наступлении эры лунных экспедиций Ботвинник не сомневался.

Увы, гриф секретности сделал свое черное дело. И когда я рассказал об идее «танка», простой до невероятности, одному конструктору космической техники, тот схватился за голову: «Если бы мы знали, луноход мог стать совершенно иным». Об этом я поведал Ботвиннику и даже сквозь его непроницаемую личину увидел, что Патриарх польщен...

Про главную его, шахматную жизнь и говорить нечего. В ней шла двойная борьба, но та, что *на* доске, — виднее и важнее. Пять лавровых чемпионских венков — это, знаете ли, не шутка. Целая эпоха единоборства с удивительно одаренным Смысловым в конце концов закончилась его торжеством, хотя соперник имел перевес молодости. Разгромленный, даже повергнутый шахматным Мефистофелем — Талем, он год спустя словно восстал из пепла и взял убедительный реванш. «Я хочу, чтобы Миша-маленький во всем походил на Вас, Мишу-большого», — такую телеграмму прислала Ботвиннику мать Таля. И это, а также одержанная победа, сразу примирили Патриарха с человеком, которого иначе как гением не называли. Убежден: Ботвинник и с Петросяном бы примирился, если бы состоялся их матч-реванш...

«Среди девяти чемпионов мира, — сказал тогда же президент ФИДЕ, сам входивший в

череду шахматных королей профессор Макс Эйве, — можно назвать троих, чей вклад в развитие шахматной культуры особенно ярок и значителен». И пояснил: в первую очередь Эмануил Ласкер, Александр Алехин и Михаил Ботвинник «повинны» в том, что шахматы заняли сейчас столь почетное место в культурной жизни большинства стран и народов. «Повинны» прежде всего высокими и устойчивыми спортивными достижениями, приковывающими к их авторам всеобщее внимание. Затем, главным — партиями, насыщенными глубоким содержанием. Далее, исследовательской и популяризаторской работой и, наконец, личным примером беззаветного служения шахматам.

Сам же Ботвинник спросил риторически — «сделал ли он то, чего не сделали другие?» — и ответил:

Организатор — С. Вайнштейн и участники: С. Флор и М. Ботвинник

«Вопрос непростой. Но сначала небольшое отступление — расскажем о наиболее существенном, что произошло в истории шахмат. Шахматы поднялись на высшую ступень, когда у мастеров появилось совершенное позиционное понимание. Именно тогда и начали создаваться партии, которые производили художественное впечатление даже с точки зрения строгого ценителя. Пауль Морфи был пионером этого позиционного направления; он действовал интуитивно и не объяснял, как он играл в шахматы. Впрочем, он играл лишь открытые партии, как в те времена это и было принято.

Вильгельм Стейниц не только распространил позиционное понимание на закрытые партии, но и объяснил, как надо действовать. После этого мастера стали играть сильнее.

С тех пор алгоритм игры шахматного мастера в принципе изменился мало. Происходило лишь углубление и расширение понимания позиции, и здесь в 30-50-е годы нашего столетия советские мастера внесли в теорию и практику шахмат весомый вклад. Удалось так усовершенствовать искусство подготовки к соревнованиям, что мастер в кабинетной тиши, не ограниченный временем (не так, как во время игры!), мог находить

более совершенные оценки разнообразных шахматных позиций. Это развивало и позиционное понимание, и одновременно приводило к высоким практическим результатам.

Вот это и явилось, видимо, моим вкладом в шахматное искусство».

Подтверждений сказанному — великое множество. Начиная со знаменитой миниатюры, выигранной дома, при изучении шахмат.

Защита Каро-Канн В14

М. Ботвинник — Р. Шпильман

II Московский международный турнир 1935

**1.c4 c6 2.e4 d5 3.ed cd 4.d4 ♘f6
5. ♘c3 ♘c6 6. ♙g5 ♖b6.**

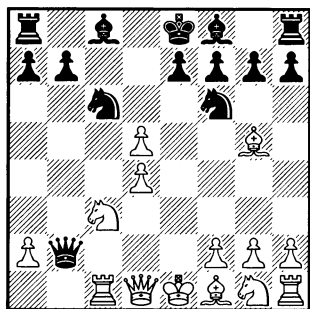
Рекомендовано чешским мастером Г. Рейфиром. Ход 6...♖b6 был известен мне до этой партии, и я имел возможность тщательно проанализировать получающуюся позицию.

На обдумывание всей партии белые затратили всего 20 минут, и то лишь для того, чтобы проверить свои домашние анализы. Ход Рейфира неудовлетворителен главным образом потому, что черные вместо развития фигур пытаются вести атаку одним ферзем.

7.cd ♖:b2.

Неудовлетворительно также 7...♘:d5 8.♘:d5 ♖a5+ 9.♘c3 ♖:g5 10.♘f3, или 7...♘:d4 8.♘ge2! ♘:e2 9.♙:e2.

8. ♚c1.

Этот ответ не был рассмотрен черными. Вероятно, Р. Шпильман предполагал, что белые пойдут на выигрыш фигуры и изберут вариант, опубликованный в печати: 8.♘a4 ♖b4+ 9.♙d2 ♖:d4 10.dc ♘e4 11.♙e3 ♖b4+ 12.♙e2 bc!, — но нетрудно убедиться, что белые попадают под атаку. Теперь же у черного коня c6 четыре отступления, но все они, увы, проигрывают:

a) 8...♘b8 9.♘a4 ♖b4+ 10.♙d2;

b) 8...♘a5 9.♖a4+;

в) 8...♘d8 9.♙:f6 ef 10.♙b5+ ♙d7 11.♚c2 ♖b4 12.♖e2+! и т.д.

Таким образом, остается только четвертое отступление коня.

8...♘b4 9.♘a4.

Ферзь черных пойман, и спасти его можно лишь ценой фигуры.

9...♖:a2 10.♙c4 ♙g4 11.♘f3 ♙:f3 12.gf.

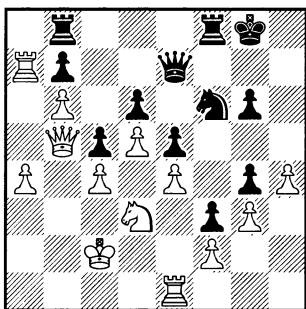
Черные сдались. На 12...♖a3 следует 13.♚c3, и они вынуждены отдать коня ходом 13...♘c2+ (Примечания М. Ботвинника).

Итог следующего поединка, как и сотен других, окончательно определился в перерыве меж-

ду днем игры и днем доигрывания.

М. Ботвинник — В. Смыслов

Матч на первенство мира
5-я партия, Москва 1957

42. ♖a5!

Этот маневр был найден в анализе. Теперь на 42... ♜h7, чтобы путем g6-g5 напасть на пешку e4, последует 43. ♜d2. Белая же пешка b6, как это будет видно, неуязвима.

42... ♜d8 43. ♘b2 ♘d7 44. ♘d1 ♘f6.

От взятия пешки b6 пришлось отказаться, так как в случае 44... ♜:b6 45. ♜:b6 ♘:b6 46. ♘e3 или 44... ♘:b6 45. ♘e3 партия переходила в эндшпиль с неизбежными материальными потерями для черных.

45. ♜b5 ♜e7 46. a5 ♜h7 47. ♘d3 ♜f7 48. ♜b2 ♘h5 49. ♜g1.

Чтобы радикально обезвредить возможную угрозу ♘h5:g3.

49... g5 50. hg ♜bf8 51. ♜d2 ♜f4.

Попытка любой ценой осложнить борьбу. Увы! Белые не обращают на это внимания...

52. ♘c3 ♘:g3 53. ♜:g3 ♜h2.

А вдруг противник не заметит «угрозы» 54... ♜:g3 55. fg f2...

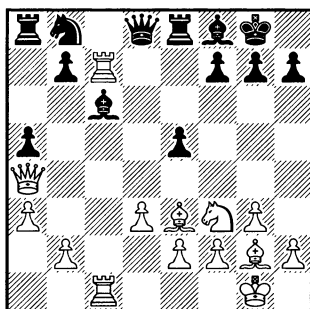
54. ♜e1.

Заметил! Черные сдались (Примечания М. Ботвинника).

Конечно, гигантской была логика Ботвинника и за доской, в основном, так сказать, время игры. И порой он, сделавший себя первоклассным стратегом, давал волю природному тактическому таланту.

М. Ботвинник — Л. Портиш

Монте-Карло 1968

Черные рассчитывают, что белым придется отдать ладью за слона (17. ♜7:c6 ♘:c6), после чего небольшой материальный перевес компенсирует позиционные козыри белых. Увы, Портиша ждет разочарование.

17. ♜1:c6!

Черные, конечно, учитывали и возможность такой жертвы, но ошибочно считали, что ладья c7 остается в западне и ее также придется отдать. Однако слона c6 уже нет, а значит поле b7 беззащитно! Но главное даже не в этом. Жертва ладьи уничтожила

неприятельского слона, прикрывающего слабость белых полей в лагере черных.

17...bc.

Черные сохраняют пешку b7, но это не имеет никакого значения, поскольку белые уже нацелились на другой фланг.

18.♖:f7!

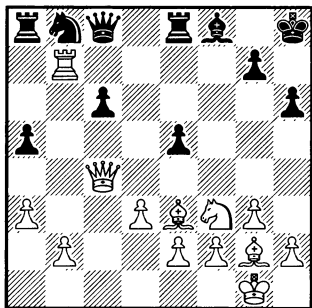
Редко удается почти в дебюте отдать одну за другой обе ладьи. Правда, вторую жертву принять нельзя: 18...♖:f7 19.♗c4+ ♖g6 20.♗g4+ ♖f7 21.♘g5+, и черным приходится расстаться с ферзем, иначе они получают мат.

18...h6.

Защищая поле g5, но еще больше ослабляя белые поля.

19.♖b7 ♗c8 20.♗c4+ ♖h8.

После 20...♗e6 21.♘:e5 также нельзя было бы долго сопротивляться.

21.♘h4!

И снова можно пренебречь угрозой черных взять ладью — игра идет «на мат».

21...♗:b7 22.♘g6+ ♖h7 23.♙e4.

С намерением 24.♘e7+ и 25.♗g8x.

23...♙d6 24.♘:e5+ g6.

Или 24...♖h8 25.♘f7+ ♖g8 26.♘:d6+.

25.♙g6+ ♖g7 26.♙h6+!

Черные сдались. На 26...♖:h6 последовало бы 27.♗h4+ ♖g7 28.♗h7+ ♖f6 (28... ♖f8 29.♗:b7) 29.♘g4+ ♖e6 (29...♖g5 30. ♗h5x) 30.♗:b7 (Примечания М. Ботвинника).

Исчерпывающим для понимания шахматного эго Ботвинника мне кажется комментарий Михаила Талья к 9-й партии их матча на первенство мира.

К тому времени юный претендент вел в счете, и его фигуры на доске излучали куда большую энергию, демонстрировали куда большую подвижность, чем фигуры чемпиона. И вот, пожертвовав в защите Каро-Канна коня на e6, Таль получил за него две пешки с видами на атаку, затем приобрел третью и — эндшпиль, который в конце концов проиграл, а много позже сказал:

«В ходе шахматной борьбы у партнеров мысли развиваются совершенно по-разному. Многие шахматисты (особенно молодого поколения) на протяжении всех пяти часов игры занимаются в основном вычислениями, и их работа во время партии сводится примерно к следующему: «если я пойду сюда, он пойдет туда» и т.д., сколько хватает сил. Более опытные шахматисты, глубже изучившие тайны этого искусства, зачастую не утруждают себя столь утомительным делом и, ру-

ководствуясь, в основном, незбылемыми (во многих, но не во всех случаях) принципами, планируют свою дальнейшую игру. Для иллюстрации мне бы хотелось привести диалог, который состоялся после окончания девятой встречи между М. Ботвинником и мною. Когда я начал с пулеметной скоростью выпаливать варианты, рассчитанные во время партии, которые демонстрировали удобность позиции черных, М. Ботвинник сказал: «Мне вначале эта позиция казалась более приятной для белых, но потом я нашел правильный план: *нужно ладьи менять, а ферзей сохранить*». Вначале такая оценка позиции показалась мне удивительно абстрактной, но когда я начал перебирать те самые многочисленные варианты, то оставалось лишь прийти к выводу, что М. Ботвинник был абсолютно прав: в окончании без ферзей стройная пешечная цепь белых при поддержке активного слона обеспечивала им определенный перевес. При наличии на доске ферзей черные могли рассчитывать на сильную атаку ввиду ослабления поля g4».

Видимо, в абстрактном мышлении у Ботвинника-шахматиста равных и вправду было немного. У Ботвинника-человека... Один эпизод из жизни — встречу с Петром Леонидовичем Капицей — он завершил фразой: «Впрочем, в шахматы он играл слабовато». Ну кому еще пришлось бы в голову ме-

рить великого физика, лауреата Нобелевской премии и великого гражданина, позволившего себе хлопнуть дверью после приема у смертоносного Сталина — шахматной меркой. О каком мышлении тут идет речь?... Хотя на язвительное замечание Спасского, что лучшим воспитанником советской школы надо считать Фишера, «Майки» (так обращался к нему Борис) ответа не дал. Лишь смерил собеседника тяжелым взглядом.

Как и меня в 1991-м году в Брюсселе, когда я на фуршете по случаю окончания четвертьфинальных матчей претендентов вроде бы невинно заговорил о несколько щекотливой коллизии: сначала Ботвинник искренне поблагодарил президента СССР Михаила Горбачева за поздравления с 80-летием, а ровно через два дня в телевизионном интервью целиком и полностью поддержал пресловутое пьяное ГКЧП, этого самого Горбачева посадившее под замок. Впрочем, ему это было не в новинку: слал в ЦК более или менее вольнолюбивое предложение касательно экономики страны и абсолютно веровал в то, что «сильная рука» типа сталинской нам необходима, и что расстреливать многих — не больший грех, чем ввергать в нищету очень многих.

Мне лично омерзительно и то, и другое. Хотя только в той, неземной жизни, быть может, Бог ответит на такие вопросы.

Нам всем. И — Ботвиннику.

Борьба — не за жизнь

В первую минуту мысль человеческая всегда предпочитает пойти по привычному кругу. Если спросить шахматиста, что есть, например, середина 90-х годов XIX века, он наверняка не вспомнит скандал в высших российских научных сферах, куда академики-разночинцы не хотели допускать «породистого» князя Голицына с его трактатом по будущей квантовой механике, и вряд ли вспомнит восшествие на престол самодержца, царя и императора Николая II. Нет, он, гипотетический наш любитель, обязательно сочтет особой приметой матч Стейница с Ласкером, и по-своему будет прав. Потому что шахматное летоисчисление так и идет скачкообразно: от поединка, в котором один шахматный король меняет другого — или не меняет! — до следующего верховного противостояния.

И если «дворцовый переворот» совершается, генеральная линия шахматного развития делает либо плавный, либо крутой поворот. Потому что так было и так будет: это в театре короля играет свита, а в шахматах вся многомиллионная свита играет то, что придумывает, любит и освящает своими партиями сам король...

Поворот, который намечался уже в наше шахматное время, в 1951 году, моряки называли бы

«все вдруг». Ибо в матче за корону после четвертьвекового перерыва вновь встретились антиподы: Михаил Ботвинник и Давид Бронштейн. Их противостояние сопоставимо лишь с дуэлями Капабланки с Алехиным и Карпова с Каспаровым, и тоже шло по разным пластам жизни: шахматным и нешахматным, политическим и философским, мировоззренческим, наконец. Это не высокие слова: именно потому шахматы и привлекают людей, что они не просто игра, и тем более не просто забава...

К тому же матчем начиналась новая, можно сказать, регулярная шахматная летопись: встречи за корону отныне обязаны были происходить каждые три года, и былой ласкеры-капабланковско-алехинской вольнице наступал конец. Но почему-то никто из шахматистов, приняв новацию как должное, не задумался о тех поистине эпохальных минутах, месяцах и даже годах, которые всему этому предшествовали.

И никто никогда не подумал об исторической роли, которую в жизни всего нашего спорта сыграли именно они, шахматы, «тера инкогнита» для высшего руководства послевоенного Советского Союза. Ведь вступив в конце Великой Отечественной в Организацию Объединенных наций (Гитлера-то надо было добивать

совместно с союзниками), страна наша — точнее, ее вожди — отнюдь не отказались от привычной политики бойкота буржуазных спортивных организаций. Правда, кое-какую дорожку к сближению шахматисты все же проторили: выиграли в 1945-м радиоматч у американцев; как Бог черепаху, разделили англичан. Следом на чемпионаты Европы отправились наши легкоатлеты, штангисты, но... Ни в МОК мы не поторопились вступить, ни в Международную шахматную федерацию, ни в любую другую. Да и зачем: во Франции в правительстве — коммунисты, в Италии — тем более... И хотя всемирную революцию, к сожалению, приходится отложить — надо поднимать свой порушенный дом, все равно — она не за горами, тогда и можно будет спортивно сотрудничать не с буржуями...

Но умер Алехин. Уже давший согласие на матч с Ботвинником за шахматную корону. Собиравшийся, по словам его последнего собеседника, португальского мастера Люпи, поставить своего соперника во французской защите перед такими проблемами, чтобы тот, Ботвинник, принужден был играть черными в ответ на 1.e2-e4 испанскую партию, которую в то время, до появления в ней систем Смыслова и Зайцева, иначе как испанской пыткой не именовали. Только верил ли в сказанное сам 54-летний шахматный король,

часто проигрывавший уже мастерам средней руки?

У находившегося в расцвете сил советского чемпиона была и сицилианская защита (к слову, играл Ботвинник ее и против Алехина), и французская его не подводила, да и, в отличие от чемпиона, претендент не только бочку не выпил, но и рюмку ставил на стол нетронутой. Словом, в предстоящей борьбе шансы сторон настоящим знатокам являлись явно неравными.

Но Король умер. И когда менее чем через год ФИДЕ на своем конгрессе провозглашала действующим чемпионом Макса Эйве — голландец на пару лет «одалживал» у Алехина это звание, либо в крайнем случае победителя матча Эйве — Решевский, раскрылась дверь и с опозданием на сутки в зал заседаний вошла... советская шахматная делегация. Пусть и в последний момент, но Политбюро ЦК ВКП(б) и лично товарищ Сталин поняли: Париж стоит мессы, ради титула умнейшего спортсмена мира можно поступиться даже принципами. И делегаты конгресса буквально рты раскрыли, когда СССР заявил о признании ФИДЕ, о вступлении в эту трижды раскапиталистическую организацию, и предложил собственный план упорядоченной и вроде бы вполне демократической системы розыгрыша чемпионского звания. Сутки пробыл Эйве двукратным шахматным королем, и ради аль-

янса со страной, в то время действительно очень и очень популярной, был назначен хорошо теперь известный матч-турнир 1948 года.

В скобках можно добавить: плотина оказалась прорванной, членство во многих спортивных федерациях — предreshенным, и хотя на Всемирную шахматную Олимпиаду в том же 48-м мы не поехали (в Югославию, где правит кровавая клика Тито-Ранковича, посмевших не подчиниться в чем-то отцу всех народов), ход спортивной истории полностью изменить стало делом маловероятным. Не понимаю: почему до сих пор все наши спортивные федерации не несут в федерацию шахматную борзых щенков...

И вот наступил день, когда первый советский чемпион мира должен был отстаивать свое звание. В матче с человеком, которого он в душе, от всех замкнутой на ключ, не мог не бояться. Ведь именно Давид Бронштейн еще двадцатилетним мальчишкой вечно голодным, с ватником на плечах вместо пальто, в первой же их официальной встрече на чемпионате СССР-44 взял и у него, безоговорочного победителя турнира, выиграл! А затем повторил эту нелогичность еще и еще! И перед матчем взял подряд шесть первых мест: будь это сегодня, ходил бы Давид Ионович в людях о-о-очень богатых. Но главное состояло даже не в этом: Бронштейн, по меркам тех лет

едва ли не бомж и уж явно без роду-племени, позволял себе исповедовать совсем иную шахматную веру, едва ли не в корне отличающуюся от той, что сформулировал Ботвинник в своих знаменитых лекциях «О советской шахматной школе». Конечно, лишь много позже напишет Бронштейн в одной из своих замысловатых книг, что гамбит Эванса — это не дебют, а особое мировоззрение, особый стиль шахматной жизни, но и при подходе к матчу он уже выглядел некоей белой вороной. Пусть не о нем сказал мудрый профессор математики Макс Эйве — «Без таких людей шахматный мир не был бы таким, какой он есть. Не правила и предписания составляют суть шахматного сообщества,

а личности», — но все это к Бронштейну того периода применимо как ни к кому иному. «Мне всегда казалось, что только игра смелая, с жертвами фигур и пешек, игра инициативная, дерзкая, постоянно нацеленная на поиск яркой комбинации, только такая игра имеет будущее», — это уже — он сам.

Ясно, что человек с такими мыслями, да еще плохо скрываемыми, в те страшноватые годы любовью властей пользоваться не мог по определению. Он сделал, правда, хитрый ход по подсказке своего доброго гения (увы, полковника и начальника планового управления НКВД), впоследствии доктора экономических наук и известного шахматного литератора Бориса Вайнштейна (как популярен был созданный им загадочный персонаж Ферзь-бери!), люто с Ботвинником враждовавшего, и вступил в общество «Динамо». На шахматы в принципе бело-голубым всегда было наплевать, и звезд с неба динамовская команда на черно-белых полях не хватала, но все же то было ведомство Лаврентия Павловича, и кое от чего оно могло прикрыть.

А причины для вечного, тихо гнетущего опасения у юного таланта были. Его мать, правда, молилась на советскую власть («В Киеве я пережила девять погромов, а сейчас их нет»), да и отец на невысоких своих должностях служил ей верой и правдой, но

трагический 37-й год стороной семью не обошел. В контрреволюционной деятельности отец признался, получил свои 8 лет с поражением в правах и в конце войны смертельно больным отправлен был куда-то в Казахстан — умирать не за колючей проволокой. Что, впрочем, вполне соответствовало планам того самого Управления, которым командовал благодетель сына: количество бесплатных рабочих рук и «естественная» их убыль определялись заранее с точностью необыкновенной...

Но вот незадача: выжил отец! Поселился где-то под Подольском (хотя, по-моему, это ближе предписанного правилами 101-го километра), и, человек бесстрашный, даже раз в месяц появлялся в самой хозчасти грозной московской дивизии НКВД имени Дзержинского, где года три рядовым числился молодой динамовский grossмейстер, чтобы получать за него сухой паек.

А еще раньше, в северных лагерях, отца не раз даже вроде бы и по-дружески офицеры охраны расспрашивали о некоем брате, и категорически отказывались верить, что Иона Бронштейн совсем даже и не брат *того* Бронштейна. Председателя Реввоенсовета. Самого яркого трибуна революции, метавшегося в своем поезде по всем фронтам гражданской войны и ставшего затем врагом № 1 для мудрого и вели-

кого Сталина. Тем, кто забыл, напомним: Бронштейном был Троцкий...

Так что и по этой причине *наш* Бронштейн в роли чемпиона властям не виделся. Уже была принята от разгромленного гитлеровского рейха эстафета государственного антисемитизма, уже раздавила автомашина, ведомая твердой энкавэдэшной рукой, величайшего в истории советского театра короля Лира — актера Соломона Михоэлса, так много сделавшего для победы над фашизмом. В лагере кантовалась, кажется, единственная в то время женщина-академик Лина Штерн, расстреляны были детские писатели, поэты... Не хватало еще Бронштейна в короли!

Правда, и Ботвинник был по отчеству Моисеевичем. Но, во-первых, проверенным комсомольцем, членом партии, а, во-вторых, по терминологии того же нацизма, «евреем, полезным для государства», так как уже содеянным вольно или невольно утверждал превосходство советского образа жизни и мышления над образом жизни несоветским. Так что если нет чемпиона своего в доску, то пусть останется хотя бы тот, к которому успели привыкнуть...

Сказанное вовсе не означает, что Бронштейна заставляли матч проигрывать или по меньшей мере — не выигрывать. В своей «Исповеди нонконформиста»,

широкой шахматной публике практически неизвестной, он сам опроверг эту бытующую точку зрения. Мало того, ближайший сподвижник Берии, в то время Министр госбезопасности Абакумов, интеллигент по внешности и палач по сущности, даже приказал ему в последней партии победить и чемпионом становиться, но... Видимо, внутреннее состояние Бронштейна не располагало к жесткому единоборству на каждой из 64 клеток, а без этого матчи за корону никогда еще не выигрывались.

Много позже Давид Ионович в оправдание себе пустил в шахматный мир почти афоризм: «Если бы я понял тогда, что веду борьбу за вечный титул экс-чемпиона...». Что ж, звучит эффектно, даже красиво, хотя суть происшедшего не приоткрывает ни на йоту.

Вообще то был далеко не ординарный поединок. Все участники всех встреч на высшем шахматном уровне дружно подчеркивали особую нервность борьбы и, как следствие, вероятность ошибок отнюдь не супергроссмейстерского толка. Но матч 51-го года побил все рекорды. Ботвинник не выигрывает с лишней ладьей! Бронштейн в один ход проигрывает элементарный эндшпиль! И еще, и еще, и еще...

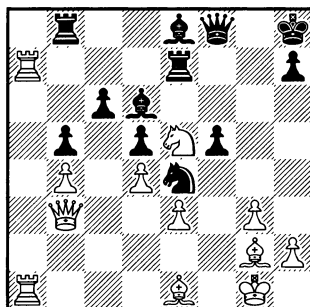
Сам Давид Ионович впоследствии себя всячески оправдывал, говоря и о маске чудака, которую

носил, «чтобы мне позволяли многое, чего нельзя другим», и о своем собственном мире, который, впрочем, «в отличие от Ботвинника, я никому не навязывал». Все это так — и не совсем так. Никогда не забуду, как Бронштейн выговаривал мне, что мой ближайший друг Михаил Таль на турнире в Таллине победил в последнем туре вместо того чтобы сделать ничью и тем самым разделить первое место с ним, Давидом Ионовичем, и рижским гроссмейстером Гипслисом. «Вы же понимаете, я не за себя говорю, мне первого места не надо, но вот Гипслису...». В данном случае роль ходатая за ближнего не показалась мне искренней, и Бронштейн, мгновенно уловив реакцию, тут же переключился на иную тему.

И по 20, 30, даже 40 минут он не делал первого хода, сидя за доской, отнюдь не ради желания прослыть эксцентричной фигурой. Вещи надо называть своими именами: нервная система великого шахматиста отнюдь не была приспособлена для космических перегрузок современных Больших шахмат. Порой ему, как и Фишеру впоследствии, трудно давался переход от состояния *предборьбы* к самому шахматному действию. А в матче...

В матче с огромной, подкупающей энергией и блеском провел он, к примеру, такую атаку.

Д. Бронштейн — М. Ботвинник

32.g4 fg 33.♖:e4 de 34.♖h4 ♖:e5.

Практически вынуждено. После 34... ♖:a7 35. ♖:a7 нет защиты от 36. ♘f7+, а 34... ♖g7 35. ♖:g7 ♖:g7 проигрывает из-за 36. ♖a7! ♖:a7 37. ♘f6+.

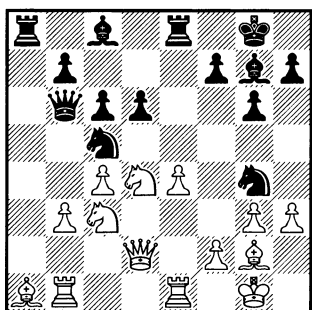
35.de ♘:e5 36. ♖f1 ♖g8 37. ♘g3!! ♘g7 38. ♖:g8+. Черные сдались.

После этой, 22-й партии Бронштейн повел в счете. И когда корона оказалась рядом, когда он почувствовал ее манящую тяжесть на собственной голове (к слову, по числу волос — давно уже не двадцатичетырехлетней), нервы не выдержали. Его секундант, в принципе предельно сдержанный обладатель самой длинной в шахматах фамилии Константинопольский однажды в очень тесном кругу все же признался, что в тот день за ужином Дэвик вдруг начал произносить нечто не совсем внятное. Перепуганный добрый ангел Вайнштейн, фактически бывший одним из его секундантов на матче, предпринял все возможные — а мог он много! — меры и... В положенный день,

словно ничего не произошло, состоялась предпоследняя партия — и после нее не состоялась ни «смена караула», ни поворот шахмат от фундаментализма к импровизации, от тяжеловатого классицизма к более легкому романтизму. Поворот к Красоте, которой в партиях эвентуального седьмого шахматного короля всегда было предостаточно. Можно вспомнить хотя бы ту, с которой по сути начиналась современная староиндийская защита.

Ф. Зита — Д. Бронштейн

Матч Прага-Москва 1946

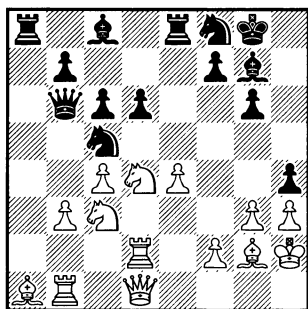

Сейчас черный конь отступит и белые, доминируя в центре, совершат свое черное дело. Но сила черного построения — не в статических факторах, а в динамике фигур и...

17... ♖:a1! 18. ♖:a1 ♘:f2! 19. ♖e3 (или 19. ♘:f2 ♘:b3 с разгромом) 19... ♘:h3+ 20. ♘h2 ♘f2! 21. ♖f3 ♘c:e4, и вскоре все кончилось.

В этом же соревновании — похожая по идее и в то же время совсем другая комбинация, облетевшая весь мир.

Л. Пахман — Д. Бронштейн

20... ♖:a1! 21. ♖:a1 ♘:d4 22. ♖:d4 ♘:b3 23. ♖:d6 ♘:f2!

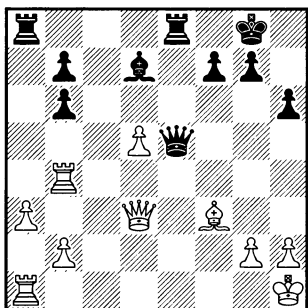
Контрапункт замысла черных. Белые рассчитывали только на 23... ♘:a1, приготовив на это 24. ♘d5!

24. ♖a2 (или 24. ♖a3 ♘:h3) 24... ♘:g3+ 25. ♘h1 ♘:c3 26. ♖a3 (26. ♖d3 ♘c1!) 26... ♘:h3 27. ♖:b3 ♘:g2+ 28. ♘:g2 ♘:c4 29. ♖d4 ♘e6 30. ♖:b7 ♖a8 31. ♘e2 h3+. Белые сдались.

В. Микенас — Д. Бронштейн

33-й чемпионат СССР

Таллин 1965

Казалось бы, дела белых очень и очень неплохи. У них лучшая пешечная структура на ферзевом

фланге. Проходная в центре, активная ладья на b4, а возможное вторжение черных на первую горизонталь — 24...♙e1+ парируется простым 25.♙f1.

Но «хитроумный Дэвик», как часто именовали московского гроссмейстера, рассмотрел, что черный ферзь по большой черной диагонали нацелен не только на пешку b2, надежно защищенную, но — рентгеном — и на незащищенную ладью a1.

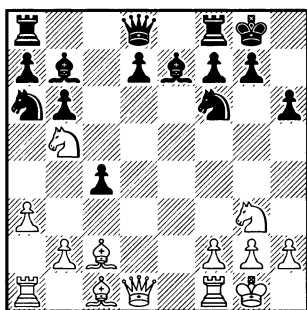
Значит, хорошо бы отвлечь пешку b2, а если не ее, то ферзя от поля f1, а если не его, то ладью с 1-й горизонтали... И родился удивительный ход!

24...♚:a3!

Удар по трижды (!) защищенной пешке, подмеченной к тому же «боковым зрением» на краю доски, привел к немедленной капитуляции белых.

А вот эта его партия получила первый приз за красоту на соревновании, за которым следил весь шахматный мир.

Д. Бронштейн — П. Керес
Межзональный турнир
Гетеборг 1955

За пожертвованные две пешки белые вроде бы ничего особого не добились: черные неплохо развиты и постепенно могут консолидировать силы. Однако ветер, посеянный Бронштейном, не ослабевает.

14.♙:h6!!? gh 15.♙d2.

Такой натиск, да еще с тихими ходами, явно вывел из себя даже такого хладнокровного и великого игрока, как Керес. После

15...♘h7 16.♙:h6 f5 17.♘:f5 ♚:f5 18.♙:f5

белые практически восстановили материальное равновесие при сохранившейся сильнейшей атаке:

18...♘f8 19.♚ad1 ♙g5 20.♙h5 ♙f6 21.♘d6 ♙c6 22.♙g4 ♘h8 23.♙e4 ♙h6 24.♙:c6 dc 25.♙:c4 ♘c5 26.b4 ♘ce6 27.♙:c6.

У белых уже материальный перевес, который они и довели до победы на 39-м ходу.

Другое дело, что в критический момент черные могли успешно защищаться. Для этого им нужно было подтянуть к решающему участку боя — в центр! — свои фигуры ферзевого фланга. После 15...♘c5! 16.♚ae1 (в случае 16.♙:h6 ♙e4 17.♘f5 ♘e8 атаку можно считать отбитой) 16...♘d3 17.♙:d3 (вынужденно, так как хуже 17.♙:h6 ♘e8 18.♚e5 f5) 17...cd 18.♘f5 ♙e4 19.♘bd4 ♚e8 20.♘:h6+ (при 20.♙:h6 ♙f8 21.♙g5+ ♘h8 22.♚e3 ♘h7 атака захлебывалась) 20...♘f8 21.♙g5 ♙g6! (проигрывает естественное на вид 21...d5? 22.♚:e4! de 23.♘e6+! fe 24.♙g6) 22.♚:e7! ♚:e7 (плохо

22...♖:e7 из-за 23.♘hf5) 23.♖:f6 ♜e4 24.♖h8+ ♜e7 25.♘hf5+ ♜:f5 26.♘:f5+ ♜e6 27.♖h3 ♖h8! 28. ♖:d3 (или 28.♘g7++ ♜f6 29.♖:d3 ♜e5!) 28...♖e5 их шансы оставались предпочтительнее.

Но разве в укор добру молодцу — и жюри тоже, что многомесячный анализ целой группы экспертов поставил под сомнение замысел, возникший спонтанно за считанные минуты игры? И потом: многие блистательные комбинации в истории шахмат впоследствии оказывались опровергнутыми, но на современников свое магическое воздействие все же оказывали. Нет, не случайно Таль, хотя за язык никто его не тянул, то и дело признавал, что вот это Бронштейн понял и сделал раньше него, и это, и это тоже...

Он действительно протоптал в шахматах многие тропы, в первую минуту казавшиеся дорогой в никуда. Хронометраж ходов — за него Бронштейн боролся годы. Быстрые шахматы, которые сегодня успешно теснят классику, — его детище. Есть фотография Бронштейна и Таля, дающих друг другу сеанс одновременной игры на 8 досках —

это тоже придумка Давида Ионовича. И Кубок по нокаут-системе — он его предложил и первым завоевал. Естественно, тогда это был Кубок СССР...

Потом его судьба сложилась своеобразно. После тяжелой операции Давид Ионович кочевал между Россией и Испанией, Бельгией, Англией и Белоруссией, где в Минске жила его жена и куда он перехал в конце своего земного пути. Иногда играл в так называемых открытых турнирах — естественно, без особого успеха. После того архиважного для шахмат матча кривая его спортивных достижений резко пошла вниз (нервы, нервы), но имя, но идеи, но легендарность — остались. К сожалению, не у нас, а там, на Западе. Потому и печатали с упоением его редкие книги те же немцы и англичане, потому и звали его в гости в общем-то ко всем равнодушные американцы. Но в принципе это совсем другой разговор: почему одни звезды затягиваются дымкой времени, а другие, равновеликие, десятилетиями остаются у всех на устах.

Только — убежден — для истории это не принципиально...

Гвардия

Исподволь, шаг за шагом и не торопясь, театральная сцена за тысячи лет своей истории нарабатывала законы, пренебрегать которыми сегодня уже не дано никому (по крайней мере, до тех пор, пока некий, еще не родившийся гений не сформулирует, выдвинет и докажет то, о чем нынче никто и не подозревает). Например, на подмостках властелин может играть коварство — и это будет Ричард, герцог Глостерский, философичность — и это будет Гамлет, принц Датский, садизм с примесью государственности — и это будет царь Иван Васильевич, по прозвищу Грозный. Можно играть обманутое благородство Короля Лира, фанатическую, беспринципную целеустремленность Предсовнаркома Ленина, жеманную слабость Людовика XVI, но нельзя в театре без лжи и фальши сыграть — величие. Оно — удел бронзы и камня монументов, оно — не для живого воплощения перед живыми. Ни древнегреческие котурны, ни золоченые троны, ни позы и жесты не помогут: короля играет только свита. Мой товарищ поступил в прославленный ГИТИС, произнес на экзамене одну-единственную фразу: «Вас вызывает товарищ Сталин». И хотя месяцев за пять до того Тиран умер, многоопытная приемная комиссия воочию увидела: там, за отсутствующей дверью несуществующего ка-

бинета вызванного ждет не кто-нибудь, а Он...

Совершенно убежден, что и титул Шахматного Короля возник на Земле лишь тогда, когда появилась «свита». Не с кем было всерьез спорить гениальному Филidorу, лишь по касательной соприкоснулись во времени Андерсен и Морфи (в загадочной России дремал могучий Петров, нос не высовывая из берлоги) — и титул не мог родиться, как не выглядят накануне рождественских или крещенских морозов нежные венчики подснежников. Зато когда шахматы привлекли, властно втянули в себя мощные умы не в единичном исчислении, начался Великий Спор. Он тем богаче, захватывающе и ценнее, чем выше и ярче творческие лики тех, кто ведет его. Величие короля определяется теми, кого он превзошел — пусть даже по одной из составляющих шахмат: по очкам в турнирной или матчевой таблице. Словом, короля играют те, кто сам не вззошел на престол.

В нашей стране их было особенно много. О ком-то рассказано в других главах книги, кто-то, попадая в число претендентов — талант есть талант и сила есть сила, — зов судьбы в себе не ощущал. Удастся — хорошо, не удастся — ну и ладно.

Здесь — о тех, кто — хотел. И хочет.

Вечно второй

К такому эпитету были все основания: Пауль Керес на четырех(!) межзональных турнирах приходил к финишу вторым и ни разу бросить перчатку чемпионам мира так и не смог. Словно висели над ним слова, сказанные королем шахматной журналистики и гроссмейстером Савелием Тартаковым, когда самый молодой из участников 22-летний Керес разделил победу на, быть может, наиболее заметном соревновании века — знаменитом АВРО-турнире 1938 года: «Керес, безусловно, шахматный гений, но и раньше бывали настоящие гении (Мак-Доннел, Цукерторт, Чигорин, Тарраш, Пильсбери), которым пришлось довольствоваться скромной ролью «блестящего второго». Не иначе, как дремотным утром после бессонной ночи в казино Тартаковер услышал это предсказание свыше.

Не повезло Кересу и еще в одном, очень важном, на мой взгляд, обстоятельстве. Очень популярный у российского шахматного корпуса, он ни при жизни, ни после нее книги о себе — своей книги! — на русском языке так по сути и не увидел. Выходили теоретические его руководства, мизерным тиражом — «Сто избранных партий» (а он только сам прокомментировал их около 1000!), но в на вечность рассчитанную серию «Выдающиеся шахматисты мира» в свое время

Керес так и не попал: биограф, вроде бы, оказался ленивым. В компьютерных базах данных, разумеется, партии Пауля Петровича найти можно, но для России шахматной электронное время наступило примерно через четверть века после его ухода. Зато на английском языке, на немецком и родном его эстонском...

Никогда не забуду, как в 1967-м группу будущих комментаторов Центрального телевидения автобусом (почему-то!) отправили в Таллин на I Всесоюзный семинар по телерепортажу. Маленький этот старинный, хотя и столичный город выбран был нашими умными учителями потому, что Эстония и в самое трижды застойное оцензуренное время в телевизионном плане жила особо: без малейших технических ухищрений день и ночь смотрела на своих черно-белых экранах... зарубежные программы из Швеции. Языковой барьер практически отсутствовал — многие передачи шли на финском языке, а так называемую зону уверенного приема телеволн никакими «глушилками» перекрыть было невозможно. Вот потому-то, насмотревшись на европейскую свободную манеру работы, именно в Таллине росли как грибы интересные репортеры во главе с их лидером Валдо Пантом. Более популярного человека в респуб-

лике в те годы не было, как не было и более популярного его сериала «Сегодня — 25 лет назад».

И вот, готовя у нас на глазах очередную передачу, высокий, седоватый уже и очень импозантный Валдо на извозчицкой пролетке выехал на Ратушную площадь Старого города. И с микрофоном в руке обратился к десяти совершенно случайным прохожим (если собеседницей оказывалась дама, стародавний цилиндр с головы Панта плавной дугой опускался к колену): «Кто определяет, по-вашему, лицо Таллина?»

Один раз назвали мэра города — Пант немедленно предположил: «Вы, наверное, работаете в Горисполкоме?» Трижды прохожие называли Георга Отса — народного артиста СССР, певца действительно блистательного, триж-

ды лауреата Государственной премии (две его медали носили еще профиль Сталина — поначалу эта премия была Сталинской), красивейший баритон которого равно находил себе место и в операх, и в опереттах, и даже в кино. Но остальные шестеро сказали — «Керес». А когда Эстония стала самостоятельным государством, на пятикрановой банкноте появился портрет Пауля Петровича: вы знаете, так каждая страна отличает только самых великих своих граждан. А когда вышла книга воспоминаний о нем, в сборнике том почли за честь выступить и президент Академии Наук Эстонии Юри Ребане (сколько часов провели они вместе за шахматной доской), и дирижер с мировым именем Густав Эрнесакс (гроссмейстер любил и музыку, и теннис, и

хорошие манеры; он вообще был отмечен какой-то особой утонченностью истинного интеллигента), и чемпионы мира — от Эйве, которого Керес обыграл еще в предвоенном матче, до Фишера: каждый из них познал на себе тяжесть его шахматной руки.

А каким гостеприимным и заботливым хозяином он был, организуя по нечетным годам таллинские международные турниры, на которые стремился весь цвет советских шахмат! В городе всегда не хватало гостиниц — Керес заботился о максимально удобном размещении, в выходной день приглашал весь турнир к себе на обед, и только на шахматную доску его любовь не распространялась. И хотя случалось ему пропускать вперед Леонида Штейна в 1969-м и Михаила Талья со Львом Полугаевским в 1973-м, но чаще первые места все же оставались за ним: выше Спасского, Бронштейна, того же Штейна и всех сильнейших зарубежных участников. Маленький штришок: три турнира из четырех на родной земле он провел вообще без поражений, да еще и массовые сеансы для болельщиков при этом давал. Бесплатно. Надо ли удивляться тому, что его любили, и что когда он безвременно, по пути домой из канадского Ванкувера, где выиграл свой Бог весть какой по счету турнир, умер, хоронили его без преувеличения сотни тысяч горюющих людей. По всей Эстонии приспустили государственные флаги: в свое время руководители рес-

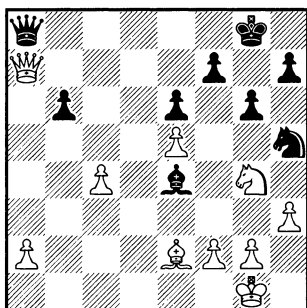
Купюра достоинством в 5 крон

публики, явно рискуя собой, защитили Кереса от вполне возможных репрессий, тридцать лет спустя они отдавали последнюю почесть великому шахматисту.

Очень трудно, скорее — даже невозможно выделить константу его игры: Керес славился своим универсализмом — и на самом высоком уровне. Теоретик, аналитик; тончайший позиционный и блестящий комбинационный талант сплетались у него воедино. Эндшпиль? Он же вышел в призеры чемпионата СССР по композиции в разделе этюдов — этим все сказано! И столь же сложно выбрать из сотен превосходных партий те, что полностью отразили бы шахматное кредо трехкратного чемпиона СССР («Как турнирный боец, Керес вряд ли кому-либо уступал на Земном шаре», — это Ботвинник), показывавшего и абсолютно лучший результат на одной из Всемирных Олимпиад (13,5 из 14!), и на пяти из семи своих золотых Олимпийских турниров бравшего первые места на доске — всего же у него было 11(!) олимпийских стартов — рекорд среди шахматной элиты мира. Пусть о его игре напомним эти поединки, не всем известные.

П. Керес — М. Тайманов

Таллин 1975

Только что завоеванная лишняя пешка сулит белым победу в эндшпиле после 39. ♖:a8 ♔:a8 40. ♗f6+ ♗:f6 41. ef ♔c6 (грозило 42. ♔f3) 42. f4 еще и потому, что черные пешки очень неудачно расположены на полях цвета слона. Но белые чувствуют и атакующие возможности позиции.

39. ♖e7 ♗g7.

«На 39... ♖:a2 черных ожидало 40. ♗h6+ ♗g7 41. ♖:f7+ ♗:h6 42. ♖f8+ ♗g7 (42... ♗g5 43. f4+, забирая обе легкие фигуры или матуя) 43. ♖f4+ g5 44. ♖f6+ ♔g6 45. f4 с матом» (П. Керес).

40. ♖g5 ♖:a2 41. ♗h2 ♖b2.

Жертва фигуры мнимая — 41... ♖:e2 42. ♖h6+ ♗g8 43. ♗f6+ ♗:f6 44. ef, матуя, но лучше было немедленно удариться в бегство — 41... ♗f8!

42. ♖h6+ ♗g8 43. ♖e3 ♔b1 44. ♗h6+ ♗f8 45. g4.

После партии Керес предположил, что еще лучше было 45. c5! bc 46. g4, поскольку не проходит 46... ♖d4 47. ♖:d4 cd 48. gh d3 49. ♔f3 gh 50. ♔:h5 ♔c2 51. ♗g4

♔d1 52. ♗g3 d2 53. ♗h4!, оставаясь с лишней фигурой.

45... ♗g7 46. c5! b5 47. c6 ♗e8 48. ♖f4 ♔f5 (при 48... f5 49. ef ♖:f6 50. ♖:f6+ ♗:f6 белая пешка проходит в ферзи, а 48... ♗g7 49. ♖:f7+ ♗:h6 50. g5+ ♗:g5 51. h4+ ведет к мату) **49. gf ef.**

Белые достигли материального перевеса, но их конь в офсайде и атаку надо организовывать заново, поскольку стремительное 50. e6 fe 51. c7 парируется 51... ♖c3! 52. ♔c4 e5!

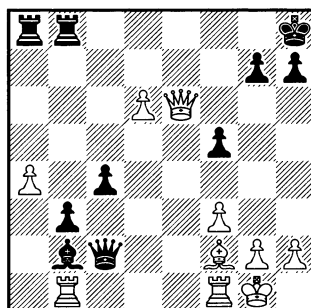
50. ♖e3! ♗c7 51. ♔f3 b4 52. ♗g2 ♖c3 53. ♖a7! ♖:e5 54. ♖b8+.

И черные сдались, оставив за кадром симпатичнейшее 54... ♗g7 (54... ♗e7 вело к быстрому мату после 55. ♗g8+) 55. ♖h8+!!

А вот эта партия стала украшением командного чемпионата Европы. Комментирует П. Керес.

В. Горт — П. Керес

Оберхаузен 1961

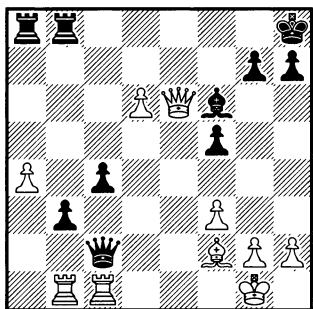
34... ♔f6.

Белые незаметно создали сильную проходную пешку d6. Это требует от черных очень внимательной игры. Нехорошо было

34...♔a3 или 34...c3, после чего белые ходом 35.♔d4 поставили бы слона на очень сильную позицию. В обоюдном цейтноте черные задумывают интересную комбинацию, которая ведет к головокружительным осложнениям.

35. ♖fc1.

На это белые надеялись. Неужели черным сейчас приходится отдать одну из своих гордых проходных пешек и довольствоваться лишь очень проблематичным преимуществом в эндшпиле?

35...♖:c1+!

Надо отдать Горту должное: он, несмотря на неожиданность жертвы, не теряется и находит наилучший способ защиты.

36. ♖:c1 b2 37. ♖b1 c3 38. ♖e2!

Единственный ход. После 38. ♖:f5 ♖:a4 у белых нет хорошей защиты от 39...♖a1.

38...♖:a4 39.d7 h6?

Черные не находят правильного продолжения. Оно заключалось в 39...♖g8!, что предупреждало 40. ♖e8+ и создавало угрозу 40...♖a1. Лучше, чем ход в партии, было также 39...♖aa8, чтобы лишь потом продолжать 40...h6 и 41...♖a1.

40. ♖e8+ ♔h7.

Цейтнот кончился, и белым надо было записать ход. Ввиду угроз 41...c2 или 41...♖a1 у них есть выбор только между 41.♖:b8 или 41.d8♖, но не легко найти правильное продолжение, особенно если учесть, что у партнеров позади 5 часов тяжелой борьбы.

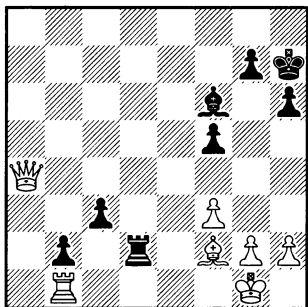
41.d8♖?

Любопытным образом этот естественный ход, которым белые не только нападают на a4, но и грозят 42.♖g8+, оказывается решающей ошибкой. Горт в цейтноте отлично защищался, но после того, как у него оказалось достаточно времени, он допускает фатальную неточность.

Правильное продолжение 41.♖:b8! давало бы белым отличные шансы на спасение. После этого 41...♖a1 42.♖f1 c2 не опасно ввиду 43.♖:f2!, и пешка d7 спасает белых. Черным пришлось бы играть 41...c2, на что последует 42.♖:b2! ♔:b2 43.♖f1. Единственная возможность продолжать поиски выигрыша заключается теперь в 43...♖b8! 44. ♔b6 ♖a1 45.d8♖ ♖:f1+ 46.♔:f1 c1♖+. После дальнейшего 47. ♔f2 ♔c3! атака черных обеспечивает им некоторые практические шансы.

Так или иначе, но белым необходимо было сыграть 41.♖:b8! Они, по-видимому, надеялись после 41...c2 42.♖g8+ добиться вечного шаха, но следует новый сюрприз.

41... ♖:d8! 42. ♜:a4 ♚d2!

Любопытная и, может быть, самая курьезная позиция в моей долголетней шахматной практике. У черных только две пешки за ферзя, но они настолько сильны, что белым трудно найти путь даже к уравнению.

43. ♚:b2.

В домашнем анализе Горт не нашел ничего лучшего, чем немедленно отдать ладью. Однако более упорное сопротивление белые могли оказать путем 43. ♜b5 c2, и теперь не 44. ♜:f5+ ввиду g6, а 44. ♜f1!

Черным нелегко вести атаку. Прямолинейное 44... cb ♜ 45. ♜:b1 ♚d6 ничего не дает из-за 46. ♙e3! ♚a6 47. ♜f2 g6 48. ♜c2! ♙g7 49. ♙c1 ♚b6 50. ♜b1 и т.д., поэто-

му черным надо выполнить свой план точнее. Они могут достичь решающего перевеса ходом 44... ♚d5!, создавая в некоторых вариантах угрозу 45... ♚a5, например после 45. g4. У белых три основные возможности защиты:

а) 45. ♙e3 cb ♜ 46. ♜:b1 ♚a5 47. ♜f2 ♙g8! 48. ♜c2 ♚a1 49. ♜c8+ ♜f7, и у белых нет вечного шаха;

б) 45. g3 cb ♜ 46. ♜:b1 g6! 47. ♜g2 ♙g7, и не видно, как белым предупредить выигрывающий маневр ♚d5-a5-a1;

в) 45. g4 (или 45. ♚e1 ♙c3 и т.д.) 45... ♚a5! 46. ♚:b2 ♙:b2 47. ♙e3 ♚a1 48. ♜:a1 ♙:a1 49. ♙c1 fg 50. fg ♙f6 с последующим 51... ♙g5, и черные выигрывают.

43...cb 44. ♜b3 ♚d8!

Грозит 45... ♚a8, и против этого уже нет защиты.

45. ♜c2 ♚b8 46. ♜b1.

На 46. ♜:f5+ решает 46... ♜h8 47. ♜b1 ♚a8 и т.д.

46...g6.

Белым не хватает темпа, чтобы отвести короля с 1-й горизонтали.

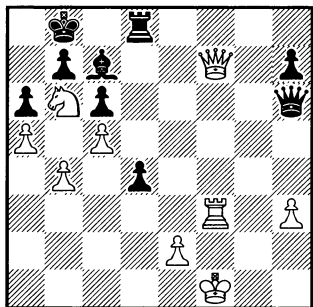
47. g4 ♚a8 48. ♜g2 ♚a1 49. ♜c2 b1 ♜ 50. ♜c7+ ♙g7 51. ♙d4 ♜f1+ 52. ♜g3 f4+ 53. ♜:f4 ♜c1+. Белые сдались.

Его красивая партия

Заголовок этот — из Сервантеса. Опередивший на столетия свое время, тот заметил однажды, что жизнь человека есть шахматная партия. Если это так, то Ефим Геллер действительно сыграл ее красиво.

И хотя я твердо убежден, что даже самые именитые в своем деле люди интересны не только, скажем, стихами, изобретениями, мастеровитостью и вообще творениями, но тем не менее с особой подборки шахматных

диаграмм мне бы хотелось на-
чать.

Чувствителен перевес черных — и в «качестве» легких фигур, и в защищенности королей, но... Белые только что начали контратаку, планируя сдвоенное вторжение тяжелых фигур на 7-ю горизонталь, и потому партия из маневренной стадии борьбы переходит в темповую.

52...♖c1+ 53.♘f2 ♕h2! (с неожиданной угрозой мата на g1) **54.♖g7 ♕f4 55.♘g2 ♕e3 56.♞f1?**

Промедление, смерти подобное. Решительное **56.♞f7** после **56...♖g1+** **57.♘f3 ♖f1+** **58.♘g3 ♕f4+**! **59.♘h4** (**59.♞:f4? ♖g1+**; **59.♘g4 h5+**) **59...♖f2+** **60.♘g4 h5+** **61.♘:h5** (**61.♘f5? ♕c7+**! **62.♘g6 ♖:e2!** **63.♞:c7 ♖e4+** **64.♘g5 ♖e3+**! **65.♘f5 ♖:h3+** **66.♘e5 ♞e8+** **67.♞e7 ♞:e7+** **68.♖:e7 ♖e3+** **69.♘f6 ♖:e7+**, и одна из черных пешек проходит в ферзи) **61...♖:e2+** **62.♘h4!** **♖e1+** **63.♘h5!** вынуждало черных довольствоваться вечным шахом.

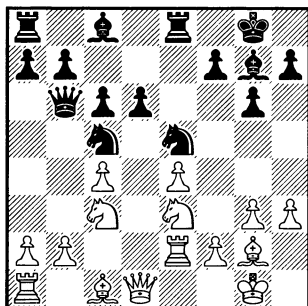
56...♖d2 57.♞f7.

Иного не видно: на **57.♖g4** решает **57...d3**, а на **57.♘f3** — **57...♕h6**.

57...♖:e2+ **58.♘g3 ♖e1+** **59.♘f3 ♖h1+** **60.♘g3.**

И в случае **60.♘e2 d3+**! **61.♘:e3 ♞e8+** белому королю не спастись.

60...♖g1+ **61.♘f3 ♖f2+** **62.♘e4 ♞e8+** **63.♞e7 ♖h4+**. Белые сдались.

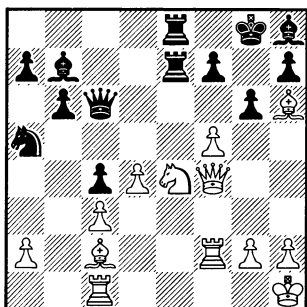
Динамика современных шахмат! Вот на что делали ставку черные, идя на эту позицию. Безнадежно слаба отсталая пешка d6, но зато работают все легкие фигуры и потому у черных достаточная контригра. На **15.♖:d6?** заготовлено **15...♕:h3** с угрозой **16...♞ad8**; на **15.♞d2** — **15...♕e6!** **16.♞:d6 ♞ad8** с сильнейшим давлением за пешку. Может быть, по всему по этому белые сразу и ошиблись?!

15.b3? ♕:h3 16.♕d2 (**16.♕:h3 ♘f3+** и **17...♕:c3**) **16...♕:g2 17.♘:g2 h5!**

Трагедия белых не только в потерянной пешке, но и в резком ослаблении королевского фланга.

18.♞b1 ♖d8 (с угрозой **19...h4**) **19.b4 ♘e6 20.f4** (в надежде на отступление коня) **20...♘d3!** **21.♘f1 a5 22.a3 ab 23.ab ♕:c3!** **24.♕:c3 ♘d:f4+**.

Белые сдались, так как после 24.gf ♖:f4+ 25.♔f3 ♜:e2 26.♙:e2 ♙h4 у черных за две фигуры уже ладья и три пешки, а в перспективе — четвертая...

Белые в атаке, но «продать» ее за качество в варианте 24.fg hg 25.♙g5 ♜d7 26.♜f6+ ♙:f6 27.♙:f6 ♜e6 28.♙h4 ♜:f6 означало бы уступить, по Библии, право первородства за чечевичную похлебку. Но, с другой стороны, уже подготовлен контрудар по пункту e4. И тем не менее...

24. ♜cf1! ♜:e4 25.fg!

И, оказывается, белый ферзь неприкосновенен ввиду этюдного мата — 25...♜:f4 26.ghx.

25...f6.

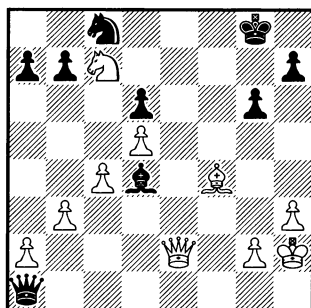
К огромным потерям вело 25...♙:g6 26.♙:f7+ ♙:f7 27.♜:f7 ♙g7 (иначе от мата не спастись) 28.♜:g7+ ♙h8 29.♜:b7 (29.♜gf7 ♜e1) 29...♜:b7 30.♙:e4.

26. ♙g5! (вторая жертва ферзя с угрозой 27.g7) **26...♙d7 27.♙g1!**

Необходимая точность, поскольку немедленное 27.♜:f6 ♙:f6 28.♙:f6 hg 29. ♙:g6+ ♙h8 30.♙g5 ♜4e6 31.♙f6+ ♜:f6 32. ♜:f6 вело к мату... белым. К тому

же полезных ходов у черных все равно нет.

27... ♙g7 28.♜:f6 ♜g4 29.gh+ ♙h8 30.♙:g7+ ♙:g7 31.♙:g4. Четвертая и последняя жертва ферзя. Черные сдались.

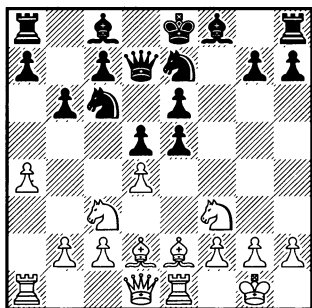

Оставшись без пешки, черные в обоюдном цейтноте находят отличный практический шанс, содержащий на редкость коварную ловушку.

30...♜e7! 31.♜b5.

Белые разглядели, что после 31.♙:e7 ♙g1+ 32.♙g3 ♙f2+ 33.♙g4 ♙:g2+ 34.♙g3 h5+ 35.♙h4 ♙e4+!! 36.♙:e4 они получают задачный мат единственной оставшейся фигурой соперника — 36...♙f6x.

31... ♙g1+ 32.♙g3 ♜f5+ 33.♙f3 ♜h4+ 34.♙g4 ♜f5 35.♙e8+ ♙g7 36. ♙d7+ ♙h8 37.♜:d6! (рассчитав фантастический марш своего короля) **37...♙d1+ 38.♙g5 ♙h5+ 39.♙f6 ♙d4+ 40.♙e6 ♜g7+ 41. ♙f7 g5+ и, убедившись, что все ходы перед контролем сделаны, черные сдались: после 42.♙f8 шахов больше нет, а «король матует короля» — 42...h6 43.♙e5 ♙:e5 44.♜f7+ ♙h7 45.♜:e5.**

Добившись перевеса в развитии, белые, естественно, отыгрывать пешку не собираются.

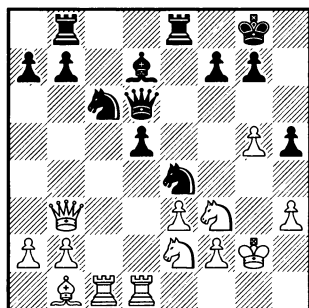
11. ♖b5! ♜g6.

Плохо и 11...e4 12. ♜e5 ♜d6 13. ♖f4, и 11...ed 12. ♜:d4 ♜d6 13. ♜:c6 ♜:c6 14. ♖f4 ♜d7 15. ♜:d5.

12. ♜:e5 ♜g:e5 13. ♜:e5 a6 (или 13...♖e7 14. ♜:f3 ♖f6 15. ♜:d5 ♖:e5 16. ♜f6+) **14. ♖:c6 ♜:c6 15. ♜:d5 ♖d7** (на 15... ♖d6 выигрывало 16. ♜f3) **16. ♖g5 ♖d6 17. ♜h5+ ♜f8.**

После 17...g6 под боем три белые фигуры, но — 18. ♜e2 ♖:e5 19. ♜:e5, и как парировать угрозы 20. ♜:h8+ и 20. ♜:c7+, ведущие к мату?

18. ♜f3+ ♜g8 19. ♜:e6, и после вынужденного для черных перехода в эндшпиль — **19... ♜f8 20. ♜e7+ ♖:e7 21. ♜:c6 ♖:c6 22. ♜:e7 ♜f7** — белые легко реализовали свой перевес.

Пешка d5 беззащитна, и черные пытаются комбинационным способом решить свои проблемы.

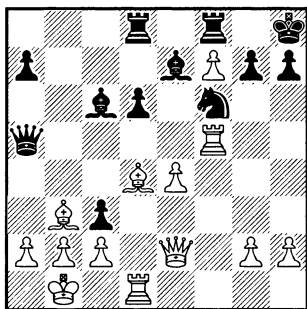
С Петросяном черными — но только на победу!

21...♙:h3+! 22.♖:h3 ♘:f2+ 23.♘g2 ♘:d1 24.♚:d1 ♜c5 25.♚:d5 ♜:e3 26.♜:e3 ♚:e3 27.♘c3 ♚d8.

Ошибка, правильно 27...♚e7, но реплику белых на 29-м ходу не так легко предусмотреть. Да и возникшее соотношение сил вроде бы требует от черных размена ладей.

28.♚:d8+ ♘:d8 29.♙e4!

Ладья поймана в центре доски, и после 29...♖f8 30.♖f2 ♚:e4 31.♘:e4 белые так и не позволили сопернику отдать своего коня и пять пешек за трех белых «пехотинцев».

Пожертвовав фигуру, белые получили сильнейшую атаку на недостаточно защищенного черного короля. Только что вторжением ладьи на f5 они преградили черному ферзю путь на h5, но...

18...♜b4!

Напоминая белым, что и у них есть уязвимое место — пункт b2. При случае черные имеют в виду ♚f8:f7.

19.♜f1.

Грозит как 20.♚:f6, так и маневр ферзя, не случившийся в партии.

19...♘:e4 20.a3?

Парадоксальным образом проигрывает. Но задачное 20.♜f4!! с угрозой 21.♚h5 было найдено уже после игры и подтверждено анализом, тянувшимся в шахматном мире четыре с половиной года! Случай почти беспримерный...

20...♜b7 21.♜f4 ♙a4!!

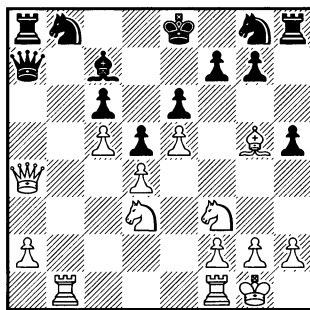
Используя ослабленный белыми пункт b3 (а за ним — b2!), черные наносят выигрывающий контрудар.

22.♜g4.

Или 22.♜h6 ♙f6 23.♚:f6 ♙:b3 24.cb (24.♚:d6 ♙a2+, матуя) 24...♜b3 25.♚f2 ♜:d1+ 26.♖a2 ♜:d4. Продолжение в партии проигрывает аналогично.

22...♙f6 23.♚:f6 ♙:b3!

Белые сдались: грозит и 24...♙a2+, и 24...♘:f6.

Лишняя пешка не столь важна, как застревший в центре черный король.

21.♚:b8+! ♜:b8 22.♜:c6+ ♖f8 23.♘f4 ♚a7.

Защищая слона, черные освобождают ферзя для охраны иных уязвимых мест. На 23...♘e7 бе-

лые продолжали бы 24.♔:e7+ ♘:e7 25.♘g5 ♖h6 26.♘:f7 ♘:f7 27.♗d7+ ♘g8 28.♘:e6 ♖:e6 29.♗:e6+ ♘h8 30.♗:d5, и у них уже пять пешек за фигуру при продолжающейся атаке.

24.♘h4! (с угрозами 25.♘:e6+ и 25.♘hg6+) **24...♗e8.**

Пункты e6 и g6 защищены, не так ли?

25.♗:e6!! fe 26.♘hg6+ ♗:g6.

Или это придется сделать после 26...♘f7 27.♘:h8+ ♘f8 28.♘4g6+.

27.♘:g6+ ♘e8 28.♘:h8 ♖a4 29.♖d1 ♘e7 30.♔:e7 ♘:e7 31.♘g6+, и большой материальный перевес гарантирует белым победу.

Нетрудно догадаться, что, говоря о Геллере, я привожу его и только его победы. Но над кем!! Визави — **Макс Эйве** (турнир претендентов, Швейцария 1953), **Михаил Ботвинник** (Белград 1969), **Василий Смыслов** (матч претендентов, Москва 1965), **Михаил Таль** (Москва 1975), **Тигран Петросян** (Москва 1963), **Борис Спасский** (Москва 1967), **Роберт Фишер** (Скопье 1967), **Анатолий Карпов** (чемпионат СССР, Москва 1976).

Неплохая коллекция чемпионов мира, не правда ли? И вообще покажите мне другого гроссмейстера, который имел бы счет 4 : 1 против Ботвинника и 4 : 2 против Петросяна, кто 5 раз обыгрывал бы Фишера и 11 раз — Смылова. Кто суммарно выиграл бы грандиозный матч почти

из двухсот партий у шахматных королей, — и я стану перед вами на колени. Только не справедливее ли сделать это перед самим Геллером?

И отнюдь не только за первые места в турнирах (хотя их поболее двух десятков, и в турнирах первоклассных), и тем более не за очки в таблицах (их сейчас мастера в бесконечных «опенах» за год набирают больше, чем корифеи прежних времен за десятилетие). Есть еще — что никто никогда не отменит — и понятие творчества. Есть поиск нового — на тех парадоксальных путях, пройти которые дано не каждому. Отсюда — целые схемы, планы и варианты, предложенные Геллером, «академиком первой половины партии», в испанке и сицилианке, в ферзевом и новоиндийской, да и вообще едва ли не во всех существующих дебютах. Отсюда — прилюдная оценка Михаила Таля: «В творческом плане Геллер всегда выделялся, всегда стоял особняком». Далеко не каждый шахматист удостоивался характеристики типа той, которую дал ему один из самых авторитетных чемпионов мира Михаил Ботвинник: «До Геллера мы староиндийскую защиту не понимали».

К этому, как говорится, ни убавить, ни прибавить. Впрочем, почему же? Прибавить можно, и многое. И сделать это, пожалуй, могут едва ли не все те

шахматисты, которых на протяжении этих лет судьба сводила с Ефимом Петровичем. Кое-что блестящими рассыпано по различным статьям и книгам...

«Уже после полуночи Геллер подсказал мне замечательную идею контригры». Это — Ботвинник об анализе своей отложенной партии с Фишером на Всемирной Олимпиаде 1962 года в Болгарии. И теория ладейных окончаний обогатилась сведениями о том, что разрозненные пешки могут быть не менее сильными, чем связанные проходные...

«Наутро улыбающийся Геллер пришел в мой номер и молча сделал на доске фантастический 43-й ход, после которого, оказывается, черные могут сдаваться». Это — свидетельство гроссмейстера Гуфельда о командном чемпионате СССР, в котором «душой армейского коллектива был Геллер. В его активе не только собственные победы, но и немало спасенных позиций в итоге анализа чужих партий...»

«Лично я наибольшее удовлетворение получаю от шахмат тогда, когда занимаюсь исследованием прекрасных тайн древней и вечно молодой игры». Это — сам Геллер.

И при этом — он редко строго относился к собственному творчеству, и всемогущему боже-ству ой как многих игроков даже высшей квалификации — Его Величеству Очку в таблице —

поклоняться отказывался наотрез. Более того, если победа не вытекала из объективной и воистину чтимой Геллером логики борьбы, Петровичу — так мы его звали — становилось неприятным даже воспоминание о ней. Так, он решительно отказался включить в нашу книгу о нем партию с Таймановым из 19-го чемпионата СССР, хотя она и удостоилась специального приза, а в другую книгу о встречах с чемпионами мира — победу над Талем на турнире претендентов 1962 года. Зато в порядке «компенсации» включил две ничьи с тем же партнером, от которых сам получил истинное удовольствие...

К слову, об этой «другой книге». Открывают ее три обязательных, по Геллеру, условия победы.

«Первое: с ними, чемпионами, надо играть. Пусть не в матчах на первенство мира, пусть не на крупнейших международных турнирах, а хотя бы в сеансах одновременной игры.

Второе: играя с ними, надо всегда помнить, что они чемпионы, и отдавать борьбе все силы.

Третье: играя с ними, надо полностью забыть, что они чемпионы. Это позволит избавиться от «гипноза личности» соперника, сохранит бодрым ваш дух и ясной — вашу голову».

К этому Геллер добавил:

«Ну, конечно же, уважаемые читатели, эти «правила» содер-

жат не слишком много серьезного. И я позволил себе спрятаться за их шутливый тон лишь потому, что научно обоснованного рецепта — как побеждать чемпионов — не было, нет и не будет.

Но в каждой шутке есть доля правды. Если играть с полным напряжением сил, если не трепетать перед грозным именем партнера, если, наконец, серьезно работать над шахматами — тогда можно рассчитывать на самые весомые успехи, на самые радостные победы».

И еще вовек не забуду, как пришел однажды к нему со свежей, по телефону полученной с конгресса ФИДЕ информацией: еще десяток мастеров возведен в высшее шахматное звание. И в ответ услышал будничное, предельно спокойное: «Надо модернизировать систему. Ввести ранг гроссмейстера 4-го разряда, гроссмейстера 3-го разряда, гроссмейстера-мастера и просто гроссмейстера. И все встанет на место».

Сказано это было лет тридцать назад, и острота показалась мне не слишком актуальной. Но, во-первых, Геллер смотрел дальше, а во-вторых, попробуйте-ка сами придумать: «гроссмейстер-кандидат в мастера». Для такого просто родиться в Одессе — маловато...

О нем вообще можно рассказывать очень много. Как о шах-

матисте, как о человеке. Если телеграфно, то — он доброжелателен, дьявольски умен и отнюдь не страдал от того, что четверть века пробыл претендентом. Почему не стал чемпионом мира? Банальный этот вопрос звучал во времена Рубинштейна и Нимцовича, Шлехтера и Рети, Кереса и Бронштейна... Причины, наверное, у каждого свои, но есть и одна общая: более чем за 100 лет в шахматной истории королей было всего пятнадцать! Пятнадцать первых среди равных. И однажды, обычно избегавший разговоров на эту тему, Геллер все же высказался:

«Сколько писали о Кересе как о вечно втором, сколько жалели его! Но он-то несчастным не был. И я не был, и другие. Мы играли, иногда хорошо играли, а когда удается создавать — человек счастлив».

Не страдал еще и потому, что свое место в шахматах — высокое место — оценивал объективно и по достоинству. И, никак не показывая этого, временами бывал доволен собою, как всякий, кто честно и хорошо сделал свой работу. Так было, например, после чемпионата СССР в Минске-79, где он, по возрасту наивысший, в свои 55 обогнал уже набирающих темп Каспарова, Юсупова, чемпионов страны предыдущего года Таля и Цешковского, всех остальных и — получил золотую медаль. И в той его сдержанности проступа-

ло нечто от хрестоматийного «Ай да Пушкин...».

Только сколько же сил и времени он отдавал тому, чтобы такое вот счастье творца покоилось не на песке, сегодня вроде бы плотном, а завтра — ползущем, а на поистине базальтовой, нерушимой основе! В этом он всегда был фантастически уперен и — чего уж тут скрывать — упрям. Однажды недели три подряд помногу часов практически ежедневно пытались мы опровергнуть скопившиеся за четыре года анализы интереснейшей его партии с Фишером на турнире в Скопле (1967). Кое-что удалось откинуть, кое-что — уточнить, главные выводы остались незыблемыми. Но Ефим Петрович был доволен и ничуть не жалел о потерянном — с точки зрения «выхода готовой продукции» — времени.

Относясь с уважением к подавляющему большинству своих собратьев по искусству, — сколько раз я слышал от него высокие аттестации труда и гроссмейстеров, и перворазрядников, играющих по переписке, — он тем не менее считал необходимым все их мысли, рекомендации, варианты проверить, как бы пропустить сквозь себя. Иначе — просто не мог.

Дорого порой обходилось ему это упрямство во время турнирных партий. Действительно, час думать над одним ходом, а затем

в цейтноте губить выигранную позицию — практичности и рациональности в таком подходе к борьбе нет. Но ведь уже говорилось, что не только в «голах и секундах» шахматное достоинство Геллера. У него, быть может, как ни у кого другого, всегда особенно велика цена хода. Отсюда — огромное число цельных партий, которые он дал. И сколько очков, призов и почестей недобрал при этом. Иногда его мозг против воли «хозяина» вдруг выдавал такую реакцию самосохранения, что Геллер вдруг отключался во время партии, застывал над шахматной доской, не в силах шевельнуть рукой и сделать самый очевидный, самый неприхотливый ход. Такое я сам видел в матче претендентов, такое случалось и в межзональном турнире, и на чемпионатах страны. Он сам прекрасно знал о таком своем природном инстинкте и — даже не подумал отказаться от добровольных, «космических» перегрузок огромной и лобастой своей головы: упрямый подбородок играл для него роль лопмана. Хотя о чем это я?.. По глубочайшему замечанию позабытого нынешним поколением великого Поэта, Дарование есть Поручение, только немногие именно так его воспринимают.

Геллер — воспринял. И выполнил. Такое удастся лишь избранным.

Судьба

«Властвует рок над смертными и богами. Никому не уйти от велений неумолимого рока. Нет такой силы, такой власти, которая могла бы изменить хоть что-нибудь в том, что предназначено богам и смертным. Лишь смиренно склониться можно перед роком и подчиниться ему. Одни Мойры знают веления рока. Мойра Клото прядет жизненную нить человека, определяя срок его жизни. Оборвется нить, и кончится жизнь. Мойра Лахесис вынимает, не глядя, жребий, который выпадает человеку в жизни. Никто не в силах отменить определенной Мойрами судьбы, так как третья Мойра, Атропос, все, что назначили в жизни человеку ее сестры, заносит в длинный свиток, а что занесено в свиток судьбы, то неизбежно. Неумолимы великие, суровые Мойры».

Так полагали древние греки. Вроде бы наивно, совсем не научно, даже смешно. Только есть в наших шахматах Личность, объяснить которую без таких вот детских верований, пожалуй, невозможно. Я — о Штейне. Леониде Штейне, метеором, по сути дела, мелькнувшем на мировом шахматном небе и оставившем там тот самый след, который, как свет уже погасшей звезды, продолжает идти к людям практически вечно.

Лишь дюжину лет сумел он прожить в Большой Игре — со

всеми ее радостями и горестями, периодами взлета и кризиса, безудержного торжества и глубочайшего сомнения. К этому готовы — или обязаны быть готовы! — все, кто идет в Шахматы. Но чтобы такое, как со Штейном...

Молва о нем шла давно: талантлив — под завязку, интересен, бесстрашен. Но вот мастером спорта стал лишь в 24 года от роду — поздновато даже по суровым меркам конца 50-х; многие будущие гроссмейстеры средней руки, да и те, кто в их когорту вообще не шагнул, добились этого звания пораньше. Только никто, за исключением самых-самых избранных, не дебютировал так на чемпионате СССР (еще и еще раз: более трудных турниров шахматный мир практически не знал), как сделал это мастер всего лишь с трехлетним стажем Леонид Штейн. Сразу — в призеры, и что куда более важно — в участники межзонального турнира на первенство мира! То была сенсация, щедро, впрочем, утыканная шипами. Рассказывает Эдуард Гуфельд, соперник Штейна на чемпионатах Вооруженных Сил, почти сосед по месту жительства на Украине.

«Вспоминается драматический случай в 1961 году. Штейн, дебютируя в чемпионате СССР, выиграл в последнем туре у Спасского и вырвал из его рук по-следнюю

путевку на межзональный турнир. Незадолго до отъезда в Стокгольм появилась статья в сверхпопулярной и весьма авторитетной тогда «Литературной газете» на шахматную тему. Мол, как обидно, что не будет играть в межзональном Спасский. Мало ли что он не завоевал этого права в чемпионате СССР. Но он заслужил его совокупностью своих прежних достижений. Он — надежда советской шахматной школы. Тогда как Штейн еще таких заслуг не имеет. И конкретное предложение: почему бы юному Штейну (так и было написано «юному Штейну», хотя ему тогда уже исполнилось аж 27 и он был старше Спасского на два года с гаком) не повременить пока с межзональным дебютом, не подождать три годика до сле-

дующего цикла, уступив свою путевку достойнейшему?

Что в те времена означала такая статья в полуофициальном органе печати, было ясно всем. Неудобно было сразу принимать решение о замене: нарушение принципа спортивного отбора — вещь неприятная, которой хотелось бы избежать. Предпочтительнее намекнуть Штейну, чтобы он сам отказался от своей путевки в пользу Спасского (как это позднее сделал Бенко в пользу Фишера перед межзональным турниром 1970 г.). Думаю, что к нему подходили еще до опубликования статьи с предложением никому об этом разговоре не сообщать, а «своим умом» дойти до мысли об отказе в пользу Спасского. Леониду, конечно, должна была быть обещана какая-то компенсация в виде внеочередного выезда на другой престижный турнир с гроссмейстерской нормой, а в случае «упорства в своих заблуждениях» следовала угроза применения каких-то санкций.

Я почти уверен, что так оно и было — это ведь не первый подобный случай в практике бывшего советского спорта и не последний; вспомним хотя бы «внезапную болезнь» Геннадия Кузьмина перед межзональным турниром 1976 г., вследствие которой вместо него в Биль выехал Василий Смыслов, хотя на самом деле у луганского гроссмейстера не было даже насморка. У Штей-

на хватило мужества дать отказ. Тогда и появилось «второе серьезное предупреждение» — статья в газете.

Однако и тут Штейн не уступил. Его поддерживали ведущие шахматисты Союза: в прессе появилось подписанное М. Талем, В. Корчным и другими гроссмейстерами ответное письмо с защитой принципа спортивного отбора, а значит, и права Штейна выступить в межзональном турнире.

До самого отлета в Стокгольм Штейн нервничал, волновался, переживал: а вдруг в последний момент еще что-то придумают... Он не раз с тревогой спрашивал:

— Так буду я играть в Стокгольме или нет?

Только когда самолет вместе с ним и другими советскими участниками поднялся в воздух, кто-то из них с уверенностью резюмировал:

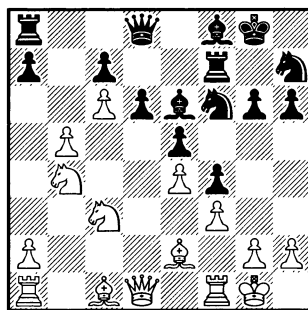
— Шансы Штейна играть в межзональном взлетели на небывалую высоту!

Весь этот эпизод был приведен в рукописи моей с Е. Лазаревым книги «Леонид Штейн», но подвергся сокращению в издательстве. Тоже характерная деталь для нравов тех лет».

О-о, книга эта выйдет много позже. После того самого упоминутного двенадцатилетия, когда Штейн первым после Кереса (патриарх Ботвинник — не в счет) стал трехкратным чемпионом страны, и это на протяжении всего лишь четырех Всесо-

юзных первенств. Когда выиграл действительно грандиозные турниры мирового значения — в честь 50-летия Великого Октября в 1967-м и мемориал Алехина в 1971-м: там играли практически все сильнейшие за исключением «недопущенного» нами Фишера. Когда счастливо, хотя и очень болезненно пережил между своими фантастическими победами некоторые кризисные явления в творчестве: расширил дебютный репертуар, реже стал чураться ненавистных прежде технических позиций. И при этом не исключением, а, скорее, правилом были для него такие партии.

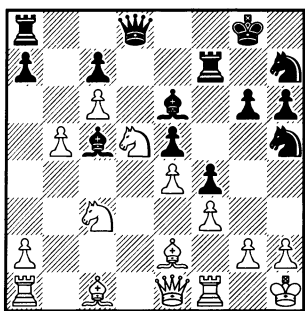
Н. Крогиус — Л. Штейн
РФСР — УССР
Киев 1960

17...d5!

«Начиная исключительно сложную комбинацию, не поддающуюся точной оценке», — так отзывался об этом замысле Лев Полугаевский. Причем пешка — лишь пролог к задуманному каскаду жертв.

18. ♖b:d5 ♙c5+ 19. ♜h1 ♘h5
20. ♗e1.

20... ♘g3+!

Компенсация за эту вторую жертву не бросается в глаза сразу. Черный ферзь не матует по линии «h». Но он врывается в гущу событий, а за его спиной подводятся к белому королю атакующие резервы. А как же лишняя фигура белых? Ее роль пока весьма скромна.

21. hg ♗g5 22. g4 h5 23. g3.

Иначе после h5:g4 будет грозить смертельный шах по линии «h».

23... hg 24. ♜g2 ♖af8 25. ♙d2?

Хорошо знакомое явление — когда ситуация резко обостряется, защищающийся теряет нить игры. Если белые почувствовали бы здесь, что для продолжения атаки черным надо еще привлечь пешку g6, которой мешает собственный ферзь, то посредством 25. ♖h1! они не допустили бы решающей перестройки черной армии, после чего получали шансы на успешную защиту и, может быть, на спасение партии.

25... ♗h6! 26. ♖h1 ♗g7.

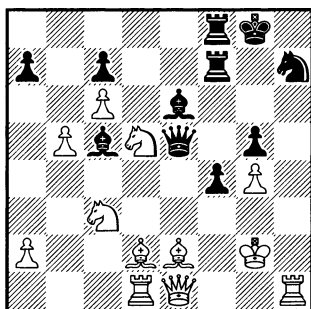
Уже нет связки по диагонали c1-h6.

27. gf ef 28. ♖d1 g5! 29. e5.

Угрожало g4:f3+ и g5-g4. В поисках защиты Кругиус прибегает к остроумным тактическим контрмерам. На его несчастье, черные смело могут пойти навстречу намерениям противника.

29... ♗e5 30. fg.

Белым теперь не страшен вариант 30... f3+ 31. ♙:f3 ♗e1 32. ♖h:e1 ♖f3 33. ♖e6 ♖f2+ 34. ♜h1 ♖8f3 35. ♙e3!, и они отражают все угрозы. Но Штейн предусмотрел иной путь к цели.

30... ♗e2+!!

Третья и решающая жертва, столь же эффективная, сколь и неожиданная. После ее принятия — 31. ♘e2 ♙:d5+ в доме белого короля вспыхивает губительный пожар: если 32. ♜h3, то 32... ♘f6 с угрозой 33... ♖h7 — мат!, а на 32. ♜f1 сразу решает 32... f3!

Отклонив дар, белые лишь несколько отсрочивают этим свое поражение.

31. ♗e2 f3+ 32. ♗:f3 ♖f3 33. ♖hf1 ♙g4 34. ♘e4 ♙h3+ 35. ♜h2

♖:f1 36. ♖:f1 ♘:f1 37. ♘:c5 ♖f2+
38. ♘g1 ♖:d2 39. ♘:c7 ♘h3 40. a4
♖g2+ 41. ♘h1 ♘f6 42. a5 ♘g4
43. ♘e4 ♖e2. Белые сдались.

«В любом турнире, где был бы установлен приз за красоту, эта партия заслужила бы его вне конкуренции», — не сомневался гроссмейстер Эдуард Гуфельд.

Так на что же сетовать этому вроде бы любимцу богов и публики? Что плохого сделали ему великие, суровые Мойры? Да ничего, если не считать «малости»: они лишили Штейна смысла самой жизни, перекрыли ему путь к той цели, о которой он мне однажды зимним вечером 1969 года говорил в тесноватом номере старой таллинской гостиницы как о своей путеводной звезде. Надо же: трижды(!) на межзональных турнирах он попадал в число претендентов на мировую шахматную корону, и трижды(!) его... исключали из их числа. Дважды — по идиотскому — иначе не скажешь — правилу о том, что лишь три шахматиста из одной страны (читай — из СССР) могли с межзонального этажа подняться на этаж претендентский. Позднее эта явная дискриминация сгинула, но вот Штейну — и только ему — она «выдала» сполна. Судьба? Мойры?

А в третий раз из претендентов его вычеркнула система коэффициентов, впоследствии для таких

случаев тоже отмененная. Снова судьба? Снова Мойры? Если можете, другой ответ поищите сами...

А когда ФИДЕ по совокупности успехов — *gonoris kausa*, так сказать, — включила Штейна без отбора в его четвертый межзональный турнир — нить жизни оборвалась. Ему не было еще и сорока. Верно: жег себя не щадя и о завтрашнем дне не думая. И когда наши жены по его заказу готовили горячо обожаемую им «фондю» — кусочки мяса в кипящем растительном масле, — он под эту блаженную закуску поглощал ледяной водочки больше, чем любой другой участник застолья. Ночи напролет за картами — это тоже было святое, да и всякая дурь временами шла у него в ход. Похожее имело место и накануне того страшного летнего утра, когда приехав с телевизионной группой на проводы сборной СССР, отправлявшейся на европейское первенство, я узнал о непоправимом...

...Есть роковая, неизбежная сила, сказал когда-то глубокий русский поэт Федор Тютчев, и название ей — Суд людской. Перед ним Штейну оправдываться незачем. Он оставил нам многое и — навсегда. Хотя бы такую партию, одну из десятков. На межзональном турнире она получила приз за красоту...

Сицилианская защита В42

Л. Штейн — Л. Портиш

Стокгольм 1962

1.e4 c5 2.♘f3 e6 3.d4 cd 4.♗:d4
a6 5.♙d3 ♘f6 6.0-0 ♚c7 7.♗d2.

Это развитие коня, конечно, ничем не лучше, чем обычное — на с3. Но в то время примененный белыми план сохранял относительную свежесть, и не случайно даже фундаментально подготовленный Лайош Портиш не смог разобраться во всех дебютных тонкостях.

7...♗c6 8.♗:c6 bc.

Менее приемлемы другие возможности: 8...♚:c6 9.e5! или 8...dc 9.f4 ♙c5+ 10.♙h1 0-0 11.e5 ♗d5 12.♗e4 и в обо-их случаях пешка e5 сильно стесняет черных.

9.f4 ♙c5+.

Естественный шах — перво-причина всех трудностей чер-ных. Штейн назвал этот ход «мнимым выигрышем темпа», справедливо полагая, что для выполнения оборонительных функций чернопольный слон должен быть расположен на e7. К этому можно добавить, что пункт c5 необходимо было при-беречь для коня в варианте 9...d5 10.e5 ♗d7. Правда, и после 9...d5 белые сохраняли инициативу путем 10.♚e2 ♙e7 11.b3 0-0 12.♙b2. Но она была бы не столь опасной, как в партии.

10.♙h1 d6.

Теперь уже невыгодно играть 10...d5 ввиду 11.e5 ♗d7 12.♚g4!

11.♗f3 e5.

Цепная реакция одного оши-бочного хода продолжает дей-ствовать: черным уже приходится так играть. После немедленного 11...0-0 12.e5! de 13.fe ♗d5 решает стандартная жертва — 14.♙:h7+! ♙:h7 15.♗g5+ с молниеносным разгромом, так как в атаке уча-ствует и ладья f1.

12.fe de.

«Дебютная стадия развития за-кончилась явно в пользу белых — у них лучшая пешечная конфи-гурация на ферзевом фланге и неплохие перспективы на атаку» (Л. Штейн).

13.♗h4 0-0 14.♗f5 ♙e6.

И в случае 14...♙:f5 15.♚:f5 (но не 15.ef e4!) 15...♗e8 16.♚g4 черные не избавлялись от труд-ностей. Например: 16...f6 17.♙c4+ ♙h8 18.♚h5! с угрозой мата в два хода. Или 16...♚e7 17.♙c4 ♗d6 18.♙h6! ♗:f5 19. ef ♚f6 20.♙g5 ♚d6 21.♚d1 ♙d4 22.c3, и белые выигрывают.

15.♚e2 a5 16.♙c4!

Чтобы укрепить свою пози-цию, черным необходимо отвес-ти коня и сыграть f7-f6. Разгадав этот замысел, Штейн ведет борь-бу с намерениями противника.

16...♙h8 17.♙g5 ♗d7?

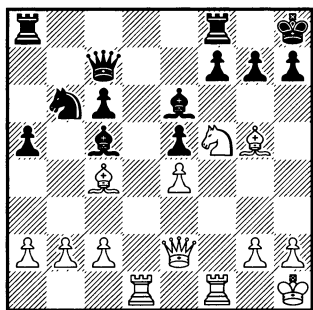
Именно этот ход Штейн считал решающей ошибкой, так как конь удаляется от защиты своего коро-ля. Он полагал, что только путем 17...♗g8 можно было держать оборону, хотя бы и пассивную.

18.♚ad1.

Штейн в своей стихии — все его фигуры развивают макси-

мальную мощь. Что делать черным? В случае 18...♙:c4 19. ♖:c4 f6 20. ♙h4! ♙b6 21. ♖d6 у них безрадостная позиция. В поисках контригры Портиш попадает под стремительную матовую атаку.

18...♙b6.

19. ♙g7!! ♙:c4.

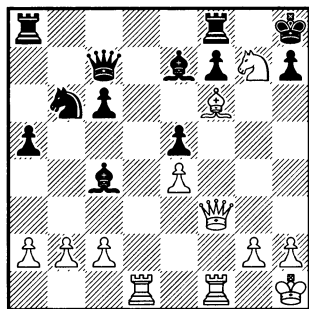
И взятие коня приводит к скорому мату — 19...♙:g7 20. ♙f6+ ♙g8 21. ♖f3 ♖c8 22. ♖g3+ ♙g4

23. ♖f5!, и черные беззащитны.

20. ♙f6!! ♙e7.

Грозил мат в два хода: 21. ♙f5+ ♙g8 22. ♙h6x! На 20...♙d7 следует 21. ♖:d7!

21. ♖f3.

На 21...♙g8 последует 22. ♙h5 (можно и 22. ♙e8) 22...♖fc8 23. ♖g3+ ♙f8 24. ♖g7+ ♙e8 25. ♖g8+ ♙f8 26. ♙g7x. Черные сдались.

Поцелуй королевы

Слово было сказано промозглым ноябрьским вечером, когда в Центральном шахматном клубе СССР шел юбилейный вечер Михаила Таля. В большом турнирном зале, залитом тускловатым тогда светом громадных антикварных люстр, не то что яблоку — вишенке не было где упасть: всеобщая влюбленность в Талья длилась десятилетиями, вопросы к нему сыпались бесконечной чередой, и один из них прозвучал так: «Правда ли, что 17-летний Василий Иванчук из Львова похож по стилю игры на Вас?»

Ответ экс-чемпиона мира прозвучал мгновенно:

— Ему незачем быть похожим ни на меня, ни на кого бы то ни было. Более чем достаточно, что он похож на Иванчука!

Конечно, доброжелательность Талья границ не имела, но все же такое мнение дорогого стоило. И оно имело под собой твердую опору. Ведь уже через пару лет юноша, родившийся в большом украинском селе, переехавший затем вместе с родителями в небольшой городок Бережаны, а потом уже и во Львов, сыграл вот

такую полусумасшедшую партию. И не в каком-нибудь второстепенном турнире, а на чемпионате СССР 1988 года в Москве.

Защита Нимцовича E20
В. Маланюк – В. Иванчук

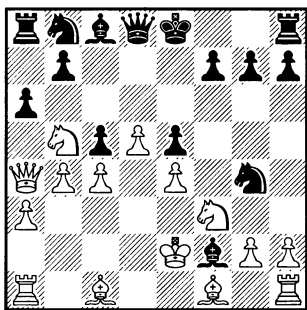
1.d4 ♖f6 2.c4 e6 3.♘c3 ♙b4 4.f3 d5 5.a3 ♙e7 6.e4 de 7.fe e5 8.d5 ♘g4!

В поисках активной контригры, поскольку глухую защиту Иванчук с детства не любил и сейчас не любит.

9.♘f3 ♙c5 10.b4.

Через год шахматный романтик Алексей Широв найдет более действенный способ потревожить агрессивного черного слона, напав на него конем с поля a4.

10... ♙f2+ 11.♘e2 c5 12.♘b5 a6! 13.♙a4.

13...ab!

Начиная серию жертв далеко неочевидного толка.

14.♙:a8 ♙d4!! 15.♘:d4 cd 16.♙:b8 0-0.

Черные без ладьи, и надо было предвидеть, что «централизованный» белый король и неразвитый

королевский фланг белых — а это фактор непостоянный — окажутся достаточной компенсацией. Ведь еще настоящий апологет атаки и глубочайший стратег Ефим Геллер не раз утверждал, что фигуру ради таких достижений жертвовать можно, а вот ладья... Она — дар щедрый.

17.♘e1 ♙h4+ 18.g3 ♙f6 19.♙f4.

Белые хотят откупиться фигурой и вернуть ферзя к основному участку боя, но...

19....g5!

Пусть сильнейшая фигура белых отдохнет!

20.c5! ef 21.♙d6 ♙g7 22.♙d3 ♘e5.

За такого коня можно отдать даже больше, чем полцарства.

23.♘d2 f3!

Играя без качества, черные вместо напрашивающегося атакующего 23...f5 вдруг переходят на позиционные рельсы борьбы. Много позднее Иванчук однажды скажет: «Надо не просто сделать сильнейший ход, надо понять, почему он сильнейший». Никакой расчет здесь не поможет, зато вот интуитивное понимание позиции... Оно у Василия проявлялось с молодых ногтей, и это, как утверждали классики, главный признак таланта.

24.♙e7 g4 25.♙:b5 ♘g6 26.♙g5 h6 27.♙h5 d3!

Ферзь соперника вновь выведен в офсайт, пусть и на другом участке доски, а своему «центральному нападающему» открывается магистраль атаки.

28. ♕:d3.

Белые готовы защитить своего короля от дерзкого прорыва по большой черной диагонали, и малоприятная пешка соперника уничтожена. Все это хорошо, но вот только снят контроль с поля е8.

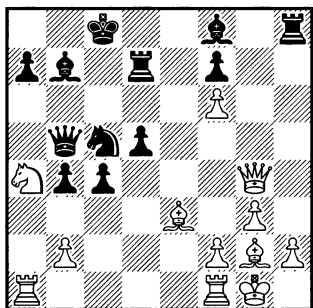
28... ♖e8.

И выясняется, что избежать гибели белый ферзь не может.

29. h3 ♖e5 30. hg ♖:h5 31. gh ♗e5 32. ♖ae1 ♗g5+ 33. ♗c2 f2 34. ♖d1 ♗e3. Черные сдались.

Или вот еще один поединок.

В. Иванчук — А. Широв
Вейк-ан-Зее 1996

В головоломном варианте Ботвинника белые применяют довольно позднюю оглушительную новинку, неизвестно только — найденную в тиши кабинета или за доской.

21. ♗g7!

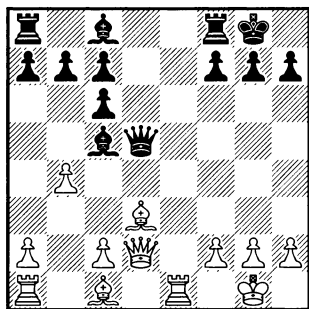
Просчитать дальнейший десяток ходов — дело, как ни странно, несложное, слишком уж форсированно идет сражение, но вот такое вступление — из рода очевидного невероятного. И слова

известного русского писателя Леонида Андреева — «Способен среди видимого открывать невидимое» — будто бы про Иванчука сказаны.

21... ♕:g7 22. fg ♖g8 23. ♗:c5 d4 24. ♕:b7+ ♖:b7 25. ♗:b7 ♗b6 26. ♕:d4 ♗:d4 27. ♖fd1 ♗:b2 28. ♗d6+ ♗b8 29. ♖db1 ♗:g7 30. ♖:b4+ ♗c7 31. ♖a6 ♖b8 32. ♖:a7+ ♗:d6 33. ♖:b8 ♗g4 34. ♖d8+ ♗c6 35. ♖a1. Черные сдались.

А сколько раз автору приходилось в своих репортажах упоминать, что в партиях Иванчука возникают позиции, за которые любой шахматный школяр получил бы взбучку от своего шахматного учителя, исчислению не подлежит. В добрых 99 случаях из 100 инициатором такой «антипозиционности» выступал сами понимаете кто.

Даже ошибки он творит совершенно необычные.

В этой партии Л.-Д. Нисипяну — В. Иванчук на чемпионате мира ФИДЕ в Лас-Вегасе-1999 у черных уже лишняя пешка и дальнейшая борьба может идти только на два возможных результата.

Порыв не только на шахматном поле

Василий непостижимо вызывает к жизни третий результат.

Вместо естественного 13...♙f2+??? в расчете на 14.♙:f2 ♖d4+, и после 14.♙:f2 черные сдались, пополнив коллекцию партий-миниажур. На такую небанальную игру обычный человек по-видимому просто неспособен. Но не только шахматные фигуры вытанцовывают у него нечто своеобразное: Иванчук и сам то и дело удивляет своими откровениями, к слову — всегда искренними. Пытаясь понять, что такое Игра, шахматы соотносили и с математикой, и с музыкой (тут Иванчук готов частично согласиться), и с ярким проявлением

единоборства. А он сам считает шахматы неким отражением философии, симбиозом логики и поэзии и — цирком! Наверное, по причине трюков, на которые так щедра арена. Потому и остается Василий Михайлович, в свои 40 лет уже старейшина иных крупных шахматных форумов, человеком «на особицу созданным», человеком пограничного состояния. Он порой выходил на очень престижную сцену в пиджаке, при галстукке, но в шлепанцах на босу ногу. В свои холостые годы мог назначить свидание девушке, пояснив при этом, что только что проиграл партию и ему просто необходимо женское общество: надо ли говорить, что после такого доверительного разъяснения randevу откладывалось до неопределенных времен. В конце 2008 года на Олимпиаде в Дрездене он на финише потерпел досаднейшее и очень важное в спортивном отношении поражение, и когда после этого не слишком тактичный арбитр пригласил Василия на допинг-контроль, то в ответ гроссмейстер дал тому «уклончивый ответ», пнул ногой бетонную стену и убежал из зала. Скандал поднялся все-светный: ФИДЕ пригрозило Иванчуку, в тот момент третьему в мировом рейтинг-листе, двухлетней дисквалификацией, и десятки гроссмейстеров направили свои протесты во многие средства массовой информации. А взгляните в его дорожный багаж:

ни у кого из великих шахматного мира сего не найти в чемодане книги Плутарха, Сократа, Ницше, их возит с собой только Иванчук. Впрочем, возит он и томики Пушкина с Лермонтовым: здесь декаданские изыски современных авторов ему не по душе. По рождению «приписанный» к униатской церкви, Иванчук порой бывает и в православных церквях, лучше иных архипастырей чувствуя, что Бог — один. И верует в него тоже по-своему.

Ему грех был бы жаловаться на свою шахматную судьбу. Считая любой очередной турнир самым главным и всегда играя только на победу, Иванчук взял примерно два десятка первых призов на соревнованиях разного толка, в том числе и таких, как форумы в Линаресе (особо надо отметить 5 первых мест в 2007 году и двойную победу — по классическим шахматам и в блице на Мемория-

ле Таля-2008 в Москве), побывал в чемпионах Европы, в чемпионах мира по молниеносной игре, олимпийским чемпионом в качестве лидера украинской сборной, вице-чемпионом мира ФИДЕ, и прочая, и прочая, и прочая. А под Новый 2009 год вдруг буквально потряс всех, опубликовав рассказ о работе над необычной игрой привычными всем шахматными фигурами. В ней нельзя превращать пешку в ферзя, иногда можно ставить под удар короля, да и победа достигается приближением короля к ферзю. Назвал свою придумку Иванчук, при рождении явно поцелованный в лоб шахматной музой Каиссой, фривольным названием «Поцелуйте королеву». Вряд ли в нее станут так же быстро играть, как заиграли в «шахматы Фишера», но... «Честь безумцу, который навещет человечеству сон золотой» — и это не о Иванчуке ли было сказано?

Смелость, риск, даже блеф — все это при нем

Человечество — или, по крайней мере, заметная часть его — всегда стремилось лежащими на поверхности причинами объяснять явления необычные. Мир шахмат — не исключение. Что, Ласкер 27 лет царит на троне? Да он просто обкуривает своих соперников особо пахучими сигарами! Таль стремительно стано-

вится шахматным королем? Еще бы: он гипнотизирует всех своими почти черными глазами! Топалов выдает удивительные серии побед? Он добывает их постоянной связью с компьютером и у него даже вживлен в голову некий электронный чип!

Ласкер на такие предположения отвечал молчанием. Таль с

*После победы в звездном турнире
«Господин Великий Новгород»*

улыбкой утверждал, что он гипнотизер не то на пенсии, не то в отставке. А Веселин Топалов... Он продолжал брать первые места даже тогда, когда организаторы соревнований, уступая «народной» молве, обносили сцены барьерами и наглухо экранировали турнирные залы от любых электроволн. И еще больше концентрировался за доской, поднимая вольтаж сражений до высот невероятных, что и позволяло его победам звучать громко, а порой и сенсационно.

Признавать бесспорный крупномасштабный талант Веселина — значит говорить банальности. Он выражается во многом — не только в шахматах. Годам примерно к 22-м в походном рюкзаке болгарина были еще языки русский и испанский, английский и сербскохорватский — речь идет только о тех, которыми он владеет абсолютно свободно. Ра-

зумеется, в мире можно найти множество полиглотов, но дело в том, что никогда Топалов изучением чужих наречий не занимался, вот разве что в школе — чуть-чуть русским.

И в редкостной целеустремленности, которая, правда, живет у него только в шахматах. А футбольные поля, бассейны, бег, теннис и даже девушки — им умный, красивый,

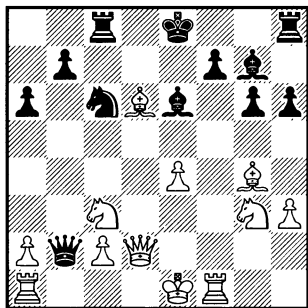
небедный и знаменитый парень просто не может не нравиться — это все там, за кромкой доски, ставшей для Топалова ареной самовыражения и даже самоутверждения.

Причем началось оно очень и очень давно. Можно считать с того дня когда Веселин заметил сильный международный мастер Сильвио Данаилов, ставший и его тренером, и его менеджером. Они заключили контракт, длящийся уже почти два десятилетия, и Топалов начал свой путь наверх. В 14 лет он стал чемпионом мира среди юношей своего возраста, пусть не на много, всего на пол-очка опередив фаворита Владимира Крамника. Затем победа в чемпионате юношей до 16 лет, в котором Веселин был едва ли не самым молодым участником. Тут о Топалове начали поговаривать как о будущем игроке шахматной элиты. А когда, начи-

ная со своих 20-ти, он за пару лет выиграл серию крупных турниров, включая звездный форум «Господин Великий Новгород», признание состоялось. И уважение пришло, и особое дружелюбное к нему отношение. А как иначе: с людьми, которым до гроссмейстерского чина как до небес, ровен, приветлив — никакого высокомерия и внутреннего превосходства, часто встречающегося.

А потом кривая его успехов резко пошла вниз. Неожиданно для тех, кто следил за шахматами со стороны, не слишком вникая в их суть, но вполне понятно для специалистов. Ведь практически никто из великих мира сего не проходил свой путь без малозаметных, но очень существенных творческих кризисов. За пару лет полуудач или даже неудач Веселин что-то переоценивал в своей игре, набирался тех компонентов, которые, собственно, и делают сильного шахматиста очень сильным. Звездой, говоря по-нынешнему. Словом, рост трудностями — совсем по формуле художника и философа Николая Рериха. И отметив четвертьвековой юбилей, Топалов начал громить соперников все более серьезных. Пусть у него до сих пор сохранился отрицательный баланс встреч с Каспаровым, Анандом, Крамником, Лeko, но и выигрывал он у них так, как это не удавалось никому.

В. Топалов — Г. Каспаров
Всемирная Олимпиада
Москва 1994

Чемпион мира тех лет принимал вызов на любые осложнения. Пожертвовав было фигуру, черные собираются отыграть ее и остаться «с наваром», но... Не случайно кто-то вполне серьезно сформулировал своеобразное кредо Топалова: не дать развиваться сопернику, вскрыть игру, пересчитать партнера и объявить мат. Как ни парадоксально, но во встрече с «великим и ужасным» Гарри все это получилось в полной мере.

18.e5! ♖:e5.

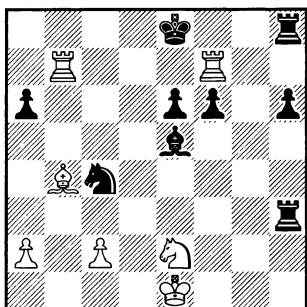
В случае 18...♙:a1+ 19.♕f2 ♙b2 20.♖b1 белый ферзь будет заметно сильнее двух черных ладей.

19.♖b1 ♙:c3 20.♙:c3 ♖:c3 21.♕:e6 fe 22.♖:b7.

Позиция стала чуть проще, но свою остроту сохранила, и за пешку у белых серьезная инициатива. Причем и без ферзей им есть чем «достать» черного короля.

22...♖c4 23.♘b4 ♜e3+ 24.♙e2
♙e5 25.♞f7 ♞:h3?

Лучше 25...♘d6, но к этому моменту оба гроссмейстера были уже в цейтноте.

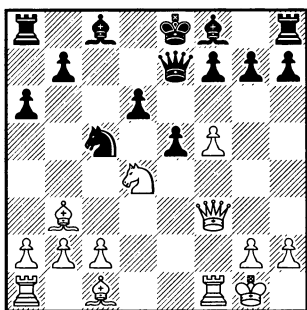

26.♙d4!

Решающее усиление атаки: ведь конь-то сродни троянскому и на его взятие последовал бы мат в два хода ладьей с поля b8, оставшегося без контроля.

26...♞e3+ 27.♙f1 ♞e4 28.♞fe7+ ♙d8 29.♙c6+, и в связи с неизбежным матом в 3 хода — 29...♙c8 30.♙a7+ ♙d8 31.♞bd7x — черные сдались.

В другой партии амстердамского турнира-96 Топалов выиграл у Каспарова, осуществив, по-видимому, рекордный марш конем.

Пожертвовав пешку, белые получили и перевес в развитии, и перевес в пространстве, и симпатичнейшую позицию. Но без инициативной игры эти факторы могут постепенно снивелироваться: ведь видимых слабостей у черных нет.

14.♙c6! ♞c7 15.♙d5.

Сохраняя атакующего слона, надежно захватывая большую белую диагональ и вновь косвенно защищая дерзкого коня. Судя по всему, такой амбициозный подход вызвал у чемпиона мира желание наказать Веселина за излишнюю смелость.

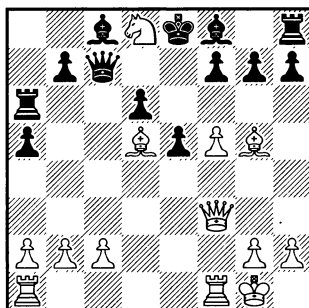
15...a5?

Отрезая пути отхода коню, хотя естественнее выглядело 15...♙d7. Правда, после 16.♙b4 надо считаться с эвентуальным 17.♙:f7+ ♙:f7 18.♙d5 ♞c6 19.♞h5+ ♙g8 20.f6, начиная прямой штурм королевского убежища.

16.♙g5!

Готова невероятное.

16...♞a6 17.♙d8!

Пункт f7 атакован теперь с тыла, и к коню, опустившему копыта в самой сердцевине черного

лагеря, уже можно применять эпитеты «смелый», «лихой», «гордый». Хотя может быть правильнее так аттестовать Топалова? Ведь он создал положение, какого в шахматах еще не случилось!

17...f6 18.♘f7 ♚g8 19.♙e3 g6
20.♘g5 ♚g7 21.fg ♚:g6.

Вряд ли позиция после 21...hg 22.♙:f6 устраивала Каспарова.

22.♙:f7+ ♙:f7 23.♘:f7.

Через 3 хода черные, оставшись без ферзя, сдались.

И еще потрясали серии его побед. Чемпионат мира по версии ФИДЕ в 2004-м: 9,5 очков из 10 возможных на старте! Турнирный чемпионат мира-2006 в Сан-Луисе: 6,5 очков из 7 в первом круге сделали практически вторую половину соревнования бессмысленной. Топалов провел ее спокойно и стал шахматным королем №2, потому что в глазах всего мира королем №1 оставался Владимир Крамник, отвоевавший корону в традиционном матче у своего предшественника Каспарова.

Им предстояло осенью все того же года встретиться и в какой-то мере завершить смутное шахматное время, рождавшее кратковременных чемпионов ФИДЕ в параллель с чемпионом классическим. И вот тут известная формула — «Когда неудержимая сила натывается на несокрушимое препятствие, возникает

невообразимое зрелище» — предстала в Элисте в полном объеме. Потому что матч вошел в историю под названием «туалетного», и скандал, с ним связанный, оказался одним из самых громких за последнюю сотню лет в череде шахматных событий.

Нет смысла и нет возможностей подробно вспоминать былое. Достаточно того, что когда со старта Веселин начал проигрывать, его менеджер выступил с официальным протестом на то, что чемпион №1 слишком часто посещает туалетную комнату. И это при том, что все технические ухищрения профессиональной контрразведки, привлеченной к матчу, начисто исключили возможность любых контактов с внешним миром, начиненном, как известно, компьютерами. Крамнику даже засчитали поражение в одной из партий без игры, на решении этого конфликта с треском вылетело в отставку апелляционное жюри, возглавляемое первым вице-президентом ФИДЕ Макропулосом, и — матч Топалов все же проиграл. Переживал страшно, но при поддержке своей страны — вообще-то он чаще живет в испанской Саламанке — вновь нашел себя. И — продолжает борьбу за звание чемпиона мира без каких бы то ни было версий.

Судя по всему, век Веселина в шахматах обещает быть долгим.

КОМАНДНОЕ ТОРЖЕСТВО СОЦИАЛИЗМА

Потеряв спортивно-идеологическую невинность и вступив — весьма успешно — в борьбу с «буржуазными» атлетами, совсем уж глупо было бы отказаться от наращивания морального капитала там, где он сам плыл в руки. Наши шахматисты после войны на голову превосходили остальных, и победы на «Турнирах наций» — так именовались в ту пору Всемирные шахматные Олимпиады — лишь добавили бы славу советскому спорту. И если в других дисциплинах за вторым или третьим местом сборную СССР чаще всего просто «за ворота» не выпускали, то тут вопроса не было: золотые медали нашим гроссмейстерам практически гарантировались. Но...

«В жизни очень часто бывает «но», — отчеканил однажды Антон Павлович Чехов. И вправду: разве могли мы ехать — даже за золотом и славой! — на первую послевоенную, а вообще IX по счету шахматную Олимпиаду, если проведение ее взяла на себя... Югославия?! Та самая, что не покорилась фашизму все четыре года оккупации, что пускала под откос гитлеровские поезда и, платя жизнями тысяч и тысяч мирных заложников, дерзко и на корню выбивала порой немалые гитлеровские гарнизоны. Но лидером страны, сумев собрать вокруг себя сербов и македонцев, хорватов и черногорцев, боснийцев и албанцев, был Иосип Броз Тито, осмелившийся не послу-

шаться Сталина! И к нему, изображаемому в советских газетах не иначе как с окровавленным топором в руках, — да на Олимпиаду?! И думать не можете, гроссмейстеришки!..

К слову, это будут первые неполученные советскими спортсменами награды. Потом придет черед тех же шахматистов — их не пустят на Олимпиаду-76 в Хайфу (это были годы пылкой любви СССР к арабам и не менее пылкой ненависти к Израилю), баскетболистов — им запретят матч со сборной Тайваня (в друзьях у нас числились другие китайцы, континентальные), и медали чемпионата мира прямо-таки выскользнут из пальцев футболистов — ну как можно играть на стадионе в Чили, где Пиночет держал своих политических противников?! О сломанных спортивных судьбах несостоявшихся олимпийцев-84 и говорить не приходится: бойкот игр в Атланте был мстью за бойкот Московской Олимпиады-80. Но к нам не ехали из-за советского вторжения в Афганистан, а у нас-то для отказа и предлога мало-мальски убедительного выдумать не сумели. К слову, в книге гроссмейстера Ю. Авербаха, долгие десятилетия входившего в руководство советской шахматной федерации, и журналиста Б. Турова «Шахматные Олимпиады» о нашем несостоявшемся старте в Югославии — ни слова...

Но когда, наконец, наш дебют в Хельсинки-52 был предрешен,

выяснилось: великие советские шахматисты любят друг друга, как мышка — кошку, собака — палку, зять — тещу. В первую очередь, это относилось к чемпиону мира Михаилу Ботвиннику, который хотя и отстоял годом раньше свой титул в ничейном матче с Давидом Бронштейном, но (как, впрочем, и претендент) чемпионскую игру показывал лишь фрагментарно и свое реноме изрядно подпортил. Атака на лидера началась с разных флангов. Ее вел и гроссмейстер Игорь Бондаревский, ни от кого не скрывавший своего ярого антисемитизма и явно воспользовавшийся аналогичной сталинской вакханалией, разворачивавшейся в огромной стране. Может, Пушкин справедливо выступал верховным судьей, утверждая несовместимость гения и злодейства, но талант (а «Бондарь», как сокращенно звали его коллеги, был очень талантлив) и подонство в мире совмещались не раз, не два и даже не тысячу раз. Разыгрывал «Кересовскую карту» Бронштейн, и сегодня не простивший Ботвиннику тех последних сантиметров пути, что не удалось пройти по дорожке к трону: «Если Пауль Петрович останется без пешки, ничью он все равно сделает, а вот если Михаил Моисеевич... Тут я буду очень волноваться». Хотелось попасть в команду и Александру Котову, вскоре после Олимпиады феноменально выступившему на меж-

зональном турнире: неиграющий капитан появился в нашей сборной лишь через два года, а при Ботвиннике места влиятельному члену советского шахматного общества не нашлось бы...

Дело кончилось тем, что разъяренный Ботвинник от игры отказался и, хлопая дверью, проорчал каким-то свистящим шепотом: «Запишите в чемпионат СССР». И в конце 1952-го с особой яростью набросился на всех олимпийцев: только Смыслов с Болеславским спаслись, Керес же, Бронштейн и Геллер, чаще всех побеждавший Михаила Моисеевича, оказались побитыми...

И с таким вот повышенным грузом ответственности советские гроссмейстеры вступили в борьбу. Не пошла игра на первой доске у Кереса: лишь три победы при двух (!) поражениях, только трижды в 16 турах сажился за доску Котов, занятый капитанскими обязанностями. По разу останавливали часы Бронштейн и Геллер, и, как следствие всего этого, из восьми матчей в финальном турнире сборная СССР три не смогла выиграть, а в двух — побеждала едва-едва. Могу представить себе ужас и в сердце Котова, и в душах всех спортивных руководителей, когда за три тура до финиша лидировали именно югославы: реакцию «Лучшего Друга советских физкультурников» на такой афронт представить было легче легкого. Ведь когда на Олимпийских Играх —

тоже в 1952-м и тоже в Хельсинки — наши футболисты в повторном — после ничьей — матче уступили югославам, последовал приказ, стиль которого с головой выдавал автора: «За трусость, проявленную на футбольном поле, команду ЦДКА (базовую для той олимпийской сборной — Я.Д.) расформировать».

Но все закончилось благополучно, пусть и с перевесом лишь в полтора очка. Зато обретенны были олимпийский опыт и олимпийские знания: в 1954-м в Амстердаме капитан стал неиграющим, чаще вступали в бой запасные (хотя к формуле: «в сборной СССР все участники — основные» пришли только в следующий раз), основной квартет — Ботвинник, Смыслов, Бронштейн и Керес — ни одной партии не проиграл, а Пауль Петрович выдал вообще результат впечатляющий — 13,5 очков из 14 или 96,4 процента! Больше — 100% — удалось лишь на полулюбительской III Всемирной Олимпиаде в далеком 1930 году суперпрофессионалу Алехину, но там только в девяти партиях.

В результате советские шахматисты опередили тех же «серебряных» аргентинцев уже на 7 очков, то есть на последний матч в принципе вообще могли не выходить. Вот это и было «принято за норму», и на всех последующих «Турнирах наций» — в Москве и Мюнхене, Лейпциге и на Золотых Песках, в Тель-Авиве, Гаване и

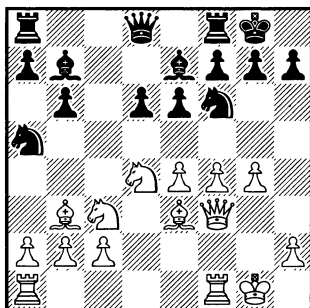
Лугано отрыв от ближайших соперников составлял от 5 до 8,5 очков! Два матча «в запасе» — это говорило о подавляющем — на порядок! — превосходстве сборной СССР, в которой однажды не нашлось места для чемпиона страны: настолько громко и весомо звучали имена других. А тут еще к корифеям подключилась первая послевоенная волна: Таль, успевший стать самым молодым (по тем меркам — неприлично молодым!) шахматным королем в истории, Спасский, Петросян, Корчной, Полугаевский, Штейн... Словом, социалистический строй наглядно подтвердил на шахматной доске, что он рождает людей куда более умных, и не в порядке исключения, а — как правило...

Вот с этой партии, например, жертва качества в сицилианской защите не просто приобрела права гражданства, а стала классическим примером получения контригры.

Н. Падевский — М. Ботвинник

XII Олимпиада

Москва 1956

12...♖c8! 13.g5 ♜:c3! 14.bc.

Лучше было 14.gf ♜:e3 15.♗:e3 (после 15.fe ♜:f3 16.ed♗ ♜:f1 белые просто остаются без пешки) 15...♙:f6, но и здесь 16.♞ad1 ♙:b3 17.ab а6 с идеей поставить ферзя на c7, ладью на e8 и подготовить вскрытие позиции после e6-e5 приводило к перевесу черных: два отличных слона и слабость королевского фланга белых должны сказаться.

14...♙:e4 15.♗g4 ♗c8 16.♞f3 ♙:b3 17.ab f5.

Переходя в решительное контрнаступление: на 18.gf черные ответили бы 18...♞:f6 с угрозой 19...♞g6.

18.♗h4 e5 19.♞h3 h6 20.♗h5 ♗:c3! 21.♞d1 ed.

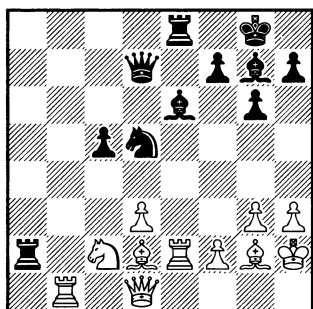
Возможное 22.gh парируется ходом 22...de, и пункт g7 защищен ферзем.

22.♙d2 ♗c6! 23.gh ♙g5 (грозя «всего лишь» матом на g2) 24.♞g3 ♗h1+ 25.♙f2 ♙e4+. Белые сдались.

П. Бенко — В. Смыслов

XIV Олимпиада

Лейпциг 1960

27...♗a4!

Сильный атакующий маневр, который потребовал точного расчета. Если 28.♙e3, то 28...♗:d1 29.♞:d1 ♙c3, и белые теряют качество. На 28.♞c1 последует 28...♞b8 с угрозой перевода ладьи на b2. Невыгодно также 28.♙:d5 ♙:d5, так как ослабляется позиция белого короля.

В поисках выхода из создавшихся затруднений Бенко вступает на путь тактических осложнений.

28.♗e1 ♞:c2 29.♙:d5 ♞:d2! 30.♗:d2.

На 30.♞:e6 последовало бы 30...fe 31.♙:e6+ ♙h8 32.♗:d2 ♞:e6 33.♞b8+ ♞e8, и черные остаются с лишней фи-гурой.

30...♙:d5 31.♗f4!

Выглядит очень сильно. Нападая на ферзя, белые одновременно угрожают 32.♞:e8+ ♗:e8 33.♞b8. Однако черные предвидели эту опасность и простым способом разряжают обстановку.

31...♙c6! 32.♞:e8+ ♙:e8 33.♞b8 ♗c6.

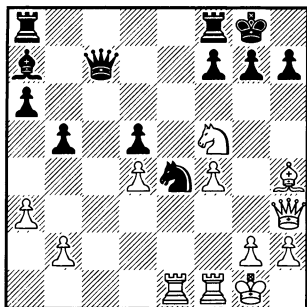
Теперь с двумя слонами за ладью черные сохраняют решающий материальный перевес.

34.♗e3 ♙f8 35.♞d8 ♙d4 36.♗h6+ ♙e7 37.♞a8?, и белые сдались.

М. Таль — М. Найдорф

XIV Олимпиада

Лейпциг 1960

Для лидера советской команды завершать такие партии было — что орешки шелкать.

21. ♖:e4! de 22. ♕f6 ♖b6 23. ♕:g7 ♜fe8 24. ♕e5 ♖g6 25. ♘h6+ ♜f8 26. f5!

Черные сдались. После 26... ♖c6 к победе ведет и 27. ♖h5 ♖d7 28. ♕d6+, и 27. ♖g3 ♖:h6 28. ♕d6+ ♜e7 29. ♕:e7+ ♜:e7 30. ♖e5+.

Случались на Олимпиадах и курьезные истории. Одна из них берет свое начало в 1967 году, когда Ефим Геллер на межзональном турнире в Сусе играл черными с американским гроссмейстером Самуэлем Решевским. Об этом Ефим Петрович рассказал в комментариях к другой партии.

Староиндийская защита E73**Я. Адамский — Е. Геллер**

XVIII Олимпиада

Лугано 1968

1. d4 ♘f6 2. c4 g6 3. ♘c3 ♕g7 4. e4 d6 5. ♕e2 0-0 6. ♕g5 ♘bd7.

«Довольно редкое продолжение в системе Авербаха. Теория считает его пассивным, так как белые застрахованы от появления коня на c6 и нажима на d4, и рекомендует продолжать 7.f4. Однако ход в тексте более распространен.

7. ♖d2 e5 8. ♘f3 c6!

Точнее, чем немедленное 8... ed 9. ♘:d4 ♘c5 ввиду 10.f3, и белые получают некоторый перевес, так как на 10... ♜e8 возможно 11.0-0-0.

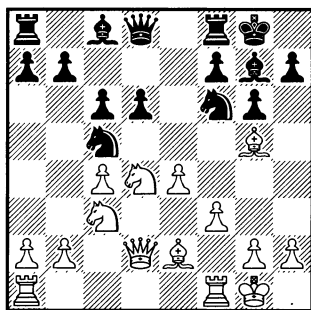
9.0-0.

Заслуживало внимания 9.de или 9.0-0-0 ♖a5 10.♙b1 ♜e8 с примерным равенством.

9...ed 10. ♘:d4.

После 10.♖:d4 черные перехватывали инициативу: 10...h6 (но не 10...♘c5 из-за 11.e5) 11. ♕h4 g5 12. ♕g3 ♘d5! 13. ♖d2 ♘:c3 14.bc ♘c5.

10...♘c5 11.f3.

Позволяет взорвать бомбу, не сработавшую в упомянутой партии с Решевским. Там я получил позицию, случившуюся здесь после 10-го хода белых. Но так как Решевский поставил слона

на g5 в два приема (♙c1-e3-g5), то черные сумели сделать еще один, лишний, ход (♞d8-e7), оказавшийся в полном смысле слова лишним. Потому что при положении ферзя на e7 комбинация, осуществленная в данной партии, не проходила. Например: 11...♞c5 (нумерация ходов, естественно, больше на единицу). 12.f3 ♘f:e4? 13.♞:e4! (13.fe ♙:d4+ 14.♞h1 ♙:c3) 13...♞:e4 14.fe ♙:d4+ 15.♞h1, и после 15...♞:e4 16.♞f4 черные теряют фигуру, а 15...f6 16.♙h6 оставляет белым лишнее качество. Помню, как, рассчитав все это, я расстроился и потратил даже некоторое время на размышление, нельзя ли как-нибудь «потерять» темп, уведя ферзя обратно на d8 и сохранив комбинационный мотив.

Затем, дома, было точно установлено, когда проходит и когда не проходит комбинация...

Вместо хода в партии белые должны играть, как это продемонстрировал в партии со мной Л. Полугаевский (турнир ИБМ 1970), 11.♞f4 (11.♙f3 очень пассивно) 11...♞e7 (здесь этот идейный ход уместен) 12.♞ad1 ♘c:e4 13.♞:e4 ♞:e4 14.♞:d6 с несколько более приятным положением.

11...♘f:e4! 12.♞:e4 ♘:e4 13.fe ♙:d4+ 14.♞:d4.

Теперь на 14.♞h1 у черных находился простой ответ 14...♞b6. Вот почему ферзь должен стоять на исходной позиции!

14...♞:g5 15.♞:d6.

Белые сохранили материальное равенство, но позиция их проиграна, так как пешка e4 обречена.

15...♞e3+ 16.♞f2 ♙e6.

Связка ладьи f2 позволяет черным не торопиться со взятием на e4, а сначала закончить развитие. Размен ферзей лишь оттягивает гибель пешки.

17.♞f4 ♞:f4 18.♞:f4 ♞ad8 19.♙f1 ♞d4 20.♞c1 ♞fd8 21.♞f2.

Черные все равно сыграли бы 21...♙f5 или 21...f5.

21...♞:e4 22.b4 ♞ed4 23.a4 ♞d1.

Размен одной пары ладей обнажит слабость всех белых пешек ферзевого фланга.

24.♞fc2 ♞8d2 25.a5 ♞f8 26.b5 c5 27.♞:d2 ♞:c1 28.♞f2 ♞e7. Белые сдались.

Это произошло в 8-м туре главного финала Олимпиады, а в 11-м мы играли с командой Дании. Мой партнер Хольм довольно уверенно сделал первые 11 ходов, а над 12-м задумался, потом, видимо, что-то вспомнив, покачал головой и... остановил часы. Дело в том, что на доске стояла позиция из партии Адамский — Геллер!

На этом мои «доходы» от размышлений во время партии с Решевским не закончились. Сразу после Олимпиады я отправился в Гори на мемориал Б. Карселадзе. Очевидно, партии Олимпиады не стали еще достоянием всех шахматистов, и в партии с Чиковани

история повторилась в третий раз!»

Из этих вот победных, можно сказать — победоносных и вместе

с тем уже будничных Олимпиад и родился замысел, аналогов в истории спорта не имевший.

Все на одного или Матч Века

Человечеству вообще свойственно играть; в том числе — и в определение неопределимого. Можно, конечно, поставить рядом на беговую дорожку быстрых спринтеров — современных и после некоего числа забегов (чтобы к минимуму свести случайность) объявить одного из них безусловно лучшим. Временной разрыв в пару десятков лет тысячекратно усложняет такую задачу. Первый наш «космический прыгун» Валерий Брумель, три года подряд — по опросу! — называвшийся лучшим спортсменом планеты Земля, однажды уверял меня, что если бы он после прыжка приземлялся на современный высочайший «помост» из поролона, а не в яму с песком, и что если бы он отталкивался от нынешних упругих синтетических покрытий, да в сегодняшней «катапультной» обуви, то взлетел бы еще тогда, в начале 60-х, на все 260 сантиметров, то есть выше мирового рекорда наших, 45 лет спустя наступивших дней! Не доверять ему я не имел права, как, впрочем, и доверять полностью — тоже. Но как вообще сопоставить двух футболистов, соперников на поле или даже игра-

ющих в одной команде? Вратаря с форвардом или левого крайнего с центральным защитником? Или вообще — штангиста с пловцом? И тем не менее — ведут ежегодные голосования, и появляется, например, закрепленный навечно за Пеле титул «короля футбола».

Интеллектуальные шахматисты в стороне не остались. Чемпионы мира разных лет называли — каждый свою! — десятку лучших игроков всех времен и народов, декларировали доминацию немецких гроссмейстеров на стыке XIX и XX веков и превосходство американской команды на предвоенных Турнирах наций. Но когда, как танк Т-34 по картонным солдатикам, прокатилась по Всемирным Олимпиадам сборная СССР, возник вековечный вопрос: а кого с кем теперь сравнивать? Ассортимент исчерпан, все ясно? А-а, эврика! Надо выяснить, может ли одна страна быть сильнее всего остального мира вместе взятого? Такого еще не случалось? Ну и что! Все рано или поздно происходит впервые! И Югославия, самая шахматно-гостеприимная страна того времени, принялась за нелегкую за-

дачу: организовать «Мec stoleca SSSR-SVET», что в переводе с сербско-хорватского означало «Матч века СССР — весь мир» (остальной, естественно).

Правда, первые слова на эту тему прозвучали... на четверть века (!) раньше. После упомянутого уже радиоматча СССР — США осенью 45-го года вот что начертал в одной из своих статей французский гроссмейстер Ксавье Тартаковер. От рода Савелий Григорьевич, а точнее — Гиршевич, ростовчанин, он был увезен родителями из России, к инородцам и иноверцам не слишком-то ласковой, в Вену, после Первой мировой войны жил в Париже, но почему-то играл в чемпионатах... Польши и очень активно помог полякам собрать коллекцию из одной золотой, двух серебряных и двух бронзовых

олимпийских медалей: само собой — до Второй мировой... И все довоенные годы считался не только одним из самых именитых гроссмейстеров мира, но и королем шахматной журналистики: остроумным, даже афористичным, смелым и прозорливым в суждениях. Увы, крупные — по тем временам — гонорары из десятков газет и журналов у него и дня не задерживались: ведь казино с их рулетками и множеством карточных игр ночью тоже не закрывались...

Так вот, Тартаковер, комментируя ту действительно уникальную радиобаталию, сказал: «Результат 15,5 : 4,5 представляется фантастичным, однако он вполне реален. Я думаю, что советские шахматисты могли бы на равных сразиться с командой, составленной из сильнейших гроссмейсте-

ров мира. Мне ясно, что началась великая эра советских шахмат».

Но всерьез это все же воспринято не было — при всем привычном уважении шахматного мира к мнению стареющего уже маэстро. И хотя периодически на ту же тему заговаривали и югославский гроссмейстер профессор Милан Видмар-старший, и кое-кто из наших — бесконечно уважавший Видмара как энергетика М.Ботвинник, например, — нужно было Время, усиленное Победами, чтобы, по марксистской формуле, «идея овладела массами». Воплотилась она в марте-апреле 1970 года в Белграде, где, кажется, кроме шахматистов, в те дни вообще никто не жил.

К тому же на предматчевой пресс-конференции в величественном белградском Дворце профсоюзов в костер предстоящей борьбы неожиданно и щедро пролилась немалая толика горячего: встал вопрос о перераспределении досок в команде мира. Ее комплектование осенью предыдущего года очередной конгресс ФИДЕ поручил экс-чемпиону мира Максу Эйве, и тот, профессор математики, естественно, во главу угла поставил таблицу индивидуальных коэффициентов Эло. Тогда она еще не получила свой нынешний официальный статус, но тем не менее признанием уже пользовалась, и многим вообще казалась той самой меркой, которая позволит ответить

даже на убийственный детский вопрос: «кто кого сборет: кит или слон?» Понадобились десятилетия, чтобы «понять всю условность алгебры», когда ею пытаются «проверять гармонию». А тогда... Просчитав текущие турниры, Эйве все равно посадил Роберта Фишера на первую доску, а находящегося в зените своей шахматной карьеры датчанина Бента Ларсена на вторую, хотя американского вундеркинда давненько в игре не видали. Вопрос этот имел чисто престижный характер: кто есть № 1 в шахматах за пределами Советского Союза? Организаторы, правда, за победу в матче на каждой из этих двух досок выставили одинаковый приз — по автомобилю марки... «Москвич-412» (!!), но даже это чудо техники никак не смягчило остроту амбиций.

И вот в последний момент Ларсен ультимативно потребовал себе роль лидера мировой сборной, хотя к тому моменту счет его личных встреч с действующим чемпионом мира Борисом Спаским, возглавлявшим советскую команду, выглядел просто катастрофическим: 1 : 12, не считая нескольких ничьих! Откажись от такой «короткой рокировки» Фишер — и «Матч века» пополнил бы собою длинный список блистательных неудавшихся прожектов человечества: от библейского строительства Вавилонской башни до создания антигравитационных летающих аппаратов. Но

Бобби неожиданно для всех — может быть, и для себя тоже? — уступил. Позднейшее его объяснение («Хотя я знаю, что играю лучше Ларсена, но за последние полтора года, пока я отсутствовал на шахматной арене, он выступал с большим успехом и имел моральное право на первую доску») мне лично кажется текстуально не совсем достоверным хотя бы потому, что помню манеру Фишера говорить в его единственном за всю жизнь интервью советскому (российскому телевидению): односложные ответы, да — нет, но — никаких точек над *i*. За него говорили глаза, паузы, мимика, а с пересохшей ныне донельзя черно-белой (на другой тогда мы не снимали, и телевизоры в СССР были только «двухцветные») киноплёнки для печатной страницы я сам «перевел» другую фишеровскую фразу, составленную из вопросов корреспондента и ответов будущего шахматного короля: «Команда ваша еще долго останется сильнейшей, а в борьбе за титул чемпиона один великий шахматист может родиться в любой стране. Даже там, где шахматы не очень популярны». Предвидение оказалось снайперски точным, и не только по отношению к нему самому...

Как бы то ни было, но Фишер уступил. Дело оставалось «за малым»: чтобы на рокировку согласились Спасский и недавно смещенный им с шахматного трона

Тигран Петросян: они-то готовились к игре с определенным партнером загодя, и смириться с тем, что все трудодни — даром... Но здесь действительно проблема не возникла. «Мы идем, зажатые железной клятвой» — замечание в этой репризе Маяковского последнее слово на — «властью», «клеткой» (хотя в ней все же больше сидят, чем ходят), «дисциплиной», «силой», и все встанет на места своя. Петросян, конечно, поворчал, только кто его собирався слушать. Как не собирались слушать мнения Михаила Таля, Пауля Кереса, даже временного любимца власти Спасского, предлагавших иной принцип расстановки участников по доскам в нашей команде. Матч был нужен, даже необходим не какому-то там Спорткомитету СССР, чей председатель всегда благоговейно внимал речам всего лишь завсектором ЦК и в струнку вытягивался перед всего лишь завотделом ЦК: матча ждала сама Система, чтобы на виду всего мира вбить если и не осиновый кол в могилу, то еще один очень заметный гвоздь в гроб умирающего Капитализма. Тем более, что победа предсказывалась с перевесом в 7 (!) очков (Корчной), 5 (Флор и Таль). А когда мощный американский компьютер (по нашему — электронно-вычислительная машина) выдал прогноз с нашей победой всего лишь в 3 очка, советская пресса произведлась над ним всласть...

После таких вот всполохов и начался матч. Организованный как нельзя лучше, окутанный настоящим душевным теплом зрителей. Советских гроссмейстеров только что на руках не выносили из не слишком-то объемного чрева АН-24, охапками цветов «заменились» чемоданы и сумки в руках «мировых» участников. «Шахматный мир давно уже не имел такого праздника», — подытожил всеобщие ощущения на закрытии матча Спасский, и перечить ему никто и не подумал. Как никто и не спорил с лейтмотивом выступлений всех советских (и не только) газет и журналов: сам факт такого события — это всемирное признание лидерства советской шахматной школы.

Лидерства — да. А вот спортивное торжество, безогово-

рочное превосходство весь ход борьбы поставил под некоторое сомнение. Хотя начиналось все явно «во здравие». Очко перевеса в первом туре, а во втором — эффектейшая победа чемпиона мира.

*Неправильное начало А01
(Дебют Ларсена — Симагина)
Б. Ларсен — Б. Спасский*

1.b3.

«Какой смысл играть двадцать ходов по теории, которую противник знает тоже, и вскоре соглашаться на неизбежную ничью?» (Б. Ларсен).

Как мы только что видели, эта точка зрения порой получала блистательное подтверждение. Впрочем, нечто подобное случилось и раньше: на межзональном

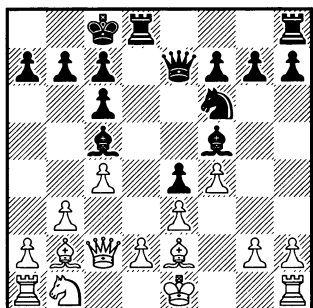
Доски	Сборная СССР	Туры				Индивидуальные результаты
		I	II	III	IV	
1	Спасский	½	1	0	0*	1½
2	Петросян	0	0	½	½	1
3	Корчной	½	½	0	½	1½
4	Полугаевский	0	½	½	½	1½
5	Геллер	1	½	½	½	2½
6	Смыслов	½	1	0	1	2½
7	Тайманов	1	1	½	0	2½
8	Ботвинник	1	½	½	½	2½
9	Таль	½	0	1	½	2
10	Керес	½	1	½	1	3
	Счет	5	6	4	5	20½

* Играл Штейн

турнире в Амстердаме датский гроссмейстер партию против Спасского начал ходом 1. f4.

1...e5 2. ♖b2 ♘c6 3.c4 ♘f6 4. ♘f3 e4 5. ♘d4 ♙c5 6. ♘:c6 dc 7.e3 ♙f5 8. ♖c2 ♚e7 9. ♙e2 0-0-0 10.f4?

Ларсена губит движение пешки f. «Он, очевидно, не был доволен результатом дебюта и надеялся на продолжение 11. ♙:f6 ♖:f6 12. ♘c3, но замысел этот не осуществился!» (Б. Спасский).

10...♘g4!

И белые сразу же оказываются в критическом положении. Грозит, в частности, жертва слона на e3 с «конфискацией» взамен целой когорты белых пешек.

11.g3 h5.

«Здесь возможна была соблазнительная жертва 11...♙:d2, но после 12. ♘:d2 ♘:e3 13. ♖c3 ♙d8 задачи черных труднее. Поэтому они выбирают путь, который не оставляет белым шансов» (Б. Спасский).

12.h3.

При 12. ♘c3 указанная жертва ладьи на d2 заметно выигрывала в силе.

12...h4!

Открывая «доступ» своим фигурам к вражескому королю. Спасения уже нет.

13.hg.

Доски	Избранные шахматисты мира	Турны				Индивидуальные результаты
		I	II	III	IV	
1	Ларсен	½	0	1	1*	2½
2	Фишер	1	1	½	½	3
3	Портиш	½	½	1	½	2½
4	Горт	1	½	½	½	2½
5	Глигорич	0	½	½	½	1½
6	Решевский	½	0	1	0**	1½
7	Ульман	0	0	½	1	1½
8	Матулович	0	½	½	½	1½
9	Найдорф	½	1	0	½	2
10	Ивков	½	0	½	0	1
	Счет	4½	4	6	5	19½

** Играл Олафссон

еще с юношеских лет Льва Полу-
гаевского, Виктора Корчного,
даже Ефима Геллера, с которым
мне выпала честь работать над
полудюжиной книг, и Марка
Тайманова только на том основа-
нии, что они вошли в число пре-
тендентов на очередной матч с
чемпионом мира. И Михаил Бот-
винник, и Василий Смыслов, и
Пауль Керес чувствовали себя
несколько уязвленными, что
рождению победного куража ни-
когда не способствовало. И со-
всем уже готов поклясться: Ми-
хаил Таль на 9-й доске и на, ска-
жем, 4-й — 5-й — это две очень
большие разницы. Вне зависимо-
сти от того, с кем ему пришлось
бы играть...

Впрочем, можно понять и тре-
нера советской команды, властно-
го и хитрого, умного и крайне
субъективного гроссмейстера
Игоря Бондаревского. «Разложить
пасьянс» из пяти чемпионов мира
разных лет и двенадцати (двое
числились в запасе) чемпионов
СССР — общее количество золо-
тых медалей аж 29! — это вам не
волка, козу и капусту перевести с
берега на берег при помощи од-
ной лодки.

Можно еще добавить, что бо-
лее чем через год (!) — таковы
были темпы советского книгоиз-
дания — свет увидело одно из
наиболее бездарных творений со-
ветской шахматной литературы:
сборник «Матч века». Относи-
тельно небольшим для того вре-
мени тиражом — 60 000 экземп-

ляров! Как все шахматно-печат-
ное, разошелся он пусть и без ажи-
отажа, сопровождавшего боль-
шинство других изданий, но пол-
ностью и «относительно» быстро:
за месячишко-другой. И это —
тоже примета, тоже указующий
бакен в советском шахматном
море...

Ну, а поскольку Поэт сказал:
«Гвоздь в моем сапоге страшнее,
чем все трагедии Гете», не могу
отказать себе в удовольствии
вспомнить историю, связанную
непосредственно с «Матчем
века». Хотя тематически она ско-
рее относится к главе «Власть и
шахматы».

В то время я работал спортив-
ным комментатором Централь-
ного телевидения, и среди всего
остального вел передачи «Шах-
матный альманах» на 1-й про-
грамме и более широкий по сво-
ей тематике «Клуб 4-х коней» на
4-й программе: при открытии —
к 50-летию Великой Октябрьс-
кой социалистической револю-
ции — программа ориентирова-
лась на интеллигенцию, такова
была фактическая ее концепция.
И как только из Пуэрто-Рико,
где в октябре проходил конгресс
ФИДЕ, пришла весть о предстоя-
щем «Матче века», я предложил
начальству для начала сделать
пару передач о той и другой сбор-
ных. Времени хватало, можно
было бы работать без аврала и в
свое удовольствие.

Как высокому начальству и
положено, оно отмахнулось: «За-

чем это нам рассказывать о всяких там Фишерах с Ларсеном советским людям?!» Идея, что называется, умерла, не родившись, я исправно делал свою «тематiku», как называли тогда любые неоперативные программы, и кое-что готовил только для предстоящих — это было очевидно — телевизионных шахматных дневников уже с самого матча в Белграде. Но интерес нарастал, шума в прессе становилось все больше, наконец, грянул мартовский весенний гром в виде статьи во всемогущей газете «Правда» — и дней за десять до Игры меня вызвало начальство. Глядя, как говорится, голубым глазом, оно объявило, что нужны две часовые передачи на первой программе, которые подведут итог субботнему и воскресному телевизионным дням (тогдашнее «золотое время», нынешний «прайм-тайм»), и потому они должны получиться даже лучше обычных.

Напоминать начальству об аналогичном, полугодовой давности предложении — значило плевать против ветра. Пришлось неделю день и ночь сидеть в монтажной, готовя эти живые эфиры: видеозаписи у нас тогда еще не существовало. Срочно писать два сценария: без их утверждения на трех уровнях руководства передачи в свет выйти не могли. А главное... Коллективный портрет советской сборной особых проблем не вызывал: были у меня в архиве пленки с лицами всех на-

ших гроссмейстеров, их интервью; доступно для всех прокомментировать фрагменты их творчества — тоже не фокус. Но вот киносъемок той, чужой, противной команды не существовало, и выкручиваться надо было как из трудной, даже безнадежной позиции во время важнейшей шахматной партии...

Мы выкрутились. Поехали в высокопоставленный подмосковный санаторий «Голубые озера», где готовились к матчу наши корифеи, и через их восприятие постарались достойно представить будущих соперников. Естественно, добавил свое, собрал все имевшиеся в советской природе фото... Рассказывая, в частности, о Фишере (он — как американец — был для Советской власти словно красная тряпка для быка), вспомнил, что тот отказался играть в одном из чемпионатов США из-за малочисленности состава. «При 12 участниках возможны случайности, вот если бы играло 16–18–20, как в СССР и странах восточного блока, тогда...»

Все же такую адскую нагрузку и при энтузиазме, и при изрядной дозе адреналина в крови можно было выдержать только по молодости лет! Но зато в воскресенье примерно к часу ночи я добрался домой с тем редким чувством удовлетворения, которое возникает после добротной сделанной работы. Сознаю: мы усидели с женой бутылочку конь-

яка, а в понедельник, выпавшись, я принял в редакции искренние поздравления коллег и... приглашение пройти к высокому начальству. Ничего не подозревая, спросил — «Зачем?», и в ответ услышал смущенное: «Все, действительно, очень хорошо, старик, но вот понимаешь — звонил Катушев...» И совсем не сразу понял, что речь идет о все-сильном секретаре ЦК КПСС...

Обвинение было зубодробительным: «Ваш комментатор политически безграмотен! Он сказал — как в СССР и странах социализма. Значит, по его мнению, СССР — не страна социализма? Он должен был сказать — в СССР и других странах социализма!! Увольте его немедленно!»

Объяснять глубокоумудрому партайгеноссе, что, во-первых, в аббревиатуре СССР уже заложена социальная направленность нашей страны, а, во-вторых, — и это главное — что цитировалось лестное для нас выступление Фишера, было делом бесполезным. Еще более бессмысленным было интересоваться: неужели один из столпов Коммунистической партии и, следовательно, Советского государства ничего более из двух часовых передач не вынес? И я не в испуге (за что до сих пор себя хвалю), но в унынии отправился домой. В унынии потому, что уволенный за политическую безграмотность журналист в СССР мог найти свое место в

лучшем случае слесарем на автозаводе им. Ленинского комсомола, в худшем — дворником. Каюсь: ни то, ни другое мне не казалось спасательным кругом...

Спасение наступило в пятницу, за тарелкой супа, когда в руках оказался вместе с ложкой еще и вечерний выпуск газеты «Известия». «Существует СССР, существуют страны социализма, — начертано там было в редакционной статье, — и они не позволяют Израилю обижать наших братьев-арабов»...

С этим «алиби» я и примчался в Останкино. Генеральный директор телевидения, умнейший Петр Ильич Шабанов, хотя и сам побывал в первых секретарях московского райкома и субординацию читил, снял трубку правительственного телефона — «вертушки» и сказал помощнику Константина Федоровича примерно так:

— Комментатора мы строго наказали, но сочли возможным оставить его на работе. Да, кстати, в сегодняшней редакционной статье «Известий» на 2-й странице внизу есть та же самая формулировка...

Потом посмотрел на меня и добавил:

— Вы, наверное, понервничали в эти дни? Отдохните недельку, так будет справедливо...

Но кое в чем марксизм все-таки прав: «Если что-то в первый раз предстает драмой, то во второй раз — выглядит комедией».

И хотя по-прежнему в мире спорта поединков одной страны против всех остальных не бывало (футбольные шоу в честь уходящего ветерана, когда его национальной команде противостоит сборная мира, никто всерьез не принимает, да в них вообще «именинник» порой играет один тайм за одних, а другой — за других), но когда 14 лет спустя юркий президент ФИДЕ филиппинец Флоренсио Кампоманес решил «набрать очки» организацией «Матча-реванша века», того прежнего звучания эта затея не получила. Поочередно возникали кандидатуры Испании, Франции, Югославии, Италии как места боя, но все сообщения лишь пополняли стаю газетных уток. Наконец, Кампо назвал точную дату — 24 июня и точный адрес: одна из европейских стран. Ею в конце концов оказалась Англия. Точнее — Лондон. Еще точнее — излучина Темзы у окраины английской столицы, район реконструирующихся доков и верфей. Горы щебня, котлованы — весь этот лунный ландшафт никак не способствовал притоку зрителей, к тому же в мало приспособленное помещение.

Только отнюдь не огрехи организационного порядка снижали резонанс нового матча. Суть таилась в составе участников. Он пришелся как раз на некое «время шахматного безвременья»: большинство великих или завер-

шали карьеру, или даже ушли из жизни, молодые звезды первой величины лишь начинали разговариваться. Так что в отличие от первого «Матча века» ну никак не меньше половины всех участников (в нашей команде — поменьше, в «ненашей» — побольше) к суперэлите нельзя было отнести и с большой натяжкой. Разумеется, это не были «продукты» всеобщей гроссмейстеризации мира, провозглашенной Кампоманесом, но тем не менее... Что ж, «за отсутствием гербовой пишем на простой»...

Не обошлось и без курьезов, по крайней мере — с советской точки зрения. Так, вновь на третьей доске, но уже за другую команду, играл Виктор Корчной, заочно осужденный на 15 лет лишения свободы по вполне «шахматной», 64-й статье УК РСФСР: невозвращение на Родину. Лишь первым запасным был приглашен в сборную мира лидер того, белградского матча — Бент Ларсен, тоже переменивший место жительства (с Дании на испанские Канарские острова) и «почему-то» никаким судом за такое деяние не наказанный. И если выступать в Белграде за громадную честь считали все без исключения (а обиды за «неправильно» представленную доску либо таили в себе, либо высказывали), то в лондонском матче появились «отказники»: Лайош Портиш — его именовали венгерским Бот-

винником — именно по такой причине, чехословацко-немецкий гроссмейстер Властимил Горт, разительно похожий в жизни на Оноре де Бальзака. Не смог выступить экс-чемпион мира Тигран Петросян: врачи обнаружили рецидив смертельной болезни...

Таблица матча свидетельствует: из Белграда в Лондон «переехали» лишь 3 советских участника и 2 в команде мира. За пару дней до старта удалось в конце концов обменяться заявками по доскам, но уже со второго тура у нас и с третьего у «сборников» в

игру вступили все запасные игроки.

Реакция мира, в том числе и прессы, выглядела куда более спокойной (для сравнения: через два года матч-реванш на первенство мира Каспаров — Карпов в Лондоне открывала премьер-министр Англии Маргарет Тетчер, через девять лет матч на первенство мира Каспаров — Шорт посетила жена наследника английского престола принцесса Диана), но чисто шахматное содержание поединков от этого не страдало. Хотя количество ошибок, если сопоставлять с Белградом, все же

Дос-ки	Сборная СССР	Туры				Индивидуальные результаты
		I	II	III	IV	
1	А. Карпов	1	½	½	½	2½
2	Г. Каспаров	½	½	½	1	2½
3	Л. Полугаевский	½	0	½	—	1
	В. Тукмаков	—	—	—	½	½
4	В. Смыслов	0	—	—	½	½
	В. Тукмаков	—	1	½	—	1½
5	В. Ваганян	½	½	½	0	1½
6	А. Белявский	1	1			3½
				½	1	
7	М. Таль	½	—	1	½	2
	О. Романишин	—	½	—	—	½
8	Ю. Разуваев	½	½	½	½	2
9	А. Юсупов	½	½	½	—	1½
	О. Романишин	—	—	—	0	0
10	А. Соколов	0	1	—	0	1
	О. Романишин	—	—	½	—	½
	Командные результаты	5	6	5½	4½	21
	О. Романишин	—	½	½	0	1
	В. Тукмаков	—	1	½	½	2

прибавилось, да и «качество» их несколько изменилось.

Принятый ферзевый гамбит D24

А. Белявский — Я. Сейраван

1.d4 d5 2.c4 dc 3.♞f3 ♞f6 4.♞c3 c5 5.d5 e6 6.e4 ed 7.e5 ♞fd7 8.♞g5 ♞e7 9.♞:e7 ♞:e7 10.♞:d5 ♞d8 11.♞:c4 0-0 12.♞c2.

Так десять лет назад играл Т. Петросян. Белые намерены как можно быстрее организовать атаку на короля.

12...♞e8.

Другая возможность — 12...♞b6 и далее 13.0-0-0 ♞:d5 14.

♞:d5 ♞e7 15.h4 h6 16.♞d6 с мощной инициативой у белых.

13.0-0-0 ♞:e5 14.♞he1 ♞bc6 15.♞:e5 ♞:e5.

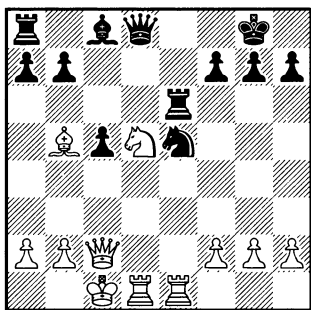
Плохо 15...♞:e5 — 16.♞:e5 ♞:e5 17.♞e4 ♞d7 18.♞e7+ ♞f8 19.♞:c8 ♞:c8 20.♞d5, и белые выигрывают.

16.♞b5 ♞e6.

Только здесь разошлись пути по сравнению с партией В. Салов — И. Радулов из международного турнира в Ленинграде (июнь 1984). Там было 16...♞g4 17.♞:e8 ♞:d1 18.♞:d1, и нельзя брать ферзем на e8 из-за ♞d5-c7. Но Сейраван «Советский спорт»

Дос-ки	Сборная мира	Туры				Индивидуальные результаты
		I	II	III	IV	
1	У. Андерссон	0	½	½	½	1½
2	Я. Тимман	½	½	½	0	1½
3	В. Корчной	½	1	½	—	2½
		—	—	—	½	
4	Л. Любоевич	1	—	—	½	2
		—	0	½	—	
5	З. Рибли	½	½	½	1	2½
6	Я. Сейраван	0	0			0
	Б. Ларсен			½	0	½
7	М. Чандлер	—	—	—	½	½
	Д. Нанн	½	½	0	—	1
8	Р. Хюбнер	½	½	½	½	2
9	Э. Майлс	½	½	½	—	2½
		—	—	—	1	
10	Э. Торре	1	0	—	1	2
	М. Чандлер	—	—	½	—	½
	Командные результаты	5	4	4½	5½	19
	Б. Ларсен	—	—	½	0	½
	М. Чандлер	—	—	½	½	1

не читает. Поэтому исход нашего поединка был уже предрешен. Таким образом, необходимо признать, что ленинградский мастер Валерий Салов внес довольно заметный вклад в копилку сборной СССР.

17. ♖f4 ♜f6.

Не меняет дела 17...♜g5 — белые отвечали бы так же, как в партии.

18. ♜d2 g6 19. ♜d8+ ♜g7 20. ♞:e6+ ♞:e6.

Конечно, жертва ладьи некорректна, но и в случае 20...fe 21. ♜c7+ позиция черных безнадежна.

21. ♜:a8 ♞:a2 22. ♜d8.

Собственно говоря, дальнейшее не нуждается в комментариях. От белых требуется лишь элементарная внимательность.

22...♜f5 23. ♞d3 ♜f4+ 24. ♜d2 ♞c6 25. ♜e8 ♞e6 26. ♜e4 ♜:h2 27. ♜:e6 fe 28. ♜:e6 ♞d4 29. ♜e7+ ♞h6 30. ♜f8+. Черные сдались (*Примечания А. Белаявского*).

И вот что рассказывает Михаил Таль:

«После неожиданного отказа от участия в матче Л. Портиша,

который должен был быть моим партнером на седьмой доске, команда соперников попросила разрешить замену — на англичанина Д. Нанна. У нас возникла аналогичная проблема — не смог приехать Т. Петросян. Соревнование носило дружеский характер, и команды пошли на встречу друг другу, согласившись на обе замены.

Джонатан Нанн — один из немногих гроссмейстеров в «команде остального мира», с кем я имел отрицательный баланс личных встреч. Одну партию я ему проиграл, другая закончилась вничью.

Возможно, поэтому в первом круге я играл не слишком уверенно.

Во втором советская сборная выступала в омоложенном составе — В. Смыслову и мне дали «выходной».

Третий круг. Дебют нашей партии имел некоторую предысторию: повторился вариант, встретившийся в первой партии.

Староиндийская защита E94

М. Таль — Д. Нанн

1. ♞f3 g6 2. d4 d6.

Нанн усердно, уже вторично, предлагает разыграть защиту Уфимцева. Белые же не менее категорично отклоняют это предложение.

3. c4 ♞g7 4. ♞c3 ♞f6 5. e4 0-0 6. ♞e2 ♞bd7.

Именно такой порядок ходов мой соперник применяет достаточно часто. Не думаю, что от 6...e5 он отказался из-за возможного тогда размена ферзей в самом начале партии.

7.0-0 e5 8. ♖e3.

Ход этот приобрел популярность в последние пять-шесть лет. Любопытно, что он неоднократно встречался в партиях Нанна. Так, например, играл с ним Полугаевский на межзональном турнире в Толуке 1982 года. Английский гроссмейстер ответил тогда как и сейчас, 8...c6 и, комментируя ту партию в «Информаторе», снабдил его знаком ?!, то есть не очень надежно. На протяжении прошлого года Нанн не раз пробовал 8...h6. Я же был не прочь продолжить с ним теоретическую дискуссию на эту тему.

8...c6 9.d5 c5.

Другая возможность — 9...♗g4 встречалась в моей практике дважды. Черными я сам так играл против Робача (Ереван 1982), а через пару месяцев отстаивал эту позицию за белых против Кнаака. В обеих встречах дебютное сражение я проиграл.

10. ♗e1 ♗e8 11. ♗d3.

В партии из первого круга я отказался от этого продолжения из-за 11...f5. В варианте 12.ef gf 13.f4 e4 14. ♗f2 ♕:c3! возникла позиция, напоминающая по рисунку партию Тимман — Таль (Таллин 1973). А на 12.f4 черные

имели интересную возможность — 12...g5!? Я опасался наскочить на заготовку «английского производства», но, сыграв в первой партии 11. ♖d2 f5 12.ef gf 13.f4 ♗ef6, пришлось убедиться, что у черных вполне удовлетворительная позиция. Потом мы вместе с Игорем Зайцевым анализировали главный вариант — с 11. ♗d3 и расценили его вполне оптимистично для белых.

11...f5 12.f4.

После окончания первой партии во время совместного анализа оба соперника видели возможность 12...g5. И после хода 12.f4... мы обменялись улыбками. Нанн задумался минут на пять и все же сыграл:

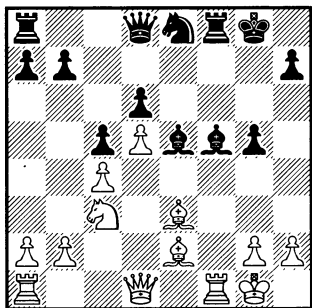
12...g5.

Радикальное решение, но вряд ли лучшее. Любое взятие 12...fe или 12...ef заслуживало предпочтения. Но полную ясность внесут последующие партии.

13.fe ♗:e5.

А здесь партнер продумал почти полчаса. Как мне казалось, основное разветвление 13...f4 14.e6 fe (на 14...♗b6 очень смотрится 15. ♗:f4) 15.ed ♔:f1+ 16. ♖:f1 ♕:d7 17.e5! (соль замысла!) 17...de 18. ♗e4 или 18. ♖f3 приводило к очень сильной инициативе белых. Я заметил, что Нанн уже записал на бланке 13...f4, но в последний момент передумал.

14. ♗:e5 ♕:e5 15.ef ♕:f5.

Эта позиция стояла у меня на доске за несколько часов до игры. Сначала намечался размен белопольных слонов — 16. ♗d3, но за партией этот план показался мне не очень убедительным. Например, 16. ♗d3 ♘g7 17. ♖c2 ♗:d3 18. ♖:d3 ♖e7, и черные фигуры быстро входят в действие, а «плохой» для эндшпиля слон на e5 расположен весьма грозно.

Рассматривал я и 16. ♖d2, чтобы вызвать 16... h6, ослабляющее позицию черных, но в конце концов пришел к выводу: необходимо играть активно и попытаться использовать стоящие не у дел фигуры — ладью на a8 и коня на e8. После часового размышления последовало:

16.g4! ♗g6.

Замечу, что при включении 16. ♖d2 h6 черные имели возможность сыграть 17... ♗h7. Нанн ответил быстро. Думаю, лучше было 16... ♗d7, сохраняя под прицелом пешку g4. Теперь же угроза размена белопольных слонов все время висит над черными.

17. ♖:f8+ ♘:f8 18. ♖d2 h6 19.h4!

Логическое следствие предыдущей игры. Черные не могут

удержать пункт g5. При 19... ♗f6 20. ♖f1 ♘g7 21.h5 ♗h7 22. ♗d3 в распоряжении белых на диагонали b1-h7 три поля, одно привлекательнее другого: e4, f5 и g6. Ответ черных вынужден:

19...gh 20. ♗:h6+.

Здесь была тактическая возможность — 20. ♗:c5. Принятие жертвы приводит к полному развалу: 20... ♗:c3 21. ♖:h6+ ♗g7 22. ♖:g6 dc 23. ♖f1+ ♘g8 24. ♗d3 ♘f6 25.g5. К сожалению, черные могут не отдавать чернопольного слона, и после 20...dc 21. ♖:h6+ ♘f7 22. ♖f1+ ♘f6 23.g5 ♗d4+ их контригра достаточна. В личном турнире я, возможно, продолжал бы изучать все это дальше, но последовал заповеди командного матча — от добра добра не ищут.

20...♘g8 21. ♖f1.

Все белые фигуры вошли в игру. Попытка черных освободиться: 21... ♗d4+ 22. ♗e3 ♖g5 не проходит — 23. ♖:d4. В случае 21... ♘f6 симпатично выглядит как 22. ♖g5, так и 22. ♗g5. Черные решили прикрыть диагональ h6-f8.

21...♘g7.

Однако при этом резко сокращается возможность организовать контригру.

22. ♗g5 ♗d4+ 23. ♘h1 ♖d7.

На 23... ♖e8 я собирался играть 24. ♗:h4 ♗e4+ 25. ♘h2! (неожиданно проигрывает 25. ♘:e4? ♖:e4+ 26. ♗f3 ♖h7 27. ♖h2 ♗e5 28. ♖h3 ♗f6). Или вместо 24... ♗e4+ — 24... ♗e3, то 25. ♖d1 с последующим 26. ♗d3.

24. ♗f6!

Белые отказываются от 24. ♖:h4 — 24... ♜e8, и у черных есть какая-то компенсация за пешку. И вообще я заметил: Нанн всегда во главу угла ставит активность. В первой партии он пожертвовал пешку и получил инициативу, которой хватило для ничьей.

24... ♜e8.

Эффектное 24... ♘h5 было уда-
ром вилами по воде — 25. ♖:h4
♜e8 26. ♜f3!, и конь должен от-
ступить.

Наибольшие проблемы стави-
ло неброское 24... ♖:f6 25. ♜:f6
♖h7, пытаясь построить «кре-
пость», пробить которую белым
не так просто. Но Нанн, как я
сказал, не любит пассивной
игры. Сейчас он жертвует пешку,
рассчитывая использовать ослаб-
ленную позицию белого короля.

25. ♖:d4 cd 26. ♜:d4 ♘h5.

Вот на это возлагали надежды
черные. Но, как выясняется,
вторжение коня на g3 безобидно.

27. ♘h2 ♘g3 28. ♜f2 ♜e5.

В этот момент у белых остава-
лось десять минут до контроля.

29. ♖f3 ♜e7 30. ♖g2 h3.

Импульсивный ход После
30...b6 белым, учитывая их недо-
статок во времени, было бы труд-
но реализовать преимущество.

31. ♘g3.

Сильнее 31. ♘:h3. Но возник
«цейтнотный мираж» — будто в
этом случае после 31... ♘h5 чер-
ные имеют шансы спастись. Как
нетрудно убедиться, при простом
32. gh белый король легко уходит
от шахов. Отмечу, что слабее

31. ♖:h3 — 31... ♜h4 32. ♜f4 ♜e1!,
и конь неприкосновенен.

31...hg 32. ♘:g2 ♖e4+ 33. ♘g1.

Возможно, предпочтительнее
33. ♘g3. Но белые стремятся к од-
ному — успеть сделать контр-
рольные 40 ходов.

**33... ♖g6 34. ♜f4 ♜e1+ 35. ♜f1
♜e3 36. ♜f3 ♜e1+ 37. ♜f1 ♜e3
38. ♜f3 ♜e1+ 39. ♘g2 ♖c2 40. ♜f1.**

Неплохо и 40. ♜f6, но мне ка-
залось, что в эндшпиле — 40...
♖e4 41. ♘:e4 ♜:e4 42. ♜f8+ ♘h7
43. ♜f5+ ♜:f5 — могут возник-
нуть технические трудности. По-
этому я решил сделать еще один
нейтральный ход.

40... ♖e4+ 41. ♘g3.

Здесь партия была отложена, и
анализ показал, что положение
черных безнадежно.

**41... ♖d3 (записанный ход) 42.
♜f3!**

В варианте 42. ♜:e1 ♜:e1+
43. ♘g2 ♜a1 черные отыгрывали
пешку, хотя позиция их все рав-
но очень тяжелая. Любопытно,
что белые на протяжении многих
ходов гонялись за черной ладьей,
теперь же сами уклоняются от
размена. Как бы то ни было, ход
в партии оказался неожиданным
для соперника. Нанн продумал
двадцать минут и избрал продол-
жение, ведущее к немедленной
развязке.

42... ♖c4.

На 42... ♜h1 белые не могут
брать слона, но 43. ♘g2 заканчи-
вало борьбу.

**43. ♜:c4 ♜g1+ 44. ♘h2 ♜c1
45. ♜e2.** Черные сдались.»

Командное торжество социализма (продолжение)

Теперь, казалось, ничто и никто не помешает победному шествию советских шахматистов. Уж если им уступила сборная мира, на что надеяться отдельным национальным дружинам? Только, видимо, что-то все же сместилось у зарубежных шахматистов в общем ощущении расклада сил. Виной тому проигрыш ведущего советского квартета в «Матче века» или нечто иное, но... Вдруг десятикратно возросла на Олимпиадах конкуренция со стороны венгров, югославов, американцев, в принципе — соперников традиционных, да и другие команды стали явно возражать против «уготованной» им роли жертвенных ягнят. И как итог — в 1970 году отрыв лишь на очко, в 1972-м — на полтора. Следующую, юбилейную Олимпиаду, посвященную 50-летию ФИДЕ, сборная СССР выиграла с былым блеском, уйдя от югославов на 8,5 очков и не проиграв ни одной партии вообще, но уже после пропущенной по политическим мотивам (а как же суть Олимпийской хартии, нами подписанной: «спорт вне политики»?!). Олимпиады-76, наши гроссмейстеры на следующей, в Буэнос-Айресе, впервые довольствовались серебряными медалями. Дело было, конечно, не в

том, что сразу после изнурительнейшего матча на первенство мира в Багио отказался играть за советскую команду чемпион мира Анатолий Карпов (его соперник, почти 50-летний Виктор Корчной на Олимпиаду отправился и... занял первое место на 1 (!) доске, за что, собственно, восхищенный сонм шахматных журналистов и присудил ему приз «Оскар» как лучшему в 1978-м году). Команду под руководством гроссмейстера Владимира Антошина, ставшего чиновником Комитета по физкультуре и спорту и остававшегося сотрудником Комитета государственной безопасности «по совместительству», лихорадило, волевые решения по составу на каждый матч ни к черту не годились, и, главное, конкуренты сражались с весельем и отвагой победителей. В таблице результатов у венгров оказалось на целое очко больше. Да и на Мальте, когда под знамя сборной призваны были уже все имеющиеся силы, и подготовка велась особо тщательно, опередить венгерскую команду не удалось. Гравировка «1980. СССР» появилась на переходящем олимпийском трофее — кубке Гамильтона-Рассела лишь потому, что расклад дополнительных показателей сложился в нашу пользу...

После этого зарубежные команды, что называется, надорвались. Могу за-свидетельствовать: о золоте они уже не мечтали. А когда от бойца перед стартом не летят искры, когда он выходит играть с унынием обреченного, — вершина покориться ему не должна...

Так оно и пошло, как прежде. В Люцерне-82, например, советская сборная, в которой впервые рядом, на первой и второй досках играли Карпов с Каспаровым, 13 матчей выиграла и лишь один завершила вничью. На следующей, в Салониках, выступала уже без «гроссмейстеров К.», начавших свой длительный спор за шахматную корону мира. Но после того, как уже в третьем туре основные конкуренты — венгры потерпели поражение (4 : 0 в пользу наших), все определилось еще перед последним туром. Никто, правда, тогда не предвидел, что впервые в своей истории ставшая серебряным призером сборная Англии на следующей Олимпиаде в Дубае устроит настоящую гонку преследования и на финише останется лишь на пол-очка. К слову, здесь «гроссмейстеры К.» впервые поменялись местами на досках, и впервые новый чемпион мира Гарри Каспаров выиграл индивидуальный турнир, турнир лидеров. Через два года, вновь в Салониках, англичане третий раз подряд получили серебряные медали, но держались от нас на более чем почтительном расстоя-

нии. И когда тура за четыре до финиша проходил традиционный неофициальный «сабантуй» советских и американских (впрочем, в недавнем прошлом — почти полностью тоже советских) шахматистов на традиционной же «пищевой» основе (икра и водка — из запасов сборной СССР, виски, закуски и прочее — вклад из-за океана), поздравления с победой наши ребята принимали как должное.

И никто из нас не мог подумать, что в тот вечер советская женская сборная последний раз видит в своей компании ударную силу команды на той Олимпиаде — Елену Ахмыловскую, участницу последнего к тому времени матча за титул шахматной королевы, громившую в Салониках своих соперниц на 2-й и 1-й досках практически «под ноль». Наутро она исчезла из гостиницы и вместе с неиграющим капитаном американской команды Д.Дональдсоном срочно улетела в Париж; американское посольство объяснило, что Греция — это не та территория, где неприкосновенность будущих молодоженов гарантируется всей мощью Соединенных Штатов Америки. И хотя перевес наших шахматисток вполне можно было сохранить, они как-то завяли, и впервые женскую Олимпиаду выиграла венгерки: три легендарные сестры Полгар — Жужа, Юдит и София и девятнадцатилетняя Ильдико Магл, приходившая на

тур с заплаканными или пустыми глазами (прямо перед Олимпиадой в автокатастрофе погиб ее жених), но тем не менее достойно поддерживавшая сестринское трио.

Это была первая осечка советских шахматисток на 13-ти Олимпиадах (еще одно золото — без борьбы — они уступили на уже упоминавшемся бойкотируемом «Турнире наций» в Хайфе, в 1976-м). Вообще-то начались женские такие турниры несколько пародийно: всего 2 участницы в команде, никаких запасных, и поэтому в маленьком голландском городке Эммене в 1957 году процент случайности возрос до неприличных размеров. Все же советская команда в составе чемпионки мира тех лет Ольги Рубцовой и чемпионки СССР Киры Звoryкиной привезла в Москву вновь учрежденный переходящий Кубок Веры Менчик. Звoryкина к тому же за абсолютно лучший результат в финале удостоилась памятной медали голландской королевы Юлианы, но... Столько же очков в финале вдруг набрали румынки, с трудом пробившиеся на заключительный этап олимпийского турнира, и лишь шахматная Богиня Каиса милостиво улыбнулась советской команде.

Постепенно в женских дружинах появилась запасная участни-

ца, число досок возросло до трех а ныне даже до четырех. Порой Олимпиады демонстрировали миру нечто экзотическое: то шахматистки некоторых арабских стран сидели за досками в паранджах, то как три сестры Кадилкар из Индии, разок блеснув, дружно исчезали из мира шахмат по причине... замужества, то партии заканчивались в районе... 10 хода и отнюдь не миром: некоторые африканские и островные государства, утверждаясь перед всеми в собственных глазах, привозили «олимпиаек», еле-еле освоивших ходы... Словом, даже тогда, когда Нона Гаприндашвили открыла милым дамам калитку в высшее мужское шахматное общество, а Юдит Полгар собрала целую коллекцию первоклассных мужских «шахматных скальпов», очевидно, что женские Олимпиады, возникнув на 30 лет позже мужских, все же, пожалуй, взяли фальстарт. Или, точнее, в них даже строже, чем в мужских, нужен предварительный отбор. Иначе олимпийское «количество», растущее от раза к разу, ой как нескоро превратится в олимпийское качество. Впрочем, чаша не миновала и мужчин: там невероятное количество гроссмейстеров привело к резкому падению класса игры, к искажению истинного соотношения сил.

Виват, Россия!

Лихо закрутилась олимпийская интрига после того, как в 1991 году, подняв воистину океанскую волну — и пену — суверенитетов, с грохотом рухнул Союз Советских Социалистических Республик, шедший впереди планеты всей и по ракетно-ядерной мощи, и «с точки зрения балета», и — в шахматах. Мир приободрился: все же соперничать с Россией и, скажем, с Украиной по отдельности куда легче, чем с ними же, слитыми воедино. Так не замахнуться ли тем же англичанам, американцам, венграм, югославам и израильтянам (практически еще одной «сборной СССР») на золотые медали при гарантированных серебряных?! Во всяком случае, такая тема зазвучала и в устах отдельных деятелей ФИДЕ, и на страницах шахматной печати.

Увы, уже через год, на Олимпиаде в Маниле радужный туман рассеялся и эйфория обернулась глубочайшим пессимизмом. Даже не мечтавшие о местах в сборной СССР, молодые гроссмейстеры Армении, Украины, Узбекистана вошли в свои национальные команды и показали миру, что есть действительно советская шахматная школа — и не только «на вершине», но и «в глубине». Упомянутые выше гранды, столетиями

культивировавшие, даже лелеявшие в своих странах шахматы, как о манне небесной начали тосковать о бронзе, а то и хоть какой-нибудь ступеньке в пятерке сильнейших. А у женщин победную эстафету у сборной СССР приняла почти тождественная ей по составу команда Грузии: раньше Госкомспорту и отделу ЦК, спортом ведавшему, ведь было все равно — кто представляет СССР на мировой арене. Растут в Тбилиси, даже в одном-единственном его районе, чемпионки и «вице-чемпионки» — и слава Богу, которого, по тогдашним изысканиям КПСС вообще нет...

Что же до мужской когорты... Да, ее резко ослабило отсутствие чемпиона мира по версии ФИДЕ Анатолия Карпова, полностью разошедшегося с новым руководством Российской шахматной федерации, и одного из претендентов на мировую корону Артура Юсупова, жившего в Германии при российском еще гражданстве. Только свято место пусто не бывает, и Гарри Каспаров использовал весь свой вес и темперамент, чтобы в сборную впервые за ее историю включили не только не гроссмейстера, но даже не международного мастера! И семнадцатилетний Владимир Крамник, даже приболев, выдал абсолютно лучший ре-

зультат на Олимпиаде: 8,5 очков из 9! Наводил на своих соперников ужас и Каспаров — лидер среди лидеров. Их поддерживали, пусть чуть более скромно, товарищи, и первый раз над сценой в день закрытия выше других поднялся трехцветный российский флаг...

Следующую Олимпиаду принимала Москва, — с перерывом в 28 лет — и на правах хозяев поля мы имели право выставить сразу три команды. Выставили две: «оппозиционеру» Карпову сотоварищи федерация в флаге отказала. Но все равно чуть не произошло чудо: молодежная сборная России за несколько туров до финиша опережала грозную национальную команду, у которой поначалу игра не заладилась. Роль центра нападения взял на себя Крамник, потом резко включил космическую скорость Каспаров, и под сводом амфитеатра в гостинице «Космос» парили уже два белосине-красных флага, оставив «вторую высоту» шахматистам Боснии и Герцеговины. Такого в истории Олимпиад еще не случалось!

А потом российская сборная словно бы стала дразнить всех неисчерпаемостью собственных резервов. В Ереване-96 не появились ни Карпов, ни Каспаров, в Элисте-98 (вновь на своей земле) — ни Карпов, ни Каспаров, ни Крамник, к тому времени второй шахматист мира. И

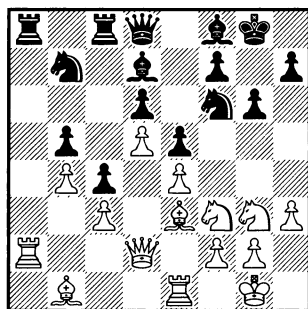
тем не менее ничто не изменилось: в большей или меньшей борьбе, но побеждала Россия и только Россия! А если учесть путь наших дам сначала к бронзе, а затем и к серебру... И это при полном отсутствии финансирования шахмат со стороны государства и его Национального Олимпийского комитета, при годовом долге шахматной Федерации перед своими олимпийцами. Словом, совсем по Остапу Бендеру, читавшему шахматную лекцию в Васюках: если brunet играет хорошо, а блондин плохо, то ничто не может изменить это соотношение сил...

К слову, «шахматную деревню», построенную в Элисте к Олимпиаде-98, Президент Калмыкии и президент ФИДЕ Кирсан Илюмжинов официально назвал Нью-Васюки и установил там памятник великому комбинатору...

А. Карпов — В. Унцикер

XXI Олимпиада

Ницца 1974

24. ♖a7!

24...♘e8 25.♙c2 ♘c7 26.♖ea1
♚e7 27. ♙b1.

27... ♖e8.

28. e2 d8 29. h2 g7 30. f4

31.f5 g5.

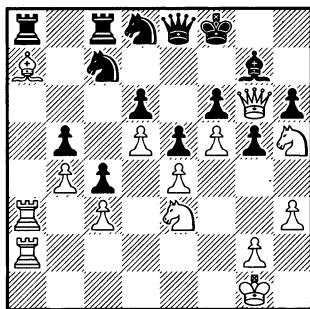
32. c2!

32...♙f7 33.♘g3 ♘b7 34.♙d1
h6.

35. h5 e8 36. d1 d8.

37. ♖a3 ♜f8 38. ♖1a2 ♜g8
39. ♘g4 ♜f8 40. ♘e3 ♜g8 41. ♙:f7+
♜:f7 42. ♚h5 ♘d8.

43. ♔g6! ♚f8 44. ♞h5.

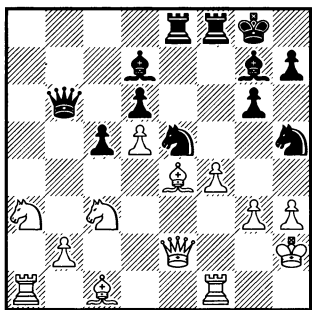

Черные сдались (*Примечания А. Карпова*).

В. Корчной — Г. Каспаров

XXV Олимпиада

Люцерн 1982

23. ♖d2.

Выглядит логично: белые намерены без промедления завершить развитие, а после 23. ♖e3?! ♖f7! 24. ♖c4 ♖d8 сказывается неустойчивое положение слонов на линии «е». Однако даже правильная стратегическая идея может оказаться плохой без должного тактического оформления.

23... ♖b2!

Долгожданный перелом! Ферзь без опаски ринулся в гущу фигур противника, зная, что в случае 24. ♖fb1? обреченный на гибель конь нанесет решающий удар — 24... ♖f3+! Этот микровариант, видимо, переполнил чашу терпения Корчного, и черный конь навсегда исчез с доски.

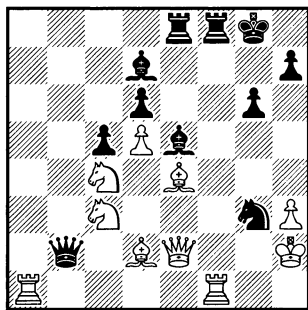
24. fe?

В самый неподходящий момент! Теперь энергия, заложенная в черных фигурах, вырывается наружу, сея смерть и разрушение в лагере белых. Следовало немедленно прогнать ферзя — 24. ♖c2 или 24. ♖a2 ♖b8! Белым

пришлось бы удовлетвориться профилактическим 25. ♖g2, но тогда спокойное отступление коня на f7 сохраняло перевес за черными — белые фигуры не имеют опорных пунктов.

24... ♖:e5.

Ни в один из моментов партии этот ход не мог бы быть столь эффективным, как сейчас!

25. ♖c4 ♖g3!

Конь e5 не зря отдал свою жизнь — во всех вариантах черные остаются с решающим материальным перевесом. У многих в такой ситуации опустили бы руки, но Корчному удалось найти единственный шанс, требующий от черных определенной точности.

26. ♖:f8+ ♖:f8 27. ♖e1! ♖:e4+ 28. ♖g2 ♖c2.

Напрашивающееся продолжение, но в распоряжении черных имелся и другой, более эффективный путь к цели — 28... ♖f2+!, например: 29. ♖:f2 ♖:h3+! 30. ♖f3 ♖:d2+ 31. ♖:d2 ♖:a1 32. ♖:e5 или 29. ♖h1 ♖:d2!! 30. ♖a8+ ♖g7 31. ♖:d2 (31. ♖:b2 ♖g3+ 32. ♖g1 ♖d4+) 31... ♖:d2 32. ♖:d2 ♖:d2

33. ♖a7 ♕:c3 34. ♖:d7+ ♜f6 35. ♖:d6+ ♜e5 с выигрышем.

29. ♘:e5.

На какой-то миг белые даже остаются с лишней фигурой, но раскрытое положение короля делает их усилия тщетными. Сейчас сразу выигрывало 29... ♘:d2! Форсированный вариант 30. ♘:d7 ♘f3+ 31. ♖e2 ♘h4+! 32. ♜g1 ♖:c3 33. ♖e6+ ♜h8 34. ♘f8 ♖g3+! 35. ♜f1 ♖g2+ 36. ♜e1 ♘f3+ 37. ♜d1 ♖d2x явился бы достойным завершением драматического поединка, я пошел по ложному пути...

29... ♖f2+?

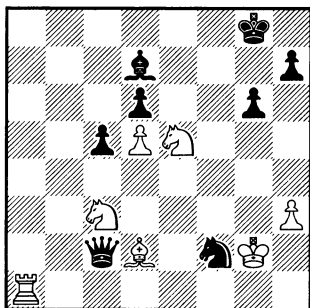
То, что было хорошо ход назад, сейчас оказывается неуместным. Вариант, рассчитанный мной за счет жалкого остатка времени, выглядит убедительно: 30. ♜g1 ♖:d2! 31. ♖:e4 (к мату ведет 31. ♘:e4 ♖g2+ 32. ♜h1 ♖h2+ или 32. ♜f1 ♕b5+) 31... ♖:c3 32. ♖a8+ ♜g7 и т.д. Жертва ферзя всерьез не принималась — мне казалось, что сильнейшая фигура черных без особых хлопот справится с разрозненной армией неприятеля. Но я совершенно упустил из виду, что в этой партии чудеса могут творить не только черные фигуры!

30. ♖:f2!

Теперь борьба разгорается с новой силой. Поединок вступает в заключительную стадию, которая оказывается самой захватывающей. К сожалению, интересные варианты остались за кулисами, что значительно снизило

эстетическую ценность концовки. Но все объясняется очень просто — на часах у соперников оставалось примерно по 5 минут.

30... ♘:f2!

Слава интуиции! Какое-то шестое чувство заставило меня отказаться от напрашивающегося 30... ♕:h3+, хотя времени рассчитывать сложнее варианты уже не оставалось. Анализ подтвердил мои опасения. Вот что могло произойти после 30... ♕:h3+? — 31. ♜g1! ♘:f2 32. ♖a2! Если черные играют на выигрыш, то им не из чего выбирать: 32... ♖f5 (32... ♖:a2? 33. ♘:a2 ♘e4 34. ♘c4!) немедленно приводит к вечному шаху — 33. ♖a8+ ♜g7 34. ♖a7+. Остается 32... ♖b3. Тогда после 33. ♖a8+ ♜g7 34. ♖a7+ черные могут удовлетвориться ничьей — 34... ♜g8 (34... ♜f8?? 35. ♕h6+ ♜e8 36. ♖a8+ ♜e7 37. ♕g5x) 35. ♖a8+ и т.д. Но чего опасаться в случае 34... ♜f6? Неужели беспомощные на вид фигуры белых в состоянии создать серьезные угрозы?

Однако тихое 35. ♘f3!! создает сказочную позицию: неожиданно

возникла угроза мата в 4 хода (36. ♖g5+ ♜f5 37. ♖f7+ ♜g4 38. ♖f4+ ♜h5 39. ♖h4x или 38... ♜g3 39. ♖e2x), кроме того, под ударом конь на f2. Обе эти угрозы отражаются только ходом 35... ♖d3, но тогда беда приходит с другой стороны — 36. ♖e4+! ♜f5 37. ♖:d6+ ♜g4 (37... ♜f6 38. ♖f7x) 38. ♖h2+ ♜h4 39. ♖:h7+ ♜g3 40. ♖e4x! В принципе, соблазнить черные 30... ♗:h3+?, и партия могла бы в обоюдном цейтноте закончиться таким образом. Но тогда вряд ли появился бы этот комментарий...

31. ♖a2! ♗f5.

Ничего не меняло 31... ♗:h3+? 32. ♜gl.

32. ♖:d7 ♖d3.

Материально силы сторон примерно равны, но инициативой владеют черные. Грозный тандем ♗+♖ выглядит значительно сильнее, чем более многочисленная, но лишенная взаимодействия армия белых.

Понимая неизбежность материальных потерь, белые бросаются в отчаянную атаку, и черный король, до сих пор спокойно наблюдавший за ходом боевых действий, теперь сам оказывается в роли преследуемого.

33. ♗h6?!

Восклицательный знак — за смелость, вопросительный — за то, что пожертвована не та фигура! Гораздо важнее было сохранить коня d7. Механизм ♖+2♖ мог бы причинить черным немало неприятностей: 33. ♖a8+ ♜g7

34. ♖a7!, становясь в засаду. Брать слона черные обязаны — 34... ♗f2+ 35. ♜h1 ♗:d2, и после 35... ♖e5+ черный король вынужден будет отыскивать безопасные тропинки в минном поле: 36... ♜f8 (36... ♜h6?? 37. ♖g4+ ♜g5 38. ♖e4+) 37. ♖a8+ ♜e7 38. ♖a7+ ♜d8 39. ♖a8+! (вместо 39. ♖f7+?) вынуждает короля вернуться восвояси, так как нельзя 39... ♜c7? из-за 40. ♖b5+ ♜b7 (40... ♜b6 41. ♖c4+) 41. ♖a7+ с матом. Итак, 29... ♖f2+? удивительным образом (форсированно!) приводило к вечному шаху.

33... ♗:d7 34. ♖a8+ ♜f7 35. ♖h8?

Необходимо было ограничить подвижность черного короля ходом 35. ♖e4! За доской мне мерещились всякие ужасы, поэтому я собирался продолжать 35... g5!?, представляя больше простора королю. Еще сильнее 35... ♗e7!, что оставляет белых у разбитого корыта — эндшпиль после 36. ♖f8+ (безобидно 36. ♖g5+ ♜f6 37. ♖f8+ ♜e5 38. ♖f7 ♗e8) 36... ♗:f8 37. ♖g5+ ♜e8 38. ♗:f8 ♜:f8 39. ♖:h7+ ♜g7 40. ♖g5 ♜f6 совершенно безнадежен.

35... ♜f6.

Единственный, но достаточный ход. Впервые за время партии я мог спокойно вздохнуть — все страхи и опасности остались позади!

36. ♜f3?

Обычно такой зевок сопровождается двумя вопросительными знаками, но ход, сделанный

только ради хода, в сильнейшем цейтноте, не заслуживает столь суровой оценки.

36... ♖:h3+.

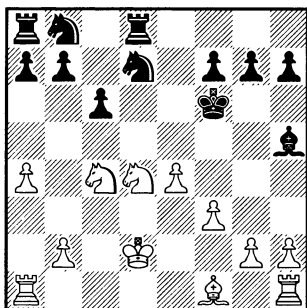
Белые сдались (Примечания Г. Каспарова).

В. Крамник — Б. Дамлянович

XVI Олимпиада

Москва 1994

Этот эндшпиль возник из славянской защиты и уже встречался на практике. Белые имеют несколько лучшие перспективы за счет некоторого территориального перевеса в центре. Черных ожидают проблемы с вводом в игру слона h5, и их решение упростить позицию не меняет ее оценки.

17... ♖c5 18. ♘c3 ♜d4 19. ♙d4 ♖b3+ 20. ♘c3 ♖a1 21. ♕e2 ♙e7 22. ♜a1 ♖d7 23. b4 f6.

Главная идея белых — маневром ♖c4–a5 атаковать пешки b7 и c6, имея в виду на ♜a8–b8 при случае реализовать геометрический мотив взаимоположения короля и ладьи ходом ♕e2–a6! с переходом в выгодный эндшпиль «ладья + пешка против пары лег-

ких фигур». Но, кажется, пока это рановато, так как после 24. ♖a4 ♜b8 король успевает перебежать на c7.

Поэтому...

24. ♜d1!? ♖b6 25. ♖a5! ♖a4+.

Черные решают раз и навсегда покончить с проблемой пешки b7, но при этом у них появляются другие пешечные слабости на ферзевом фланге. На 25... ♜b8 уже возможно 26. ♕a6, а при 26... ♖a4 точнее всего 27. ♙b3! ♖c5+ 28. bc ba+ 29. ♙c3 ♕e8 30. ♜d6 ♜c8 (к трудному ладейному эндшпилю ведет 30... ♜b5 31. ♖c6+ ♕c6 32. ♜c6 ♙d7 33. ♜d6+ ♙c7 34. ♙c4 ♜a5 35. ♙d5) 31. f4, и черным очень не просто защищаться, в то время как после 27. ♙c2 c5 28. ♕b7 ♕e8 29. ♖c6+ ♕c6 30. ♕c6 ♜b4 31. ♜d7+ ♙f8 32. ♜a7 ♖b6 черные правильной обороной все же должны спасти партию.

26. ♙b3 ♖b6 27. ♖b7 ♕f7+ 28. ♙c3 ♜b8 29. ♕a6.

Полезный маневр, после 29. ♖c5 ♜c8 30. ♜a1 ♜c7 черные успевают защитить свои слабости. К этому времени я нашупал правильную расстановку фигур. Она состоит в переводе коня на d4, слона на b3, ладьи на a5 и прорыва e4–e5, и белые начинают осуществлять свой план. Может быть, черные могли несколько затруднить его выполнение, не топчись они на месте в ближайшее время, но полностью воспрепятствовать намеченному они не в силах.

29... ♖e8 30. ♖a1 ♘d7 31. f4
 ♘b6?! 32. ♘c5 ♘d7 33. ♘b3.

Это еще сильнее, нежели 33. ♖c4 ♘:c5 34. bc ♖b7 35. e5!, и, кроме того, белым незачем уклоняться от намеченной генеральной линии.

33... g6 34. ♘d4 ♘b6 35. ♖c4!

Первоначально я планировал перевод слона на b3 через d3 и c2, но почему не воспользоваться попутной тактической возможностью: ведь слон неприкосновенен ввиду промежуточного взятия на a7.

35... ♖b7 36. ♖b3.

Кажется, все было готово к надвижению 36. e5, но черные при этом неожиданно высвобождаются — 36... c5! 37. bc ♘a4+.

36... ♖d7 37. ♖a5!

Последний штрих, наводящий полную гармонию в действии белых фигур. Теперь исключен любой тактический шанс соперника, связанный с c6-c5, и дальнейшее усиление позиции возможно как при помощи марша h2-h4-h5-h6, так и ходом 37. ♖c5 с угрозой на 37... ♘d6 ответить 38. e5+ fe 39. fe+ ♘c7 40. ♘:c6 ♖:c6 41. b5. Положение черных представляется безнадежным. Их следующий ход лишь приближает развязку.

37... ♘a8 38. ♖a4 ♖c7 39. ♖c5
 ♘b6.

Переключить часы мой соперник при этом не успел... (Примечания В. Крамника).

СТОЛБОВОЙ ДОРОГОЙ ИГРЫ

(окончание)

Мастерство художника

Оно — если верить очень тонкому, самобытному и пронизательному Фазилу Искандеру — в «умении заставить разум работать на уровне интуиции». Так писатель аттестовал Моцарта, но это — и о Смыслове. Одним из тех немногих, чьей рукой в шахматах водила рука Бога...

Никуда не уйти от воспоминаний, да это и к лучшему: они многое пополняют, проясняют. Вот и то неслыханное мое счастье относится ко времени давно прошедшему. Была тогда воистину мудрая традиция: мальчишек, пробившихся в финал российского чемпионата, «прикреплять» на время турнира к шахматистам иного, неизмеримо более высо-

кого уровня. Кому-то «дали» Льва Аронина, кому-то — Николая Новотельнова, а мы попали к самому Смыслову. Василий Васильевич приехал тогда с молодой женой (сейчас у него с Надеждой Андреевной за спиной золотая свадьба!) на Карельский перешеек под Ленинградом, жил на втором этаже удивительно изящной и уютной виллы «Снежинка», построенной «белофинским» маршалом Маннергеймом для своей любовницы, и хотя мы, шумные обитатели первого этажа, не давали ему спать ночами, очень по-доброму к нам относились. Отвечал на любые вопросы, показывал невероятное, и я впервые в жизни ощутил нечто чудес-

ное, когда «Вася» (увы, между собой мы, шахматно-нахальные пацаны послевоенных лет, только так и называли второго шахматиста планеты) за считанные секунды вынес обвинительный приговор одной головоломной комбинации с жертвой ферзя, а затем часы затратил на вариантное подтверждение своей оценки.

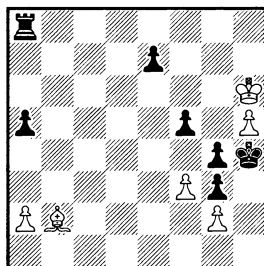
А сколько раз его рука буквально парила над доской, и фигуры, повинаясь ей, удивительным образом занимали единственно идеальные для них клетки. «Чудо, чудо» — переглядывались между собой все, кто в такие минуты находился рядом.

Впрочем, к такому Смыслов приучил шахматный мир довольно быстро. И никто уже не удивлялся, когда в начале 80-х, вступив в седьмой десяток лет, Василий Васильевич взял и стал третьим шахматистом Земли — сколько его именитых коллег в таком возрасте и за доску-то не садились.

В принципе его шахматная биография всем известна. И в общих чертах, и в деталях. Реже — да нет, просто редко — вспоминают о том, что в год окончания школы (с отличием) 17-летний Вася стал чемпионом СССР среди юношей (видимо, тогда он — осознанно или подспудно — поверил в магическую силу дядиной надписи на подаренном ему сборнике лучших партий Алехина — «будущему чемпиону», хотя кто из семилетних мальчишек не

выслушивал подобные пожелания?) и — опубликовал свой первый призовой этюд (проба пера в композиции состоялась еще парой лет раньше).

«Шахматы в СССР», 1938 4-й приз

Белые делают ничью

1. ♕f6+ ef 2. f4 ♖h8+.

Высвободить своего короля из плена черная ладья не успевает: 2... ♖b8 3. ♖g6 ♖b2 4. h6 ♖:g2 5. h7.

3. ♖g7 ♖:h5 4. a4 ♖g5+ 5. ♖h8!

Именно сюда: белые как и в пешечном эндшпиле сохраняют оппозицию. Сначала дальнюю.

5... ♖h5 6. ♖h7.

...Теперь ближнюю.

6... ♖g6 7. ♖h8 ♖h6+ 8. ♖g7 ♖g6+ 9. ♖h8.

Вновь только так: проигрывает 9. ♖h7 ввиду 9... ♖g5! 10. ♖h8 ♖h6, и белая крепость рушится — 11. fg+.

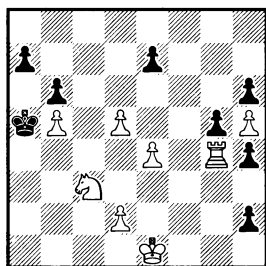
9... ♖h6.

Пат! По мнению Смылова, лучшего в мире мастера эндшпиля, этюд представляет интерес и для теории ладейных окончаний.

Примерно через 60 лет Василий Васильевич совершил то, что без доли пафоса можно назвать жизненным и спортивным подвигом, а с его точки зрения — всего лишь исполнением предначертанного в этой земной жизни. Уже практически не видя доску, он в уме создал более сотни (!) композиций: лучшие этюдисты России только переглядывались, знакомясь с ними.

«64», 1999

Белые выигрывают

Сделать белые это могут лишь атакой на попавшего в матовую сеть черного короля, которого не способен выручить даже появляющийся с шахом ферзь.

1.e5 h1♚+ 2.♘e2 ♚h2+.

Незачем сразу уходить в глухую защиту: 2...♚a1 3.♘f2 h3 4.♙a4+ ♚:a4 5.♘:a4 ♘:b5 6.d4!, и путь черному королю к белым пешкам заказан, а от 7.e6 с последующим d5-d6 спасения нет.

3.♘d1!

Именно так: король идет куда надо.

3...♚h1+ 4.♘c2 ♚a1 5.d6 h3 6.d7!

Имея в виду последующее превращение.

6...h2 7.d8♘.

Угроза мата заставляет черных расстаться с ферзем № 2 и до-

сится ко всем профессиям, а конкретно в шахматах определяется тем, насколько быстро и верно шахматист может составить план целесообразных действий. Конечно, тут многое зависит и от обучения, надо уметь работать, но все же есть тут прямая зависимость от той программы, которая заложена в человеке и которую он может реализовать полностью. Тот, кому суждено стать чемпионом мира, — человек, идущий на таран. Он не думает о будущем, он ощущает зов судьбы и исполняет свой долг. Ему сопутствует удача.

Если же задуматься, почему не все талантливые шахматисты становятся чемпионами мира, то — это судьба. У каждого есть свое предназначение, и если провести параллели, например, с музыкой или литературой, то и там далеко не все таланты сумели прозвучать подобно Шекспиру, Пушкину или Моцарту. Тут очень долго надо было бы все анализировать, взвешивать... Судьба! Кстати, в свое время Михаил Моисеевич Ботвинник сравнивал Капабланку с Моцартом — по общей тональности их талантов. Да, здесь просматривается, чувствуется определенное предназначение. Поэтому когда я думаю о Бронштейне или же о Решевском, или о Кересе — выдающихся шахматистах, достойных быть чемпионами мира, то убежден, что для этого не было предназначения.

Каждый имеет путь, по которому должен пройти.

Причем человек может не ощущать своей предназначенности, даже заниматься другим делом — об этом есть в одном из рассказов Марка Твена. Так что и среди шахматистов, возможно, есть такие, которые достигли бы высот в иной области. Наверное, есть и наоборот. Но в любом случае шахматами нужно заниматься фанатично, отдавать себя целиком, всего себя посвятить, изучить очень многое — и только тогда может открыться предназначенное, только тогда талант может почувствовать себя.

Я тоже был фанатиком шахмат. В юные годы дни и ночи проводил за доской, изучал все, что было создано, все этапы и зигзаги теории, шахматной истории. Мои познания были энциклопедическими. И потом уже — тоже часами, с огромной интенсивностью — занимался музыкой. Это две области, которые мною владеют. Музыка давала мне и отдых, и особое состояние духа, и возможность эмоционального общения с людьми (шахматы — все же больше борьба). Наверное, поэтому я никогда и не отказываюсь петь, если об этом просят, — в отличие от других музыкантов, которые (со смехом) более профессиональны, чем я.

Шахматы требуют определенной собранности. Мой друг Григорий Яковлевич Левенфиш как-

то сказал, что нельзя выиграть партию, ничего не пережив. Ни одна победа не приходит легко, особенно если играешь с хорошим партнером. Когда она еще и отвечает требованиям искусства — тогда ее ценишь особо. Хотя это не каждый день случается! В свою книгу я поместил только десятую часть того, что довелось сыграть. И сейчас еще удаются партии гармоничные, цельные, но их меньше, чем в период расцвета...

Есть шахматисты, которые во время игры видят в партнере врага. У меня даже были срывы во встречах с теми, кто меня раздражал собственным настроением на ненависть. Это как-то лишало душевного покоя, но я очень быстро понял: к сопернику надо относиться ровно. И если он явно демонстрирует свои недружелюбные чувства, то мне надо найти в себе силы, собраться, сохранить спокойствие и гармонию в душе и игре. Помимо свойств своего характера, я достиг понимания того, что зло — это бумеранг, который всегда возвращается к человеку. По сути я даже получил такое откровение, что и в мыслях не могу пожелать кому-нибудь плохое. Это не значит, что я одинаково расположен к каждому, но что касается вот этой области — здесь и в мыслях я очень сдержан.

С тем и живу. В свое время более интенсивно боролся — особенно в соревнованиях на пер-

венство мира, лучше и больше готовился. Сейчас, к сожалению, у меня нет возможности изучать теорию в необходимом объеме, но если бы возникали соображения о такой подготовке, то, вероятно, можно было бы мобилизоваться и достичь большего. Но очень ли я стремился к победе или нет — всегда к игре относился корректно и рассматривал партнера только как человека, вместе с которым мы создаем содержательную партию. Потому что если думать только о спортивном результате, это отражается и на качестве вашей игры, и — в конечном счете — на всей шахматной карьере. Душа человека проявляется в его творчестве. Это утверждали многие философы прошлого, в частности, Владимир Соловьев, и поэтому творческое содержание партий не безразлично для меня. Что удалось мне в жизни создать, тому и посвятил последние свои работы — «Летопись шахматного творчества», «Искусство эндшпиля» и «Наука побеждать» — лучшее, что сделано с 1935 года, когда я начал выступать, и до недавнего времени. Хотя с момента завершения книги кое-что новое появилось. Жизнь ведь непрерывна, порой не успеваешь замечать, как годы идут и один турнир появляется за другим, и один не похож на другой. Но, безусловно, поединки с Ботвинником занимают главное место в моей жизни. И, пожалуй, второй глав-

ный момент — это когда я четверть века спустя играл новые претендентские матчи на первенство мира и стал третьим. Было ли это счастьем? (Пауза.) Чувство счастья — это когда нет несчастья. Я помню, как-то выступал в Днепропетровске, и там задали вопрос: как вам удастся довольно успешно играть после шестидесяти лет? Я ответил, что очень важно хорошее настроение. В зале присутствовал ректор университета, крупнейший ученый, академик, и мне потом рассказали, что он поделился услышанным со своими коллегами и добавил: «Совет превосходный, но как его реализовать?!» Да, жизнь порой дает нам более трудные испытания, чем мы в состоянии выдержать, как бы проверяет человека на прочность, и у человека (а я занимался вопросами теологии) есть жизненный цикл, который он должен исполнить, должен пройти. И тогда он может получить некоторое продление лет, которое позволяет ему в настоящей жизни сделать еще то, что хотелось бы, что дополнило бы его сущность. Тогда человеку удастся еще какое-то время активно выступать, активно жить. И стараться более высоко реализовать себя. Удастся это ему или нет за весь свой земной путь — всяко бывает. Ведь чередование успехов и неудач — обычное явление. В этом есть даже какой-то философский смысл: чтобы человек не думал, будто все постиг,

и чтобы всегда стремился к полной отдаче. А если он поверит, что достиг высот — тогда неизбежно начинается хаос. В конце концов главная цель жизни — познание. Познание Бога, проще говоря...

Конечно, испытания на жизненном пути неизбежны. Мне самое трудное выпало с глазами, когда я утратил зрение настолько, что, скажем, не мог сесть за руль машины, к чему привык за долгие годы. Но пока вижу фигуры на доске и могу играть — за это благодарю судьбу. Вот если бы еще была у меня группа поддержки... Сейчас ведь очень многие шахматисты пользуются компьютерными данными, получая от этого серьезный выигрыш. Хотя отчасти такая помощь, может быть, обедняет их собственный творческий потенциал, поскольку первоначальная заданность оставляет им меньше возможностей для борьбы за доской.

Что же касается попыток «освободить» шахматы от накопленного багажа, реформировать их в «шахматы Фишера», «кинг-чесс» и так далее, то...

Я с уважением отношусь к Фишеру, его манере мышления, но сам предпочитаю шахматы только классического направления. Они себя еще далеко не исчерпали, поскольку так и нет математического анализа теоремы «Белые начинают и выигрывают». Или — не выигрывают. Это фор-

мула не получила пока своего логического завершения и вряд ли получит, а значит — можно играть! Тем более что эта игра под стать человеческой сущности — поиск, ошибки... И шахматист должен соответствовать шахматам. В том числе и внешним видом. Ведь мы на эстраде, а она обязывает. Нахождение на сцене — это всегда соблюдение определенного ритуала. Для певца — строгость в облике еще большая.

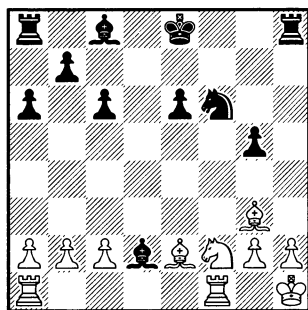
Конечно, в обиденной жизни я к своему виду менее строг. Особенно на природе — там чувствуешь себя более свободно и раскованно. Раньше я очень любил и много ходил на лыжах, собирал грибы, пока позволяло зрение, и сейчас с удовольствием плаваю, но все же сегодняшняя близость к природе зависит от общего состояния. Раньше выбираться удавалось чаще.

И красному вину я теперь отдаю предпочтение. Оно как-то лучше согревает грудь, дает голову лучшее состояние, чем все остальные напитки. А в еде меня устраивает все, что подается на стол: ведь Надежда Андреевна — прекрасная хозяйка...»

Примеров мастерства этого художника — за 60 лет в Больших шахматах — накопилось великое множество. И во всех красной нитью проходит удивительное чувство взаимодействия фигур, ведущее к Гармонии: помните — «разум на уровне интуиции»...

В. Смыслов — Ю. Разуваев
I лига первенства СССР
Одесса 1974

У черных слабые пешки е и g, но чтобы воспользоваться этим, надо было учуять главного врага в... черном коне и ради этого расстаться с парой слонов. Далее — краткие до скупости примечания самого Смыслова.

19. ♖e5 0-0 20. ♖f6 ♖f6
21. ♘e4!

«Конь занял ключевое поле e4. Теперь материальные потери для черных неизбежны.

21... ♖f1+ 22. ♖f1 ♖f4 23. g3
♖e5 24. c3 ♖d7.

Наконец-то черным удалось развить слона с8, но теперь теряется пешка g5.

25. ♖:g5 c5.

На 25... ♜f8 могло последовать 26. ♜d1, и если 26... ♜f2, то 27. ♙h5 с решающим перевесом.

26. ♙g4 ♜d8 27. ♖g1!

Пешка e6 не уйдет. Белые отражают угрозу проникновения ладьи противника на вторую горизонталь. Например, 27. ♙:e6+ ♙:e6 28. ♖:e6 ♜d2.

27... ♙c6 28. ♖:e6 ♜d2 29. ♜f8+ ♖h7 30. ♙f5+ ♖h6 31. ♜f7.

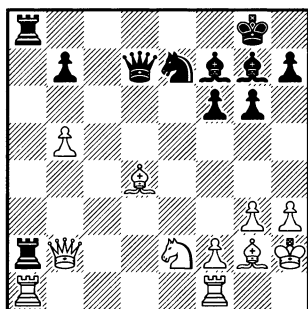
Белые не только выиграли две пешки, но и создали матовую сеть, разрушение которой приведет к безнадежному для черных упрощению игры.

31... ♜d7 32. ♜:d7 ♙:d7 33. ♖d8. Черные сдались. На 33... ♙f5 последует 34. ♖f7+».

А вот здесь и соперник был более грозный, и именно в защите с контратакой особо искушенный. Тем не менее...

В. Смыслов — В. Корчной

Спартакиада народов СССР
Рига 1975

34. ♖h7+ ♜e8 35. ♙e5 ♚e6
36. ♚e3 ♜f7 37. ♖h4 ♜d8 38. ♙f6
♜d6 39. ♙:e7.

Наиболее простое решение. Белые, имея лишнюю пешку, продолжают атаку.

39... ♙:e7 40. ♖h8+ ♜f8.

На 40... ♜d7 выигрывает 41. ♖b8.

41. ♖e5.

Централизация ферзя. Нельзя теперь 41... ♜f6 из-за 42. ♖:f6 ♜f6 43. ♜d5.

41... ♜f7 42. ♜d5 ♙d8 43. h4 ♜g8 44. h5. Черные сдались. На 44... gh последовало бы 45. ♜f3.»

Философия ограничения

Давным давно выпуская книжечку — скорее даже брошюру — к матчу 1969 года между тогдашним чемпионом мира Тиграном Петросяном и претендентом Борисом Спасским, я включил в нее «эскизы к портрету» обоих участников. Неожиданно для автора очерк о Петросяне зажил самостоятельной жизнью: его перепечатали несколько зарубежных изданий, он попал в книгу из знаменитой «большой черной серии» издательства «Физкультура и спорт» — «Выдающиеся шахматисты мира». Пусть и здесь он откроет разговор о IX чемпионе мира, которому в жизни судьба и передала, и — недодала...

* * *

Подчас очень трудно узнать человека. Потому что стеснительность порой можно принять за замкнутость, а силу — за флегматичность. Слова о собственной суеверности иногда скрывают за собой повышенную мнительность, а лихое «действие» — полную растерянность. Но если че-

ловек и говорит, и ведет себя, и делает все «синхронно» — ошибки здесь быть не может. И становится правомерным разговор о той «философии», которую он, человек, исповедует.

Тигран Петросян придерживается «философии ограничения».

Если вы не верите, понаблюдайте за Тиграном сами. Хотя бы во время заседания, когда ему очень хочется встать и с типично южным темпераментом возразить докладчику. Но он открыто сдерживает себя, говорит кратко, дельно, добавляя лишь малую толику эмоций. Можно, конечно, отнести это за счет внутренней воспитанности, не позволяющей, например, перебить выступающего. Это будет верно, но неполно. За сдержанностью Петросяна — философия ограничения.

Она руководит Петросяном и в шахматах. Вспомните: он один из сильнейших в мире «блицевальщиков». За пять минут, которые отпускаются на всю партию, он видит не меньше Таля, Бронш-

тейна, Васюкова — признанных тактиков, специалистов по неожиданному, замаскированному ударам. Когда ему навязывают тактическую борьбу, в которой фигуры соперников порой причудливо переплетаются и подолгу стоят под боем, он подмечает многое и считает так далеко, как этого требует позиция. Нечто подобное случается и тогда, когда его «загоняют в угол». Тогда Петросян обретает безошибочный удар и мощный прыжок тигра. И огромное упорство в защите, отступление по миллиметру, тактика нивелирования инициативы противника может трансформироваться в самый неожиданный контрвыпад. Но пока инициатива у Петросяна, прыжков он совершать не любит. Не — не может — а не любит. У него в архиве немало прекрасно проведенных атак,

жертв, комбинаций. Кстати, сам он весьма требовательно относится к их оценке, и когда за комбинацию против Быховского на одном чемпионате Москвы ему был присужден приз за красоту, Петросян искренне пожал плечами:

— Я бы за такую партию приза не давал...

Атаки в его практике — скорее исключение из правил. Правилom для него, по выражению Эйве, является стремление задушить противника так, как питон душит свои жертвы, охватывая их мертвыми кольцами стальных мышц. Быть может, кому-то сравнение, употребленное Эйве, не покажется уместным. Тогда стоит вспомнить хотя бы Джозефа Редьярда Кипплинга, который в книге о Маугли львиную долю своей симпатии отдал могучему, мудрому, верному питону Каа...

Выиграв трудный, напряженный матч на первенство мира 1966 года у Спасского, Петросян сам определил свои творческие воззрения: «Ограничение возможностей соперника, стратегия игры на всей доске, окружение и постепенное сжатие кольца вокруг неприятельского короля». Видите, и здесь «ограничение». Но ограничить игру противника нельзя без того, чтобы не ограничить и свою игру. Петросян идет на это. Не кавалерийская атака Таля под девизом: «Шашки наголо!», не артподготовка Ботвинника по заранее пристрелянным целям, но методичный са-

перный подкоп под самые устои осаждаемой крепости. И очень часто, когда сапер Петросян с точностью до микрона подводит свою взрывную галерею под пороховой склад неприятеля, шахматы обогащаются новым образцом прекрасного позиционного творчества.

Таково кредо Петросяна. Стоит ли поэтому удивляться, что проигрывает он «раз в год по обещанию»? Подмечено это было давно, тогда же журналисты прозвали Петросяна «железным Тиграном» и... начали доискиваться, в чем дело? Один из них вывел заботу Петросяна о собственной безопасности из трудной юности нынешнего чемпиона мира, из тех суровых жизненных испытаний, сквозь которые пришлось пройти пятнадцатилетнему перворазряднику Тиграну. Согласиться с этим — значит не понять сути шахматного творчества Петросяна.

Его забота о безопасности основывается на иных факторах. Во-первых, он слишком много видит... за противника. Находит за того такие защитительные или атакующие возможности, о которых партнеры подчас и не догадываются. Во-вторых, найдя, начинает их ограничивать в полном соответствии со своими творческими убеждениями. И в процессе такой вот борьбы с самим собой приходит зачастую к позициям, мирное разрешение которых практически неизбежно.

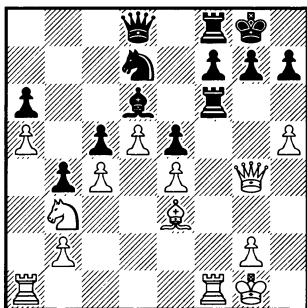
Это оставляет многие интересные возможности, найденные Петросяном, за кадром, но зато обеспечивает высокую степень надежности его игре. Петросяна можно подчас удивить, можно даже ошеломить, как он признавался однажды в примечаниях, неожиданным ходом, но выбить его при этом из седла очень трудно. Правда, прежде, «избалованный» редкими поражениями, он не очень хорошо «держал удар», и однажды, на первенстве страны 1957-го года это стоило ему золотой медали чемпиона. Но прошло несколько лет, и в матче за корону со Спасским поражение в девятнадцатой партии и возникшее равновесие в счете не подействовали на него деморализующе.

Умение сдерживать собственные эмоции сослужило Петросяну добрую службу. Следующую партию он играл как ни в чем не бывало.

Он матчевый боец. Еще до того, как Петросян стал чемпионом мира, о нем говорили: «Если завоюет корону, то легко ее не отдаст». В самом деле, в матчах нет той сумасшедшей гонки, которую задают в турнирах шахматисты, балансирующие на краю пропасти. В матче важно, в первую очередь, не проигрывать, а один, другой, третий выигрыши придут «сами по себе». Именно в единоборстве особенно к месту приходится то обостренное чувство опасности, которое выросло из петросяновской философии

ограничения. Это чувство очень редко изменяет ему, зато часто позволяет создавать удивительные по своей неожиданности партии.

Одну из них забыть невозможно. С **Талем**, из чемпионата страны 1958 года в Риге. Петросян почувствовал зарождение бури там, где, казалось, клубились только легкие белые облака, и жертва качества, предложенная им, была превосходна. Вместе с лишним материалом на Таля обрушилась буря, которую тот готовил «ближнему своему».

Позиционный перевес белых определяется многими факторами. У них защищенная проходная в центре, заблокирован ферзевый фланг, где мог бы затеять контригру соперник, легкие черные фигуры прикованы к пешке с5. Но главное — белые готовят атаку на неприятельского короля. Поэтому напрашивается 31...♖h8, чтобы устранить вполне конкретную угрозу 31.g5 ♖:f1+ 32.♗:f1 ♔c7 (32...f6 — 33.♕e6+) 33.♕h6 с выигрышем качества, но...

31...♗f4!

Не только нарушая материальное равновесие, но и идя, казалось бы, навстречу устремлениям белых.

32.♕:f4.

Приняв жертву, белые лишаются преимущества. Фигуры черных получают блокадные поля и заметно активизируются. Пожалуй, белым стоило отказаться от предложенного «на ровном мес-

Нарды — тоже гроссмейстерская игра... Соперники в прямом и переносном смысле Игорь Бондаревский и Тигран Петросян

те» качества и ограничиться более скромным 32. ♖:f4 ef 33. ♕:f4 с возможным далее 33... ♖e5 34. ♖g3 ♖:c4 35. e5 или 33... ♖f6 34. ♕:d6 ♖:d6 35. ♖f1.

32... ef 33. ♖d2 ♖e5 34. ♖:f4 ♖:c4 35. e5 ♖:e5 36. ♖e4 h6 37. ♖ae1?

Белые не почувствовали, что у черных все готово для перехода в контратаку и что слон d6 вот-вот будет стоять больше белой ладьи. Еще не поздно было удержать равновесие, отказавшись от мысли о наступлении на королевском фланге и избрав упрощающее 37. ♖:d6 ♖:d6 38. ♖fe1 f6 39. ♖ad1. Теперь же черные создают многочисленные угрозы.

37... ♕b8 38. ♖d1.

Запоздалое признание ошибки: грозило 38... ♖d3.

38... c4 39. d6 ♖d3 40. ♖g4 ♕a7+ 41. ♕h1.

После записанного хода 41... f5 белым лишь с помощью партнера удалось отразить начавшуюся контратаку, причем материальный перевес вскоре был уже на стороне черных:

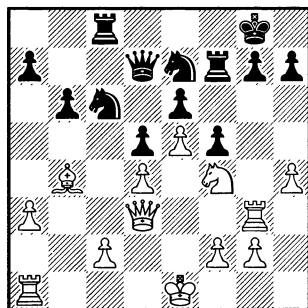
41... f5 42. ♖f6+ ♕h8 43. ♖:c4 ♖:b2 44. ♖:a6 ♖:d1 45. ♖:a7 ♖:d6 46. ♖d7 ♖:f6 47. ♖:d1 ♖b8 и т.д.

Если бы существовал обычай помещать на визитные карточки гроссмейстеров наиболее характерную для них партию, Петросян именно на этой мог бы остановить свой выбор. Хотя в теорию миттельшпиля Петросян

вообще вошел именно таким, фирменным приемом.

В. Горт — Т. Петросян

Командное первенство Европы
Капфенберг 1970

Нешаблонно разыграв французскую защиту, белые готовят к решительной атаке на короля. Пассивная защита типа 18... ♕h8 оставляла за белыми серьезную инициативу: h4-h5, ♕e1-d2, ♖a1-h1 с угрозой ♖f4-g6 и т.д. Поэтому экс-чемпион мира переходит в контрнаступление, частью которого является жертва качества.

18... ♖d8!

Освобождая путь черной ладье на c4, чтобы затем при поддержке коня с c6 начать расшатывать устои белых по 4-й горизонтали.

19. h5 ♖c4 20. h6 ♖ec6 21. ♖h5.

Обе стороны последовательно, не теряя времени, осуществляют свои планы. Сейчас белые создали любопытную, хотя и прозрачную угрозу: на 21... ♖:d4 последовало бы 22. ♖:g7+ ♖:g7 (22. ♕h8 — 23. ♖g3) 23. ♖f6+ ♕h8

24. ♖:d7, и после 24... ♜:d3 белые в промежутке возьмут с шахом ладью на g7.

21...g6 22. ♖f6+ ♜:f6.

На этом базировался весь план контратаки: черные пешки в центре обретают подвижность (e6-e5!) и в опасности оказывается «голый» король соперника.

23. e4 ♖f7.

Возможно, конечно, естественное 23... ♖:d4, но ведь и теперь в случае 24. c3 e5! атака черных вспыхнет как лесной пожар.

24. ♜d2 ♜:d4 25. ♜d3 ♜h4 26. ♜h3 ♜g4 27. ♖f1 ♖d6 28. ♜e1 ♖f7 29. ♖c3 ♖e4 30. ♜d3.

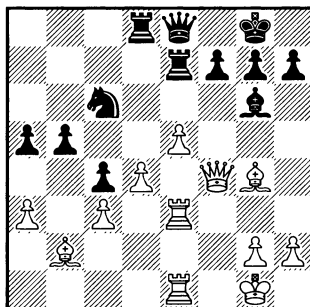
Если 30. ♜e2, то 30... ♜f4! Строго говоря, дальнейшие комментарии просто не нужны. Невооруженным глазом видно, как многого добились черные за качество. Даже неторопливая игра принесла им победу на 48-м ходу.

Нет, не случайно юный еще Тигран клал под подушку классический труд Арона Нимцовича, до 1917-го жившего в России, а затем в Швеции с Данией. Так делали многие, но только Петросян как бы «овеществил» открытые его великим предшественником элементы Игры, причем так ярко, так убедительно, что была видна удивительная органичность всего происходящего для его неповторимого, непонятого даже великим аналитиком М. Ботвинником, стили.

С. Решевский — Т. Петросян

Турнир претендентов

Цюрих 1953

Подвижный пешечный центр белых, возможность атаки на короля путем хотя бы h2-h4-h5 и ♜e3-g3, а также два потенциально грозных слона (если черные продолжит поиск контригры с помощью намеченного b5-b4) заставляют отдать явное предпочтение позиции белых. Однако выясняется, что у черных в запасе иной план с жертвой качества. Базируется он на чисто защитительном приеме — блокаде.

25... ♜e6!!

Именно так! Освобождая для коня поле e7 и, следовательно, путь на d5, черные получают богатую игру. Усиливает их возможности еще и то обстоятельство, что без своего белого оппонента резко выигрывает в мощи черный слон g6.

26. a4.

Белые пытаются еще спровоцировать 26...b4 с тем, чтобы ответить на это 27. d5 ♜:d5 28. ♖:e6

fe 29. ♖:c4, но Петросян не уклоняется от намеченного плана.

26... ♛e7 27. ♕:e6 fe 28. ♖f1.

Не спуская глаз с пешки c4 и предусмотрительно подготавливая возврат качества за пешку. На 28. ♖f2 неприятно было бы 28... ♛d5 29. ♖f3 b4, и инициатива черных может стать весьма опасной.

28... ♛d5 29. ♖f3 ♕d3 30. ♖:d3 cd 31. ♖:d3 b4.

Конь настолько сильнее слона, что отсутствие у черных пешки совершенно не ощущается. Так как попытка прогнать коня — 32. c4 ♛b6 33. ♖c1 ♛:a4 34. ♕a1 ♖c6 или 33. d5 ed 34. c5 ♛:a4 35. ♕d4 ♖c8 36. ♖f3 ♖e6 — вела к тому, что белые пешки блокировались, а черные оказывались грозной силой, Решевский избрал

32. cb,

что привело к ничьей:

32...ab 33. a5 ♖a8 34. ♖a1 ♖c6 35. ♕c1 ♖c7 36. a6 ♖b6 37. ♕d2 b3 38. ♖c4 h6 39. h3 b2 40. ♖b1 ♕h8 41. ♕e1.

И в момент соглашения на ничью (после домашнего анализа), несмотря на отсутствие пешки, на стороне черных небольшой позиционный перевес, но реализовать его вряд ли возможно.

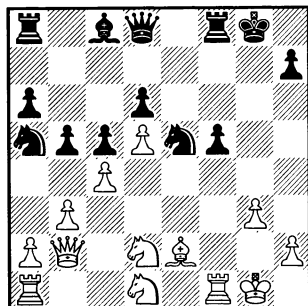
И в этой партии он от защиты через жертвы сумел перейти в нападение.

Т. Петросян — Б. Спасский

Матч на первенство мира

10-я партия

Москва 1966

19...f4! 20. gf ♕h3?

Простое 20... ♖:f4 позволяло после 21. ♛e3 ♖g5+ 22. ♕h1 ♖:f1+ 23. ♛d:f1 ♖a7 сохранить все выгоды своей позиции.

21. ♛e3! ♕:f1.

Теперь уже после 21... ♖:f4 22. ♖:f4 ♖g5+ 23. ♖g4! ♛:g4 24. ♛:g4 ♕:g4 25. ♕:g4 ♖:g4+ 26. ♕h1 ♖d4 27. ♖g1+ ♕h8 28. ♖:d4 cd 29. ♖g4 преимущество в эндшпиле на стороне белых.

22. ♖:f1 ♛g6 23. ♕g4 ♛:f4?

После 23... ♖f6 24. ♕e6+ ♕h8 25. ♖:f6+ ♖:f6 26. f5 черные могли еще сопротивляться.

24. ♖:f4! ♖:f4 25. ♕e6+ ♖f7 26. ♛e4.

Два лишних качества не могут спасти черных. В случае 26... ♖a7 27. ♛f5 ♖f8 28. ♖f6 у них нет ни одного полезного хода.

26... ♖h4 27. ♛:d6 ♖g5+.

В варианте 27... ♖e1+ 28. ♕g2 ♖:e3 29. ♕:f7+ ♕f8 30. ♖h8+ ♕e7 31. ♛f5+ ♕:f7 32. ♖g7+ и 33. ♛:e3 черные оставались без ферзя.

28. ♖h1 ♔a7 29. ♕:f7+ ♚:f7
30. ♗h8+!

Заключительный выпад «почти максимальной длины»! Черные сдались: они теряют практически все.

Да, он прирожденный матчевый боец, но наделен еще и огромной интуицией. Как вы думаете, почему три года назад, выиграв у Спасского, Петросян в нарушение традиций не написал книгу об этом матче? Конечно, он был занят подготовкой кандидатской диссертации (которую защитил недавно, в конце 1968 года), но мне кажется, дело не только в этом. Он предвидел, что его наиболее вероятный следующий соперник — вновь Спасский, и свое понимание претендента с полным на то основанием оставил «при себе». Восполняя не совсем достаточную турнирную практику последнего времени, Петросян вместе со Спасским отправился в Пальма-де-Мальорку, шуточно (но в каждой шутке — доля правды) сказав: «Буду следить за игрой Спасского». Потом он обратил самое пристальное внимание на те причины, которые привели Корчного к поражению в финальном матче претендентов со Спасским.

То есть Петросян готовится. Ограничив (а может быть, и страхнув) чувства, вызванные отдельными неудачами в турнирах минувшего трехлетия, он вновь настраивает себя на самое важное для шахматного мира состязание.

И на сцене театра эстрады мы, вероятно, увидим его прежним: предельно сосредоточенным, сдержанным в жестах, эмоциях, действиях. Готового вновь осуществлять свою стратегию: «Ограничивать возможности соперника, вести игру на всей доске, окружать и постепенно сжимать кольцо вокруг неприятельского короля...»

* * *

В наши дни гроссмейстер Юрий Авербах вдруг вспомнил в печати этот очерк — в Москве шел мемориал Петросяна, собравший едва ли не все звезды его «звездного времени» — и... решил с чем-то не согласиться. Что ж, каждый имеет право на собственное мнение, видение и, как следствие, на собственное суждение. Я остаюсь при своем, имея союзника первостатейного. Когда Тиграну Варгановичу перед тем, 1969-го года матчем, попала в руки брошюра, он прочел очерк о себе, характерными движениями приподнял брови, повернул голову и спросил, прямо скажем, не по-чемпионски: «Кто это Дамскому все рассказал?» Только разве со слов пациента или его близких ставят диагноз врачи? Им нужны кардиограммы, рентгеновские снимки, анализы — в шахматах все это заменяет запись сыгранных партий. Да и кто мог что рассказать, если из великих шахматного мира сего мне выпало счастье дружить с

Талем, Полугаевским, Геллером, плотно общаться со Спасским, Ботвинником, Смысловым, сначала приятьствовать, а затем враждовать с Корчным и — сохранять полный нейтралитет с Петросяном. Скажем, как Канада с Новой Зеландией: размещены на одной планете, но между ними — океан...

Да нет, в шахматах именно таким он и был. Скорее всего, в «быстрых шахматах» 90-х годов XX века — обрел бы несколько иной шахматный почерк, хотя известную формулу «стиль — это характер» я слышал из его уст не раз и не два (слово «стиль» он произносил своеобразно: очень много звука «с» и совсем чуть-чуть — звука «т»).

Чем же переобогатила его судьба? В первую очередь — женой. Вообще супруги гроссмейстеров старшего поколения — это своеобразная когорта дам, выделяющих себя из сонма других жен (тем же, правда, славятся супруги академиков, высшего генералитета, народных артистов и — чисто советская категория — партийных бонз от второго секретаря обкома КПСС и далее по восходящей) повышенными возможностями, интересами и — связями. Рона Яковлевна и в этом кругу стояла наособицу. Умна — донельзя, предприимчива, деятельна. Даже обязательные на этом уровне интриги плела так, что залюбуешься, даже если душой их и не приемлешь. Не

случайно о ней в «хорошо осведомленных шахматных кругах» говорили: «Она сделала Тиграна чемпионом, она и сняла его с трона». Первая часть «формулы» в комментариях не нуждается, вторая часть имела в виду то, что к повторному своему матчу за корону Петросян оказался в неладах или, по меньшей мере, в натянутых отношениях со многими из тех немногих, кто действительно способен помочь в матче на высшем шахматном уровне. Те, естественно, помогали не ему...

И еще судьба помогла ему родиться армянином. То есть как бы представителем не слишком-то многочисленного в СССР народа, но — имеющего свою Советскую союзную республику. И ЦК КПСС, назначая своих наместников (в виде вторых секретарей «малых ЦК»), все же вынужден был во имя «нерушимой дружбы братских народов» не только заигрывать, но и порой даже считаться с настроениями «на местах». А там, ощущая все же свою зависимость от Центра, рады были любому проявлению национального духа, любой возможности заявить о себе: в музыке, мастерстве или науке, количеством Героев Советского Союза или героев спорта. И когда Петросян стал 9-м в истории шахматным королем, Армения возвела его в ранг божества. Искренне, от души и — щедро. Сто тысячная площадь восторженно

встретила Тиграна и Рону в Ереване, пустила шапки по кругу — и к ногам потрясенного чемпиона вместе с миллионом цветов лег миллион советских рублей — в то время в огромной стране *официально* ни у кого таких денег не имелось. Это обеспечивало уже не только саму жизнь, но — кое в чем — и право устраивать ее по собственному желанию. Даже в рамках, устанавливаемых большевистским режимом...

Недодала же судьба Петросяну еще больше. В шахматном отношении — непонимание многих. У Куприна есть фантастический образ циркача, который разбегался по арене с двухпудовыми гириями в руках и, бросив их и став чуть ли не вдвое легче, взлетал в воздух, побеждая земное притяжение. «Знатоки вопили от восторга, публика оставалась равнодушной» — эта ключевая реплика писателя, верно понимавшего психологию масс, полностью применима и к творчеству Петросяна. Жертвы, конечно, есть, даже ферзя — но... мало. Ничьих — много. И первых мест — не в избытке, хотя четыре золотые медали чемпионатов СССР — это вам не баранчихнул. Все же любители шахмат жаждали блеска, а Петросян предлагал им — и соперникам в первую очередь — глубину. Таковую, что порой она оставалась никем не разгаданной. Не случайно Ботвинник, именно Петросяну отдавший корону, назвал

его «левой» после того, как в их матче не смог предвидеть большинство ходов претендента.

И еще судьба обделила Петросяна — жизнью. Он умер слишком рано — в 55, сгорев менее чем за год от тяжелой, очень тяжелой болезни. После первой операции, сделанной его другом и одним из лучших хирургов страны, была еще надежда: если через полгода метастазы не появятся — еще 10 лет жизни обеспечено. Они появились. Буквально накануне нового выступления Петросяна за сборную СССР в «Матч-реванше века». Кто знает: не было ли все это следствием того удивительного совпадения, которое, как библейское «Mene, Tekel, Fares», не смогли прочесть и понять: с королевским тронном Петросян расстался в день своего сорокалетнего юбилея. Когда он шел сдавать отложенную партию, Рона Яковлевна исходила горячими слезами. Тигран Вартанович же, по обыкновению, слушал пластинку Бетховена...

И хотя это хорошо известно, но обойти молчанием просто грешно: он сделал для шахмат и шахматистов непомерно много. Пусть и не сам строил тот клуб, что ныне носит имя Петросяна, но «выбить» ему место, получить разрешение у советской власти на том конкретном этапе жизни мог лишь он один. Возобновить издание первой в мире шахматной газеты «64» —

это тоже лишь ему с его мощнейшими связями в ЦК было под силу. Хотя надо воздавать не только Богу богово, но и дьяволу дьяволову: с подачи его и его окружения Шахматная федерация СССР *сама* отправила властям письмо с согласием на закрытие единственного и серьезного конкурента — газеты «Шахматная Москва». Что ж, вы помните слова Спасского: «Мы не святые». Это — и о Петросяне тоже.

...На его мемориал-99 (чемпиона мира — «эль мундо», как звал его на испанский лад все тот же Спасский в тех случаях, когда не звал его Дартаньянычем — уже четверть века не было с нами) приехали Смыслов и Спасский, Ларсен и Глигорич, Портис, Ивков и Горт, Тайманов: с ними он сражался, общался, жил в шахматах, и без них нет шахматной истории 60-х — 70-х годов. В первую голову, нет ее без Тиграна Петросяна.

Дурак... Святой... или Страсти по Фишеру

Летом 58-го он в первый и последний раз приехал в Москву. Собирался, понимая всю ее значимость в мире шахмат, годом раньше, но — денег не было. На сей раз стал гостем Советской шахматной федерации: с просьбой об этом обратилась его мать, женщина незаурядная, владевшая шестью языками и в одиночку воспитывавшая дочь и сына; к слову, хотя шахматы вошли в жизнь с подачи сестры, именно мать задала этому увлечению профессиональную направленность.

Для наших гроссмейстеров — и их руководителей — он был тогда некоей экзотической личностью, в 14 лет ставшей «взрослым» чемпионом США (соперники были не из слабых!), в неполные 15 — гроссмейстером

(мировой рекорд по тем временам; поочередно его улучшали француз Этьен Бакро, венгр Петер Лeko, донецкий мальчишка Руслан Пономарев, получивший это звание — правда, в наши дни резкой девальвации международных шахматных званий — в 14 лет и 17 дней от роду, 12-летние Сергей Карякин, Магнус Карлсен...) и уже эпатировавшей всех многими своими делами и мыслями (бросил школу и назвал всех учителей дураками, потому что они не способны усилить его шахматную игру). «Почему бы и не приласкать звереныша — на всякий случай?» — так или примерно так считали в момент некоторой политической оттепели чиновники со Старой площади (где находился ЦК КПСС) и Скатерного

переулкa (где в ту пору теснился Госкомспорт СССР), и подростка вместе со старшей сестрой несколько дней привечали в Центральном шахматном клубе, лишь недавно, к Всемирному фестивалю молодежи и студентов в Москве (пропагандистским акциям, шедшим под лозунгами «За мир и дружбу между народами», придавалось значение первостепенное, хотя такую немыслимую «полицейскость» я видел еще лишь раз — во время XXII Олимпийских Игр в нашей столице летом 1980-го), выпаранном у властей — «в подарок советским шахматистам».

Серьезные партии с ним играть не стали: только блиц. И побили его — кроме корифеев Тиграна Петросяна и Евгения Васюкова — совсем даже неизвестные на Западе наши мастера: Анатолий Лутиков, Рашид Нежметдинов... Видимо, что-то в юном сознании эта встряска изменила — по части ма-а-а-ленькой коррекции своего места в мире шахмат: уверенность в неминуемом восхождении на трон, впрочем, осталась. И когда именно во время своего московского визита узнал, что конгресс ФИДЕ присвоил ему звание международного мастера, отреагировал соответственно: «Могли бы сразу присвоить гроссмейстера!...»

Что любопытно: почти полтора десятка лет спустя, во время матча претендентов в Ванкувере, он походя показал гроссмейстеру Васюкову сыгранные им тогда, в Москве, «пятиминутки». Были бы рядом тогдашние его соперники — и им, наверное, показал бы...

И еще: сколько же неприятностей, порой даже трагических, доставил он людям!

Взял и обыграл нашего гроссмейстера Тайманова в матче претендентов на мировую шахматную корону с каким-то фантастическим, прямо-таки теннисным счетом 6:0, и руководитель советской делегации на той корриде, тоже гроссмейстер, понав, что и ему достанется на оре-

хи, «подстраховался» единственным телефонным звонком... В результате на московской таможене впервые шахматного корифея попросили открыть чемодан, естественно, нашли там книжку злейшего клеветника Солженицына, и нынешний российский граф Марк Евгеньевич на несколько лет стал — что, впрочем, во всем мире понятно только нам с вами, — невыездным.

Потом взял и с тем же неизъяснимым постоянством — 6:0 — выиграл следующий матч претендентов, и это стало, по сути, концом славной карьеры блистательного датчанина Бента Ларсена, полутора годами раньше возглавлявшего сборную всего шахматного мира в ее «Матче века» против команды СССР.

А когда чуть раньше приехал в Лугано, где должен был быть первым номером и главной ударной силой американцев на Всемирной Олимпиаде, то осмотрел игровой зал, нашел, что там темновато, и от выступления отказался. «Вы защищаете честь Соединенных Штатов!» — урезонивал его консул. «Я защищаю честь Роберта Джеймса Фишера!»

Да и мне за него, абсолютного невиновного, однажды досталось: об этом рассказано в главе «Все на одного или Матч Века».

Но что эти единичные невзгоды по сравнению с тем уроном, который нанес Фишер всему советскому народу, руководимому мудрой коммунистической пар-

тией?! С послевоенных времен, с 1948 года, спор за титул чемпиона в действительно мудрой игре был нашим внутренним — и только нашим — делом. Своих болельщиков собирали Ботвинник и Смыслов, Бронштейн и Таль, Петросян и Спасский, но в конце концов они представляли одну страну и за победу получали — пусть и неодинаковые по важности — ордена от имени одного и того же Президиума Верховного Совета. Даже в полуфиналах и тем более в финалах претендентских отборочных матчей иностранцев почти не встречалось, а шахматная участь «просочившихся» ясна была любому малолетке.

И вот — на тебе! Фишер! Американец! Идеологический враг, а туда же — в шахматный калашный ряд! Ату его, ату! Но никакие статьи в советской печати, где его квалифицировали недоучкой, «интеллектуальным недоноском», а то и просто физическим полуродом (косолопа ставит ноги при своем 46-м размере туфель и росте 180 с хвостиком), ничего поделать не могли. Фишер, безотцовщина, не слишком сытое дитя небогатого нью-йоркского района, как самый мощный танк пер напралом к шахматной вершине мира. Да и что тут удивительного, если, во-первых, Бог дал, и дал предельно щедро, а во-вторых...

— Я встаю в 10 часов и сажусь за шахматы. В час у меня ланч,

после которого я сажусь за шахматы. В семь часов обед, после которого я сажусь за шахматы или иду в Манхеттенский шахматный клуб. Впрочем, раз в месяц я захожу в кино...

Вот так, хотя я и цитирую по памяти, сказал в своем интервью французскому еженедельнику «Экип» 15-летний Фишер. Потом он еще добавил, что когда станет чемпионом мира, то будет шить рубашки у того же портного, что и президент Кеннеди. Что купит себе 30 пар хорошей обуви и яхту, на которой объедет мир.

Заметьте: не *если* стану чемпионом мира, а *когда* стану!

Сколько же неожиданных поворотов содержит жизнь Роберта Джеймса. Одна только увертюра в матчу за корону со Спасским в 1972 году чего стоит! Например, скупленные три ряда кресел и требование полицейского эскорта при полете на американском самолете в Рейкьявик. А когда охрану не дали — 15 дорогостоящих билетов полетели в урну. Буквально накануне поединка он отказался играть при призовом фонде в 125 тысяч долларов — по тем временам в шахматах деньги неслыханные, и не играл бы, не увеличь спонсор — один английский банкир — этот гонорар вдвое. У-у, как изгалялись наши благородные перья: рвач, все за наживу, а где же чистое отношение к шахматам? А Фишер, став 11-м в истории шахмат королем, в Южной Америке отверг 300 000

долларов за пятиминутную запись на пластинку по поводу шахмат: «*Так* я деньги не зарабатываю!» И совсем уже потряс мир отказом от рекламного контракта в 10 миллионов (!!!), требуя при этом, чтобы за сеанс одновременной игры ему платили не менее... 5 тысяч. Гонорары за *шахматные* выступления он требовал — по меркам западного мира они поднимали престиж шахмат. Гонорары околосахматные, в сотни крат большие, начисто отвергал. Как тут не вспомнить классика: «Дурак... Святой...»

Что же вознесло его в том 72-м над Спасским, которому раньше проигрывал, и над всеми?

Он слил воедино научный подход Ботвинника, волшебство Таля, продолжил универсальность Спасского и замешал весь этот «плов» на своем, фишеровском фанатизме, на своей огромной энергетике и на неумном стремлении к победе. Иногда применительно, например, к хоккею приходится читать, что в Америке учат бороться с пеленок. Не знаю: таким бойцом в шахматах американских — и не только — Фишер был одним из первых. И передал устремленность словно по наследству молодому Карпову, а затем ее приумножил Каспаров.

Почему он, непобежденный, покинул шахматы и не стал отстаивать звание — тема дюжины докторских диссертаций по психологии и, отважусь, по психиат-

рии тоже. Потом был длинный и ужасный роман с так называемой «Всемирной христианской церковью», а на деле — с сектой, возглавляемой откровенными прохиндеями. «Что будет со мной, когда я умру?» — этот и подобные ему краеугольные вопросы мироздания Фишер пытался решать в одиночку. Вступал в конфликт с полицией американского городка Пасадены, где жил; поочередно расстался со всеми своими немногочисленными друзьями в шахматном и нешахматном мире — вплоть до судебных тяжб почти с каждым. От всех скрывался. Правда, на встречи с Анатолием Карповым прилетал и в Японию, и в Испанию: вел переговоры о неофициальном матче до 9-ти выигранных партий. «Мы же будем играть полгода!» — сказал в ходе обсуждения чемпион мира. «Ну и что?!» — ответил экс-чемпион, себя таковым, впрочем, не считавший. Вдруг его, американского полуеврея-полунемца (это официально, но по моему расследованию фактическим отцом Фишера тоже был еврей, ученый-математик с мировым именем), обуял дичайший, на уровне патологии, антисемитизм (впрочем, с исключением для милейшего дуайена мировой гроссмейстерской семьи Андрэ Лилиентала, в будапештской квартире которого Фишер долго и удачливо прятался от всех и от вся). После романа с юной вен-

геркой, во многом возвратившей его к шахматам, он начал требовать у малочисленных своих друзей... русскую жену, хотя то и дело высказывал обиды на Россию, не заплатившую гонорар за книгу, выпущенную в Москве незадолго до матча в Рейкьявике (от полноты души ему вручил собственные 100 тысяч долларов президент ФИДЕ и президент Калмыкии Кирсан Илюмжинов, и в знак примирения Фишер ночь напролет в Будапеште играл с ним в шахматы). Начисто отказался от участия в чемпионате мира по новой, илюмжиновской формуле: «Вот если будут играть в мои, фишеровские шахматы...»

Он придумал некий новый вариант шахмат, перечеркивающий все накопления дебютной теории. Он изобрел и нечто более серьезное: новые шахматные часы, смягчающие безжалостный бич всех творческих натур за доской — цейтнот. Вот они в шахматах — надолго. Точнее, навсегда. Что же касается игры нормальной... После 20-летнего «небытия» в 92-м он вновь сел за доску все с тем же своим другом-соперником Спасским, и лучше бы они этого не делали! Партии так называемого матча-реванша на 10-миллионный приз «югославского Мавроди» получились жалкой пародией на те, бывшие творения двух гигантов, и вызвали у истинных ценителей лишь щемящее чувство жалости и какую-то неловкость. Но это уже значения

не имеет. Потому что преходящему суждено проходить, легендам — оставаться. Навсегда.

Для справки: начиная с 1960 по 1972 год Роберт Джеймс Фишер почти все свои турниры заканчивал на первом месте — более 15-ти раз! Три вторых приза — это была уже сенсация со знаком «минус». Да и то, в Блэде-61, он, отстав от неудержимого тогда Михаила Талья, у блистательного квартета советских участников (это еще и Петросян, и Керес, и Геллер) отобрал 3,5 очка! Такого тоже никогда не случалось...

И еще: 22 сентября 1972 года, когда он возвратился домой в ранге шахматного короля, был законодательно объявлен в Нью-Йорке Днем Бобби Фишера. Но от приглашения президента США Никсона в Белый дом и от обеда с госсекретарем США Киссинджером Фишер отказался. Наверняка, единственный из всех американцев, и не только их...

О-о, если бы, знал великий шахматист, как далеко заведут все эти появления его шизофрении, его неадекватного восприятия мира: каким трудным окажется эндшпиль его жизни. После второго матча со Спасским возвращение на родину было ему заказано: Фишер не заплатил налоги со своего многомиллионного приза, что по американским законам относится к числу самых серьезных преступлений. А затем он в своей возникшей войне с Америкой вообще, по Достоевскому, «пересту-

пил черту»: восторженно отозвался об атаке террористов, от которой рухнули башни-близнецы на Манхэттене, хороня под собой тысячи и тысячи людей.

И когда из Венгрии он отправился в Японию, а оттуда хотел попасть на Филиппины, где жила его вполне законная трехлетняя дочь, то в аэропорту был арестован японскими иммиграционными служащими и отправлен в тюрьму: американские власти давно уже аннулировали его паспорт. Около 9 месяцев провел он в заключении, побывав даже с неделей в карцере за требование себе на завтрак еще одного яйца, и все это время Америка требовала экстрадиции Фишера, после которой 12, 15, а то и 20 лет за решеткой были бы ему гарантированы.

Шахматисты все же пытались его спасти. Президент японской шахматной федерации, дама лет 60-ти, срочно вышла за него амуж, чтобы экстрадицию исключить. Анатолий Карпов отправил достойное послание американскому президенту, призывая его проявить милость к бывшему символу Америки. Борис Спасский, актер по натуре, предложил посадить в тюремную камеру Фишера себя тоже, дав им шахматную доску с фигурами (Фишер на это ответил, что друго-враг Спасский ему ни к чему, а вот фигуру будущей чемпионки мира Сашеньки Костенюк он бы в камере встретил с удовольствием). Все это вместе взятое и, главное, усилия

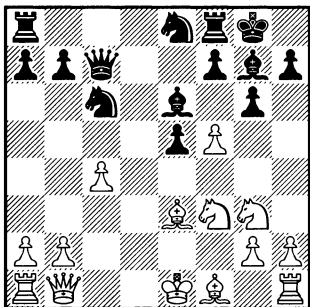
адвокатов привели к тому, что японцы согласились выслать Бобби в любую страну, которая согласится его принять. Тут же откликнулись Сербия и Исландия, и Фишер отправился туда, где стал в свое время 11-м шахматным королем. Через пару лет, отказываясь от лечения, он там и умер: отказали почки.

Хоронили его 5 человек, включая священника. А затем японская жена, филиппинская дочь и американская налоговая служба судились за ту пару миллионов, что оставались еще на его банковском счету.

Америка эту тяжбу проиграла.

Р. Летелье — Р. Фишер

XIV Олимпиада
Лейпциг 1960

14...e4!

«Неожиданный удар, который возвращает белых на землю» (У. Ломбарди).

15.fe.

Если 15. ♖:e4, то 15...gf! 16. ♘:f5? (16. ♖h4 ♘:b2) 16...♖a5+, выигрывая фигуру.

15...ef 16.gf f5!

«Пешкой e6 можно пренебречь ради атаки» (У. Ломбарди). Грозит 17...f4.

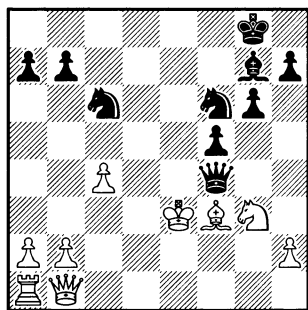
17.f4 ♘f6 18. ♘e2 ♖fe8 19. ♘f2 ♖:e6.

Наконец черные отыграли пешку, сохранив все козыри.

20. ♖e1 ♖ae8 21. ♘f3.

«Может быть, кто-нибудь интересуется «кооперативным» матом?» (У. Ломбарди).

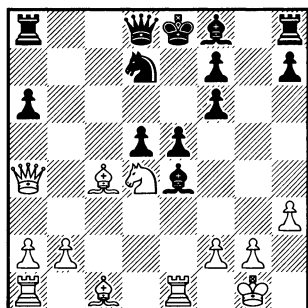
21... ♖:e3! 22. ♖:e3 ♖:e3 23. ♘:e3 ♖:f4+!

24. ♘:f4 ♘h6x или 24. ♘f2 ♘g4+ 25. ♘g2 ♘e3+ 26. ♘f2 ♘d4 27. ♖h1 ♘g4+ 28. ♘f1 ♘:f3 с выигрышем. Белые сдались.

Р. Фишер — М. Найдорф

XV Олимпиада
Варна 1962

14. ♖:e4! de.

Продолжение 14...dc 15. ♘f5 привело бы к позиции, сходной с той, что случилась в партии, но черные не получили бы никакой материальной компенсации.

15. ♘f5!

Возможно, что черные рассчитывали на 15. ♖b3 ♖b6 16. ♙:f7+ ♘d8 с шансами выжить.

15... ♙c5 16. ♘g7+! ♙e7.

После 16...♘f8 17. ♙h6 ♘g8 18. ♖b3 белые устроили бы «хакари» черному королю.

17. ♘f5+ ♙e8.

Возвращение на прежнюю стоянку, однако рокировка уже невозможна.

18. ♙e3.

Таль предложил 18. ♙h6, но после 18...♙a7 19. ♖d1 ♖b6 черные еще дышат. Ход в партии лишает их какой-либо контригры.

18... ♙:e3 19. fe.

Размен слонов не может облегчить черным защиту. Теперь грозит ♘d6+.

19... ♖b6 20. ♖d1.

После 20. ♙:f7+ ♘d8! 21. ♖d1 ♖b5 у белых не было бы форсированного выигрыша.

20... ♖a7 21. ♖d6!

Сокрушительный удар! После 21. ♙:f7+ ♘d8 или 21. ♘d6+ ♙e7 черные еще могли сопротивляться.

21... ♖d8.

Лучшее из всего возможного. Если 21...♖c7, то 22. ♖:f6, а 21... ♖:b2 проигрывало после 22. ♙:f7+! (все-таки!) 22...♘:f7 (или

22...♘d8 23. ♖a5+ ♘c8 24. ♘e7+ ♘b8 25. ♘c6+ ♘a8 26. ♖:d7) 23. ♖:d7+ ♖:d7 24. ♖:d7+ ♘g6 25. ♖g7+ ♘:f5 26. ♖g4x.

22. ♖b3 ♖c7.

На 22...♖f8 решало 23. ♘g7+ ♘e7 24. ♖a3!

23. ♙:f7+ ♘d8.

К мату вело 23...♘f8 24. ♙h5.

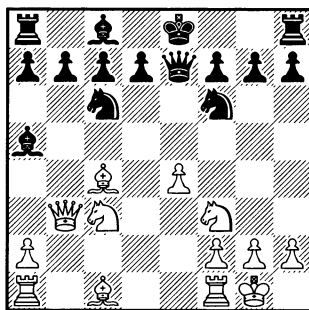
24. ♙e6. Черные сдались.

Найдорф не захотел продлевать свои мучения, играя 24... ♖b7 25. ♖a4 ♖c8 26. ♖a5+ ♘e8 27. ♖:a6 ♘d8 28. ♙:d7 ♖:d7 29. ♖:d7 ♖:d7 (29...♘:d7 30. ♖d6+ ♘e8 31. ♖e7x) 30. ♖:f6+ ♘c7 31. ♖:e5+ ♘b6 32. ♖:h8 с выигранным окончанием у белых (*Примечания Р. Фишера*).

Р. Фишер — Р. Файн

Легкая партия

Нью-Йорк 1963

Возникшую из гамбита Эванса позицию молодой гроссмейстер против прославленного ветерана разрешил энергично и изящно.

10. ♘d5! ♘:d5.

Нужно было сыграть 10...♖:e4, но и тогда после 11. ♙g5 у белых была бы сильнейшая атака.

11. ed ♖e5.

В ответ на 11...♘d8 решало
12. ♕a3 d6 13. ♖b5+.

12. ♘:e5 ♖:e5 13. ♕b2 ♖g5
14. h4!

Отвлечение перегруженного
ферзя.

14... ♖h4.

Проигрывало как 14... ♖h6 из-
за 15. ♖a3 с угрозой 16. ♗fe1+, так
и 14... ♖g4 15. ♗fe1+ ♕:e1 (если
15... ♘d8, то 16. ♖e3 ♕b4 17. ♖h6!!
gh 18. ♕f6+ ♕e7 19. ♕:e7+ ♘e8
20. ♕g5+! ♘f8 21. ♕:h6+ ♖g7 22.
♗e8+!! ♘:e8 23. ♕:g7) 16. ♗:e1+
♘d8 17. ♖e3 ♖:h4 18. g3, и чер-
ный ферзь не может более «кара-
улить» поле e7.

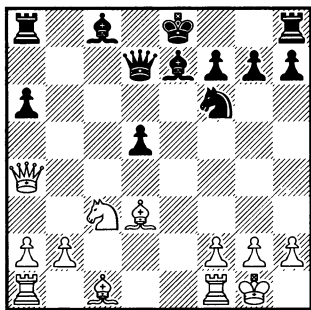
15. ♕:g7 ♗g8 16. ♗fe1+ ♘d8.

Продолжение 16... ♕:e1
17. ♗:e1+ вело к тому же финалу.

17. ♖g3! Черные сдались (*Варианты Р. Фишера*).

Р. Фишер — Т. Петросян

Финальный матч претендентов
Буэнос-Айрес 1971

А вот здесь никакими красота-
ми белые не блистали, но Фишер

имеет право считать ее лучшим
своим достижением в матче: хру-
стальная прозрачность мощной
игры белых подкупает...

13. ♗e1!

«Белые не принимают жертву
качества: 13. ♕b5?! ab 14. ♖:a8
0-0 — так черные получали шан-
сы захватить инициативу. План
Фишера яснее и проще: по-
скольку эндшпиль у белых луч-
ше, он не возражает против раз-
менов и продолжает наращивать
инициативу, захватывая черные
поля» (*А. Суэтин*).

13... ♖:a4 14. ♘:a4 ♕e6 15. ♕e3
0-0 16. ♕c5 ♗fe8 17. ♕:e7 ♗:e7
18. b4 ♘f8 19. ♘c5 ♕c8 20. f3 ♗ea7
21. ♗e5 ♕d7 22. ♘:d7+!

«Неожиданный и очень силь-
ный ход. Фишер меняет свою
гордость — коня c5 на плохого
(пока!) слона. Но вскоре станет
ясно, что это кратчайший путь к
реализации преимущества. Пос-
ле 22... ♕b5 слон грозил превра-
титься из плохого в хорошего, а
в случае 22. a4 у черных был ост-
роумный ответ 22... ♕c6» (*А. Су-
этин*).

22... ♗:d7 23. ♗c1 ♗d6 24. ♗c7
♘d7 25. ♗e2 g6 26. ♘f2 h5 27. f4 h4
28. ♘f3 f5.

У черных уже нет хорошего
плана, но попытка обострить
игру приводит к немедленной
развязке.

29. ♘e3 d4+ 30. ♘d2 ♘b6 31.
♗ee7 ♘d5 32. ♗f7+ ♘e8 33. ♗b7
♘:b4 34. ♕c4. Черные сдались.

Человек первой попытки

Так назвал я его почти треть века назад в печати, и преувеличений тут не было ни на йоту. Потому что с первой попытки брал он каждую ступеньку классификационной лестницы. С первой попытки — звание мастера. С первой попытки — чемпион мира среди юношей и, как следствие, международный мастер. С первой — чемпион РСФСР среди взрослых, международный гроссмейстер и — венец всего — чемпион мира, хотя вступая в этот спор молодым человеком, вроде бы достаточно искренне сказал: «Это еще не мой цикл борьбы». Все — поверили; Михаил Таль, к Карпову по-доброму относившийся, — не слишком: «Все-таки он чуть-чуть пококлетничал». Где правда — кто знает...

В любом случае, он всегда был уверен в себе. Когда пятнадцатилетним мальчишкой, уже перевыполнившим норму мастера, как-то робко прохаживался между столиками на командном чемпионате РСФСР во Владимире, мягко и смущенно улыбался и с максимальным вниманием прислушивался ко всему, что вещали старшие и... менее квалифицированные шахматисты. Когда, демонстрируя «целеустремленность и умную смелость» (так Карпов назвал однажды самые приятные для него человеческие качества —

уву, давно это было...), переезжал из Москвы в Ленинград и переводился с первого курса механико-математического факультета прославленного Московского университета на экономический факультет университета Ленинградского, не столь богатого учеными с мировыми именами. Все этого не советовали. Даже Михаил Ботвинник, в школе которого Анатолий занимался, едва ли не запрещал ему «делать глупость». Карпов всех выслушал и сделал по-своему. Раньше я легко мог объяснить это решение. Во-первых, поехал к тренеру, которого нашел для себя и которому поверил. Во-вторых, понял, что совмещать сегодняшние шахматы с математикой нельзя — она требует ежедневных систематических занятий, а с экономикой можно. А сейчас чувствую — было и еще какое-то «в-третьих»...

И вообще ловлю себя на том, что говорить о Карпове — трудно. Однозначно говорить — просто невозможно. И что с годами все менее четкими, менее определенными кажутся мне его очертания. Хотя судьба сталкивала нас в минуты для Анатолия неординарные.

Скажем, готовил я первую в жизни Карпова телевизионную передачу о нем, только что ставшем «шахматным принцем» —

чемпионом мира среди юношей. И тогда же его тренер и очень преданный Анатолию человек — гроссмейстер Семен Фурман на прямой, но шепотом заданный вопрос ответил раздумчиво, спокойно, тоже прямо, но не переходя на шепот и не очень заботясь, услышит это Карпов или нет:

— Будет ли он взрослым чемпионом? Да-а, будет. Потому что если не Толя, то кто же еще?

И добавил, исходя из наших особых отношений (наши матери дружили во время войны, когда эвакуированный в Казань 22-летний Фурман в толстенных на полпальца очках работал токарем и иногда бывал у нас в гостях) то, что — гарантирую — никому другому не сказал бы:

— Только вот я думаю, не пошлет ли он после этого меня на...?

Не послал. Почти 10 лет спустя после той передачи и той беседы мне же пришлось позвонить в югославский город Бугойно и после поздравления с выигрывшем очередного турнира сказать, запинаясь, что его тренера больше нет... Карпов вскрикнул в трубку так жалостливо, что защемило сердце, а потом он всю ночь плакал и наутро, сорвав заранее намеченную, широко объявленную и достаточно официальную программу, вне всяких графиков, как на перекладных, помчался через Белград и Москву в Ленинград... И очень человеческие его слезы и поступки совсем не помещались в схему предельно организованного, суховатого человека, каким приучил он видеть себя.

В промежутке между этими событиями мне довелось выбежать 3 апреля 1975 года на теннисную площадку олимпийской тренировочной базы в подмосковном Новогорске и, удержав ракетку Анатолия, объявить о состоявшемся провозглашении его 12-м в истории шахмат чемпионом мира. И увидеть с самым искренним удивлением, что радость совсем не переполняет его. И что он сам не знает: благо это или нет — рухнувший матч с предшественником на шахматном троне Робертом Фишером.

Через пять минут, приняв полдюжины поздравлений, Карпов уже стоял перед микрофоном, и вот дословный, со всеми повто-

рами и шероховатостями его ответ — и журналисту, и шахматистам, и... власти, которая несомненно это интервью увидела бы...

— Ну, это получилось так неожиданно, что американский чемпион отказался защищать свое звание. Я очень сожалею об этом. Вместе с тем я очень рад, что корона шахматная вернулась на нашу Родину, где она в общем-то пребывала долгое-долгое время и эта корона, безусловно, заняла свое самое почетное и самое достойное место в Советском Союзе.

— И что теперь будет?

— Теперь я буду еще работать, буду играть в шахматы и стараться, стараться доказать, что это звание у меня не просто так, не случайно, что это звание, в общем очень почетное, и его все время... и нужно все время доказывать, что именно ты сможешь владеть этим званием.

Ситуация и вправду получилась не из простых: впервые чемпион не отвоевал титул, но взошел на опустевшее «царское место». Юридически все соответствовало закону, но... Помните слова одного из героев (точнее, героини) пронзительной повести Куприна: «Несостоявшийся поединок бросает тень на обоих». Тем более, что в намечавшемся бою с Фишером Карпов аутсайдером не казался, но и фаворитом — тоже. Вот и поднялся в мировой прессе шум по поводу «бумажного чемпиона», узурпировавшего трон. Анатолий реаги-

ровал адекватно, кстати, в полном соответствии с основной чертой своего характера. Он еще раньше провозгласил, что «без предельной целеустремленности делать нечего, когда борешься за звание чемпиона мира». Теперь же... Для очень многих гроссмейстеров во все времена существовала формула «сыграть хорошо», но каждый понимал ее по-своему. Для Карпова она сузилась, словно шагреновая кожа, до минимального размера: быть только первым. Симптоматично: практически мальчишкой, в пределах собственного 20-летия, он разделил победу в двух крупнейших международных турнирах, делавших честь любому их участнику, но запомнил Анатолий — душой запомнил! — другой, не столь ответственный турнир, в котором впервые сам, без совладельца, занял первую строку в турнирной таблице. И он начал выигрывать все подряд, с парой исключений из пары десятков соревнований. Критики прикрыли ротики, а он, войдя, что называется, во вкус, начал коллекционировать первые призы столь же рьяно, как знаки филателии: по словам Карпова, его шахматное собрание марок — лучшее в СССР и входит в пятерку лучших в мире, а космическое — в пятерке наиболее полных коллекций на российской земле. Он и Петросян заразил этой своей увлеченностью, и Полугаевского... Впрочем, возвращаясь к шахматам: сегодня Карпов гор-

Обычная ситуация

дится 150 (!) выигранными соревнованиями. Пусть треть из них — сражения несерьезные (и быстрые, и блицтурниры, и микро-матчи из 2-4 партий с партнерами не его класса), но и оставшегося вполне хватило бы на пару-тройку других шахматных королей. Это в истории — навечно. Как — увы — и неудачи последних лет: надо бы остановиться, оглянуться, подумать, а он играет, играет, играет, и в четвертых, пятых, а то и последних местах (при небольшом, правда, количестве сильнейших участников) растворяется, размывается облик победоносного 12-го чемпиона. Чело- века по своей сути уникального. Не случайно же когда-то Карпов восхищался прыгуном в высоту Валерием Брумелем и Михаилом Ботвинником: они, по его мнению, смогли преодолеть себя. И совсем уж не случайно великая

балерина Галина Уланова, божественно пронизательная и утонченная, посетив однажды матч с участием Карпова, буквально содрогнулась: «Такого взгляда я ни у кого не видела». Словно бы подслушала прозвучавшую однажды реплику великого Спаского о совсем еще юном Толе: «Характер у него тяжелый, пожалуй, почище моего, — только с таким в чемпионы и выходят»...

Да, Карпов — великий Игрок. Не только в шахматы — во что угодно. В карты, например, в какое-то сверхусложненное домино. Я был свидетелем его встречи с игрой, в которой для успеха надо было ни много ни мало как осуществлять... выгодные коммерческие операции, и Анатолий, тогда, в абсолютно советское время, понятия о них не имевший, через полчаса вел себя как бизнесмен с полувековым стажем и многомиллионным запасом оборотных средств. И человек, научивший его этой игре, был разгромлен по всем правилам банковской стратегии. Но вообще его жизненный и шахматный стиль с первых же дней известности Карпова вызывал удивление буквально у всех.

Юные шахматисты, когда к ним приходят победы, обычно готовы едва ли не плясать от радости. Они шутят, охотно разговаривают, играют блиц-партии «со звоном».

Карпов позволял себе только сдержанно улыбаться.

Молодости свойственен азарт: в шахматах — это жертвы, атаки, порой не всегда обоснованные, но увлекательные.

Карпов играл чуть суховато, академично, а если жертвовал, то твердо был уверен в абсолютной, как говорят шахматисты, корректности жертвоприношения.

В ответ на все упреки в этом он, став одним из победителей сильнейшего по составу Мемориала Алехина в декабре 1971 года, сказал: «У меня еще довольно узкий дебютный репертуар — следствие того, что мало остается свободного времени для его расширения. Конечно, хочется играть более острые и современные схемы, но к стилю, по-моему, это прямого отношения не имеет. По крайней мере, я своим стилем доволен и менять его пока нет смысла. Жертвовать же фигуры, конечно, можно. Почему не жертвовать, если корректно. Только вот мостов я за собой не жгу, не моя это специальность — жечь мосты...»

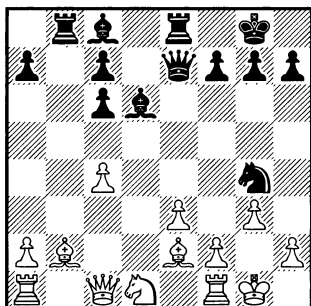
С тех пор прошла целая эпоха и... мало что в нем изменила. Конечно, к каждому матчу расширялся дебютный круг (в основном — усилиями его блестящих тренеров, и Карпов потихоньку отвык от большой самостоятельной работы), но в основе игра его оставалась очень рациональной. Нет-нет, это не значит, что он уклоняется от пучины осложнений, и очень правым мне представляется мнение Михаила Таля:

«...Когда Карпова заставляют считать варианты, он делает это блестяще. В те времена, когда я был тренером-консультантом Карпова в двух его матчах за шахматную корону, я написал предисловие к одной из его книг, где обратил внимание на то, что при всем своем великолепном комбинационном зрении, удивительных счетных способностях Толя нередко проходит в партии мимо тактических возможностей. Скажем, последовательно, в течение тридцати-сорока ходов он проводит в жизнь свой глубокий стратегический план. Где-то по дороге был выигрыш в три хода; нужно было свернуть куда-то в сторону, посчитать... Но увлеченный реализацией своего стратегического плана, он иногда полагает, что считать эти «боковые» варианты необязательно... Но когда на него насаждают, он проявляет невероятную изворотливость».

И еще о шахматисте говорят его партии.

Я. Тимман — А. Карпов

Монреаль 1979

15... ♖:h2!

Начало точно рассчитанной комбинации, в которой особенно эффектен 17-й ход.

16.c5.

В случае 16. ♕:h2 ♖h4+ 17. ♕g2 ♖h3+ 18. ♕g1 ♕:g3 19. fg ♖:g3+ 20. ♕h1 ♖e4! 21. ♖f4 ♕h3 белый король гибнет.

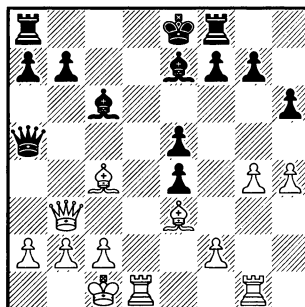
16... ♖:f1 17.cd ♖:g3! 18.fg (иного нет) 18... ♖:d6 19. ♕f2 ♖h6 20. ♕d4 ♖h2+ 21. ♕e1 ♖:g3+ 22. ♕d2 ♖g2 23. ♖b2 ♕a6 24. ♖d3 ♕:d3 25. ♕:d3 ♖bd8 26. ♕f1 ♖e4+ 27. ♕c3 c5!

Расчищая последние подступы к белому королю.

28. ♕:c5 ♖c6 29. ♕b3 ♖b8+ 30. ♕a3 ♖e5 31. ♕b4 ♖b6. Белые сдались.

А эта партия удостоилась двух специальных призов: за красоту — на турнире в Линаресе-83 и затем — как лучшая в 35-м томе «Шахматного информатора». Комментирует ее Анатолий Карпов.

А. Карпов — Д. Сакс

18. ♖d5!!

На мой взгляд, самая последовательная стратегия. Хочу еще раз подчеркнуть, что я всегда стремлюсь играть «по позиции». Вот и сейчас была возможность получить небольшое стойкое преимущество: 18.g5 hg 19.hg g6 (19...♖b4 20.g6 fg 21.♗g6, 19...♗c8 20.g6 fg 21.♙e6 ♙a4 22.♖b7) 20.♙d5. Однако я интуитивно чувствовал, что могу добиться большего. Отсюда и возник замысел пожертвовать ладью.

18...♙d5 19.♙d5 ♗d8.

Черным не просто откупиться встречной жертвой качества, ведь при 19...♖b4 20.♙b7 ♖b3 21.ab ♗b8 22.♙c6+ ♙d8 23. ♙a7 их ожидает трудное окончание.

20.♙c4 ♙b4!

Это, несомненно, лучше, чем 20... ♙d6 21.♖b7 ♖c7 22.♖e4, и черным совсем плохо.

21.c3 b5! 22.♙e2 ♙d6 23.♖d5 ♙e7.

Конечно, 23...♖c3+ 24.♙b1 (24.bc ♙a3+) 24...♖b2+ 25.♙b2 ♙a3+ 26.♙a3 ♗d5 27.♙a7 не было выходом из создавшегося положения, поскольку вело к проигранному эндшпилю. И понятно желание черных скоординировать действия своих фигур. Тем не менее заслуживало внимания 23...♖c7.

24.♙c5 ♙c5.

Уже не годится 24...♖c7 из-за 25. ♖e5+ ♙d7 26.♙d6 ♖d6 27. ♗d1. А ход 24...f6 помогает белым после 25.♙c4! сплести вокруг черного короля матовую сеть.

25.♖e5+ ♙d7 26.♖c5 ♖c7 27. ♖f5+ ♙e7.

И после 27...♙c6 наступление развивалось бы успешно: 28. ♖b5+ ♙d6 29.♖b4+ ♖c5 30.♖b7 ♙e5 31.♗e1 ♖f2 32. ♖c7+ ♗d6 33.♗d1 ♗d8 34.♙c4.

28.♖e4+ ♙d7 29.♖f5+ ♙e7 30.♗e1 ♗d6 31.♙c4+ ♙d8 32. ♙b5 a6 33.♙a4 g6 34.♖f3 ♙c8 35. ♗e7!!

Это внезапное вторжение и завершает победоносную атаку. А сигналом к ней послужила жертва качества на 18-м ходу. Но если та, ферзевая ладья «доплыла» лишь до центра, где и была пожертвована, то эта, королевская, сумела проникнуть в глубокий тыл соперника. Чем не регата на шахматной доске?

35...♗d1+.

Остроумно, но не спасает, как, впрочем, и другие варианты, например 35... ♖e7 36.♖a8+ ♙c7 37.♖a7+ ♙d8 38. ♖b8x, 35...♖b6 36.♖a8+ ♖b8 37.♙d7+ ♙c7 38.♙b5+! ♙b6 39.♖a6+ ♙c5 40. ♗e5+! ♗d5 41.♖c6x.

36.♙d1 ♖e7.

Неплохо, кажется, выглядело 36...♗d8+, беря под контроль поле d4, но тогда белые ответили бы 37.♗d7!, благо ферзевый эндшпиль с двумя лишними пешками также в их пользу.

37.♖a8+ ♙c7 38.♖a7+ ♙d6 39.♖b6+.

Черные сдались ввиду 39...♙e5 (5) 40.♖d4+ ♙e6 41.♙b3x.

«Я в мир пришел...»

Любая анкета, любая биография всегда создается по более чем логичному принципу древних римлян — *ab ove*, то есть — «от яйца», с самого начала. Но этот человек столько раз нарушал существующий порядок, столько раз плыл против течения, что вопреки древним я хочу рассказ о нем начать с относительно не столь уж давней собственной газетной статьи.

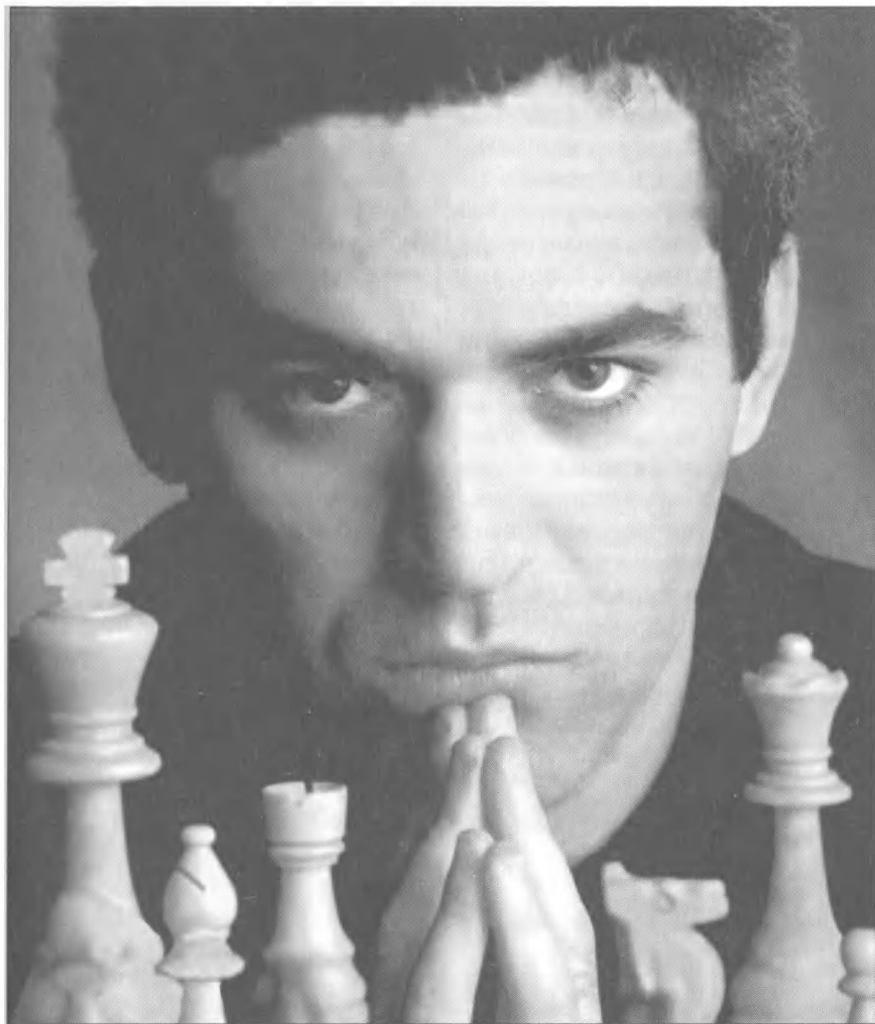
* * *

По-моему, мир сошел с ума. Иначе с чего бы основные телевизионные каналы выдернули эту новость из спортивного блока и поставили ее выше ряда политических решений государственной важности. А весьма уважаемой газете, без которой, говорят, банкирам и бизнесменам утренняя овсяная кашка не в корм, проводить опрос среди режиссеров цирка и историков шахмат на тему: сильнее ли Гарри Каспаров того сонма шахматных любителей, с которыми он начал заочный поединок через систему Интернет.

Один — против целого мира. Пусть и в локальной, пусть и в очень узкой сфере жизни, человек противопоставил себя всем сразу, бросил вызов мировому сообществу. Словом, пошел по пути то ли лермонтовского Демона, то ли инженера Гарина с его гиперболоидом.

Увы, весь этот ажиотаж — от непонимания самого элементарного. Подобно историческому военному совету в Филях, где генералы требовали на завтра же сложить головы за Родину и царя, а Кутузов приказал сдать Москву и тем самым разгромил Наполеона (к слову, шахматы очень любившего и в них при всей своей гениальности абсолютно бездарного), в древней игре хороша только одна голова. Две — хуже, сто — совсем плохо. А тем юным шахматным дарованиям, которые станут предлагать шахматным любителям один — два — три базовых хода на выбор, Каспаров способен дать сеанс одновременной игры вслепую, лежа под капельницей или в состоянии крайнего алкогольного опьянения. И — победить. Потому что Он и Они в шахматах — явления несопоставимые. И ничего не меняется от того, что в партии окажется рекордное количество участников, что все будут вооружены шахматными компьютерами марки «Карпов» (кажется, они называются более ласково — «Толик») и «Каспаров» — итог поединка предreshen, и шахматная ценность его стремится к нулю.

Отчего же весь этот шум вокруг акции, проводившейся гигантской национальной корпорацией «Майкрософт» и офици-

ально названной: «Каспаров против всего мира»? Не потому ли, что это — привычное для Шахматного Короля состояние, и не потому ли, что именно сейчас начинается новый виток давным-давно завязавшейся драмы на вековую тему: гений и система. И то и другое, впрочем,

стоило бы писать с большой буквы.

Но чтобы быть правильно понятым, хочу вернуться на три десятка лет назад, когда в Тбилиси проходил очередной чемпионат СССР, и на нем дебютировал самый молодой участник за всю историю наших национальных

первенств — пятнадцатилетний Гарри Каспаров. Еще — не гроссмейстер, но уже — легенда. И передать слово Михаилу Талю, чье мнение в шахматах для меня лично всегда было вердиктом последней инстанции, потому что никогда не окрашивалось симпатиями или антипатиями к коллегам.

«Во втором или в третьем туре Гарик играл с Володей Багировым. Ловит на варианте в Каро-Канне, получает совершенно великолепную атакующую позицию; для развития атаки — это очевидно — надо жертвовать на е6. Зал видит эту жертву. Правда, не все ясно, не все последствия жертвы можно оценить. Каспаров думает очень долго, минут сорок пять, и — не жертвует... Постепенно Багиров уравнивает, в заключительной позиции стоит даже чуть-чуть лучше, и они соглашаются на ничью.

К тому времени я свою партию уже закончил, а, может, не закончил — мне все равно было интересно — и заглянул в судейскую комнату, где кто-то из судей спросил Каспарова, почему он не пожертвовал на е6. И тут Гарик начал показывать варианты — меня, знаете ли, удивить непросто, но тут я был поражен жутким количеством красивейших вариантов, которые продемонстрировал этот мальчик. Но форсированного выигрыша он не видел и поэтому на жертву не пошел. Мы в судейской анализировали, анализировали и минут через двадцать нашли вы-

игрыш. Тогда я, более в шутку, нежели всерьез, сказал: «Гарик, в таких позициях надо сначала жертвовать, а потом думать». Через четыре года с тоской и страхом я вспоминал этот случай, когда сам играл с Каспаровым на межзональном турнире в Москве. Он тоже здорово разыграл дебют и к шестнадцатому ходу поставил меня в критическую ситуацию. Вижу, что при нормальной игре он меня задавит. И я решаюсь сделать ход, давая ему возможность комбинировать за милую душу, сколько влезет. И тоже бросается в глаза жертва, но после нее мат с шахами не дается... И опять Гарик продумал очень долго и сделал жуткий ход, после которого оценка позиции изменилась на сто восемьдесят градусов. Партия наша, как и его тбилисская с Багировым, завершилась вничью, но уже я был недоволен результатом... После партии удивляемся, начинаем анализировать — я тоже не видел форсированного проигрыша за черных, но я его не очень-то и искал, а он искал и не нашел — и находим в анализе выигрыш белых.

Напрашивается вывод: у юного, у раннего Каспарова была тенденция рассчитывать все до конца, а сейчас (Таль писал это году в 90-м — Я.Д.) он с превеликим удовольствием бросается в омут головокружительных, иррациональных осложнений. Отчасти это напоминает мне чудесную метаморфозу, которая произош-

ла после знакомства с Казимирычем (Толушем — Я.Д.) у очень сдержанного поначалу, суховатого по манере игры юного Спаского.

У Каспарова это идет от Ботвинника, школу которого он прошел. Очень научный подход к шахматам, но природная фантазия его в общем-то подавляет. Этот симбиоз и есть иррациональная игра на рациональной основе».

Меня же на том тбилисском чемпионате поразило иное. Решив вставить в телевизионную передачу очерк об удивительно живом, экспансивном, открытом душой юноше, я поручил кинооператору — видеосъемок тогда и

в помине не было — «последить» за Каспаровым: на сцене, в кулуарах, на улице. А под конец, когда интервью с ним в номере гостиницы уже завершалось, я увидел рядом с подушкой свежий номер югославского «Информатора».

«Успел кое-что просмотреть?» — я имел в виду, что сборник появился в Союзе максимум неделю назад, а чемпионат был в разгаре.

«Почему кое-что? Все посмотрел».

«И запомнил?» — вопрос вырвался произвольно.

Гарри с удивлением — на кинопленке все это сохранилось — взглянул на меня.

В сеансе с Анатолием Карповым. Пока в сеансе...

«Конечно».

И тут выяснилось, что он знал весь том, все его 700 (!) с лишним партий! Ну как было в такого парня не влюбиться?!

...Шло время. Время великого единоборства двух «гроссмейстеров К.» — Анатолия Карпова и Гарри Каспарова. Оплота спортивно-советского режима и надежды «демократов». ЦК КПСС всячески «болел» за первого, не менее коммунистический Баку — за второго: умный аналитик уже из этого мог бы сделать вывод о мифологической монолитности правящей партии — национальные амбиции показывали свою силу. Но закончилось и это противостояние, и когда господство 13-го в истории шахматного короля стало безраздельным, он вдруг и вправду бросил вызов всему шахматному миру. Его правопорядку, его системе. Безусловно, основательно скомпрометированной ее президентом, филиппинцем Кампоманесом, сделавшим из шахмат дойную корову для себя и своих ближних. Только насколько гениален был Каспаров на шахматной доске, настолько же уязвим оказался он вокруг нее: ну прямо Наполеон с точностью до наоборот.

Несвоевременно выйдя из ФИДЕ, Каспаров собственными руками возродил оттесненного уже Карпова, и мир получил двух чемпионов. Сильнейшего — и формального, «по версии Меж-

дународной шахматной федерации». Это дало Гарри повод для хлесткой фразы а-ля Троцкий: «Я — чемпион без всяких версий!» Потом последовал «брестский мир» со злейшим своим врагом Кампоманесом (опять-таки Гарри ранее метко припечатал ему прозвище «Карпоманес»), и это была еще одна крупнейшая ошибка. Потом — разрыв отношений с вновь избранным президентом ФИДЕ Кирсаном Илюмжиновым и... Словом, на повестку дня постепенно, как репейник на газоне, вырос вопрос: какого королевства ты властелин, непобедимый Гарри Каспаров? Из года в год откладывались, срывались какие бы то ни было матчи с ним, рушились создаваемые им новые шахматные организации — три подряд, и все с нараставшей скоростью. Более четырех лет не утверждал себя на троне его обладатель: такое было лишь в начале века, когда шахматные чемпионы сами, поплеывая на всеобщее мнение, распоряжались этим почетнейшим титулом.

И — будем откровенны: Каспарову еще неимоверно повезло, когда в 98-м, используя страшнейшие ошибки Илюмжинова при проведении его, илюмжиновского, чемпионата мира по новой «нокаут-системе», победил Анатолий Карпов, от года к году выступающий все менее и менее удачно и всерьез над шахматами уже почти не работающий. Ну, а

вот возьми и выиграй этот чемпионат Виши Ананд! Ой как покачулся бы в глазах всего мира каспаровский трон. А в 99-м году на втором илюмжиновском чемпионате если бы первое место занял не проигравший ни одной партии ни в классических, ни даже в быстрых шахматах (все решил блиц) Владимир Крамник? Кого тогда признал бы шахматный мир и весь остальной — тоже? Ведь играть так называемый объединительный матч никто никого заставить не сможет...

Вот она, истинная партия «Каспаров против всех», а не сегодняшняя шумливо-пропагандистская. Гениальный шахматист начинал ее во благо всем своим коллегам — и я верю в искренность его помысла. С опозданием в пару лет, остыв и пренебрегши амбициями, Каспаров все свои ошибки признает: и разрыв с ФИДЕ (несвоевременный), и конъюнктурную «любовь» с Кампоманесом, и свои первые походы в политику... Похоже, пришла пора и для воссоединения с шахматным миром. Не могу поступаться принципами — это из лексикона других, не столько твердокаменных, сколько твердолобых. Homo sapiens, человек разумный — он не может и не должен оставаться неизменным во веки веков: в конце концов, эволюцию никто еще не отменял. Да и талант обязывает. К тому же Гарри сам однажды сказал мне по поводу любимого в юности

стихотворения Евтушенко «Смир гордыню иль неправым будь...»: «Оно по-прежнему лежит на столе под стеклом, и мне кажется, что чем дальше, тем его значение будет возрастать»...

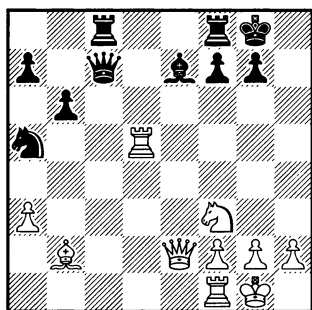
* * *

Здесь — телеграфно — намечены верстовые столбики на удивительном пути одного из удивительнейших шахматистов нашего века. Кое-какие вехи, но далеко не все: им просто не поместиться в разговоре о шахматном содружестве, да многое и без того известно из книг Каспарова и книг о нем. Но я бы отметил все же ведущую сторону его бытия, не в шахматной жизни: импульсивную искренность натуры — она хотя и зиждется на каких-то фундаментальных убеждениях, но не всегда... безопасна для него самого. Ну хотя бы подумайте: на одном из витков политических деяний Каспарова возникает альянс — он и генерал Лебедь. И какие-то в микроскоп не видимые кликушествоующие людишки, к ним немедленно прилипшие. Нонсенс? Безусловно. Каспарова — на уровне подсознания — еще понять можно: его обольстила внешняя сила генерала, как — пусть простится мне такая параллель — во время матча с Карповым в Лилоне в конце 1991 года привлек в тамошнем зоопарке глуповатый, шоколадного цвета бык с ужасными рогами убийцы: именно ему Каспаров скармливал ежед-

невно большое желтое яблоко, хотя рядом тянула к решетке свою мордочку грациозная косуля («Может быть, мне в дни матча для успеха требовалась та сила, которой у мощного быка хоть отбавляй, и я интуитивно это чувствовал»). Но всегда ли понять — означает простить или хотя бы примириться?..

Все это имело тогда значение сиюминутное, даже если минута эта длится годы. Только Каспаров давно уже получил право на вечность. В шахматах. Невообразимой своей фантазией, глубочайшим пониманием невидимой, неисчерпаемой взаимосвязи фигур на вроде бы маленькой, но необъятной шахматной доске. В главе о Красоте есть концовка одной из бессмертных партий Каспарова, вот еще несколько нелепых для простого шахматного смертного его ходов.

Г. Каспаров — Л. Портиш
Никшич 1983

«В этот момент я задумался. Фигуры белых стоят идеально, однако ничего конкретного не

видно. Чувствуется: нужно играть активно, но как? Напрашивается f3-g5 или f3-e5 . Но на g5 коню делать нечего, черные в удобный момент могут его разменять и к тому же имеют реплику $21... \text{c2!}$. Неплохо смотрится $21. \text{e5}$, но тогда слон b2 вроде бы не у дел. А что если его отдать? Да, да, именно пожертвовать» (Г. Каспаров).

21. ♖g7!! ♜g7 22. ♗e5.

«Удивительное дело — прямых угроз у белых нет, фигуры тоже не хватает, а стоят они превосходно! Впрочем, этому есть объяснение: черный конь давно на дальнем пастбище...» (Г. Каспаров).

22... ♜fd8.

«Портиш находит единственную возможность не проиграть сразу. Не годится $22... \text{f5}$ — $23. \text{d7}$ ♜c5 $24. \text{d3}$, и белые отыгрывают фигуру. На $22... \text{h8}$ имеется $23. \text{g4+}$ ♜f8 $24. \text{f5}$ ♖f6 $25. \text{e1}$, и если $25... \text{c6}$, то $26... \text{d7+}$ ♜f7 $27. \text{e7+!}$ с матом. Если же $22... \text{c2}$, то $23. \text{g4+}$ ♜h7 $24. \text{d3}$, и в случае $24... \text{c3}$ $25. \text{f5+}$ ♜g8 $26. \text{g3+}$ белые выигрывают ферзя» (Г. Каспаров).

23. ♜g4+ ♜f8 24. ♜f5!

Ходом $24. \text{d7+}$ белые могли практически восстановить материальное равновесие, но после $24... \text{d7}$ $25. \text{d7}$ ♜c4 $26. \text{h5}$ ♗f6 атака выдыхается, а техническая сторона борьбы в то время еще не слишком импонировала будущему шахматному королю.

24... ♖f6.

Почему не 24...♔d6, и после 25.♖g6+ ♕g7 у черных все в порядке? Оказывается, в этом случае исход боя решал тихий ход 25.♖f6!!, и белый король оказывается удивительно живучим: 25...♙:e5? 26.♖:e5 и от мата можно откупиться лишь ферзем.

А попытка подтянуть на защиту коня — 25...♖c4 (столь же тщетно и 25... ♖c6 26.♖g6+ ♕e8 27.♖e1+ ♖e7 28.♖:e7+) наталкивается на опровержение — 26.♖g6+ ♕e8 27.♖e1+ ♕d7 28.♖e7+.

25.♖d7+.

«Можно было соблазниться красивым матом: 25.♖g6+ ♕e8? 26.♖h5! ♖:d5 27.♖e5+, однако после 25...♕g7! ничего особенного нет — 26.♖f4 ♖:d5, вынуждая 27.♖:d5 ♖c5 28.♖:e7, ибо не годится 27.♖g6+ ♕h8 28.♖e6 из-за 28...♖g5» (Г. Каспаров).

25...♖:d7.

Вынуждено, так как 25...♕f7 вело к изящному 26.♖h7+ ♕e6 27.♖e1+ ♕:d5 28.♖e4+ ♕d6 29.♖d1x.

26.♖:d7 ♖c5 27.♖h7 ♖c7 28.♖h8+!

«Естественное» 28.♖d3? позволило бы черным удивительным образом использовать возникшее противостояние черной ладьи и белого ферзя (поэтому ходом раньше точнее выглядело 27.♖h3, сохраняя как возможность шаха на h8, так и отступление ладьей на d3) — 28...♖:f2+!! 29.♕:f2 (взятие ладьей вело к мату в три хода) 29...♔c5+ 30.♕g3 ♖:h7, и наибо-

лее вероятный исход партии — ничья.

28...♕f7 29.♖d3 ♖c4 30.♖fd1!

Черные наконец-то подтянули коня к полю боя, но и белые полнотью наладили взаимодействие всех своих сил. Грозит, в частности, новая волна атаки — 31.♖h7+ ♕e6 (31...♕f8 — 32.♖d8+ с матом; 31...♕e8 32.♖g8+ ♔f8 33.♖d8+) 32.♖g8+, выигрывая ферзя. И — «Портиш, утомленный трудной защитой, допускает решающую ошибку» (Г. Каспаров).

30...♖e5?

Необходимо было воздвигнуть шлагбаум на пути белых ладей ходом 30...♔d6!, и на 31.♖d5 продолжать не 31...♖:a3? 32. ♖:d6! ♖:d6 33.♖h7+, а 31...♖c6.

Означает ли это, что комбинационная атака белых, начатая 21-м ходом, сродни блефу и истинную красоту в себе не несет. Ни в коей мере! Ведь даже при идеальной защите соперника, продолжая 32.h4, белые сохраняют хорошие шансы на успех: пешка просто идет в ферзи, а фигуры черных словно бы парализованы.

Теперь же после хода в партии черный король вынужденно отправляется в свое последнее путешествие.

31.♖h7+ ♕e6 32.♖g8+ ♕f5 33.g4+!

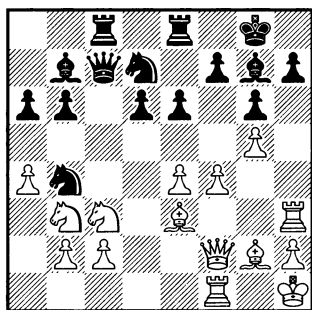
Все тот же мотив — 33...♖:g4 34.♖d5+

33...♕f4 34.♖d4+ ♕f3 35.♖h3+.

Черные сдались: 35...♖c3 36.♖d5+.

И еще мне никогда не забыть переполненный гудящий пресс-центр в Концертном зале имени Чайковского, когда последняя партия матча 1985 года решала: сохранит ли Анатолий Карпов корону или мир получит тринадцатого по счету чемпиона. Шанс Карпова, отстававшего на очко, состоял в белом цвете фигур, и с предельной концентрацией всех своих знаменитых бойцовских качеств он, избегая малейшего риска, последовательно усиливал позицию. Прорыв f4-f5 становился реальной опасностью.

Только вдруг пресс-центр, где гроссмейстеров (помните классификацию Геллера — просто гроссмейстеров!) было куда больше, чем пальцев на руках, сначала стих, затем охнул и — загудел. Ход, сделанный претендентом, в бесконечном калейдоскопе перебираемых вариантов даже «в порядке бреда» не фигурировал.

23...♙e7!!

Черная ладья запирает себя в клетку, теряя вроде бы взаимодействие с другими тяжелыми фигурами, и во имя чего? Защи-

ты пункта f7, что обесценивает львиную долю проделанной белыми работы. А когда затем и вторая ладья, покинув свою «законную» полуоткрытую линию, перебралась на e8 и грянул контрудар f7-f5, стала ясна вся правота и обоснованность последующей оценки Каспарова: «...ходом и связанным с ним замыслом я вполне могу гордиться».

Шахматный мир — тоже. Тем, что при всех издержках бытия имел такого лидера.

К сожалению, великому и бесконечному, именно так и приходится говорить о живом, здоровом и достаточно еще молодом Каспарове: в прошедшем времени. После проигрыша матча Крамнику — это был как бы последний звучный аккорд ушедшего XX века, он буквально рвал и метал. Во время поединка в Лондоне автор этих строк ни за какие коврижки не согласился бы быть ни его секундантом, ни его мамой (своеобразно это звучит, не правда ли): им всем доставалось по высшей мере. А затем... Гарри начал утверждать, что по моральным соображениям Крамник обязан дать ему матч-реванш: в контракте на лондонский поединок он предусмотрен не был, да и сам Каспаров весьма неодобрительно отзывался о действиях Карпова, в свое время матчи-реванши возродившего.

Призывы теперь уже экс-чемпиона мира оказались аналогичными тем, что звучат по извест-

ной поговорке, в пустыне. Тогда Каспаров сделал все возможное, чтобы уже не принадлежащий ему титул стал собственностью некогда его близкого друга, ставшего первейшим врагом, Кирсана Илюмжинова, а в обобщенном смысле — ФИДЕ. Так называемые пражские соглашения 2002 года исключили отныне для гроссмейстеров любую параллельную борьбу за корону, которую сам Каспаров повел десятилетием раньше, разыграв чемпионское звание с англичанином Найджелом Шортом вне рамок ФИДЕ. Многие шахматисты не восприняли слова и дела Каспарова. Не воспринимать его победы на доске было невозможно. Один за другим выигрывались почти все крупнейшие турниры, да еще, по авторам романа о «старшем мастере» Остапе Бендере, «просто и убедительно, в стиле чемпиона». Сохранился наивысший рейтинг в мировом листе, его по-прежнему именовали «Великим и Ужасным». Но вот в конце 2004-го он стал первым на сильнейшем суперфинале российского первенства, в начале 2005-го — на традиционно элитарном турнире в Линаресе, и... Громом с чистого безоблачного неба стало его заявление об уходе из шахмат: третий раз в жизни Каспаров решил окунуться в политику. Недоумение, сожаление и невидимые миру слезы вызвало его намерение ни много ни мало, как побороться за должность

Президента России, причем его близкие в успехе не сомневались. Полуармянину-полуеврею победить на всенародных выборах — это была чудовищная переоценка позиции, и такого на шахматной доске 13-й «президент» не позволил бы себе даже в страшном сне.

Правда, позднее иллюзии рассеялись, но в оппозиции к власти Каспаров, глава — иначе в жизни он себя не представлял — малочисленной, созданной им партии, остался. Митинги, марши протеста, иногда разрешенные, иногда не санкционированные не раз приводили его к мизерным в общем-то штрафам, а однажды — к пятидневному сидению в камере предварительного заключения на Петровке, 38, в Москве — здании уголовного розыска. Здесь чуть было не состоялась очередная, хотя и особая встреча с «историческим соперником»: Анатолий Карпов, неся в руках свежий номер шахматного журнала, приехал навестить его. Не берусь судить, чего больше было в таком визите: благородства, солидарности с товарищем по шахматному цеху или просто просчитанного жеста, но само собой, 12-го шахматного короля к 13-му не пропустили. Сам Каспаров позднее с неожиданной восторженностью высказывался о таком визите, и это тоже новая черточка, новый штришок в характере человека, за которым десятилетиями следил и вроде бы хорошо его знал мир, и не только шах-

матный. Что ж, еще древнегреческие философы утверждали, что человек ежедневно меняется. В лучшую или худшую сторону — это уже другой вопрос.

А вот то, что компания Морфи и Фишера, по разным, недостаточно убедительным причинам

покинувшим Великую Игру, пополнилась Каспаровым, жалко до боли.

Ведь зарывать свой талант, мощный, оригинальный, в землю — грех, если и не из числа смертных, то близкий к ним. Но Бог ему судья...

«Дарование есть Поручение»

(Е. Баратынский, поэт Пушкинской плеяды)

Представьте себе маленький, тихий, зимой даже сонный, а летом расцветающий курортный городок, один из самых южных на черноморском побережье Советского Союза, а теперь уж самый что ни на есть южный на территории нынешнего Российского государства. Даже в разгар сезона лишенный амбициозности, высокомерия и шумной суетливости облюбованного властями и потому богатого Сочи, он жил своей жизнью — не столько напоказ, сколько ради себя.

А теперь представьте себе обычный, вполне современный дом, в одной из квартир которого отец — художник и скульптор, в Краснодарском крае и в своем кругу человек известный, чтимый, выставаемый. Мать — учитель музыки, и в череду с исполняемыми ребятами школьными этюдами векового Черни в доме звучит тот гармоничный лад, что всегда поднимает на иную, не на земле лежащую ступень. И еще

в семье двое мальчишек, поначалу невысоких и худеньких, всегда готовых чуть ли не из окна прыгнуть в море, с июня по октябрь теплое, нежное и ласковое...

Ни в доме, ни в городе вообще профессионально в шахматы не играли. Но доска в интеллигентной семье, естественно, была, и однажды отец показал своему младшенькому ходы, объяснил кое-что и сыграл с ним — вечер за вечером — быть может, пару десятков партий. Не иначе, как некая всевышняя сила подтолкнула его в тот момент под руку — на более благодатную почву эти семена упасть не могли. Сыну в ту пору было от роду года четыре, и что-то в волшебной игре вдруг захватило его куда сильнее, нежели все остальные дела и забавы детского возраста...

Через несколько лет у родителей хватит мудрости и смелости совершить в отношении сына Поступок: они разрешили мальчишке, по сути дела несовер-

С другом и соперником Борисом Гельфандом

шеннолетнему и уж явно не привыкшему к жизни вне теплого семейного круга, уехать в Москву, снимать там некое подобие жилья, кормиться как попало и чем попало со всеми вытекающими отсюда последствиями — потому что свежий морской воздух Туапсе содержал и массу озона, и мириады отрицательных, столь нужных человеку ионов, и целый букет субтропических запахов, но вот шахматных флюидов он не содержал совсем...

Впрочем, все это будет позднее. А пока... Показывая сыну хитросплетения шахматных траекторий на доске, любящий отец и не подозревал, что безобидной этой, полезнейшей в принципе затеей раз и навсегда лишает

свое чадо — детства. Той самой благословенной поры, где внешняя уязвимость подспудно опирается на глубочайшую внутреннюю уверенность, что тебя — защитят; когда поочередно хочется быть и пожарным, и летчиком, и Маугли, и Робинзоном, и когда грядущий день дарит то нового друга из соседнего двора, то нового врага с параллельной улицы, то книгу про добродушного Винни Пуха или незамысловатую сказку Андерсена, сквозь словесную ткань которой так и веет особое, отшлифованное временем и пространством тепло к маленькому читателю.

Конечно, какие-то элементы детского своего мироощущения остались у мальчика в кладовых памяти, но... В пять лет он уже

пошел в городской дом пионеров, где кружок вел единственный в Туапсе «шахматный профессионал». Разряд у него был первый, понимание шахмат соответствовало этому уровню, но он очень любил свое дело и сумел еще сильнее увлечь мальчишек, с которыми занимался. А когда от стремления все познать дрожат кончики пальцев и это совмещается с абсолютным шахматным слухом, то... Класе в третьем он выиграл чемпионат города среди взрослых и — на законных правах местной знаменитости — оказался в поле внимания многих. Нет-нет, школьных поблажек это ему не сулило, да он в них и не нуждался. К слову, золотую медаль на финише не получил лишь по той причине, что выпускные экзамены не сдавал: играл в те же дни на юношеском чемпионате мира.

Зато в шахматах... Семилетнему (!) перворазряднику год или два помогали наставники куда более поднаторенные: мастера Орест Аверкин, в свое время секундировавший Льву Полугаевскому в пору борьбы за мировую корону, и Алексей Осачук. «Они жили сравнительно недалеко и приезжали к нам в Туапсе. Отец предлагал им деньги за эти занятия, но они отказывались», — это из воспоминаний о том времени. Сам же рос как на дрожжах — в прямом и переносном смысле. Играл только в пределах Краснодарского края, выезжать далее

возможности еще не было, но на краевых первенствах набрал, как орехи с дерева, все необходимые баллы и в 11 лет с легионом разрядников расстался: получил уже звание — кандидата в мастера. А чуть позже, в знаменитой школе Михаила Ботвинника, стоя у демонстрационной шахматной доски, головой, и отнюдь не вытягиваясь в струнку, доставал до восьмой горизонтали: рост тоже становился неординарным, как и его игра...

Но сначала представьте себе шахматный уровень 9-летнего ребенка, совершенно незнакомо еще с теорией — подчас познания простираются на 6-8 начальных ходов, и то далеко не во всех дебютах, но научившегося уже самостоятельно искать — и находить! — планы игры, перестраивать фигуры так, чтобы действовали они единонаправленно. Кому-то такая параллель может показаться рискованной, но увидев партии мальчика, я не мог отделаться, не мог абстрагироваться от другого вундеркинда: пятилетний Вольфганг играет на фортепиано менуэт для клавира, а его отец, в отличие от сына знающий нотную грамоту, записывает первое сочинение гениального Моцарта-младшего. Шахматы — не музыка, соперник всегда противодействует «чистому творчеству», но в столкновении идей рождается то, что имеет шанс на долгую-долгую жизнь.

А потом в дело вмешался Случай. Тот самый, что никогда не смел отрицать даже ортодоксальный по сути своей марксизм-ленинизм. Я не верю, что он кардинально изменил жизнь мальчишки — молодое деревце в своем росте взламывает даже асфальт, но то, что процесс роста стремительно ускорился, — это точно. Некий любитель шахмат в Туапсе, ничего не сказав ни родителям, ни мальчишке, взял да и отправил в школу Ботвинника-Каспарова (она как раз возобновляла свою работу) письмо об одиннадцатилетнем кандидате в мастера. Наверняка Ботвинник получал таких писем сотни, и наверняка каждые 98 из 100 были не по делу. Но именно это он не выбросил в корзину, а ответил и попросил прислать партии. Потом посмотрел парочку-другую из одиннадцати присланных и сказал:

— Этого мальчика надо обязательно взять.

Его сотрудники возразили:

— Ну зачем вы торопитесь, Михаил Моисеевич, давайте досмотрим и остальные партии.

— Конечно, досмотрим, — ответил Ботвинник. — Но брать все равно будем.

«В таком виде эта приятная «легенда» дошла до меня. Не знаю, быть может, произвела впечатление готовность в таком возрасте играть любые, даже очень спокойные позиции, переходить в равные, а то и чуть худ-

шие окончания. В основном мне попадались в то время книжки по эндшпилю, а самой первой моей книгой был сборник избранных партий Анатолия Карпова. Вообще меня тянуло к позиционной игре с небольшой тактикой, уже тогда стремился к универсальности. И мне кажется, в идеале у шахматиста не должно быть какого-то особого стиля, он обязан играть любые позиции.

Тогда школа Ботвинника—Каспарова — это было нечто. Туда приглашались самые талантливые ученики со всей страны. Там занимались Свидлер, Рублевский, Широу, Акопян... На самой первой моей сессии в Друскининкай-87 чувствовал робость, боязнь не вписаться в круг избранных учеников, опасение, что я слабее других. Оказался же я где-то посередине той компании. Почувствовал ли я противоречия в восприятии шахмат на уроках Каспарова после книги Карпова? Да, конечно. Они играли тогда в совершенно разной манере, но оба чрезвычайно сильно. В ту пору я только начал понимать, скорее даже чувствовать, почему это происходит. Это противоречие научило меня смотреть на многие проблемы шахмат как можно шире».

Это, как вы понимаете, уже сам Владимир Крамник. Так давно вошедший в шахматную элиту мира, что уже в 25 выглядел там старожилом: чуть ли не однокашником Анатолия Кар-

пова, который ровно вдвое старше, и Гарри Каспарова, который старше ровно на треть. К слову, по восточному календарю все они родились в год Кота, но совсем не поэтому я верю: если бойцы «старой гвардии» не сумели стать королями, то лучший из «молодогвардейцев» просто еще не успел им стать...

И это — справедливо. Как справедлив и принадлежащий Крамнику своеобразный мировой рекорд, который, казалось, никто не повторит и, тем более, не превзойдет. В 16 лет от роду он попал в сборную СССР — «позади» остались многие десятки (!) советских гроссмейстеров и сотни (!) международных мастеров — и стал самым молодым в истории олимпийским чемпионом, да еще с абсолютно лучшим результатом — 8,5 из 9! Вот тогда-то, в 1992-м, Гарри Каспаров, отнюдь не собиравшийся уступать корону, сказал, что своим преемником на троне видит именно Крамника. С тех пор прошли годы, и счет их поединков в классических шахматах — равный, а в «быстрой игре» — даже в пользу Крамника. Еще: он единственный, кто однажды опередил Каспарова в полугодовом рейтинглисте ФИДЕ и вышел на первую строку в мировой табели о рангах.

И еще: вслед за Каспаровым он дал уже сеанс одновременной игры национальной сборной Швейцарии, то есть — *гроссмей-*

стерам! Конечно, это во многом подтверждает прозорливость Геллера в его — помните? — «классификационной таблице», но это свидетельствует и о немыслимой шахматной силе сеансеров. К слову: у Крамника, как и у Каспарова, в совершенствовании толка не видно. Не случайно его товарищ Александр Халифман, ставший в 99-м чемпионом мира ФИДЕ, об одной реплике Крамника на шахматной доске отзывался более чем выразительно: «Нечеловеческий ход».

С его творчеством познакомиться сейчас не проблема: существует наша совместная с Крамником монография «Прорыв», по всем шахматным изданиям и сайтам рассыпаны десятки статей о нем и его статьи. Здесь же — поединок, который показывает, сколько видят гроссмейстеры даже в «быстрых» — 25 минут на всю партию — шахматах.

Староиндийская защита E93

В. Крамник — Г. Каспаров

«Кремлевские звезды» 1994

1. ♖f3 ♘f6 2. c4 g6 3. ♘c3 ♙g7
4. e4 d6 5. d4 0-0 6. ♙e2 e5 7. d5.

Раньше я играл в основном системе Земиша, но в то время обратился к варианту Петросяна. Еще не так давно он казался «закрытым», поскольку черные неизменно получали хорошую позицию (во многом благодаря разработкам Каспарова), но не все так просто. Не могу сказать,

что глубоко анализировал этот вариант, однако помню известное правило: когда два коня находятся «в связке», например, на d7 и f6, они менее поворотливы. Конечно, есть план с a7-a5 и ♖a6, но там конь расположен не совсем удачно, в то время как у белых всегда есть стандартная игра, связанная с a2-a3, ♖b1, b2-b3-b4. Двумя месяцами раньше в Линаресе я ожидал, что Каспаров изберет план с a5 и ♖a6, но он сыграл 7...♗bd7, поэтому в Москве я был готов к такому повороту событий. На мое решение повлияло и то, что мой соперник трижды (!) проигрывал в этой схеме — Вейнгольду в 79-м (на Спартакиаде народов СССР), Юсупову в Кубке мира (правда, позиция его была совершенно выигранной) и мне — в Испании.

Между прочим, играют и сразу 7...♖a6 — так со мной продолжал Камский в Монако-94. Далее было 8.♗d2 (чтобы на 8...♗c5 иметь возможность 9.b4!) 8...♙h8?! (смысл этого хода мне непонятен и по сей день) 9.a3 c5 (теперь перспективы ферзевого коня весьма туманны) 10.h4! h5 11.♗f3 ♗g4 12.♗g5. Борьба развернулась на королевском фланге, где белые оказались гораздо лучше отобилизованы, и черный конь a6 вошел в игру уже тогда, когда мог бы и не входить...

7...♗bd7 8.♙e3.

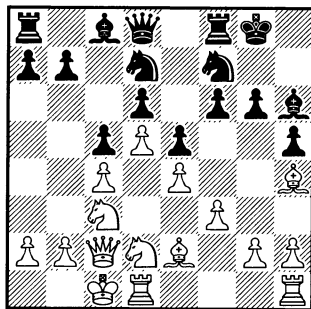
В Линаресе-94 я играл 8.♗g5 — это основная линия. Но «актив-

ные» шахматы — особая игра, в ней важно первым удивить соперника, особенно если это Каспаров... Мое продолжение не претендует на дебютный перевес, это, так сказать, «игровой» ход, вынуждающий, однако, ответный выпад противника: если мне дадут сыграть 9.♗d2, перевес белых будет бесспорен.

8...♗g4 9.♗g5 f6 10.♙h4 h5 11.♗d2 ♗h6 12.f3 ♗f7!?

Заслуживало внимания 12...a5. Теперь возникла позиция, которая мне не была известна (подозреваю, что и Каспарову тоже). Обычный план в таких схемах — 0-0, ♙f2, ♙h1. Но при черной пешке на h5 логичнее уходить в «три нуля».

13.♙c2 ♙h6 14.0-0 c5.

15.dc?!

По-видимому, неточность. Сильнее было 15.♙b1, и у белых немного лучше. Во всяком случае, я бы такую позицию играл только белыми. Сейчас же положение становится неясным.

15...bc 16.♙b1 a5?!

И Каспаров избирает не сильнейшее продолжение. Более ве-

сома контригра черных в случае 16...♖c5! 17.♘b3 (или 17.♙f2 ♘e6 18.♘b3 ♖e7, и черному коню ничто не мешает со всеми удобствами занять пункт d4 после предварительного с6-с5) 17...♙e3.

17.♘a4 (с очевидной идеей 18.с5, вынуждающей ответ соперника) 17...с5 18.♘с3 ♙е3?!

Недолго думая. Этот ход меня немало удивил. Черные ведут на размен (тратя важные темпы!) одного из главных защитников собственного короля — притом на коня d2, стеснявшего мою собственную позицию. Я был уверен, что последует 18...♙b7 19.♘d5 a4 с неясной игрой (слабее 19...♘g5 с идеей ♘e6-d4 ввиду 20.♙:g5 ♙:g5 21.g3 ♙h6 22.f4 с инициативой).

19.♘d5 ♙d4 20.♘b3.

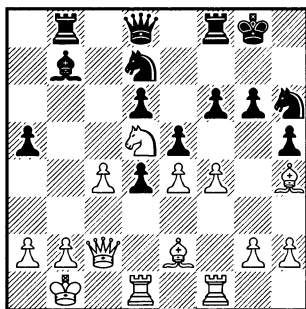
Здесь я считал свою позицию гораздо лучшей. Впрочем, авторитет чемпиона мира давил, зас-

тавляя сомневаться: может быть, чего-то не вижу?

20...♙b7 21.♘:d4 cd 22.f4 ♖b8?!

Беззаботный ход. Сильнее 22...♘h6, на что я продолжал бы 23.fe de 24.c5 ♙c6 (хуже 24...♖c8 25.♖b3 ♘:c5 26.♘:f6+ ♔h8 27.♖g3!, и черным плохо) 25.♖hf1 с инициативой. Каспаров же, видимо, рассчитывал на контратаку, хотя белые явно успевают быстрее. Ход ладьей хорош из общих соображений, но сейчас не до них.

23.♖hf1 ♘h6.

Симпатии голубой догини Джины и шахматного короля на даче у автора сомнений не вызывали...

24.c5!

Здесь я практически не считал вариантов, хотя видел, что спокойное 24.fe de 25.c5 ♖c6 обещает мне перевес. Родилась идея сыграть творчески...

24...♙:d5 (другого, очевидно, нет) 25.ed ♘f5 26.fe.

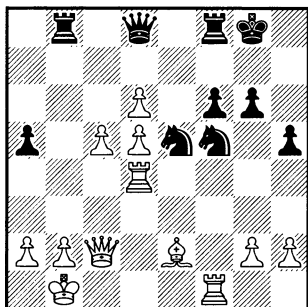
Я уже наметил всю последующую игру с жертвами и как-то не хотелось сворачивать на позиционные рельсы, но серьезного внимания заслуживало 26.c6 с таким примерным вариантом — 26...♘c5 27.fe! ♘:h4 28.ed ♖:d6 29.♙:d4 ♘f5 30.♙c4 ♘a6 31.c7 ♘:c7 32.♙:c7 ♖:h2, и хотя черные держатся, перевес белых несомненен.

26...♘:h4.

Если черные предпочтут качество — 26...♘:e5 27.♙:f5 gf, то после 28.c6 ♖b6 29.♙f2 борьба едва ли затянется.

27.ed ♘e5 (грозило c5-c6-c7) 28.♙:d4 ♘f5.

Другой путь не сулил многого — 28...♙b4 29.♙:b4 ab 30.♖e4 ♘f5 31.♖:b4, и у белых за коня четыре связанных проходных.

29.♙:f5.

Как-то неловко ставить к этому напрашивающемуся ходу восклицательный знак, тем более, что он гармонически связан со всей предыдущей игрой. Разумеется, я мог сыграть 29.♙e4, но отступить...

29...gf 30.♖:f5 ♘g7.

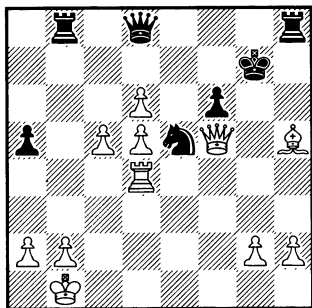
В случае 30...♙b4 31.♖e6+ возникали следующие варианты:

а) 31...♘h8 32.♙:b4 ab 33.♖e7, и очень важно, что черный ферзь сразу не попадает на a5 с контригрой, а после 33...♖c8 34.d7! ♘:d7 35.♙d3 f5 36.c6 ♘f6 белые выигрывают при помощи 37.♙a6! ♖e8 38.♖:f8+ ♖:f8 39.c7. Аналогично завершается борьба и при 34...♖d8 35.♖:d8 (35.d6!?) 35...♙:d8 36.c6 ♘:d7 37.c7 ♙g8 38.d6, и от угрозы ♙d3-f5 нет защиты.

б) 31...♘f7 32.♙:b4 ab 33.♙:h5 (хорошо и 33.♖e4 ♘e5 34.♖:b4) 33...♘g7 34.♙:f7 ♙:f7 35.c6 ♖b6 36.c7 ♖g1+ 38.♘c2, и король скрывается от вечного шаха. Так что ход, сделанный черными в партии, можно считать единственным.

31.♙:h5 ♙h8?

Решающий просмотр; как раз сейчас сильнее 31...♙b4, и после 32.♙:b4 ab 33.♖e6 ♖a5! белые имеют только ничью: 34.♖e7+ ♘g8 35.♖e6+ ♘h8 36.♖e7. Правда, спокойное 32.♖e4 вело к нестандартной позиции, в которой шансы белых все-таки предпочтительнее. Тем не менее борьба продолжалась бы за все три возможных в партии результата.

32. ♖g4+.

Здесь Каспаров всплеснул руками; в серьезной партии он вряд ли упустил бы из виду этот шах. Теперь черные попадают в цугцванг.

32... ♜f8 33. ♖e6.

Из трех белых фигур две висят, а взять нельзя ни одну. Seriously-го внимания заслуживало и 33. c6 ♖:d6 34. c7 ♜:g4 35. c8 ♖+ ♜:c8 36. ♖:c8+ ♜g7 37. ♖:g4+ с большим перевесом, но все же сделанный ход ставит немедленную точку.

33... ♜b7 34. c6.

Тут мой соперник оживился и начал покачивать головой, считая варианты, однако я заранее видел, что жертва не проходит.

34... ♜b2+ 35. ♜b2 ♖b6+ 36. ♜a3 ♖c5+ 37. ♜a4 ♖c2+ 38. ♜b5 ♖b2+ 39. ♜a6 ♖e2+ 40. ♜b7 ♜h7+ 41. d7. Черные сдались ввиду варианта 41... ♖b5+ 42. ♜c7 ♜:d7+ 43. cd ♖c5+ 44. ♜d8.

* * *

Человек предполагает, а Бог располагает. В последнюю минуту удалось вернуть из типо-

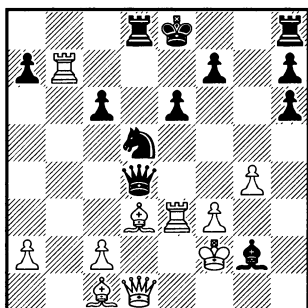
графии еще первое издание этой книги, чтобы добавить несколько строк по поводу события чрезвычайного. У Владимира Крамника по-прежнему было все еще впереди за одним ма-аленьким исключением: чемпионом мира он уже стал!! Четырнадцатым по счету в 114-летней истории борьбы за шахматную корону! Он победил в Лондоне Гарри Каспарова, и его грозный соперник не смог взять верх ни в одной из партий их матча: почти восемь десятилетий такого в битвах за корону не случалось. Пусть этот поединок проходил не в рамках ФИДЕ (его организатором выступила британская «Сеть интеллектуальных игр»), но мир безоговорочно и наредкость дружно признал легитимность нового шахматного короля. Ничего удивительного: ведь играли между собой два сильнейших шахматиста планеты, №1 и №2 в мировом рейтинглисте. К тому же сам счет в матча и характер борьбы в нем места сомнениям не оставлял...

Ну, а пока Крамник уверенно восходил на трон и принимал причитающиеся ему поздравления, в том числе и от Президента России, жизнь повторила казавшийся неповторимым рекорд чемпиона: золотую медаль получил в составе российской сборной на Всемирной Олимпиаде-2000 в Стамбуле московский гроссмейстер Александр Гришук, которому от роду — тоже 16...

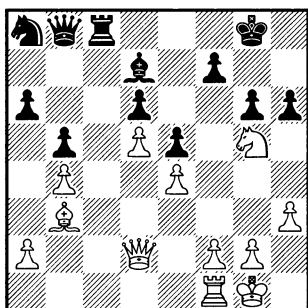
Трижды венчанный

Диагноз, попавший в печать, был похож на приговор: «Да, отличный тактик, но, во-первых, нет школы, а во-вторых — и это главное — поверхностен и легковесен, на партию тратит 30-40 минут из отпущенных двух с половиной часов». В то глубоко социалистическое время практически любое опубликованное слово считалось истиной как минимум в первой инстанции.

Что ж, первому тезису есть убедительные доказательства.

21. ♔g6!!, и черные сдались, поскольку либо теряют ферзя, либо получают мат.

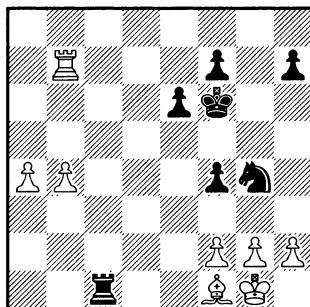
27. ♘e6!!

Этот ход был сделан действительно мгновенно.

27... ♖h7 28. f4 ♔a7 29. ♖h2 ♕e8 30. f5 gf 31. ef f6 32. ♖e1 ♘c7 33. ♖c1 ♕d7 34. ♖c3 e4 35. ♖g3 ♘:e6 36. de ♕e8 37. e7.

С угрозой мата в 2 хода — 38. ♕g8+ и 39. ♖:h6x.

37... ♕h5 38. ♖:d6. Черные сдались.

34... ♘e3!! 35. fe fe.

И поскольку защиты от хода e3-e2 нет, белые сдались.

Остается добавить, что первую из этих партий **Вишванатан Ананд** сыграл против многократного чемпиона Франции **Жоэля Лотье** на турнире в Биле-1997, вторую против вундеркинда **Магнуса Карлсена**, который был в тот момент его «солидером» на турнире в Линаресе — Морелии-2007, после которого индийский гроссмейстер стал как бы турнирным чемпионом мира, а третью против **Владимира Крамника** в матче за корону-2008, который принес

«тигру из Мадраса» (очень не любит Виши такой свой «псевдоним»!) титул как бы абсолютного чемпиона мира. А если вспомнить, что некогда он выигрывал и чемпионат мира ФИДЕ, то такое тройное венчание на царство можно считать уникальным: таким же титуле по молниеносной игре можно даже пренебречь.

Надо ли после этого всерьез обсуждать другие пункты того диагноза, что поставил 18-летнему юноше, впервые приехавшему в шахматную Мекку Москву известный советский тренер? А почему бы и нет, тем более, что многое было справедливо. Действительно, откуда было взяться школе, счастливо приобретаемой советскими ребятами, у мальчишки из несколькомиллионного, но тем не менее достаточно

провинциального Мадраса? Но есть какая-то незримая связь времен, и счастливы те, кого она затрагивает. «Мне было 10 или 11 лет, и я был довольно слабым шахматистом, когда в шахматном клубе имени Михаила Таля (меня туда привела мама, она научила меня играть в мои 6 лет) впервые увидел его партии. Особенно потрясла меня 6-я партия из первого матча с Ботвинником, когда Таль поставил под бой коня на f4 и как спокойно продолжал игру. Конечно, сейчас я могу вспомнить не одну сотню его партий».

Это, как вы понимаете, рассказ самого Виши. И вот о таком «наследии» юного мастера заслуженный тренер СССР и не знал, и принять во внимание не мог. Интуитивные жертвенные атаки волшебника из Риги настолько

вдохновили Ананда, что и он всецело стал полагаться на свою интуицию, которую иначе можно и нужно назвать просто талантом. Много позднее скуповатый на похвалу Анатолий Карпов скажет: «Его гениальность в его самобытности». А такое свойство человека обычным аршином не измеряется...

Именно за счет искрометности — пусть сначала и несколько легковесной — Ананд и выигрывал юношеский чемпионат Индии с результатом 9 из 9, и попал 15-летним в сборную своей страны, выступавшей на Олимпиаде-1984. Трудов это ему особых не составило: родина шахмат к числу шахматных держав никак не относилась, опыта пришлось набираться за рубежом. Он побеждал и на юношеских чемпионатах мира, опережая Василия Иванчука и других шахматистов будущей мировой гвардии, и на турнирах разных калибров. Купил дом в Испании, чтобы общение с себе подобными стало более тесным, играл много и неутомимо, хотя вовсе не разменивался по мелочам. Постепенно — нет, достаточно быстро! — обретал упорство в некогда нелюбимой защите, и сегодня на его счету не меньше удержанных трудных позиций (от их возникновения не застрахован никто), чем у других «труднопробиваемых».

Все это дало богатый урожай побед. Достаточно хотя бы вспомнить оглушительную чере-

ду его побед 1988 года: Вейк-ан-Зее, Линарес, еще три чуть менее звездных турнира. И, как следствие, первый «Оскар», вручаемый лучшему шахматисту года — потом их будет еще с полдюжины, и рекорд Каспарова оказался под вполне серьезной угрозой: ведь Виши, отметив 40-летие, на шахматную пенсию не собирается. Хотя и высказал однажды свое кредо: «Я безмерно счастлив в шахматах. Но не хочу, чтобы титул чемпиона мира определял мою жизнь. С годами на первый план выходят иные ценности, все мы рано или поздно возвращаемся к своим корням. И я рад, что возвращаюсь не с пустыми руками». Словом, не оспаривая то, что шахматы с одной стороны слепок реальной жизни, а с другой — искусственно придуманный мир, мир иллюзий, Ананд и мыслит, и действует более широко.

Счастлив он и в своем супружестве с Аруной. Родители сватали этот союз, когда дети были еще детьми: в высших кастах индийского общества (а оба они брахманы народности хинду) так принято испокон веков, и при всей своей цивилизованности видный и высокопоставленный инженер Ананд-старший ломать традиции не собирался. И вот уже более десяти лет Виши на любом турнире сопровождает совершенно очаровательная жена, как некогда сопровождала Ласкера его Марта, тихо сидит в пресс-

центре и, в принципе совсем не разбираясь в шахматах, следит по телевизионным мониторам за игрой Виши. На улице Аруна идет, как и положено восточной жене, на шаг позади мужа и немного справа, но когда Ананды думают, что их никто не видит, просто нежно берутся за руки. Когда-то на мемориале Талья в Риге Виши на пресс-конференции подтвердил: «Мяса не ем», а на вопрос о девушках совсем по-талеvски мгновенно ответил: «Девушек тоже не ем». И в жизни с Аруной подтвердил это.

К слову, шкатулка с его чемпионскими регалиями могла быть пополнена еще раньше. Но ведя в матче с Каспаровым — победа после стартовых 8(!) ничьих, он нарвался на оглушительную дебютную заготовку, проиграл и ... рассыпался: с тех пор пошли вполне закономерные разговоры, что Ананд до поражения и после поражения — это не совсем один и тот же шахматист. В другой раз на чемпионате по версии ФИДЕ он громил всех подряд, вышел в финал и — получил там в партнеры Карпова, свеженького, не уставшего, допущенного волею международного шахматного начальства. Поединки в классичес-

ких шахматах перевеса никому не дали, а к тай-брейку Виши просто выдохся.

Надо сказать, что по непостижимой логике ФИДЕ на пару лет вообще выпадал из борьбы за корону. Другой бы на этом сломался — Ананд даже не протестовал: понятие кармы, судьбы то-есть, для него — не пустой звук. Вообще-то он человек большого внутреннего порыва, но внешне он практически не выдает свои чувства — Индия, предки, традиции тому учат. Вот потому-то он так же любим в шахматном и не только шахматном мире, как и его незримый проводник — Михаил Таль. Конечно, знак тождества между ними не поставишь — на корриду против быка Виши не выйдет и потехи ради поездить на верблюде вряд ли захочет, но вот побывать там, где еще не ступала нога человека — его постоянное желание. Как и мечта стать космическим путешественником, на которую, впрочем, у чемпиона мира денег явно не хватит. А на свой дом в Мадрасе — хватило, и теперь жизнь течет в самом центре Азии и на краю Европы — если не считать продолжающихся шахматных баталий по всему миру.

ШАХМАТЫ И ВЛАСТЬ

Нет оснований полагать, что все обитатели символического шахматного мира воспринимали происходящее как волю Божью и, следовательно, как благо. Не мне и не здесь рассуждать о психологии народа (и народов!), чувствующего одно и делающего совсем другое. Ведь и чехи в 1968-м плевали в сторону советских танков, входящих в Прагу, но баррикады — не строили. И менее десятка советских людей из тысяч все понимающих вышли по этому же случаю на Красную площадь, чтобы пройти затем кандальный шлях лагерей, но не мучиться стыдом перед самими собой. Безусловно, многим не по душе был весь диктат, весь произвол власти, но возму-

щение высказывалось либо жене на ночь глядя, либо ей же на кухне перед ужином. Осуждать за это?.. Кто посмеет, если в стране штатная армия КГБ состояла из 502 тысяч сотрудников (цифра считалась наисекретнейшей), и если в каждом глухом районе — тысячи верст до любой границы! — был уполномоченный, призванный блюсти Государственную Безопасность. О добровольных и платных «стукачах» речь не идет: имя им — легион...

И шахматисты в большей степени, чем представители иных, по крайней мере — спортивных профессий, воспользовались для обретения личной свободы древним, как мир, способом...

Исход

Было это в конце 70-х, в самое что ни на есть застойное время. С рождественского международного турнира в итальянском городе Реджио-Эмилио возвратился экс-чемпион мира Смыслов, занявший там второе место. И на традиционном приеме у председателя Госкомспорта нарвался на выговор за такой «унизительный» результат.

Выговор делался тоном, в воспитанном обществе неприемлемым, и стой на месте Смыслова иной человек, ответная реакция могла обрести не менее резкий оттенок. Но мудрый человек Ва-

силий Васильевич, давно научившийся отделять земную суету от вечных ценностей, только поправил очки.

— Какой смысл волноваться, — возразил он главному спортивному чиновнику, — ведь все равно победила советская шахматная школа!

Поток упреков оборвался на полуслове: хозяина шикарного кабинета как раз и возмутило то обстоятельство, что первым в Реджио-Эмилио стал другой московский гроссмейстер. Бывший московский. Бывший советский.

Да, из песни слов не выкинешь: не один, не два и не десять наших шахматистов навсегда покинули родные места. Легально, с оформлением всех положенных эмиграционных документов, или через женитьбу и замужество с иными подданными (Алла Кушнир, Татьяна Лемачко, Борис Спасский), или с нарушением 64-й (мистика какая-то, и здесь чисто шахматное число!) статьи Уголовного Кодекса РСФСР, которая среди прочего грозила приличным сроком и даже высшей мерой наказания так называемым «невозвращенцам» из зарубежных командировок. О некоторых в наших газетах появлялись уничижительные статьи и письма в редакцию — это когда умолчать было невозможно. О других шахматные болельщики узнавали много позже, получив какой-нибудь зарубежный журнал и найдя там знакомую фамилию среди участников чемпионата той или иной страны. Как правило, фамилии возглавляли таблицу. Бывшие советские гроссмейстеры (если «исходили» мастера, то долго в этом звании они за рубежом не засиживались) становились чемпионами Франции и Соединенных Штатов, Израиля и Швейцарии, Голландии, Швеции, Канады, Аргентины, Австралии, даже — парадокс — дружественных нам тогда Болгарии и Польши. Примером может слу-

жить хотя бы Александр Иванов. Мальчишкой — мастером он на Спартакиаде народов СССР выиграл у самого чемпиона мира Карпова: тут же, как подающий надежды, получил в порядке поощрения первый свой зарубежный турнир на социалистической Кубе, но на обратном пути в аэропорту капиталистического Монреаля попросил у полицейского политическое убежище. Через пару лет гроссмейстер Иванов возглавлял уже канадскую сборную на очередной Всемирной Олимпиаде. Вообще Олимпиады заговорили по-русски. Дело дошло до парадокса: сборные США и Израиля порой практически полностью состояли из воспитанников советской шахматной школы. Русскоязычными оказались и грандиозные, по 100 участников, чемпионаты мира — и первый, и второй, и все последующие. А сколько граждан СССР, рассеянных ныне по свету, на эти высшие шахматные тусовки не попали по причине чуть меньшей квалификации, хотя на родине играли — и выигрывали! — в чемпионатах Москвы, Ленинграда, Киева, Одессы, Минска и других городов-героев...

Но все же это были беглецы от системы. Бой — в разном градусе ярости — ей дали лишь двое. Зато какие двое: их как шахматных суперзвезд знал действительно весь мир...

«Заседание продолжается»

Конечно же, это не его слова. И он никогда не цитирует их, потому что Остап Бендер — не его любимый герой. Просто во время матча 1966 года за шахматную корону Михаил Таль, который знал «12 стульев» наизусть и вообще защищал свой университетский диплом по диалогии Ильфа и Петрова, комментируя первую «результативную» партию, адресовал эти слова проигравшему ее Борису Спасскому. Таль имел в виду, что один проигрыш в 24-раундовом поединке весит не так уж много, но руку гения всегда ведет рука Божия, и Таль как в воду смотрел: ведь при желании тот, кому это было сказано, мог произносить любимую фразу великого комбинатора многократно.

Только не поначалу. Жизнь шахматная, в отличие от жизни человеческой, начиналась у Спасского просто блистательно. В той, главной, было и безотцовское детство, и товарный вагон, шедший на Урал. Четырехлетнего Борю и тысячи других ребят (чуть ли не в соседней «теплушке» ехал будущий олимпийский чемпион Саша Иваницкий) из уже осажденного, сносимого бомбами и снарядами, сказочно красивого города спасали единственно возможным еще способом. Затем возвращение, голодная жизнь с братом и сестрой на

нищенскую в общем-то зарплату матери. И — шахматы. Слава Богу, они возникли очень и очень рано.

«Когда я начал заниматься шахматами — сошел от них с ума (это я малышам специально говорю: я совершенно стал сумасшедшим, увлекся, и весь остальной мир исчез для меня). Я тогда ездил в шахматный клуб на Васильевский остров. Там был шахматный павильон. Время голодное, люди моего поколения это хорошо знают. Обуви не было, летом босиком, какие-то трусы на тебе, майка, куртка там, не знаю. Денег выдавалось на трамвайный билет туда-обратно, еще можно было купить пирожок и стакан газированной воды. Я пропадал с 10-11 утра до 11 вечера, даже позже. Поначалу только наблюдал, как играют другие, был очень нерешительный, стеснялся. Шахматы были таким сказочным миром, который еще не открыл свои плохие стороны. Целый месяц я наблюдал, а потом сел за доску. Составили мальчишеский блиц-турнир. Ну и как полагается в таких случаях, я зевнул детский мат на f7; конечно, заревел. Без этого нельзя. Обида есть обида — обидно проигрывать. И все-таки потихонечку начал втягиваться.

Все думают, если мальчику восемь-десять лет, — он маленький.

Это совсем не так, взрослые очень ошибаются. Моя жизнь превратилась в мучение, я начал жить страшными переживаниями, забывал есть. У меня такой страсти никогда после этого не было.

Проблема заключалась в том, что жил я на 8-й Советской, а нужно было на Кировские. Все-таки большое расстояние, километров десять, думаю. Да, 12-й трамвай, совершенно верно. Трудно было добираться назад: в конце дня, голодный, валишься от усталости, а весу-то было 25 кило, за волосья взять и поднять можно. Трамваи переполнены,

если удавалось зацепиться за подножку — верх достижения, позиционного достижения. Помню проводы белых ночей и последний трамвай, совершенно безнадёжная позиция. Я устроился на «колбасе», на подножке места не было, а на «колбасе», если трамвай прямо идет (огромная такая пузатая, красная задница трамвая) — не опасно. Но на повороте ведет в сторону. Ну, я думаю: выдержу. И вдруг пьяный залез на колбасу — ох, как я, помню, перепугался. Было впечатление, что стою под угрозой мата в один ход на протяжении четырех остановок. Но пьяные способны на вираже не упасть, не свалиться. Что он там только ни делал! Но все-таки слез; я с таким счастьем вздохнул, потому что мне казалось — дальше некуда, все время как бы виделась какая-то шахматная позиция, и все не так, как надо. И он меня толкал ужасно. И вот после того, как он «сошел», я почувствовал большое облегчение, добрался-таки до дома.

Но самое неприятное в этих трамвайных путешествиях — это когда (обуви-то не было) кованные башмачки наступали на ваши ноги. Никому не рекомендую испытать...» (Б. Спасский).

Успехи пришли на удивление быстро: талант — природный, нетронутый — то и дело заявлял о себе. И наставник оказался изумительным: пришедший с войны в уже знаменитый шахматный

клуб Ленинградского Дворца пионеров (это был действительно Дворец императрицы Марии Федоровны, супруги Александра II, изысканно отделанный, прямо-таки излучающий гармонию всех своих пропорций; шахматисты получили в нем кабинет наследника, будущего Государя Александра III — огромную угловую комнату с окнами на Невский) Владимир Григорьевич Зак, впоследствии за-служенный тренер СССР. Он занимался и с Виктором Корчным (тот, правда, потом понес своего наставника по кочкам: дескать, не так и не тому учил), и с угловатым, из не слишком-то благополучной семьи Анатолием Лутиковым, будущим гроссмейстером большого таланта и огромного, до конца не реализованного потенциала, и с добрым десятком-другим сильнейших впоследствии мастеров. Но Борис — ходил в любимчихах.

«В то голодное время он меня кормил. Потом уже показывал варианты, занимался. Отправил меня в 47-м году в Артек, я там впервые белый хлеб увидел. Если кто в жизни голодал — может оценить. В 48-м году благодаря Заку и Григорию Яковлевичу Левенфишу (его очень люблю и ценю) мне была устроена Государственная стипендия. И после получения этой стипендии я уже как-то мог заниматься шахматами, продолжать обучение в школе, в конце концов закончить

университет. Получить не ахти какое, правда, образование. Я потом много занимался самообразованием, иначе нельзя. Я вышел в люди, как и старший брат, и сестра. Здесь заслуга Владимира Григорьевича огромная, и моя мама говорила: «ему нужно в пояс кланяться по древнему русскому обычаю» — этот фрагмент публичного выступления 60-летнего экс-чемпиона мира перед земляками перекрыли аплодисменты.

Скажу больше. Мы с Владимиром Григорьевичем дружили два последних десятка лет его жизни, и однажды у себя дома на улице Карбышева — буквально по соседству обитал в ленинградское свое время Анатолий Карпов — Зак рассказал мне, что готов был усыновить десятилетнего Бориса, чтобы было тому и где жить, и чем кормиться, и заниматься шахматами, что называется, день и ночь. Мать Спасского на это соглашалась, и все документы были уже подготовлены. Но наступал 1948-й: год, когда, приняв эстафету у Гитлера, Сталин, с именем которого ходил в атаки Зак, начал массовые расстрелы еврейской интеллигенции. Усыновление в такой обстановке могло обернуться во вред юному дарованию: и, вопреки шахматным правилам, «ход взяли назад».

Но забежим вперед: через несколько лет кандидат в мастера Спасский не попал в финал чемпионата Ленинграда, а кандидат

в мастера Зак полуфинальный барьер преодолел и, следовательно, получил заветное право выступить в турнире с мастерской нормой — их за год в СССР набиралось 5-6, не более, и потому в том самом 1953-м, о котором идет речь, вождеденный серебряный значок получило лишь шесть человек — на всю огромную и уже очень шахматную страну. Спасский вошел в их число, потому что Зак уступил ему свое место в финале. Уступил со скандалом: многие члены президиума Ленинградской шахматной федерации резко возражали — всеобщей любовью Борис тогда не пользовался. Отчасти из-за зависти: в 11 лет он стал самым юным перворазрядником страны, его упомянул *сам* чемпион мира в широко растиражированной статье о советской (иногда, впрочем, говорили — отечественной, когда нужно было козырнуть успехами «дореволюционного» Чигорина) шахматной школе. Но еще и потому, что характер у Бориса был тот еще!

«...Я уже приобрел кличку. Меня называли «Малая сволочь» — потому что обыгрывал старших и «обзванивал» их при этом. А «звон» был тогда очень мелким: «пижон», «сапог», «играть не умеешь». Все такое самое примитивное. Ну и, понятно, старшим мальчикам это дело очень не нравилось. И они меня наказывали».

Как вы понимаете, цитата — из Спасского. Но однажды и я участвовал в его «наказании»: летом 1951-го, когда под Ленинградом, в Зеленогорске, на берегу удивительно мелкого Финского залива проходил юношеский чемпионат РСФСР.

Однажды, в разгар его финальной части, к нам «в гости» неожиданно пожаловали (явно на разведку) самые грозные соперники на предстоящем командном юношеском первенстве СССР — ленинградцы. Было их, кажется, трое, и в том числе — об этом, разумеется, никто и подумать тогда не мог — будущий шахматный король Борис Спасский. Баловень ленинградских шахматистов, он несколько важничал, что и вызвало к жизни свирепый заговор «аборигенов». Когда было принято предложение поиграть «блиц» на крамольных условиях — проигравший бежал за бутылкой горячо любимого тогда лимонада, — мы, сговорившись, безропотно сплавляли Борису партию за партией и через час-полтора перед Спасским стояло штук шесть лимонадов. «Пей все!» — потребовали мы, и капкан захлопнулся...

И опять-таки из песни слова не выкинешь: став мастером и серебряным призером ленинградского чемпионата, Борис тут же поменял тренера. Он начал работать с остроатакующим на грани «шахматного фола» Александром Толушем. И это было бы

нормально, если бы Спасский... не «забыл» уведомить о случившемся Зака. Тот воспринял это как удар в спину и долгие годы переживал поступок «без двух минут сына». Время, конечно, все сгладило, они помирились, и все же, все же...

Потом — международный мастер в 16 лет. Чемпион мира среди юношей — первый советский, за ним последовал перерыв почти на полтора десятилетия! В 18 — бронзовый призер чемпионата СССР и участник турнира претендентов на мировую корону.

Киножурнал «Советский спорт» посвятил ему часть одного из ежемесячных своих выпусков: и прыжкам в высоту на 180 сантиметров (хобби), и учебе на факультете журналистики Ленгосуниверситета (хобби?), и, главное, титулу всемирного шахматного принца. «Если так пойдет дальше, с Вами вскоре невозможно станет играть!» — приветствовал его сам президент ФИДЕ доктор Фольке Рогард. А вот потом... Потом наступило время то и дело прибегать к любимой фразе не любимого Остапа Бендера.

И после того, как в чемпионате СССР 1958 года, имевшем статус зонального турнира, проиграл партию последнего тура Михаилу Талю и вместо серебряной медали и путевки в межзональный при победе или дополнительного матча за путевку с гроссмейстером Юрием Авербахом при ничьей остался «без двух»...

«Моим тренером тогда был Александр Казимирович Толуш. Отложил я с преимуществом, возможно, достаточным для выигрыша, но трудно было выиграть. И под влиянием Александра Казимировича я решил немножечко переступить грань дозволенного риска, как говорят иногда шахматисты. Миша сразу сообразил, что я «пошел на погружение». Он так на меня хитро посмотрел, ну и, конечно, меня прибил. Да, я еще успел по трусости предложить ему ничью. Он еще раз на меня посмотрел: «Я все-таки мечтаю еще немножко поиграть» — тем более что игра продолжалась примерно три хода. И вот тогда я проиграл, очень расстроился, шел по улице и плакал — крупными такими слезами, как полагается. И повстречал я журналиста Давида Гинзбурга, шашечного мастера, он просидел в советских концлагерях восемь лет. Вышел, еще несколько лет после этого прожил и умер. «Боря, — говорит, — ты плачешь? Я тебе сейчас расскажу, что будет дальше, не расстраивайся. Миша поедет, выиграет межзональный. Потом выиграет турнир претендентов. После этого у него будет матч с Ботвинником. Он выиграет у Ботвинника. Затем будет матч-реванш с Ботвинником. Он проиграет Ботвиннику. А тебе еще играть и играть, и ты достигнешь всего, чего хочешь». А шел, напомним, 58-й год, и Давид Григорьевич (Казимирович)

мирыч почему-то называл его обезьяной, у них были свои, журналистские отношения) попал прямо в точку, все предсказал, как цыганка. Столь поразительного чувства предвидения я не знаю, ну, точка в точку. Так и случилось» (Б. Спасский).

Спасский мог сказать фразу Остапа и тогда, когда на следующем и тоже отборочном «зональном» чемпионате СССР-61 проиграл, оказывается, самую памятную для себя партию. К ее началу он лидировал, имея 6,5 из 9; для наших первенств тех лет — прекрасный результат...

Новоиндийская защита E12 Б. Спасский — Л. Полугаевский

1.d4 ♘f6 2.c4 e6.

«Вспоминаю сейчас еще 1950 год. Я — такой маленький шкет. Команда Ленинграда потащила меня к российским шахматистам, чтобы мы слевой сыграли в шельбаны. Такая, знаете, дурацкая была игра: мы должны пальцами сшибать шашки противника по-чапаевски. Считалось, что я довольно сильный игрок, но на самом деле... Мы сыграли две или три партии слевой, я тут же сдался, он был чистый гений. Все мои шашки так выбил, что никаких шансов на спасение не оставил. А потом уже произошло и шахматное знакомство.

Вообще наши судьбы слевой переплетались довольно странным образом. Мы соперничали

все время. Я вступил в «Локомотив», и он туда же. Потом в 63-м году дал стрекача из Питера. Игорь Захарович Бондаревский сказал: «Знаешь, тут тобой очень интересуются любознательные благотворительные органы. Давай-ка мотай отсюда как можно быстрее». Любознательные органы — это КГБ. И я таким образом перебрался в московские края.

Сначала у меня была комната где-то в 40 километрах от Москвы, в Раменском, прямо у станции, так что каждый проходящий поезд был очень чувствительным для моего мирного проживания в этой комнате. Я тем не менее был счастлив, потому что это — первая отдельная жилая площадь.

...Так вот. Я говорил, что у нас слевой очень интересные происходили совпадения. Я получил это жилье, потом другое — в Москве, напротив Бутырской

тюрьмы. Соседство не очень нравилось, но что есть, то есть. И вышло так, что Лева в конце концов тоже въехал в эту же однокомнатную квартиру напротив Бутырской тюрьмы. Так у меня судьба сложилась, что я перебрался во Францию, и Лева тоже туда перебрался. Такие странные совпадения. Лева недавно умер, я был на его похоронах, было очень грустно...

3. ♖f3 b6.

Должен сказать, что над Левой в жизни мы хихикали, шутики шутили. Например, играли мы в бильярд, и Лева напротив бильярдного зала поставил автомобиль так, чтобы видеть его. Играли с Геллером. Ефим Петрович (он был большой шутник) незаметно вытащил у Левы ключ от машины и дал понять, чтобы я отвлекал внимание. Я отвлек, Ефим Петрович отвел авто, потом опять положил Лева ключ в карман. И мы подвели его к окну. Лева не увидел своей машины, загрустил. Вот какие дурацкие шутики мы все время устраивали. Ну дураки, что делать. Знаете: ум, интеллигентность — это ограничено во времени и пространстве, а глупость — абсолютно безгранична, как вы знаете по нашей нынешней жизни.

Когда мы становились все старше и старше, увидел, что Лева напоминает Виктора Львовича Корчного — исключительно целомудренным отношением к шахматам. За что Леву я очень

уважаю, ценю и люблю. И могу привести пример, о котором мне рассказала его вдова. У Левы не сложились отношения с Корчным... Но когда он его видел, то всегда здоровался. И Корчной не отвечал. И Ира однажды спросила: «Лева, как ты можешь каждый раз здороваться, а тебе — ноль внимания в ответ?!» А он: «Ты знаешь, Ира, как Виктор ко мне относится — меня это абсолютно не интересует. А я к нему, как шахматисту, отношусь с большим уважением». Величие духа! Совсем не так часто случается, а?

Он играл матч с Юдит Полгар, выиграл. Я играл после этого с Юдит, проиграл, она хорошо провела матч, тут ничего не могу сказать. Но Лева, думаю, в конце жизни стал самым тонким шахматным критиком, это кое-что значит.

4. ♖c3 ♗b7 5. ♗g5 ♗e7 6. e3 ♖e4.

Позиция хорошо известна, ничего такого особенного нет. Сейчас, когда существуют компьютеры, вам удастся узнать и не столько, вы получите 15 тысяч партий на эту тему, а может, и больше.

7. ♖:e4 ♗:e4 8. ♗f4 0-0 9. ♗d3 ♗b4+ 10. ♖f1 ♗:d3+ 11. ♖:d3 ♗e7 12. h4.

Король на f1, между прочим, не так плохо стоит. Белые собираются сыграть ♗g5 или, может быть, даже просто g4 и ♖g2. Все-таки у них перевес в развитии, а ферзевый фланг черных пока еще

немножко застопорен. Но тут Лева как-то слегка растерялся. Он не нашел плана и начал мучиться, страдать, но не сразу. Первый ход сделал — 12...f5. Уже, знаете, этот ход пахнет не очень хорошо. Я думаю более аккуратным был план с f6, ♖с6 и как-то так гибко стараться использовать, что король все же на f1. Если бы король был на a1 или на b1, ладья на g1 — это была бы другая позиция. А тут все идет по накату, и белые получают очень сильную атаку, буквально, как говорил Александр Казимирович Толуш, — за бесплатные деньги. После сделанного хода план белых очень прост: открывать линию «g» посредством g4. И вот именно легкость этого плана делает игру белых предпочтительней. В этот момент я пошел

13. ♖e2.

Да, партия развивается немножко в духе Александра Казимировича Толуша. Был такой замечательный лозунг — «Вперед, Казимирыч!» Целое поколение шло под этим лозунгом.

13...d6 14.g4.

Ясно, что в случае 14...fg последует 15. ♖g5 — очень неприятно, противно. Лева бедный (как говорит Смыслов в таких случаях: «Ах, Лева, Лева, бедный Лева»), тут заскучал:

14...♖d7 15. ♖ag1 fg 16. ♖:g4.

Видите, черным уже довольно плохо, потому что атака по линии «g», на e6 — слабость, от h7 тоже, знаете, «дух Бандунга»

идет. Лева тут уже, по-моему, был в цейтноте. А у меня (я играл в то время очень быстро) цейтнотов не бывало, позицию схватывал довольно хорошо, быстро.

16...♖f6 17. ♖g5 ♗d7 18.h5.

Одноворотная позиция. Черным не удалось получить никакой компенсации за давление по вертикали «g» и множество угроз. Сейчас просто грозит h6, и кончим партию. Нужно отдать должное Лева — молодец! Он мужественно сражался, увидите скоро чудо...

18...♖e8 19. ♖g2.

Странная позиция. Вроде король белых в центре, но у них все очень гармонично. Тут Лева видит — дело плохо, у него здесь 5 минут оставалось. Он уже так намучился, настрадался. Не помню, сколько времени было у меня, может быть, час или больше.

19...b5.

Ну конечно, можно взять на b5, но, знаете, детские головы не хотят брать такую пешку.

20.c5.

Тут Лева принял героическое решение — хапнул на c5 — 20...dc. Да, здесь Смыслов снова бы сказал: бедный Лева.

21.h6.

Ну, пока грозит ♗:h7+. В случае 21...g6 проще всего, наверное, 22. ♖e5 ♗d5 23. ♖:g6+. Поэтому Лева сыграл

21... ♖f5.

Такой мужественный ход, почти уже на висящем флажке. Я сейчас с ужасом смотрю: как та-

кую позицию можно не выигрывать, даже проиграть? Но в шахматах иногда случаются чудеса. Я помню, как Александр Казимирович Толуш, который был настоящим игроком, бывало, набивает папиросу ватой и говорит: «Запомни, даже если играешь с уборщицей, которая не умеет в шахматы, никогда не ставь 100 процентов против нуля, потому что всегда возможен какой-то вариант. Вдруг — инфаркт миокарда. Или еще что-нибудь. Все может быть. Игрок никогда не ставит сто против нуля». Очень важное замечание, не только для шахмат, но и для жизни. Э, Господи, здесь можно было взять на g7, все, что угодно, но я увидел форсированный вариант и иду прямо к цели.

22. ♖e5.

Может быть, проще всего было 22. ♘e5.

22...c4 23. ♖e4 ♖d5 24. ♖g4.

Видите, опять нельзя играть 24...g6 — 25. ♖g6+ и 26.h7+.

24...c3.

Флажок у Левушки повис уже, хорошо повис.

25.b3 — не отвлекаясь.

25...b4 26.e4 ♖b5+ 27. ♘e3 ♖f7.

Конечно, просто другого хода нет. Можно брать на e6. Ой, как плохо тут. Но все равно я увидел здесь форсированный выигрыш, уже раньше. Прямо на него и пошел.

28.hg ♘f6.

Времени у меня было много. Думаю: значит, у меня будет семь

с половиной из десяти, я — лидер турнира. Отборочный турнир. Но сейчас радостный — пошел на форсированный вариант.

29. ♙:f6 ♖:f6.

Здесь уже несколько выигрывающих продолжений. Я мог, например, пойти просто e4-e5. ♖g6 хода нет — ♖h5, а в случае ♖f5 — я просто беру на h7. Но так как я увидел форсированный выигрыш, мне хотелось в стиле Александра Казимировича дать мат.

30. ♖:h7.

Выигрывает, да. Никаких проблем нет. Ну и флажок висит у Левушки. Он сидел как-то откинувшись, и делал ходы с таким длинным замахом, как в теннисе удар справа. Где-то волосы у него тут были, он хлопал глазами. Очень колоритная внешность у Левушки.

30... ♖:f3+ — единственный шанс, да, другого просто нет.

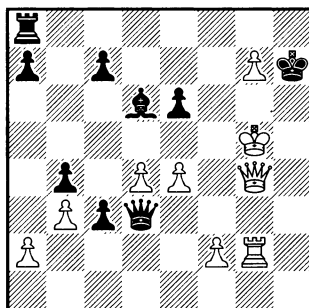
31. ♘:f3 ♖d3+.

Форсированно.

32. ♘f4 ♙d6+ 33. ♘g5.

Тут тоже никаких ходов нет, ♖b5+ не помогает.

33... ♘:h7.

Вот та позиция, к которой я стремился и видел, что теперь выигрываю очень просто — 34. ♖f6. Так не было в партии, просто можно показать: 34... ♗:d4+ 35. ♖f7, и, как говорил Казимирыч, аминь пирожкам, и получилось бы плотно, как Борисенко любил говорить, но, увы, оно не состоялось. Ничего не поделаешь. После этой партии мне открывалась дорога в межзональный, куда-то там дальше, дальше... И тут вот жуть что произошло.

Да, эта позиция, что на доске, меня преследовала долгие годы. Сейчас уже нет, потому что такую бяку можно заработать раз в жизни. Но я был игроком качества и увидел выигрыш в один ход. Думаю: если есть один ход, почему я должен идти королем на f6, потом на f7. И я бодро, записав себе семь с половиной из десяти, — лидер и дальше все просто, играю 34. ♖h5.

И вы знаете, — выскочило у меня поле b5. Просто выскочило. Вот смотрите, в шахматной практике бывают такие случаи, что вы проигрываете партию и потом все-таки можете получить какую-то пользу. И использовать просто свой опыт, или вы где-то поспешили, просчитались, устали или еще что-то. Вот я в конце концов проиграл. Партия здесь у меня еще не проиграна. Сейчас покажу, как я ее проиграл. Но эта партия, мне кажется, никакой пользы мне не принесла.

Только одни огорчения, как говорил Казимирыч, одни расхождения. Может быть, я тут неправ, может, сам себя обманываю, потому что все не так просто. У Левы здесь уже висел флажок. В этот момент, я помню точно, у меня было пятнадцать минут. Это какой по счету ход?.. Сейчас я скажу. Шесть ходов оставалось Лева, и было секунд двадцать.

34... ♗b5+.

Ну, тут я начал лихорадочно считать — d5, e5, других ходов нет по существу.

35. ♖h4.

Конечно, я уже понял, что сделал ляп, и прямо знаете, мне плохо стало. В этот момент мой боевой дух был просто сломен.

35... ♕e7+.

Ходы сейчас вынужденные — 36. ♖h3 ♗g5.

Белые еще не проигрывают, но я вам уже сказал, что тут для меня все кончилось. Я испортил партию, которую прилично играл. Может, Лева играл неважно — это вопрос другой, но я хорошо играл и, казалось бы, заслужил выигрыш — ан нет.

Конечно, — 37. ♗:g5, потому что другого нет.

37... ♕:g5 38. ♗:g5 ♗d8.

Жуть, жуть, какой-то кошмар! Как говорят в Одессе, «кошмар сказать», да. Тут я еще сделал очень плохой ход. Здесь, наверное, к ничьей приводило 39. f3, и после ♖g8 — ♗c5. Надо было защитить пешку на e4. Я все еще мечтаю о чем-то. Правда, мечтать

уже не о чем. И анализировать нет смысла.

39.f4 ♖g8 40. ♚c5 ♚:d4 41. ♚:c7.

Видите, если бы пешка была на f3, то в общем-то у белых все в порядке. Партия отложена. Ну и огромное расстройство, главным образом у меня. Константин Александрович Кламан мой тоже приуныл. Анализ показал, что у белых при правильной игре нет никаких шансов на спасение, и, таким образом, погибаю, погружаюсь. Что дальше?

41... ♚:e4.

Бывают позиции, где ни одного шанса на спасение — пешка на c3 очень неприятна.

42. ♖g4 e5 43. a3 ♚:f4+ 44. ♖g5 a5 45. ab ab 46. ♖g6 ♚g4+.

Несчастье в том, что я не могу играть здесь ♖h6, потому что, когда я потом дам шах и выиграю ладью — король просто идет, пешка становится на c2, и все. В этом суть.

Это мой самый обидный проигрыш, самая многострадальная партия, которая держала меня в напряжении, пожалуй, 30 лет. Но все-таки я ее включу в сборник своих лучших партий, потому что до определенного момента, до того, как споткнулся, я вел ее довольно хорошо, последовательно, каждый ход был направлен в одну точку и в таком стиле — это сейчас я уже старый и играть не могу, а в то время у меня был чистый стиль. Не случайно сербы называли меня «шаховский Пушкин». Такая была натуральная,

природная игра без всяких фокусов, довольно элегантная игра. Я очень горжусь тем, что сыграл много красивых партий, и горжусь, что много дал другим сыграть красивых партий со мной. Я красиво проигрывал, получались очень красивые комбинации. Например, Игорь Зайцев у меня очень красиво выиграл, Тигран Вартанович несколько партий изумительных выиграл, Миша Таль тоже выиграл, по-моему, даже не одну. Так что в этом отношении моя шахматная судьба сложилась очень счастливо, потому что я мог создавать красивые партии и то же самое могли делать мои противники».

Вот так, с отнюдь не традиционными комментариями рассказывал Спасский об очередной своей «партии жизни». С концовкой его повествования надо полностью согласиться. Но поскольку здесь героем рассказа выступает Борис Васильевич, то и победа — его, а не над ним. Эта партия была признана красивейшей на том же чемпионате СССР-61.

Королевский гамбит С36 **Б. Спасский — Д. Бронштейн**

1.e4 e5 2.f4 ef 3. ♘f3 d5 4.ed ♘d6 5. ♘c3 ♘e7 6.d4 0-0 7. ♘d3 ♘d7 8. 0-0 h6.

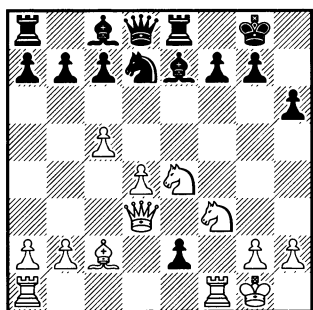
Опасаясь выпада ♘f3-g5, черные ослабляют позицию короля и дают сопернику возможность жертвой пешки использовать это;

явно лучше 8...♘f6, и если 9.♘e5, то 9...♗e:d5 10.♘:d5 ♘:d5 11.♖h5 g6 12.♖h6 ♖f6 с неплохой игрой.

9.♘e4! ♘:d5 10.c4 ♘e3 11.♙:e3 fe 12.c5 ♙e7 13.♙c2!

«Этот простой с виду ход оказался самым трудным в партии. Белые намечают план, связанный с использованием диагонали b1-h7» (Б. Спасский).

13...♚e8 14.♖d3 e2.

15.♘d6?!!

Этот ход, независимо от того, хорош он или плох, понравился мне по своей идее: белые полностью пренебрегают «жалкой» угрозой выиграть ничемную ладью на a1. Естественным же выглядело 15.♚f2, сохраняя все выгоды своего положения» (Б. Спасский).

15...♘f8?

После этого черные проигрывают. Лучшее 15...♙:d6 16.♖h7+ ♘f8 17.cd ef♖+ 18.♚:f1 cd 19.♖h8+ ♘e7 20.♚e1+ ♘e5 21.♖:g7 ♚g8 22.♖:h6 ♖b6 23.♘h1 ♙e6 24.de оставляло вопрос открытым, так как до черного короля добраться непросто.

16.♘:f7 ef♖+ 17.♚:f1 ♙f5 (еще быстрее проигрывало 17...♘:f7

18.♘e5++ ♘g8 19.♖h7+! ♘:h7 20.♙b3+, матуя) 18.♖:f5 ♖d7 19.♖f4 ♙f6 20.♘3e5 ♖e7 21.♙b3 ♙:e5 22.♘:e5+ ♘h7 23.♖e4+. Черные сдались ввиду 24.♚f8.

...И еще приходилось ему прибегать к формуле Бендера по окончании этого злосчастного для него XXVIII чемпионата. Проигрыш Полугаевскому раскачал его психику, выбил из состояния душевного равновесия, и на второй половине дистанции удалось набрать уже лишь 4,5 очка из 10. В партии последнего — вновь последнего! — тура против Леонида Штейна ему явно изменили нервы, и он отложил ее, имея в слоновом эндшпиле пешкой меньше. Неожиданно для всех — и для Штейна тоже — он сдал партию без доигрывания, вызвав на себя бурю упреков. Но в ту бессонную ночь, проведенную за анализом, Спасский стал бойцом. Он нашел тонкий выигрыш за Штейна, и как поверженный боец не вымаливает себе милость у противника, так и он решил отказаться от соломинки надежды. Можно лишь догадываться, как трудно было ему сказать себе: надо начинать сначала; и очень легко понять, что поступить так мог только человек мужественный и гордый.

Через четыре года его мужество оценили читатели «Комсомольской правды», назвав Спасского лучшим в стране спортсменом года. Среди шахматистов он

первым заслужил право на такой титул.

Но до этого должно было утечь много воды. Должна была быть завоевана золотая медаль в XXIX первенстве СССР, завоевана в сумасшедшей по темпу гонке со своим давним соперником Полу-гаевским. Должно было пройти XXX первенство, в котором он решал для себя многие творческие вопросы. Должна была явиться победа в XXXI чемпионате, победа, достигнутая «с позиций силы», здраво, мощно, неуклонно. Наконец, должно было состояться последнее, приготовленное ему судьбой испытание на прочность: провал на старте зонального турнира семи grosмейстеров.

Он начал этот короткометражный (12 партий) турнир с двух нулей и одной половинки. Его сбросили со счетов: в турнире, где вроде бы «не у кого» выигрывать, такую фору ликвидировать невозможно. Тем более, что в последнем туре Спасский был свободен, а по мнению специалистов, это обстоятельство равно потере еще половины очка.

И как-то никто не задумался над тем, что здесь играет совсем другой Спасский. Не наследник того талантливого одиннадцатилетнего перворазрядника, который плакал, проиграв партию, но талантливый воин в самом лучшем понимании этого слова. Готовый на любой бой, на презрение к боли и на вызов судьбе.

В остальных 9 турах он набрал 6,5 очков. Этого с избытком хватило не только для ликвидации форы, но и для первого места.

Так попал он в число претендентов. Прошел три ступеньки матчей с себе подобными и вышел на первый матч с Петросяном. И хотя сам считал себя сильнейшим в мире еще с 64-го (примерно до 1971-го, когда еще носил корону), — матч проиграл. И вновь возникла потребность не только в формуле Остапа — в ее внутреннем содержании...

— Мне надо было перестроиться, — сказал как-то Спасский. — Надо было поднять свой престиж в собственных глазах, побороть готовый возникнуть страх перед неудачей. Кажется, я сумел это сделать.

Здесь все верно, и...

Представляете себе, что значит для активно действующего спортсмена на год добровольно исключить себя из состязаний? Спасский сделал это. С невиданным постоянством он отклонял предложения участвовать в самых заманчивых турнирах во всех концах земли. Он готовился к матчам претендентов. Готовился не только и не столько в шахматном, сколько в психологическом отношении. Учился снимать предстартовую лихорадку, которая зачастую портит любые, самые лучшие замыслы. Подбирал ключ к каждому партнеру, вырабатывал тактику борьбы. И... скупал по Большим шахматам, по

тому волнующему упоению, что рождается в бою.

А потом — началось. Грозному Ефиму Геллеру отдано только 2,5 очка из 8, кумиру зарубежных шахматистов Бенту Ларсену ровно столько же! Оба матча завершены досрочно: в восьми раундах вместо десяти. И наконец финал блистательного восхождения Спасского — его поединок с Виктором Корчным.

И с Геллером, и с Ларсеном у Спасского еще до этих матчей был выигранный счет встреч; против Корчного счет был проигранным. «Минус одна партия», — подсказали однажды Спасскому журналисты. «Минус две, — поправил Борис. — Двадцать с лишним лет назад я играл в сеансе одновременной игры с Корчным в ленинградском Дворце пионеров. Виктор увидел, что перед ним сидит девятилетний мальчишка, и сказал:

— С ним я буду играть вслепую!

На двадцать втором ходу я получил мат и заплакал. Это было мое первое поражение от Корчного».

Пусть это шутка. Но было и последнее, уже не шуточное поражение — в их последней встрече. Так что к «проблеме Корчного» нужно было подойти с полной отдачей своего таланта.

Он решил ее, и снова досрочно! Решил так, что по окончании матча Корчной, славящийся своей прямоотой, открыто заявил:

— Спасский играет сильнее меня!

И добавил:

— Он вообще играет сильнее всех!

Спасский достиг в этом матче многого. Хотя бы потому, что среди его партий есть одна, 6-я по счету, которую сам Корчной назвал лучшей в мире, сыгранной за последние годы. Борис проиграл ее, но разве в этом дело? Важно, как он играл, важно, что, потерпев неудачу в партии, претендовавшей на роль шахматного шедевра, сказал себе: «Спокойно. Завтра будет седьмая...»

Он мог бы сказать это и другими словами «Заседание продолжается».

Надо признать: восхождение на трон 10-го шахматного короля Советская власть приняла с подлинным воодушевлением. И вовсе не потому, что могла оценить роль Спасского в шахматной истории. А она — велика. С него, по сути, началась эпоха чемпион-универсалов, одинаково сильных в атаке и защите, в стратегии и тактике, в дебюте и эндшпиле: это восхищало специалистов, сразу спрогнозировавших дальнейшую столбовую дорогу Игры. Власти исходили из иного. Согласитесь, два десятка лет на авансцену главного шахматного театра, именуемого матчем за корону, выходили пусть и советские граждане, но все же разные Ботвинники, Бронштейны, Тали. Смыслов — он, конечно, лучше,

и все же не совсем то... У Петросяна в ЦК было мощное, как мы ныне говорим, лобби: верховный ареопаг ведь составлялся по принципу «всем сестрам по серьгам» и призван был даже списком своих членов подтверждать первую строку Государственного Гимна: «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки великая Русь», но, согласитесь, куда лучше, если армию умных возглавит умнейший с внешне «безупречной» биографией и к тому же с исконно церковной фамилией. Предшественником, 4-м по счету королем — АLEXИНЫМ как-то слишком восхищаться было неудобно: сбежал все же из первой в мире страны победившего пролетариата. А тут...

О-о, если бы власть отличалась не только властью и силой, но и разумом! Если бы она, как шахматисты, умела многое предвидеть наперед... Тогда я, к примеру, не получил бы воистину уникальное служебное задание: подготовить две(!) телевизионные передачи по часу(!) каждая, и чтобы в кадре находился один лишь Спасский, без собеседников; в крайнем случае, немного кинохроники — можно. Приказ исходил от Его Высокопревосходительства Министра: с вероятностью в 99 процентов у него состоялся предварительный разговор с заместителем Бога на 1/6 суши — Генеральным секретарем...

Спасский по I программе телевидения выступил. Побыл свадебным генералом на некоторых официальных заседаниях в спортивных кругах и — начал ту самую партизанскую войну, от которой опускались руки у Наполеона в Испании, у Гитлера — в СССР, наконец — в недавнем прошлом — у советских бонз в Афганистане. Не нашли власти средств, чтобы обуздать и Спасского.

Поначалу, правда, бунт был мелковат. Прихожу однажды в Центральный шахматный клуб — в вестибюле сидит Спасский и, ответив на приветствие, ошарашивает:

— Яша, тебе чеки нужны?

— Какие чеки?

— «Березкины». Меняю на рубли, один к одному.

— Боря, да ты что?!

— Это мои чеки, что хочу, то и делаю...

Молодым читателям, наверное, этого не понять: в огромной, Богом одаренной, богатой и нищей стране специально для советских людей, побывавших или поработавших за рубежом, существовала сеть магазинов «Березка» (иностранцев прямо за валюту отоваривали в «Березках» куда более изысканных и разноассортиментных). Продавали там все за чеки или сертификаты — с печатью на каждом: на эти бумажки люди обязаны были в советских посольствах и торг-предствах менять появившиеся у них — чаще

всего сэкономленные на собственном желудке — доллары, фунты, марки и франки. На черном рынке чеки шли и один к трем, и один к четырем рублям, но пойманные на перепродаже могли практически быть уверены: скамьи подсудимых им не миновать.

От чеков — один к одному! — я отказался и отправился играть блиц с директором ЦШК мастером Борисом Наглисом: человеком колоритнейшим, рекордсменом всей системы Спорткомитета СССР по количеству боевых орденов и медалей — начал войну рядовым, закончил подполковником и однажды прогремел вплоть до командующего фронта рапортом с просьбой назвать его дивизию, освободившую очередной город, — Крыжопольской. Едва мы приступили, кажется, к третьей «пятиминутке», как зазвонил телефон, и Борис Павлович, произнеся в трубку несколько «Угу», встал из-за шахматного столика.

— Из конторы звонили, — с явной досадой бросил он мне. — Сказали: «У вас там Спасский валютой торгует, уймите его...»

Да, неплохо было году в 1970-м поставлено у нас со стукачеством: кто-то за какие-нибудь 40-50 минут успел донести в КГБ, и за Спасским не приехали «искусствоведы в штатском» лишь по причине его защищенности всемирно известным титулом. Просто мастер или просто гроссмей-

стер вполне мог бы вскоре бороться за первое место в мордовских, казахстанских или камчатских лагерях даже за такую странную торговлю себе в убыток...

Дальше — больше. Уже потевряв корону и побыв годик «невыездным», он вдруг срочно был направлен на турнир за рубеж: стало явно неприлично перед всем миром, что вчерашний король ни-где не появляется. По советским правилам требовалось перед заграничной поездкой получить так называемую характеристику, и очень высокий спортивный чиновник уговорил Бориса сходить в райком КПСС: дескать, это простая формальность.

Спасский предстал перед тройкой ветеранов партии, олицетворявших «выездную комиссию», и состоялся диалог:

— Кто Генеральный секретарь компартии Сирии?

— Не знаю.

— Как не знаете?

— Так. К тому же я еду не в Сирию.

— Значит, вы газеты не читаете?

— Нет.

— Что же вы делаете?!

— Изучаю шахматы.

— Вы никуда не поедете!!

— И не надо...

Через час высокий чин вновь позвонил Спасскому, попросил его вновь съездить за характеристикой: дескать, это недоразумение, «старых большевиков» не будет, а секретарь райкома уже

предупрежден. И — нарвался на твердый отказ: «Я год не играл по вашей милости, теперь вам надо — вы и поезжайте в райком!»

Как выяснилось, это произошло накануне последнего индивидуального выступления Спасского под красным флагом за рубежом. О самой поездке — сам герой.

«Мы с Полугаевским в 74-м (был мой последний год пребывания в Эсэсэрии) поехали на турнир в Золинген. Лева был комиссаром, главным руководителем. Я — замполитом, то есть его заместителем. Нас было двое. Отправили меня туда довольно странным образом, потому что до этого было сказано, что мне ехать нельзя. Я уже как-то воевал с властями. Если считают нужным посылать — пусть посылают, считают ненужным — не посылают. Пусть берут ответственность на себя, за все свои дела и действия. И вот закончился турнир, и ко мне подошел Эгон Эварс. (Эгон — умный, предприимчивый человек моих лет, в прошлом автогонщик, разбогател, имеет большой аэродром. Мы были в дружеских отношениях. Я впоследствии десять лет играл за его клуб в Германии, живя во Франции.) Так вот, он сказал: «Знаешь, Борис, я не подходил к тебе перед турниром, чтобы не огорчать. Ну а сейчас, когда все закончено, хотел бы показать свою переписку со Спорткомитетом СССР». «Да, — говорю, — мне было бы интересно, спасибо». И он поднимает

досье, открывает, говорит: «Вот таким образом шли переговоры, когда мы сделали запрос». Он сам организатор, но — частное лицо, не представляющее федерацию. Спорткомитет про меня ответил: Спасский болен. Никто меня не спрашивал, болен я или здоров. Мы с Эварсом случайно созванивались — в Ницце была шахматная Олимпиада, из команды меня тогда Спорткомитет не выгнал. Эгон спрашивает: «В чем дело, ты действительно болен?» Я говорю: «На таком основании никогда болен не был». Дальше я поднимаю другие документы, и мне все становится ясно. Я понял, что начинается моя последняя война со Спорткомитетом.

А знаете, в такой войне, когда вы в одиночку сражаетесь против превосходящих сил противника, шансов на выигрыш мало. Как писал Салтыков-Щедрин: «Вы не столько сражаетесь, сколько сражаемы». И вот, значит, я ему сказал «спасибо» и понял, что начинается последний мой решительный бой. А распорядок нашего пребывания за границей был специально плохо составлен, мы должны были сразу же в день окончания турнира уезжать. Ко мне подошел один приятель: «Не хочешь заработать немножко денег?» Я не против, отвечаю, но хочу, чтобы и Лева заработал. А я знал, что Лева очень любит деньги. Видите ли, мы не святые. «Слушай, Лева, тут есть оказия хорошая. Турнир заканчивается,

можешь заработать тысячу марок. Но для этого, говорю, нужно поменять все эти наши советские бумажки, то есть ты должен остаться на день, ну, может, на два». Он: «А ты как?» — «Лева, а я остаюсь на неделю, независимо от этого нашего Спорткомитета и вышестоящих там цэковских организаций. У меня начинается последний мой бой и, в общем-то, семь бед — один ответ. Ну, чихать на них». А Лева, надо сказать, человек умный и осматрительный: «Еб-те-те, знаешь, тут дело такое...» В общем, смотрю, поехал Лева в посольство. Устроил все свои бумажки. Мы выступали в одной газете, которая может платить хорошие деньги, тогда проблем не было. И вот Лева должен уезжать.

Говорю ему: «Я остаюсь на неделю, а вернусь на автомашине марки Форда и уже почти пошил костюм, как у лорда. Если будут какие-то претензии, вали все на меня» Его предупредил, потому что тогда довольно строго все-таки было, а я уже в тот момент понял, что земля горит под ногами и из этой замечательной страны надо как можно быстрее уходить. Потому что приспособиться я уже никак не мог, себя изменить тоже...

Если вы живете в хорошем богатом доме, но там нечем дышать, то вы открываете дверь и выходите наружу. Это мне и предстояло сделать. И действительно, через неделю я вернулся

и узнал, что никакого нагоняя Лева, к счастью, не получил, никакого строгого, как это называется, выговора. По-моему, Лева в коммунистической партии не состоял, как и я, не было у него таких мыслей. А на меня набросился Виктор Давидович Батуринский. Он в тот момент был большим начальником, брюхо у него было больше, чем у меня сейчас. Ты, говорит, бяка такая, проштрафился, трам-там-там, перед партийным иконостасом и должен просить извинения. Дальше требует: «Пиши объяснение». Это прямо как в песнях Высоцкого: давай, паскуда, пой, пока не удавили, и, помните, он запел про светлые денечки, когда служил на почте ямщиком. В общем, я написал какое-то объяснение. Написал, что отвратительным образом была составлена командировка, что мы должны были немедленно после турнира, в котором хорошо выступили, возвращаться, то есть никакого уважения к нам. После этого я написал, что встретил своих друзей, очень любил теннис, у меня были прекрасные друзья, заработал еще немножко денег, с большим удовольствием провел еще неделю и на автомобиле «Форд» пересек государственную границу 2 июля 1974 года. Все честно (так и было)».

Когда Спасский и Марина Щербачева, внучка генерала царской и белой армии, к 1921-му году обосновавшегося у подно-

жья Французских Альп под Греноблем, подали в московский ЗАГС заявление на регистрацию брака, их мурыжили полгода: авось намерения экс-чемпиона рассосутся. Чиновники прекрасно понимали — Спасский уедет, и откровенно предпочитали иметь бунтаря под каким-нибудь колпаком здесь, нежели там, где он вообще станет не подконтрольным. Все проходит — прошли и эти полгода...

...Накануне первого вступительного экзамена абитуриента Василия Борисовича Спасского на факультет журналистики МГУ, Борис Васильевич Спасский, при молчаливом согласии властей сохранявший советское гражданство, на пресс-конференции заявил, что больше красный флажок возле шахматной доски не поставит и возглавит команду Франции на ближайшей Всемирной Олимпиаде. «Спасибо, отец, за своевременную поддержку», — гласила отправленная в пригород Парижа телеграмма. Действительно, отлично подготовленного, умнейшего парня на дневное отделение журфака не приняли, с трудом — на вечернее. Демагогический лозунг великого Сталина — «Сын за отца не отвечает» — был почти таким же летом 1984-го, как и весной чернопамятного 1937-го...

Впрочем, не только родному сыну, отношения с которым полностью восстановились, Спасский порой подносил сюрпризы.

Зимой 1977-го, приехав в Рейкьявик на четвертьфинальным матч претендентов с Властимилом Гортом и увидев в фойе книжку со своей биографией и биографией Фишера, выпущенную еще 5 лет назад к их матчу, Борис немедленно запретил ее продажу, пригрозив даже отказом от игры и немедленным отъездом. Причина? В книге была указана национальность его матери, а отношение его тренеров Толуша и в особенности Бондаревского к «этому народу» было общеизвестным и для Спасского оказалось заразным. Дальше — больше, пока дело не дошло до дурно пахнущего анекдота. Когда закончились деньги, полученные за «матч-реванш» с Фишером в 1992-м, 10-й шахматный король возобновил свои гастроли по России, благо к тому времени ненавистная ему советская власть уступила место режиму более или менее демократическому. И вот, выступая уже в конце 2008 года в Пскове, где его приняли с высочайшим уважением, целую лекцию он посвятил тому, что его мама ведет свою родословную чуть ли не из древних славян. Да, видимо болезнь Спасского перешла уже в стадию неизлечимую: ведь за шахматное мастерство, за вклад в сокровищницу шахмат и за былую славу чемпиона мира ему «простили» бы родство даже с людоедами старой Новой Зеландии. Вот только сам себе он «простить» родную маму не захотел...

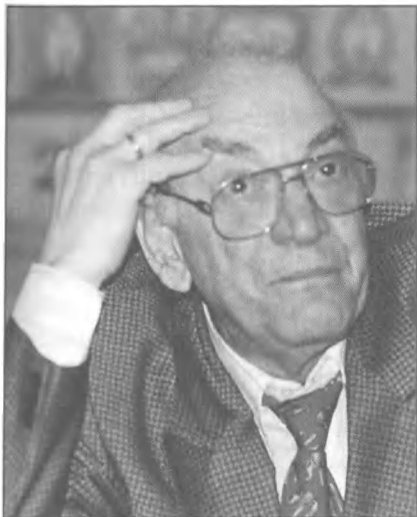
Злодей

И другие шахматисты страны не раз бросали вызов власти, выбирая для этого место и время по своему усмотрению. Иногда это делалось при таких обстоятельствах, что вызывало отвращение у подавляющей части общества: я имею в виду Федора Богатырчука, одного из сильнейших мастеров предвоенного времени и чемпиона СССР 1927 года. «По совместительству» он оставался крупным врачом с ученой степенью доктора медицины. Спасский считал лишь его (и Кереса) Гулливерами, людьми государственного ума (для сравнения: Ботвинника Спасский видел лишь в роли предводителя лилипутов), Ботвинник же готов был — по крайней мере, на словах — лично его повесить: во время войны киевлянин Богатырчук активно сотрудничал с фашистами, а в 1944-м вместе с ними торопливо отступал на Запад, приобщился к власовцам и в конце концов перебрался в Канаду. Разность подхода к нему двух чемпионов мира определялась «малостью»: для Спасского — при всех его блокадных горестях — война была Второй мировой, для Ботвинника — при относительно удачной эвакуации — Великой Отечественной...

Но по-настоящему попортил кровь всей системе советской власти совсем другой. На опреде-

ленных временных перегонах его даже не называли по имени; в шахматных кругах жило ироничное прозвище «злодей». Только страна прекрасно знала, о ком идет речь — или кого замалчивают...

Талантливые люди по природе своей неоднозначны: некогда ученые даже рассматривали гениев как сумасшедших. Но даже среди шахматных талантов ленинградец Виктор Корчной всегда стоял наособицу. Как сказали бы в старину — нравом: в это понятие входила суть человеческая. Неуправляемость в словах и поступках. Откровенность и лицедейство, в том числе и перед самим собой. Домовитость и антисемейственность. Широта взглядов — в определенном, разумеется, диапазоне — и прижимистость, доходящая до скупости. «Не делай другому того, чего не хочешь, чтобы сделали тебе», — эта библейская мудрость, непрменная составляющая каждой высокой души, — явно не его достояние. Добавьте к сказанному — поверьте, каждое слово здесь имеет за собой факты, факты и еще раз факты — такую психологическую черту характера, как истеричность — и станет ясно, почему на своем веку Корчной побывал в контрах едва ли не со всеми своими коллегами, и что примечательно — в первую

голову с теми, кто достиг в шахматах большего, то есть стал чемпионом мира. Из равных себе по «градусу славы» не конфликтовал разве что с Бронштейном. «Возможно, у нас не было тренировок, поскольку мы никогда не соперничали. Сначала Бронштейн был на недостижимой высоте, а потом он сдал, и я ушел вперед», — это признание Корчного.

Во всех случаях конфронтации — первый ход всегда делал сам, с беспримерным внутренним пренебрежением относясь к товарищам по цеху («Петросян, Спасский, Таль — тоже мне чемпионы! Я их на 2 очка опережал в турнирах!»). Бешено ревновал Спасского за его амплуа шахматного баловня судьбы — и властей. Таль — за поистине всеобщую любовь болельщиков. Это же надо было в печати обозвать одного из самых оригинальных и

блестящих служителей богини Каиссы — «шахматистом большого шаблона» — многие тогда, образно говоря, перестали Корчному руку подавать. Естественно, Виктор Львович попытался затем переложить вину с больной головы на здоровую, но у людей все же длинная память.

А первый из серии «официальных» скандалов... Летом 1999-го, когда в Москве проходил мемориал Т. Петросяна, кое-кто из околосахматных журналистов вновь всколыхнул прошлое — в который раз исказив его, и потому есть резон поставить точку над «i».

...На сцену Одесского театра музкомедии, составом своей труппы знаменитого на весь Советский Союз, участники полуфинального матча претендентов Тигран Петросян и Виктор Корчной поднялись весной 1974 года после короткого и бурного спора. Москвич предложил играть в Москве или Киеве, ленинградец усмотрел в этом происки в собственный адрес. «Почему такие странные варианты? В Москве я уже проигрывал Петросяну, в Киеве — Спасскому. Мне что, предлагают экскурс по моим памятным местам? Выходит, если бы мне пришлось играть со шведом У. Андерссоном, я должен был бы настаивать на матче в Полтаве! В Москве и Киеве я играть не буду!» (До того, правда, Корчной в Москве побеждал в матчах и Таль, и Геллера, а уже осенью играл фи-

нальный матч претендентов с А. Карповым в... Москве!)

Театр в принципе — идеальное место для шахмат. Только вот сцена в Одессе прямо-таки «дышала», ходуном ходила от старости: как танцевали на ней беспечные герои бесконечных оперетт — уму непостижимо. И вот из ближайшей к рампе директорской ложи, откуда шли ежедневные — точнее, ежевечерние специальные шахматные выпуски Всесоюзного радио, я однажды увидел — и услышал — такой диалог. Прямо во время игры. Корчной обдумывал ход, Петросян сидел нога за ногу и по своему обыкновению мелко и нервно качал ею. Эта дрожь раскачивала упомянутый пол театральной сцены, и, почувствовав эдакие колебания «земной тверди», Корчной, не поднимая глаз от доски, вдруг произнес:

«Перестаньте!»

На беду, глуховатый Петросян в тот момент был без слухового аппарата.

«Перестаньте!» — прозвучала вторичная реплика, и в тональности ее звучали громовые нотки.

Увы, Петросян вновь не слышал то, что отчетливо прозвучало в «радиоложе», метрах в шести от шахматного столика. И тогда, привскочив, Корчной крикнул в лицо сопернику, и это слышал уже весь зал:

— Что, на доске не можете, так под столом действуете?!!

Онемели — нет, остолбенели, нет, обалдели — все. Петросян — в первую очередь. Позицию, кажется, несколько худшую, он проиграл ходов за пять-десять, а после игры подал протест на неслыханное в шахматах (все же не бокс и не хоккей) поведение соперника. В то время апелляциянные жюри еще были не в моде, всем занимался оргкомитет матча во главе, кажется, со вторым секретарем горкома КПСС, и после состоявшегося наутро разбирательства Корчному, к слову — члену партии, что среди grosмейстеров его поколения вообще-то было делом немодным, предложили принести извинения в письменном виде. Протягивая лист бумаги с подобающими случаю словами, Виктор Львович при этом произнес:

— Но вообще-то Петросян всюду сеет национальную рознь!

Уж в чем-чем заслуживал человечески упрека экс-чемпион мира, но только не в этом. Играть он дальше просто не мог, и при счете +1—3=1 сдал матч досрочно.

Скандал же после проигранного Корчным финального матча претендентов того же года юному Анатолию Карпову и стал первым шагом к превращению четырехкратного чемпиона СССР — столько же раз выигрывали эти наитруднейшие турниры лишь Александр Белявский и Петросян, больше — по 6 — только

Михаил Ботвинник и Михаил Таль — во «врага № 1» и «злодея», судьбой которого занималось аж престарелое Политбюро ЦК КПСС во главе с рекордсменом СССР и мира по количеству орденов Леонидом Брежневым.

В проведении матча Корчного раздражало все, и кое-что — вполне справедливо. Он не мог не чувствовать: симпатии и начальства, и большинства болельщиков — на стороне его соперника, в тот момент — восходящей звезды и внешне скромного, доброжелательного парня. Но выходить из себя потому, что в распоряжение Карпова «его» спортивное общество ЦСКА предоставило вторую автомашину, а у него, Корчного, есть лишь одна, положенная по регламенту... В душе складывались, копились реальные и мнимые обиды, и, проиграв матч, Корчной опустил в интервью югославскому журналисту до весьма нелестных оценок в адрес своего победителя.

Тут уж с ним посчитались. Петросян — репликой в спортивной, всеми читаемой газете, Президиум Шахматной федерации СССР, Власть, на треть урезавшая ему — правда, временно — высокую гроссмейстерскую стипендию, равную примерно зарплате доцента, и объявившая выговор по партийной линии, что автоматически на год, до его снятия, лишало Корчного права выезжать за рубеж: он потерял

пару турниров, где неплохие призы были ему практически обеспечены.

Потом все возвратилось на круги своя, и летом 1976 года на квартире за-служенного тренера СССР Владимира Зака встретились его лучшие ученики и «заклятые друзья» — Корчной и Спасский. Учитель уже болел, ему требовалось недоступное в СССР лекарство, и Спасский сказал:

— Я скоро еду за кордон, привезу.

— Я еду раньше, я привезу, — возразил Корчной.

В последние дни турнира в Голландии Виктор еще ходил по магазинам: искал джинсы той самой марки, что попросил сын Игорь. А наутро после торжественного закрытия пошел в полицию за политическим убежищем. Отказать голландцы не могли по своим убеждениям, больше чем вид на жительство дать не захотели, и через Германию, где с гражданством тоже не сложилось, Корчной перебрался в Швейцарию. Там стал претендентом на шахматную корону, и потому — злейшим из супостатов, посягнувшим на недавно возвращенную в СССР высшую спортивную ценность.

Подругой его жизни — и впоследствии женой — оказалась австриячка, отсидевшая «червонец» в советских лагерях ГУЛАГА: вроде бы за шпионаж или некую деятельность в деви-

чем возрасте против советских оккупационных войск в Вене после окончания Второй мировой. О судьбе его семьи — вы уже знаете...

Что же все-таки привлекало к нему шахматистов, почему у Корчного при всем рассказанном была достаточно многочисленная — в первую очередь, ленинградская армия поклонников? Отчасти то, что большинство ничего не знало. Платок на ротике советской печати делал многое, если не все, просто недоступным для людей. Та интеллигенция, что демонстрировала советской власти фигу в кармане, с удовольствием воспринимала на лекциях и сеансах одновременной игры острые оценки Корчным — нет-нет, не деяний правящей партии, упаси Боже, но хотя бы тех или иных коллег и эпизодические эскапады в адрес шахматного начальства: это тоже казалось пределом свободы мысли и смелости. Но, конечно же, главная харизма Корчного заключалась в его игре: ни на чью не похожей, самобытной, захватывающей. И в удивительной бескомпромиссности: с мемориала Асталоша в Венгрии в 1965-м привез 14,5 очков из 15! Другие берегли бы силы на финише, он — нет, даже и не думал о таком.

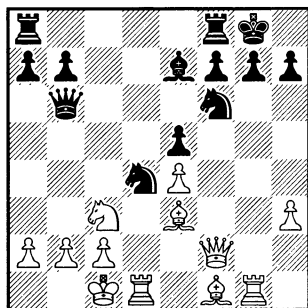
В творчестве любого большого шахматиста можно найти все: позиционное маневрирование и филигранно проведенный эндш-

пиль, упорную оборону и атаку на одном дыхании. Виктор Корчной — не исключение.

В. Корчной — Е. Геллер

21-й чемпионат СССР

Киев 1954

Перед этим белые пожертвовали пешку и теперь действуют очень решительно.

17. ♖:d4! ed 18. ♕:d4 ♖d8 19. ♖d5 ♖e8.

Увы, оставляя в живых грозного белого коня, но выхода не было: на 19...♔h8 белые приготовили 20. ♖:e7 ♖:e7 21. ♖:g7! ♔:g7 22. ♖g3+ ♔h8 23. ♖g5 с немедленным выигрышем.

20. ♖g3 f6.

Больше шансов на защиту оставляло 20...♕h4 21. ♖g2 (21. ♖g4 f5) 21...g6.

21. ♕c4 ♖f7.

Или 21...♔h8 22. ♖f4 с основной угрозой 23. ♖g6+, мата.

22. ♖f4! ♕d6.

На 22...♖:d4 черных поджидало 23. ♕:f7+ ♔:f7 24. ♖b3+.

23. ♕:f7+ ♔:f7 24. ♖b3+ ♔e7.

Что, натиск отбит?

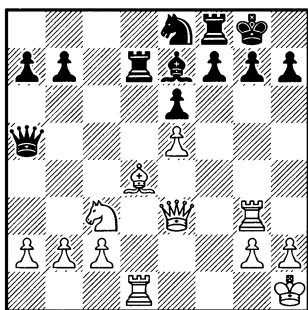
25. ♕:f6+!

Любое из трех взятий ведет к мату, и черные сдались.

Но совсем не такая игра характерна для Корчного. Не жертвовать пешки и фигуры, а принимать дары, даже данайские, и затем невероятным образом находить абсолютно невидимый, подобный козьей тропе в горах, путь к спасению и — победе. Не бросаться вперед, а выманивать на себя силы соперника с тем, чтобы опять-таки невообразимым образом начать контратаку. Как, например, здесь.

Е. Геллер — В. Корчной

Матч претендентов
Москва 1971

Положение черных трудное, атака белых на короля готова развернуться сама собой. У белых нет уязвимых мест, против которых можно было бы создать контригру, и черные готовят для нее почву парадоксальным

20...h5!

Выглядит как бессмысленное ослабление позиции рокировки, но на самом деле черные, во-первых, отнимают у соперника важ-

ное поле g4 (грозил, в частности, маневр ♖d1-f1-f4-g4 с решающим натиском на пункт g7), а, во-вторых, исподволь обеспечивают для своего «загнанного» коня стоянку на f5, после чего он станет грозной контратакующей силой.

21. ♖f1 ♜b4 22. ♘e2 ♜c4 23. c3 g6 24. ♖gf3 ♘g7 25. b3 ♜a6 26. ♘g3 h4 27. ♘e4 ♘f5 28. ♜f4 ♜:a2.

Белые мобилизовали все свои ресурсы, но, опираясь на неприсутственного коня, черные и решаются взять пешку, и готовы к контратаке. Отчетливо проявляется это в варианте 29.g4 hg 30.hg ♘g7 31.g4 ♖h8+ 32.♘g1 ♖h4!, ведущем к обоюдоострой позиции.

Другая, случившаяся в партии, попытка также свидетельствует, что у черных полноправная контригра.

29. ♘c5 ♜e2 30. ♖3f2.

Приготовленное 30. ♘f6+ ♘:f6 31. ♘:f8 ♘:e5 вело к материальному перевесу черных.

30...♜d3 31. ♖f3 ♜e2 32. ♖3f2 ♜d3 33. ♖d2.

Не сумев психологически перестроиться, атакующая сторона отказывается от повторения ходов и... попадает под искусно подготовленную контратаку.

33...♜:d2! 34. ♘:d2 ♘:c5 35. ♘e4 ♘e3 36. ♘f6+.

Лучше было 36. ♜f3, оставляя угрозу шаха на f6 про запас.

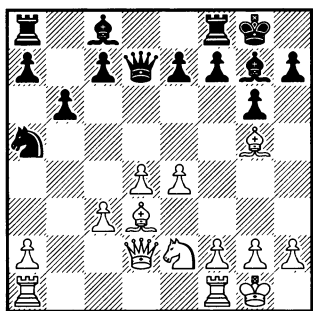
36...♘g7 37. ♜c4 ♖dd8 38. ♘g4 ♘b6 39. ♘f2?

Ошибка в уже плохой позиции.

39...♙:f2 40.♚:f2 ♖e3, и в связи с неотразимой угрозой 41...♚d1+ белые сдались.

Но, наверное, лучше всего говорят о Корчном-шахматисте вот эти его примечания. В особенности потому, что тогда он был молод, имел звание мастера, впервые играл за рубежом и, к слову, занял там в отчаянной борьбе первое место, став мастером международным.

М. Филипп — В. Корчной
Бухарест 1954

12...♚d8.

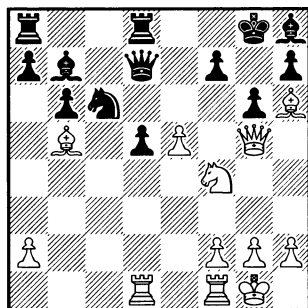
«Трудный для черных вариант защиты Грюнфельда. Объективно правильное было сейчас 12...c5, однако играя 13.♙h6, белые сохранили бы минимальное позиционное превосходство в простом положении. Черные же, собираясь играть на выигрыш, сознательно подвергают себя опасной атаке, сохраняя сложную позицию и надеясь в дальнейшем получить контригру в центре.

13.♙h6 ♙h8 14.♚ad1 ♙b7 15.♞g5! e6.

Чтобы на 16.f4 ответить 16...f6. Но теперь ослабляется поле f6.

16.e5! c5 17.♖f4 cd 18.cd ♖c6 19.d5! ed 20.♙b5?

Кажется очень сильным. Грозит и 21.♖:d5, и 21.e6 fe 22.♖:g6 hg 23.♞:g6+ ♙g7 24.♙:c6. Однако, это — передышка, которую черным удастся использовать, чтобы перехватить инициативу жертвой ферзя. Правильно было 20.e6 ♞e7 21.ef+ ♞:f7 22.♚fe1 или 22.♖:g6 с сильнейшей атакой.

20...♙:e5! 21.♙:c6 ♙:f4 22.♞:g6 ♙h6 23.♙:d7 ♚:d7.

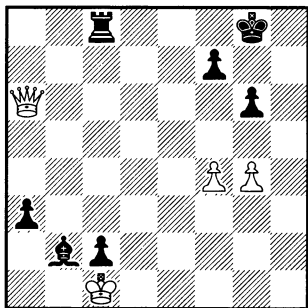
Компенсация у черных за ферзя пока небольшая, но инициатива перехвачена, и защищаться должны уже белые.

24.♚fe1 ♙f8! 25.h4 ♚ad8 26.h5?

Белые не чувствуют опасности. Необходимо было блокировать пешку d, немедленно играя 26.♚d4. Рано или поздно черным пришлось бы отдать за ладью чернопольного слона, который в этой позиции важнее ладьи. После этого партия могла окончиться вничью».

Далее последовало:

26...d4 27.hg hg 28.♖d3 ♘a6
 29.♗ed1 ♘:d3 30.♗:d3 ♖c8 31.♗f3
 ♘g7 32.♗e4 ♗cd8 33.f4 ♗d5 34.g4
 ♘f6 35.♘g2 ♘f8 36.♘f3 b5 37.♗e1
 ♘g8 38.♗b4 ♗8d7 39.♗b3 a5 40.a3
 ♗c5 41.♗b1 ♗dc7 42. ♘e2 a4
 43.♗h1 ♗7c6 44.♗b1 ♗c8 45. ♗h1
 ♗c2+ 46.♗d2 ♗e8+ 47.♘d1 ♗c3
 48.♗d5 ♗:a3 49.♗:b5 ♗a1+ 50.♘c2
 ♗c8+ 51.♘d3 ♗e1 52.♗c2 ♗d1+
 53.♘e2 d3+ 54. ♘:d1 dc+ 55.♘c1 a3
 56.♗a6 ♘b2+.

Белые сдались.

Почти 40 лет спустя Корчной сопроводил партию еще и таким комментарием:

«После 30-го хода белых возникла позиция с минимальным перевесом у черных. Конец партии проходил в сильнейшем обоюдном цейтноте, и мне удалось перешлепать своего противника».

Апогея противостояние ЦК КПСС с Корчным, за рубежом немедленно выпустившего книгу «Антишахматы» с собственной интерпретацией множества узловых моментов своей биографии и давшего не один десяток предельно резких интервью, до-

стигло после того, как «изменник Родины» последовательно обыграл в матчах претендентов Т. Петросяна, Л. Полугаевского и Б. Спасского (о лекарстве первому тренеру и Виктор, и Борис в суматохе переездов как-то позабыли) и по всем правилам ФИДЕ вышел на бой за корону с А. Карповым. Упоминания о тех или иных перипетиях, связанных с поединком в далеком Багио, рассыпаны по разным страницам книги. Здесь же есть резон вспомнить, что на этот поединок СССР — через, естественно, свой Спорткомитет — затратил больше средств, чем на все предыдущие встречи на высшем шахматном уровне вместе взятые! Немыслимая — 42 человека! — делегация была все время или появлялась на время в Багио: воздушный мост Москва—Манила работал днем и ночью. Вдруг показалось, что чемпиону может угрожать один из вариантов испанской партии — и в тот же день на Филиппины полетел гроссмейстер В. — на помощь к официальным секундантам, а также «журналистам» Талю и Полугаевскому. Психолог, повар, массажист, пресс-атташе (не говоря уже о руководителях и штатных сотрудниках технического отдела КГБ) — все было мобилизовано на защиту от супостата! «Надо поддержать на строение Карпова!» — получила однажды команду спортивная редакция Гостелерадио, и мы с

товарищем мгновенно соорудили «капустник» часа на полтора звучания под названием: «Все могут короли». Вставили туда и одноименную песню суперпопулярной Аллы Пугачевой, полуопальных Жванецкого, Ильченко с Карцевым, еще, еще и еще что-то. Пленку слушали в двух кабинетах ЦК! Советовались, обсуждали, морщились при звуках гитары и хриплого голоса Высоцкого (а у нас-то было в неофициальном архиве все что угодно!), но ради блага Родины благословили даже «крамолу».

— Отправляйте немедленно, — последовал, наконец, приказ, — а мне... перепишите песню Софии Ротару...

О других аспектах этого и следующего матча Карпова с Корчным уже рассказано...

Но и после этих поединков, утратив все чемпионские амбиции, Корчной продолжил жизнь в шахматах. И с точки зрения чисто игры, чисто борьбы — жизнь достойную. Стал полуфиналистом в следующем отборочном цикле борьбы за корону, и когда советская власть поначалу воспрепятствовала Гарри Каспарову отправиться на randevu с ним, а затем под давлением покровителя Каспарова — второго в те годы «властителя» в СССР тоже бакинца Гейдара Алиева

этот матч разрешила, Корчной на сто процентов использовал все выгоды возникшей позиции: согласился на матч за отмену бойкота, объявленного ему СССР — организаторы всех турниров были поставлены перед дилеммой: играет либо Корчной, либо наши звезды, и еще на некое пени за первоначальную глупость. И хотя поединок, естественно, проиграл, но все права в шахматах выиграл. И начал безудержно выступать по всему миру, а после развала СССР — и на землях бывшей Родины. Пару таких соревнований я судил, и хотя былая ссора не была и к тесному общению не влекла, за одним столом все же пришлось общаться. И родилось убеждение: внутренне не изменившись в отношении к людям, внешне Корчной стал на йоту сдержаннее и спокойнее. Он давно уже старейший — ведь Виктору Львовичу за 75 лет — из всех практикующих гросмейстеров, и на вид немощный вне доски, за ней он преобразается и вновь выглядит чуть ли не на полвека моложе своего паспортного возраста.

Такая преданность делу, которому он служит, вольно или невольно вызывает уважение. А любовь людская... В ней он, к сожалению, не нуждался никогда.

**НАСЛЕДСТВО,
РАСТУЩЕЕ В ЦЕНЕ**

Увертюра

Город торопился. Пережив столичную суету в войне Севера и Юга, отблеск знаменитого чикагского пожара и не менее знаменитую панику на своей бирже, он устилал добротной брусчаткой и недавно освоенным асфальтом все новые мили мостовых и тротуаров. В Ист-Сайде как грибы после дождя росли картонажная, ткацкие, швейные фабрики в окружении кирпично-красных кварталов «меблирашек» — счет горожанам пошел уже на сотни тысяч. Прибавилось паромов, мерно шлепавших плечами от Манхэттена до Статен-Айленда, и сквозь туман над Гудзоном прорывались им навстречу отвесные скалы Палисад на западном берегу залива. Росли этажи домов в модном еще ранневизантийском стиле: едва заметно сужались окна, резные колонны и карнизы из местного бурого известняка украшали фасады. Неуклонно ползли вверх и акции двух компаний, производивших «машины» — так в ту пору называли лифты. Но по-прежнему привлекали художников мансарды голландского типа в квартале Гринвич-Виллидж — и своим живописным видом, и дешевой квартирной платой. Да еще твердо держался обычай выставлять у входа в табачные лавки пестро раскрашенную деревянную фигуру индейца с огромной трубкой в руке...

Город жил, с интересом прислушивался к проносившимся — динг-динг — над головой вагонам надземки. Вот только элегантные длинные голубовато-серые пальто приходилось чистить уже ежедневно специальными метелочками из перьев или опосумьих хвостов. По воскресеньям, побывав утром в церкви близ Пятой авеню или пройдя мимо нее, город стремился на Кони-Айленд, вобравший в себя весь мир в облике королевских дворцов, рыцарских замков и башен, индийских пагод, венецианских каналов с гондолами, карликовых японских садов. И никому не было дела до событий в маленьком уютном кафе «Интернэшнл» в северной части Бронкса. Заботливо отделанное дубом, прохладное даже в невыносимую летнюю городскую жару, оно выделялось своим коронным блюдом — форелью на пару, подаваемой на продолговатом блюде белого металла, и потому никогда не пустовало.

Но в тот день для посетителей «с улицы» кафе было закрыто. За столиками, посасывая толстые душистые сигары, сидели участники совершенно непримечательного турнира, которых пригласил владелец заведения Сол Лидерс. Он, слывший шахматным меценатом, согласился не слишком прибыльные дневные

часы выделить для «игры в сто забот» — так именовали когда-то шахматы на Востоке. И с удовольствием прохаживался по залу, без стеснения подсаживаясь то к одной доске, то к другой.

Холодало. Слуга-негр растопил камин, и непонятно было, от треснувшего ли в огне полена вздрогнул джентльмен в старомодном жилете с цветочками или от неожиданности, когда остался вдруг под ударом ладьи белый ферзь...

Впрочем, в том же далеком 1876 году великий Адольф Андерсен на пороге своего 50-летия последний раз в жизни взял первый приз на конгрессе Среднегерманского шахматного союза и очень веселую партию выиграл на финише у Пичела...

...В Лондоне настоящую гонку устроили между собой Блэкберн и Цукерторт...

...В Дюссельдорфе Вильфрид Паульсен достойно подтвердил высокую шахматную репутацию своей семьи, лидером которой по праву слыл его знаменитый брат Луи.

И тем не менее вся эта шахматная хроника на скрижалях истории отступает, уходит в тень перед тем незаметным нью-йоркским турниром и партией, в которой соперники допустили великое множество ошибок — не только по меркам сегодняшнего дня, но даже по критериям того шахматного времени. По той простой причине, что в поединке

46-летнего англичанина Генри Эдуарда Берда (он еще вошел в историю, дав одному из дебютов, экстравагантному и в общем-то пустому, свое имя) с 27-летним ирландцем Джеймсом Мэзоном победитель впервые был отмечен специальным призом «За красоту».

Такая необычная, но поистине гениальная идея пришла в голову все тому же владельцу кафе мистеру Лидерсу, пожертвовавшему для награды большой, отливающий тусклым лунным блеском серебряный кубок. Не утруждая игроков, означенный мистер взял на себя роль жюри, и после знакомства с призовой партией мы можем представить себе шахматную силу хозяина «Интернэшнала». Только какое все это имеет значение?! Гораздо важнее другое: шахматный мир получил новый критерий для оценки творчества своих подданных, и критерий этот сразу приблизил шахматы к Искусству, сохранив, естественно, за ними и принцип единоборства, и характер спортивной борьбы. Именно с той минуты вольно или невольно все участники получали как бы статус художников. Если еще до старта можно было предположить, что победят в таком-то соревновании маэстро Х., маэстро Y. или маэстро Z. — все-таки сила участников была сравнительно известна, — но вот кого посетит миг озарения, кто поймает вдруг и воплотит на доске

нечто необычное и получит лавры специального приза?.. Здесь, как перед Богом, все выступали равными или почти равными. И множились партии-лауреаты, рос список тех, кто, порой даже не помышляя о победе в турнире, создавал такие произведения шахматного искусства, что те начинали вселенский круг почета на страницах газет и журналов и зачастую на многие десятилетия переживали своих авторов.

Почти полтора века прошло с того осеннего дня. У призов за красоту были свои светлые периоды, были тусклые и даже просто мрачные времена. То эту

награду забывали учреждать на крупнейших соревнованиях, то вручали в одном турнире сразу добрый — нет-нет, очень недобрый, потому что красота на конвейере не создается — десяток премий. Шли споры, что есть красота, и при этом чувствовали себя задетыми шахматисты с мировыми именами. Менялись, даже трансформировались названия призов: «За красоту», «За самую красивую комбинацию», «За лучшую партию»... Для подробного разговора об этом нужна отдельная книга, и не одна. Здесь же — коротко, даже пунктирно...

Красота или ее миф

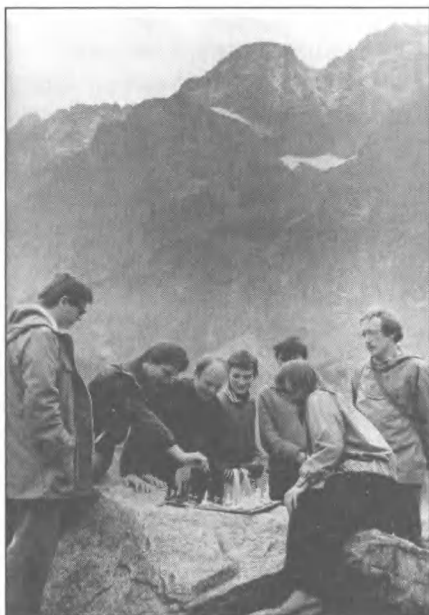
*Моряки, геологи, поэты,
Дон Кихоты золотой мечты,
По морю синему, по белу свету
Вас мотает в поисках красоты.*

Альберт Эйнштейн этих строк не знал, но предвосхитил их одним из своих пророчеств: «Из волшебного круга красоты никто не в силах выбраться, кто однажды в этот круг вступил».

Великий физик говорил о шахматах. Тех самых, в которых мы — осознанно или бессознательно — творим. Самовыражаясь через процесс созидания, поиска, через полет мысли, фантазию, через возможное выявление на доске своей интуиции и движения души. Ничем иным объяснить тысячелетнее увлече-

ние человечества своей же придумкой невозможно. «Красотой спасется мир», — сказал однажды Достоевский и — ошибся. «К красоте тянется мир» — этот постулат витает в воздухе, и он — справедлив. По отношению к шахматам — тоже.

Что же касается сути шахматной красоты... Очень по-разному понимали ее крупнейшие практики, теоретики, наконец, эстеты в шахматах. Красотой признавали и гармонию фигур, и риск, и незыблемость логики, и глубину замысла, и неожидан-

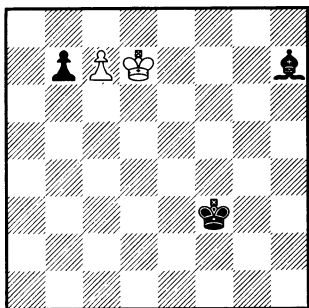
Поиск красоты: в горах...

ность, нестандартность решения, и напряжение поединка, и комбинацию, логически вытекающую из предыдущей борьбы, и даже необычность рисунка на шахматной доске, когда вдруг в атаку идет сам король или, скажем, конь совершает маневр с поля b1 на поле g8 (это не для красного словца сказано: именно за такое путешествие приговорен был однажды приз за красоту). Красотой по Ботвиннику выступала «скрытая реальная стоимость фигур», а по Таррашу — «Всякий хороший ход эстетически прекрасен!» «Красота шахмат, на мой взгляд, заключена в гармоничном сочетании спортивного начала и творческого элемента при фун-

даментальной подготовке», — сказал Гарри Каспаров, по сути ставя знак равенства между красотой в шахматах и самими шахматистами. И если согласиться с ним, то как не вспомнить при этом изречение его наставника Михаила Ботвинника: «Что такое шахматы? Этого никто не знает...»

Впрочем, не совсем корректное это дело — призывать в союзники или оппоненты даже самых великих мыслителей, даже самые признанные авторитеты. Потому что, докапываясь до истины, маэстро уже апеллировали и к Гегелю, и к древним философам, и... ни до чего толком не договорились. Разве что до того, что «красота в шахматах — понятие сложное, как сложна и сама природа шахмат». Ну и пусть. Целесообразность (как обязательное условие любой комбинации), парадоксальность, замаскированность и без прочих компонентов всегда производили на любителей Игры оглушительное впечатление. И никто во веки веков не поколеблет чеканную формулу второго в истории шахматного короля, математика, драматурга, философа и гениального Игрока Эмануила Ласкера: «На шахматной доске нет места лжи и лицемерию. Красота шахматной комбинации в том, что она правдива».

Лишь два примера из сотен и тысяч, вошедших в нетленный фонд шахматной Красоты.

В этом знаменитом этюде **братьев Сарычевых** белые должны добиться ничьей. Но после естественного 1.♔d6 ♕f5 2.♕c5 ♕e4 3.♕b6 ♕c8 черный слон успевает защитить свою пешку и «собственным телом» блокировать белую пешку, и проигрывает теперь 4.♕a7 b5 5.♕b8 ♕h3 (g4, f5, e6, даже d7).

Решает этюд лишь упомогающее 1.♕c8!! b5 2.♕d7!! b4.

А теперь скажите: вы видели когда-нибудь футбольную команду, которая после свистка судьи для начала забила бы три гола в свои ворота и только затем бросилась в бой? Вряд ли. Но ведь именно так выглядят в этюде белые, добровольно «приблизившие» черную пешку на три шага к полю превращения. И тем не менее сражение выиграно, цель достигнута!

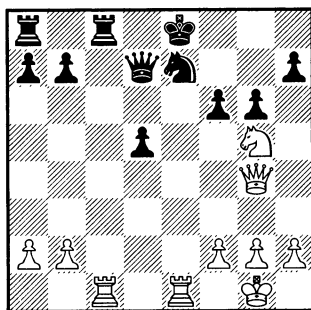
3.♕d6 ♕f5 4.♕e5! ♕g4 (или отступление слон — все равно) 5.♕d4 b3 6.♕c3 ♕e6.

Вот и финал. Как и в ложном следе, слон «снизу» защищает свою пешку, но белую — он уже не блокирует, не преграждает ей

путь вперед «физически», а лишь контролирует поле c8, если так можно сказать, «морально».

Ради этого малозаметного изменения между блокадой на поле c8 и контролем поля c8 белые и применили свой начальный парадоксальный — и потому очень красивый — маневр.

7.c8♔ ♕:c8 8.♕:b3. Ничья.

Разгар миттельшпиля в партии **Стейниц — Барделебен** на самом сильном турнире прошлого века — Гастингс 1895. Белые сумели задержать черного короля в центре, затем ценой пешки включили в атаку своего коня, лишили соперника права на рокировку. Все это прекрасно, только что же дальше?

22.♚:e7+! ♕f8!

Броня защиты вроде бы не уступает снаряду атаки. Ясно, что дерзкая ладья оставалась неприкосновенной: на 22... ♕:e7 решает 23.♚e1+ ♕d6 (или 23...♕d8 24.♘e6+ ♕e7 25.♘c5+) 24.♚b4+ ♕c7 25. ♚c1+, а 22.♚:e7 оставляет без защиты ладью c8. Сейчас, правда, на секунду у белых лишний конь, но ведь все их фигуры

под ударом и к тому же грозит мат по первой горизонтали.

23. ♖f7+!!

Если бы в шахматах были приняты три восклицательных знака, то за такой ход, продолжающий воистину гениальный замысел, они не оказались бы чрезмерными.

23... ♜g8 24. ♖g7+!!

Тут вполне уместны и четыре знака! И легко понять, почему на обнаглевшей ладье все еще лежит табу: при взятии ее королем с шахом берется черный ферзь, а при взятии ферзем — в промежутке тоже с шахом гибнет ладья с8.

24... ♜h8 (если **24... ♜f8**, то **25. ♘:h7+** с экспроприацией всего черного материала) **25. ♖:h7+!!**

Здесь потрясенный Барделебен... покинул турнирный зал

(потом он проигрывал едва ли не в каждом туре, и ничего удивительного), а экс-чемпион мира показал зрителям подготовленный заранее финал этой красивой феерии — **25... ♜g8 26. ♖g7+! ♜h8 27. ♖h4+ ♜:g7 28. ♖h7+ ♜f8 29. ♖h8+ ♜e7 30. ♖g7+ ♜e8** (пикантный мат получался в варианте **30... ♜d8 31. ♖f8+ ♖e8 32. ♘f7+ ♜d7 33. ♖d6x**, но и теперь его не миновать) **31. ♖g8+! ♜e7 32. ♖f7+ ♜d8 33. ♖f8+ ♖e8 34. ♘f7+ ♜d7 35. ♖d6x**.

Неплохо умели считать наши предки, да и фантазии им было не занимать, не так ли?!

Вероятно, это — красота рубенсовского толка. Сейчас чаще возникает утонченная красота импрессионизма, Дали, Неизвестного. Все сложнее, все ассоциа-

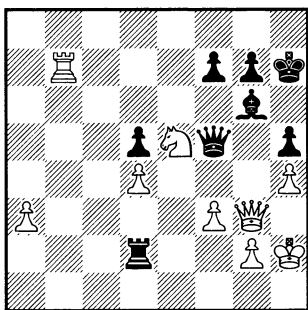
...и в начале пути футболистов (справа) Эдуарда Стрельцова и Галимзяна Хусаинова...

тивнее, все изощреннее. Только вот уже не один год бродит по шахматному миру призрак турнира, победителем которого стал бы не первый призер, а тот, кто сыграет самую красивую партию. Верно, фантастическая это идея и трудно воплотимая в жизнь. Но все же скорее не потому, что утопична, а потому, что век наступил очень уж прагматичный.

В шахматах — тоже. А, по Берже, безумцев, чья мысль озадачила бы всех и вся, даже в достаточно безумных шахматах становится все меньше. И тем не менее...

«Забудется и счет матча-реванша, и, может быть, имя победителя, но ход e5-d7 и все с ним связанное останется в шахматах навсегда», — с откровенной гордостью, выступая перед широкой аудиторией, сказал о 22-й партии своего единоборства за корону осенью 1986 года чемпион мира Гарри Каспаров.

Г. Каспаров — А. Карпов

«Цейтнот закончился, и в этой позиции партия была отложена.

Внешне Карпов был очень доволен — действительно, на вид черные добились многого. Самое естественное за белых — $41.\text{f3}$, но после $41...\text{f6}$ $42.\text{g6}$ g6 $43.\text{g6+}$ g6 у черных прекрасные шансы спасти ладейное окончание. Именно такое развитие событий при доигрывании предсказывали все комментаторы.

Однако хода кроме $41.\text{d7}$, ранее задуманного, я и не рассматривал. Вникнув в позицию, довольно скоро я обнаружил и третий ход комбинации. Пораженный ее красотой, я 17 минут проверял и перепроверял варианты, не веря своим глазам!

«Я или сошел с ума, или форсированно и очень красиво выигрываю!» — сообщил я своим партнерам, выглядевшим, кстати, довольно уныло (они тоже анализировали лишь $41.\text{f3}$). Разбиралась позиция нами долго: это было ни с чем не сравнимое удовольствие, и, кроме того, надо было еще и еще раз убедиться, что глаза нам не лгут и эти красивые варианты действительно возможны!» (Г. Каспаров).

$41.\text{d7!!}$ d4 $42.\text{f8+}$ h6 $43.\text{b4!!}$

«Предупреждая размен ферзей с поля f4, белые минимальными силами сохраняют матовую сеть вокруг вражеского короля.

$43...\text{c4}$.

Красиво... проигрывали черные в варианте $43...\text{b4}$ $44.\text{ab}$ d4 $45.\text{b5}$ d3 $46.\text{b6}$ d2 $47.\text{b7}$ d1 c1 (предупреждая мат с

поля f4) 49. ♖:g6 (кажется, достаточно и 49. ♖e6, и в случае 49... ♗h7 — 50. ♖g5+ ♗h6 51. ♗h8+ ♗h7 52. ♗:h7+ ♗:h7 53. ♖:f7x!) 49... ♗:g6 50. ♗h8+ ♗h7 51. ♗:g7x. А сохраняя ладьи, например, 43... ♖d1?, черные теряли фигуру — 44. ♖b8 ♗h7 45. ♗g5+.

44. ♖:c4 dc 45. ♗d6! c3 46. ♗d4.

Теперь надо либо уступить поле d2 и получить мат, либо потерять проходную пешку с неизбежным к тому же разменом ферзей — 46... ♗h7 47. ♗:c3 ♗g8 48. ♗e3+ g5 49. hg+ ♗:g5 50. ♗:g5+ ♗:g5 51. a4 и т.д. Поэтому черные сдались.

По иронии судьбы многие мои успехи связаны с цифрой «13»: я родился (а это успех!) 13 апреля, стал 13-м чемпионом мира в 85-м году ($8+5=13$), победив со счетом 13:11, эта партия — 94-я между мной и Карповым ($9+4=13$), она игралась 3 октября (3 числа 10 месяца) и стала моей 13-й победой над Карповым! Как тут не стать суеверным?!» (Г. Каспаров).

Слава Богу, аналогичные творения, вплотную приблизившие шахматы к искусству — оно ведь тем и своеобразно, что напрямую связано с эмоциональной стороной человеческой природы, — рождаются если не ежеминутно и не ежемесячно, но все же достаточно регулярно. Неотъемлемой приметой наших дней, длящихся вот уже три десятка лет, стало определение лучшей (помните — это один из синонимов термина

«красивейшей») партии каждого тома гениально придуманного югославского «Шахматного информатора»: там собраны наиболее значимые партии, сыгранные в мире за 6 месяцев (теперь — даже за 4). Жюри из авторитетных гроссмейстеров выбирает «самую-самую», и хотя это всего лишь суд людской, многим внешним и внутренним соблазнам и влияниям подверженный, все же более или менее объективную оценку он выносит, акцентируя на истинной Красоте наше внимание и... стимулируя нас же неплохими призами на создание ее. Хотя, по Поэту, «не продается вдохновенье»...

К слову, от тускло-лунного серебряного кубка, врученного давным-давно в нью-йоркском кафе «Интернэшнл», приз за красоту в своем материальном воплощении ушел далеко. Только в фарисейское время советской власти на 1/6 территории земной суши он сохранял сначала обязательные «кубковые» очертания, затем превратился в часы и радиоприемники, телевизоры и электроприборы, редко — в охотничье ружье, велосипед или нечто местно-экзотическое. Во всем мире этот приз, как и другие, шахматисты получали в виде конверта — не с любовным посланием, разумеется. И только консервативные, по общему мнению, англичане однажды по-настоящему удивили всех. Даже одного из лауреатов.

...Первая половина матч-реванша на мировое первенство в 1986 году между Гарри Каспаровым и Анатолием Карповым проходила в Лондоне. Лучшую или красивейшую партию из 12 сыгранных на правах жюри выбирала сборная Англии, готовившаяся в те же дни к очередной Всемирной шахматной Олимпиаде. Откровенно говоря, особого выбора не было: борьба шла нервная, жесткая, красотой, хотя бы отдаленно аналогичной вышеприведенной партии из ленинградской половины матч-реванша, извините, и не пахло. К тому же отдавать предпочтение кому-то из соперников англичане явно не хотели и... На торжественном закрытии (правда, премьер-министр Маргарет Тэтчер, «железная леди» Британии, уже не появилась — она лишь открывала матч) прозвучал вердикт о том, что приз вручается за 11-й по счету поединок, действительно острый, действительно боевой, многоошибочный с каждой стороны и... ничейный. После чего на сцене появились и были вручены обоим «гроссмейстерам К.» кожаные мешочки, заплесневелые настолько, что в руки их брать просто противно, но — с 5 тысячами гиней времен английской королевы Елизаветы каждый! Минимум за полтора века лежания в подвалах Британского казначейства кожа имела полное право стать скользкой и не фиалками пахнувшей...

Далее — за что купил, за то и продаю. Держа в оттопыренной руке подальше от себя призовой мешок, Карпов будто бы несколько растерянно спросил у Каспарова: «Они что — золотые?» Даже если так и было, то вопрос абсолютно корректен с многих точек зрения. В том числе и той, что будь там медь — мешок можно было вежливо отдать кому-то из организаторов церемонии...

Но если вернуться к шахматам, то приз за красоту не впервые присуждали ничейной партии. У нас, похоже, пальма первенства принадлежит производству воистину незаурядному: встрече почти на финише 24-го чемпионата СССР в Москве, в январе 1957 года, «всего-навсего» двух мастеров. Только один из них — Лев Аронин, которого дружно опасались даже «штучные» в те времена «недевальвированные» гроссмейстеры, а другой — Михаил Таль, завершивший турнир чемпионом страны и через три года ставший 8-м в истории шахматным королем. Его комментарии.

Ферзевый гамбит D32

М. Таль — Л. Аронин

Я очень люблю получать призы за красоту, причем и в соавторстве. Таких партий в моей жизни четыре, но эта — первая, и доставила она мне наибольшее удовольствие. Тогда же она была прокомментирована обоими лауреатами, и мне кажется, что се-

годняшнему читателю небезинтересно познакомиться с комментариями, сделанными «по горячим следам». А так как в примечаниях Л. Аронина (А.) все осталось как прежде, то и мне (Т.) хотелось бы ничего не менять и сохранить таким образом равные «возможности» с соавтором по борьбе.

1.d4.

«Готовясь к этой партии, я рассчитывал только на первый ход королевской пешкой. После 1.d2-d4 дебютную систему пришлось выбирать непосредственно за доской. Ясно было одно: против такого большого мастера атаки, как Таль, необходимо стремиться к позициям со встречной инициативой. Поэтому я решил избрать защиту Тарраша, связанную с известным риском, но зато обещающую активную фигурную игру.

1...d5 2.c4 e6 3.♖c3 c5 4.e3.

Теория рекомендует здесь 4.cd с последующим развитием слона на g2. Впрочем, автор защиты Тарраш считал ход 4.e3 единственно правильным. Во всяком случае, для любителей атаковать на королевском фланге продолжение, избранное Талем, более перспективно» (А.).

«Белым не хотелось на финише турнира идти навстречу желаниям партнера осложнить игру. Поэтому они отказываются от 4.cd, опасаясь гамбита Шара-Геннига» (Т.).

4...♟f6 5.♟f3 ♘c6 6.a3 ♙d6.

«Можно было, конечно, поддерживать симметрию путем a7-a6, однако в этом случае весьма неприятно для черных b2-b3, как часто и с успехом играл Микенас» (А.).

«Возможно также и 6...cd или 6...♞e4. Ходом в партии черные приглашают белых проводить план со взятием на c5, который оказывается не совсем удачным» (Т.).

7.dc ♙:c5 8.b4 ♙d6.

«Поскольку белые развивают слона на b2, приобретает важное значение борьба за пункт e5. Поэтому отступление слона на d6 лучше, чем на e7.

9.♙b2 0-0 10.♞c2.

Я не предполагал, что этот ход связан с идеей длинной рокировки. Скорее можно было думать, что белые собираются путем ♙d1 усилить давление по линии «d». Десятый и особенно одиннадцатый ходы Таля характерны для творчества этого высокоодаренного шахматиста, всегда стремящегося к содержательной борьбе, пусть даже не лишенной риска.

10...♞e5.

Естественная реакция на предыдущий ход противника. Под ударом оказываются важные пункты белых — c4 и f3. Здесь следует первая неожиданность...» (А.).

«Может быть, активнее 10...a5 и лишь в ответ на 11.b5 — 11...♞e5, тогда белым опасно рокировать в длинную сторону. Я собирался на это продолжать 11.ba с примерно равной игрой» (Т.).

11.0-0-0!

«Решение, которое на первый взгляд кажется опасным для белых. Однако чем глубже я вникал в позицию, тем больше убеждался в том, что замысел белых правилен.

Прежде всего, таким путем Таль, по существу, заканчивает развитие, тогда как подготовить короткую рокировку было бы много труднее. Естественно, что наиболее вероятный теперь план игры — атака на разных флангах. Надо учесть, что в подобных позициях белые охотно идут на размен ферзей, поскольку возникающее окончание, как правило, для них благоприятно» (А.).

«Ответственное, но, вероятно, вынужденное решение. Иначе черные получали бы перевес, используя отсталость в развитии королевского фланга белых и непрочность их пешечной структуры. Конечно, невыгодно 11.c5» (Т.).

11...♟e7.

«По-моему, единственный ответ. Очевидно, 11...a5 было нехорошо ввиду 12.c5 ♟b8 (размен на f3 невыгоден из-за опасного для черных вскрытия линии «g») 13.♟:d5 и т.д.» (А.).

«Я предпочел бы немедленное 11...a5 с исключительно острой игрой. Белые собирались продолжать 12.c5 ♟c7 13.♟:e5 ♟:e5 14.f4 ♟c7 15.♟d3 ab 16.ab b6 17.g4 bc 18.bc с острой игрой. После хода в партии у белых есть спокойное продолжение» (Т.).

12.♟b5.

«Нападая одновременно на d6 и e5. Взятие пешки не годилось для белых ввиду 12.cd ed 13.♟:d5 ♟:d5 14.♟:d5 ♟:f3 15.gf ♟e6 с угрозами по линии «c»» (А.).

«Теперь 12.c5 ♟c7 13.♟:e5 ♟:e5 14.f4 ♟c7 15.♟d3 ничего не давало ввиду 15... e5» (Т.).

12...♟ed7.

«Снова у черных был небольшой выбор. После размена на f3 у белых опасное давление по линии «g»» (А., Т.).

13.♟:d6 ♟:d6 14.♟c3.

«После исчезновения с доски слона d6 влияние белых по диагонали a1-h8 резко возросло, и черным необходимо сейчас наметить конкретный план активной защиты. В частности, нужно считаться с непосредственной угрозой g2-g4.

14...♟e8.

Подготавливая при случае e6-e5 и, главное, освобождая для ферзя поле f8» (А.).

«Возможно было и 14...b6.

15.g4 ♟f8.

Обходя «подводный риф»: 15... e5 16.g5 ♟e4 17.♟c2 с двумя угрозами — ♟:d5 и ♟:e4» (Т.).

16.♟d3.

«Конечно же, прежде, чем играть g4-g5, нужно взять под контроль поле e4, однако теперь черным удастся провести встречный маневр» (А.).

16...♟b6.

«Продолжение намеченного плана; хуже 16...dc 17.♟:c4 ♟b6 18.♟c5 с перевесом в эндшпиле

(два сильных слона!). В ответ на 16...e5 белыми был заготовлен следующий вариант: 17.g5 ♘h5 18.cd! e4 19.♙e2 ef 20.♙:f3» (Т.).

17.g5 ♘a4 18.♖c2.

«После партии Таль рассказал, что он рассматривал здесь жертву ферзя за две фигуры, но так и не смог оценить ее последствий. Речь идет о продолжении 18.gf ♘:c3 19.fg ♖e7 20.♙:c3. По-видимому, Таль поступил правильно, отказавшись от жертвы. В самом деле, в случае 20...dc 21.♙c2 f6 последует e6-e5, и черные могут защититься» (А.).

«Заслуживало внимания 18.gf!, хотя рассчитать за доской последствия этой жертвы едва ли возможно» (Т.).

18...♘:b2 19.♙:b2 dc.

«Необходимый ход, снимающий двойной удар с поля h7. Теперь Таль, не задумываясь, пошел на острый вариант, начинающийся ходом 20.gf. Перед черными возникли трудные проблемы, но защита все же нашлась. Интересно отметить, что начиная с этого момента и до самого конца партии оба противника были довольны своим положением, полагая, что у каждого из них преимущество» (А.).

20.gf cd 21.♖:d3 e5.

Все остальное вело к выигрышной для черных позиции. В частности, после 21...gf решало 22.♖d4, и если 22...♖h6, то 23.♖hg1+ ♘h8 24.♖d8!, а если 22...e5, то 23.♖hg1+ ♘h8 24.♖h4 ♙e6 25.♖h6! (А., Т.).

22.♘g5 g6 23.h4.

«События развиваются стремительно. Достаточно белым продвинуть пешку h еще на одно поле, как противник окажется беззащитным.

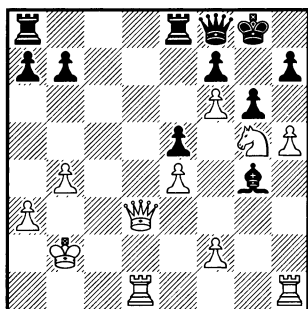
Попытка воспрепятствовать этой угрозе посредством 23...h7-h6 не достигает цели ввиду 24.♖dg1 с дальнейшим ♘:f7.

В распоряжении черных, однако, находится маневр, после которого уже положение белых выглядит критическим» (А.).

«Белым не хотелось тратить время на ход 23.♖hg1, но, вероятно, так следовало играть. Возможен, например, вариант: 23.♖dg1 a5 24.h4 ab 25.h5 ♖:a3 26.hg ♖:d3 27.gf+ ♖:f7 28.♘:h7+! ♘h8 29.♘g5+ ♘g8 30.♖h8+! с матом в три хода. Я отказался от этого хода из-за 23...♙e6 с последующим ♖d8. Ничего не давало 23.♖d6 из-за 23...h6 24.♘e4 ♙f5» (Т.).

23...♙f5! 24.e4 ♙g4 25.h5!

В случае естественного 25.f3 черные, конечно, отступили бы слоном на h5, и белым не развить атаки. Поэтому у белых это единственное продолжение (А., Т.).

25... ♖ad8.

«После окончания партии высказывалось мнение, что сильнее для черных было здесь ♗ed8, сохраняя шансы на победу. Мне кажется, это не так ввиду следующих вариантов: 25... ♗ed8 26.hg! ♗:d3 (в случае 26...hg 27. ♗h7! получилась позиция, аналогичная случившейся в партии) 27.gh+ ♕h8 28. ♗:d3, и в этом положении ладья белых является вполне достаточным эквивалентом за неприятельского ферзя.

Теперь возможны следующие разветвления:

а) 28... ♕e6 29. ♗g1! (29. ♗g3? ♗d6! 30. ♕:e6 ♗:e6 31. ♗hg1 ♗:f6 32. ♗g8+ ♕:h7 33. ♗g8 34. ♗h6!) 29... ♗h6 30. ♕:e6 fe 31.f7! ♕:h7 (или 31... ♗f8 32. ♗d8! ♕:h7 33. ♗g8 ♗:f7 34. ♗h8+ с ничьей) 32. ♗lg3!, и черным не избежать ничьей; например: 32... ♗f8 33. ♗d1 ♗h6 34. ♗d3 или 32... ♗f4 33. ♗g2! ♗h4 34. ♗dg3 с угрозой 35. ♗g8, а если 34... ♗f8, то 35. ♗g7+ ♕h6 36. ♗7g6+! ♕h5 37. ♗g8, и черные должны немедленно спастись вечным шахом путем 37... ♗f4 38. ♗:f8 ♗d2+.

б) 28...a5 29. ♗g3 ab (29... ♕d7 30. ♕f3 ♗d6 31. ♗hg1 с угрозой мата) 30. ♗:g4 b3! 31.a4!, и белые, во всяком случае, застрахованы от проигрыша: на 31... ♗:a4 следует 32. ♕:f7+» (А.).

«Этот ход Аронин сделал почти не задумываясь. В случае 25... ♗ed8 не проходило 26.hg ♗:d3 27. ♗:d3 ввиду 27.fg. Белые собирались играть 26.hg ♗:d3 27.gh+

♕h8 28. ♗:d3, и возникала сложная позиция, в которой, мне кажется, активная позиция белых фигур компенсировала материальный урон. Теперь же получается форсированная ничья» (Т.).

26.hg! ♗:d3.

«В случае 26...hg белые могли, продолжая 27. ♗h7 ♗:d3 28. ♗:d3, свести игру к варианту, случившемуся в партии. Нехорошо для черных 26... ♕h5 из-за 27. ♗h3! ♗:d1 28. ♗:h5» (А.).

«Нельзя 26...hg 27. ♗:d8 ♗:d8 28. ♗:d8 ♗:d8 29. ♗h8+ ♕:h8 30. ♕:f7+ ♕g8 31. ♕:d8 ♕f3? 32.f7+ ♕f8 33. ♕e6+ ♕:f7 34. ♕g5+» (Т.).

27. ♗:d3 hg 28. ♗h7!

«Теперь угрожает 29.f3, и если слон уйдет на h5, то решает 30. ♗d7, а если на e6, то 30. ♗d2 с неотразимой угрозой ♗h2. Однако очередь хода за черными, а у них есть единственный, но достаточный ресурс защиты. Любопытно, что 28... ♗d8 проигрывает здесь после 29. ♗:d8 ♗:d8 30. ♗h8+ ♕:h8 31. ♕:f7+ ♕g8 32. ♕:d8 ♕f3 33.f7+ ♕g7 34. ♕e6+ ♕:f7 35. ♕g5+» (А.).

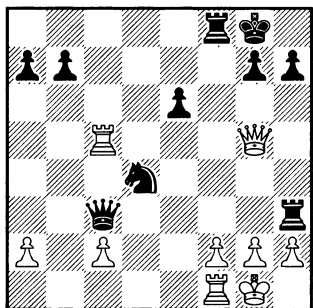
28... ♗c8! 29.f3 ♗c6.

Выясняется, что после 30.fg ♗:f6 31. ♗dh1 ♗f2+ 32. ♕b3 ♗d6 шансы на победу у черных. Поэтому белые должны перейти в ладейное окончание, которое на первый взгляд кажется опасным для белых, на самом же деле оказывается ничейным (А., Т.).

30. ♗:f7 ♗:f7 31. ♕:f7 ♕:f7 32.fg ♕:f6 33. ♗d7 ♗b6 34. ♕c3 ♕g5 35.a4 a6 36. ♕c4 ♕:g4.

Ничья ввиду неизбежного повторения ходов после 37.♔c5 ♖c6+ 38.♕d5 ♜b6 39.♔c5 и т.д.

Партия и вправду впечатляет — по самому строгому счету (Макс Эйве даже назвал ее красивейшей ничьей всех времен). Но объявлять ее — или любую другую — самой красивой в уже отыгранной части шахматной истории — невозможно. При всех объективных критериях, выдержавших испытание временем, Красота все же настолько субъективна, что в этом плане справедливым надо признать вроде бы навеки скомпрометированное (гитлеровцы украшали такой надписью вход в ворота концлагерей) выражение: «Каждому свое». Как нельзя говорить и о самом красивом ходе, сделанном на шахматной доске. Автор предлагает собственную версию, ни сном, ни духом не помышляя, что вплотную приблизился к Истине.

В партии **С. Левитский — Ф. Маршалл** (Бреслау 1912), несмотря на отсутствие фигуры, инициативу явно собираются перехватить белые: поставив следу-

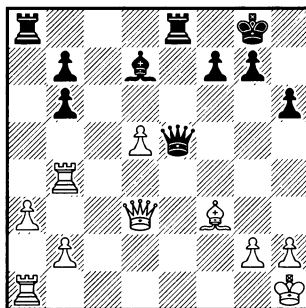
ющим ходом ладью на 7-ю горизонталь, они создадут матовые угрозы, а затем, после отступления черного коня, возьмут ладью на h3. Правда, ничейный механизм у черных еще «взведен» — 23... ♖e2+ 24.♕h1 ♖g3+ 25.♔g1 ♖e2+.

Но у них нашелся, быть может, тот самый красивый ход в истории шахмат, подчеркивающий вертикально-диагональную гармонию всех черных фигур, атакующих короля.

23... ♜g3!!

Белые сдались, так как грозит мат на h2, а черный ферзь неприкосновенен: 24.hg ♖e2x; 24.fg ♖e2+ 25.♕h1 ♜:flx; 24.♜:g3 ♖e2+ 25.♕h1 ♖:g3+ 26.♕g1 ♖:fl или 26... ♖e2+ с лишней фигурой у черных.

И тут же автор готов опровергнуть самого себя, поскольку с только что приведенным перебивается и удар, осуществленный **Д. Бронштейном** (черные) против **В. Микенаса** (33-й чемпионат СССР 1965): такое же эффективное и, пожалуй, еще более труднонаходимое проявление диагонально-вертикального взаимодействия.

Казалось бы, дела белых очень и очень неплохи. У них лучшая пешечная структура на ферзевом фланге, проходная в центре, активная ладья на b4, а возможное вторжение черных на первую горизонталь — 24...♙e1+ парируется простым 25.♙f1.

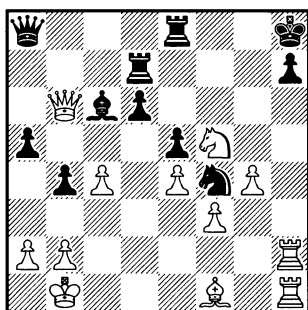
Но «хитроумный Дэвик», как часто именовали московского гроссмейстера, рассмотрел, что черный ферзь по большой черной диагонали нацелен не только на пешку b2, надежно защищенную, но — рентгеном — и на незащищенную ладью a1.

Значит, хорошо бы отвлечь пешку b2, а если не ее, то ферзя от поля f1, а если не его, то ладью с 1-й горизонтали... И родился удивительный ход, на равных спорящий с заключительным ударом в предшествующем примере.

24...♚:a3!!

Удар по трижды (!!) защищенной пешке на краю доски привел к немедленной капитуляции белых.

Тот же механизм — и столь же красивый! — встретился в партии В. Райчевич — Р. Кин (Белград 1984).

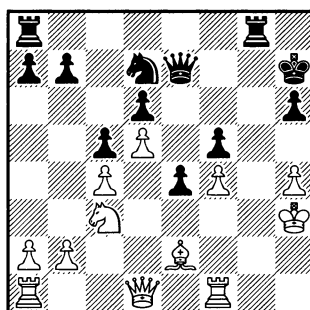

27.♙:h7+!

Черные сдались, не пожелав получить мат после 27...♚:h7 28.♙c7! ♚:h1 29.♙g7x.

А разве меньшее эстетическое удовольствие — даже потрясение — вызывает ход, отправленный в 1973 году в конверте одним не слишком именитым игроком другому.

Веннерстрем — Гарам

31...♙g2!!

Прекрасный замысел! Ладья подключается к атаке с темпом, так как на 32.♙:g2 следует 32...♙:h4 с неизбежным переводом на g8 второй ладьи. Кроме того, грозит 32...♚ag8 и на ♙e1 — 33...♙g7 с матом на g3.

32.♙g1.

Единственная возможность помешать сдваиванию и страиванию тяжелых фигур черных по открытой линии. Но, оказывается, у черных есть и запасная цель — пункт h4.

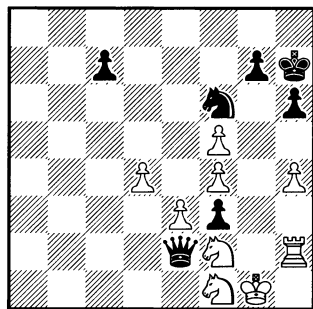
32...♚h2+!! 33.♙:h2 ♙:h4+ 34.♙g2 ♚g8+ 35.♙g4.

дали шел к возникшей позиции, поглощенный одним лишь желанием — творить. Вспомним кредо Алехина: «Для меня шахматы не игра, а искусство. Да, я считаю шахматы искусством и беру на себя все те обязанности, которые оно налагает на своих приверженцев. Цель шахмат я вижу в научных и художественных достижениях, которые ставят шахматную игру в ряд других искусств».

А у художника свои законы — как изумился великий поэт России тому, что героиня его романа в стихах «взяла и вышла замуж». Да, во время созидания порой нет ни времени, ни духовных сил бросать взгляды по сторонам и примечать где что «плохо лежит»: шахматиста-творца зачастую неудержимо влечет девиз «Вперед и выше»...

Однако оно все же существует, простое до примитивизма решение позиции. Но, по правилу древних римлян, «незнание закона не избавляет от наказания». Значит, все та же дилемма: нет необходимости в комбинации — нет красоты в ней? С научной точки зрения — это так, но забыть эту партию автор почему-то не может всю свою немалую жизнь в шахматах.

31. ♖:e8 c2!! 32. ♖:f8+ ♔h7 33. ♘f2 c1♖+ 34. ♘f1 ♘e1! 35. ♖h2 ♖:c4 (грозит 36... ♘b5 и приходится отдавать качество) 36. ♖b8 ♘b5 37. ♖:b5 ♖:b5 38. g4 ♘f3+ 39. ♘:f3 ef 40. gf ♖e2!

При формальном материальном тождестве ходить белым нечем, так как на 41. ♘h3 следует 41... ♘g4! 42. ♖:e2 fe и черная пешка вновь превращается в ферзя. Словом, можно сдаваться.

41.d5 ♖g8 42.h5 ♔h7.

Чуть демонстративно выжидая, когда закончатся ходы пешками.

43.e4 ♘:e4 44. ♘:e4 ♖:e4 45.d6 cd 46.f6.

Уж не на пат ли надеются белые?

46...gf 47. ♖d2 ♖e2!

Необязательная маленькая вольность, которую позволил себе — и в чем признался — Алехин. Третий черный ферзь, по замечанию Котова, «внук Первоначального», переведет все в пешечный эндшпиль с неизбежным четвертым ферзем!

48. ♖:e2 fe 49. ♖f2 ef ♖+ 50. ♖:f1 ♖g7 51. ♖f2 ♖f7 52. ♖e3 ♖e6 53. ♖e4 d5+. Белые сдались.

Впрочем, здесь — всего лишь два пути к достижению единой цели: выбор прагматика и романтика, «физика» и «лирика». Ну, а

как быть с целым сонмом знаменитых партий, комбинации в которых не выдержали испытания временем. Под микроскопом анализа оказались опровергнутыми или по крайней мере необязательными многие смелые жертвы, оригинальные замыслы и сокрушающие атаки.

Это касалось таких шедевров, как получившие собственные имена «бессмертная» и «вечно-зеленая» партии Адольфа Андерссена. И уже найдены защиты от многих блистательных тактических ударов «не только» Михаила Таля, но и, по словам Ласкера, «выросшего из комбинации» Александра Алехина.

Уже австрийский мастер и великолепный шахматный литератор профессор Йозеф Крейчик через 50 лет установил, что за партию против Шварца (Австрия 1906) он не по делу получил приз за красоту: в момент капитуляции его соперник мог... форсированно выиграть!

Наконец, стало уже доказанным, что в фантастической по замыслу и воплощению партии Холмов — Бронштейн из чемпионата СССР 1964 года при идеальной защите черных белые извлекали из своей громоподобной комбинации лишь шансы на победу в эндшпиле, но не более того.

Но не было и не будет ничего похожего на эту историю.

В 1938 году на уникальном по составу турнире появилась партия, которую на редкость дружно крупнейшие шахматисты мира — в первую очередь сам Алехин — признали редкостной по своей логичности, стройности и изяществу заключительной комбинации. Гроссмейстер Г. Левенфиш, например, писал: «Особенно следует остановиться на партии Ботвинник — Капабланка, которой был бы обеспечен первый приз за красоту в любом международном турнире. Это художественное произведение высшего ранга, которое войдет на десятки лет в шахматные учебники. Эта партия замечательна особенно тем, что Капабланка превосходно защищался и Ботвиннику на протяжении многих ходов приходилось находить единственные ходы. Малейшая неточность могла привести к поражению. Глубокий стратегический план был увенчан далеко рассчитанными задачными комбинациями. Такая партия, на мой взгляд, стоит двух первых призов...» Много позже, во время Всемирной Олимпиады 1954 года в одной из витрин Амстердама красовался даже огромный торт с ключевой позицией партии: ее и не думали забывать! А когда в 1970 году Белградское телевидение объявило своеобразный референдум для определения десяти лучших партий «всех времен и народов» — именно она заняла первое место.

Защита Нимцовича E26
М. Ботвинник — Х.-Р. Капабланка
 АВРО-турнир 1938

1.d4 ♖f6 2.c4 e6 3.♗c3 ♘b4 4.e3
 d5 5.a3 ♗:c3+ 6.bc c5 7.cd ed
 8.♗d3 0-0 9.♗e2 b6 10.0-0 ♗a6
 11.♗:a6 ♗:a6 12.♗b2 ♔d7 13.a4
 ♚fe8 14.♚d3 c4.

Принципиальное решение.
 Длинным маневром коня черные собираются завоевать пешку a4, но при запертом центре ничто не помешает белым вести атаку на более «привлекательном» королевском фланге.

15.♚c2 ♗b8 16.♚ae1.

Вызов принят: маневром 16.♗a3 ♗c6 17.♗b4 пешку можно было защитить, но 17...♗:b4 18.cb a6 избавляло черных от всех трудностей.

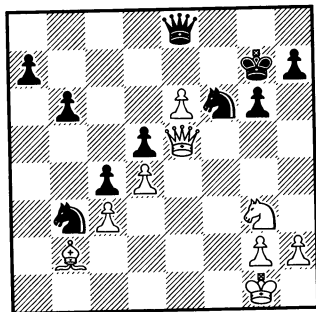
16...♗c6 17.♗g3 ♗a5 18.f3 ♗b3
 19.e4 ♚a4 20.e5 ♗d7 21.♚f2.

Тонкость, мешающая черным ввести в игру второго коня при помощи 21... ♗bc5.

21...g6.

После 21...♗a5 22.♗f5 ♗b7 23.♚g3 g6 24.♚g5 атака белых вряд ли отразима.

22.f4 f5 23.ef ♗:f6 24.f5 ♚e1
 25.♚e1 ♚e8 26.♚e6! ♚e6 27.fe
 ♗g7 28.♚f4 (угрожая 29.♗f5+)
 28...♚e8 29.♚e5.

29...♚e7.

«А что еще черным делать, когда они в цугцванге? После 29...♗a5 белые с выгодой вводят в игру слона через c1 с сокрушительными угрозами ♗h6+ или ♚c7+. Черные пытаются выключить слона из игры (казалось бы, отнимая у него последнее поле), но тщетно» (М. Ботвинник).

30.♗a3!

«Начало 12-ходовой комбинации, включая последующий, приводящий к победе, маневр. Должен признать, что я не мог ее подсчитать до конца и действовал в два приема. Сначала я прогнозировал ее на 6 ходов и убедился, что мне обеспечена ничья вечным шахом. Затем уже 6 ходов спустя я досчитал ее до конца...» (М. Ботвинник).

30...♚a3 31.♗h5+! gh.

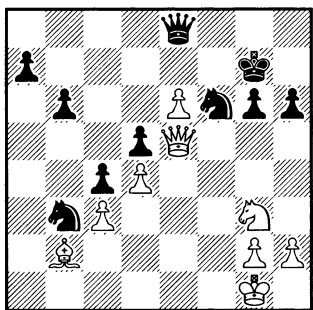
Проигрывает 31...♗h6 32.♗:f6 ♚c1+ 33.♗f2 ♚d2+ 34.♗g3 ♚:c3+ 35.♗h4 ♚:d4+ 36.♗g4+.

32.♚g5+ ♗f8 33.♚:f6+ ♗g8
 34.e7.

Выигрывало и 34.♚f7+ ♗h8 35.e7, так как вечного шаха у черных нет.

34...♖c1+ 35.♔f2 ♖c2+ 36.♔g3 ♖d3+ 37.♔h4 ♖e4+ 38.♔h5 ♖e2+ 39.♔h4 ♖e4+ 40.g4 ♖e1+ 41. ♔h5. Черные сдались.

Прошло ровно полвека абсолютного признания, и в позиции на диаграмме вместо хода 29... ♖e7, который и Алехин, и сам Ботвинник, и другие комментаторы — гроссмейстеры полагали совершенно необходимым, московский мастер В. Голдин предложил принципиально иную защиту 29...h6?!, и, устанавливая контроль над пунктом g5, черные избавляют себя от многих опасностей.

Например, 30.h4 (с угрозой 31.h5) 30...♖a5 (собираясь отеснить белого ферзя с поля e5) 31.♔c1 (создавая угрозу взятия на h6) 31...♖e7 32.♔g5! hg!! (хуже 32...♖c6 33.♔f6+ ♖:f6 34.♖:d5 ♖:h4 35.♖d7+! ♖e7 36.d5 ♔f6! 37.d6 ♖:g3 38.♖:e7+ ♔e5 39.♖g7+!!, и этим единственным ходом белые выигрывают) 33.hg ♖c6 34.gf+ ♖:f6 35.♖:d5 ♖e7 36.♖d7 (при 36.♖:c4 ♖f4! у черных достаточная контригра) 36....♖g5!, и как

при 37.d5 ♖e3+ 38.♔f1 ♖f4+ 39.♔e2 ♖e5+, так и при 37.♖f1 ♔f6 38.♖:a7 b5 39.♖d7 ♖d5 черные сохраняют равновесие.

Другая попытка — это 30.♔a3 с угрозой ♖e5-c7+. Но при помощи 30...♖d8 31.♖f4! (цугцванг?) 31...b5! 32.h4 a5 33.♖e5! b4 34.cb c3! 35.b5 c2 36.♖e2 ♖d2! (направляясь либо на c4, либо на e4) 37.b6 ♖c4 38.♖c7+ ♖:c7 39.bc ♖b6 40.♖c3! (снова цугцванг?) 40... ♖c8!, и теперь ни 41.♔f2 g5 42.h5 ♖:h5 43.♖:d5 ♔g6! 44.♔e3 ♖g7 45. e7 ♖e8 46.♔d2 ♖f7 47.♔:c2 ♔e6 с дальнейшим взятием на c7, ни с 41.g4 ♖:g4 42.♖:d5 ♖f6 43.♖:f6 ♔f6 44.d5 ♔e5 45.e7 ♖:e7 46.d6 c1♖+ 47.♔:c1 ♔:d6 48.♔a3+ ♔:c7 49.♔:e7 ♔d7 50.♔f8 ♔e6 51.♔:h6 ♔f5 52.♔f2 ♔g4 53.♔g5 a4 победы белым не дает.

Профессор Ботвинник, ознакомленный с анализом еще до его публикации, пообещал возразить на страницах одного из советских журналов. Но пролетели годы... И с учетом редкой принципиальности патриарха современных шахмат его молчание до конца своих дней нельзя трактовать иначе, как знак согласия.

Повторяю: великое множество партий по справедливости должно было бы «возвратить» присужденные им призы, но «крушение» такого эталона шахматной эстетики производит все же сильнейшее впечатление. Может быть, и вправду нет безупречных комбинаций, есть только пока еще не опровергнутые?

СТАВКА

Из всего на земле живущего — только человеку присущ азарт. Даже в случаях, когда остроты вроде бы и с избытком. Кто-то из гладиаторов обречен на гибель, но не довольствуясь видом меча, вонзенного в тело, трибуны Коллизея заключали между собой пари в сотни тысяч сестерций: победит ли ретиарий или побежден будет...

Потому и шахматы, появившись как инструмент единоборства, без ставок существовать не смогли. С той лишь существенной разницей, что в первую очередь сами игроки подкрепляли свои амбиции чем-то весьма существенным. Нет-нет, ставка, вопреки расхожей формуле, никогда не была больше чем жизнь, но история знает случаи, когда цена шахматной партии равнялась жизни.

«Огромный Абу-Джафар притащил снизу толстую дубовую доску, просунул ее между балясинами и закрепил на палубе один конец. Второй подрагивал над синевой моря локтях в семи от борта.

— Вот, — весело сказал реис, — вот, мессэр Леонардо, как мы с вами сыграем. Если выиграете вы, сто цехинов ваши. А если выиграю я, вы прогуляетесь по этой доске и спрыгнете с нее... Акул здесь нет, вы умрете спокойно... Согласны?»

Да, эти строки — не документ. Они — из повести очень хорошего писателя и сильного шах-

матного мастера Евгения Загорянского (москвичи знают его родовое дворянское гнездо Загорянку, и никогда я не встречал более «породистого» человека, чем он), но основан рассказ на книге доктора теологии Алессандро Сальвио, увидевшей свет в году 1604-м. И вроде бы доказанной считается легенда о том, что к едва ли не самому главному трагическому герою Великой французской революции Робеспьеру, регулярно посещавшему знаменитое шахматное кафе «Режанс» (сейчас там офис одной крупной аэрокомпании), подошел невысокий худощавый юноша и предложил сыграть партию, как сказали бы мы ныне, «на американку». Неподкупный — вы помните это прозвище Робеспьера? — согласился и... проиграл. Юноша снял шляпу, из-под которой пролился вдоль спины каскад волос и, уже не огрубляя высокий девичий голос, попросил пощады своему жениху, приговоренному к гильотине. Недрогнувшей рукой Неподкупный написал соответствующий приказ коменданту тюрьмы Консьержери...

Но это было давно. А к заместителю директора института метеорологии профессору Константинову я собрался в Киев году примерно в 1970-м: рассказать в телевизионном «Клубе 4-х коней» о его шахматной партии под дулом пистолета. Тогда, в 44-м, он, еще не доктор физико-мате-

матических наук, а всего лишь двадцатилетний старший лейтенант-сапер находился в плену, в концентрационном лагере, и ни в один день своего существования не был уверен в наступлении дня завтрашнего. И тем не менее — играл с товарищами по несчастью шахматными фигурами, вылепленными из глины. Был сильнее всех — все же занятия в Киевском Дворце пионеров вместе с Давидом Бронштейном давали себя знать.

Однажды в барак в сопровождении нескольких солдат вошел эсэсовский офицер. Властно сел к дощатому столу, поманил пальцем: «Говорят, хорошо играешь? Садись!» — и многозначительно расстегнул кобуру своего пистолета. — «Можешь взять белые!»

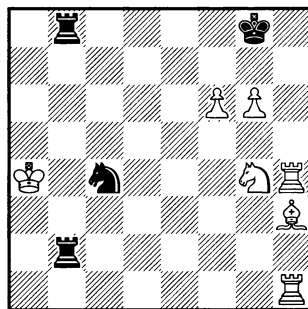
Они играли недолго. Если память мне не изменяет, то ходу на 18-м Константинов вдруг увидел несложную, но очень эффектную трехходовую комбинацию, сразу ведущую к победе. Заметил ее и постоянный партнер по бесчисленным барачным поединкам. Шепнул — «Не надо!» Но — когда Константинов перед кинокамерой вспоминал и показывал все это, губы у него напоминали две ленточки, белеющие на ветру — выиграло самолюбие и желание взять над врагом верх там, где это казалось невероятным, и белая ладья принесла себя в жертву. Еще удар и...

В мертвой тишине эсэсовец, помедлив, встал. То ли отгремев-

шая незадолго в Белоруссии операция «Багратион» действовала на него, то ли остатки спортивной чести, но...

«Du hast Glück, Mensch» («Тебе повезло, человек») — буркнул он, застегнул кобуру и вышел. И едва закрылась дверь за последним солдатом, товарищи бросились обнимать Константинова...

Все же куда чаще случались в шахматах ставки ценой меньше жизни. Но достаточно весомые. В арабской мансубе — так назывались задачи и практические позиции в древности — еще в X веке жена одного вельможи, поставленная им на кон, в критический момент крикнула: «Отдай ладьи и не отдавай меня!»

Жена была красивая, а вельможа догадлив, и в историю шахмат навсегда вошел «мат Диларам» — по имени той, что рассмотрела эту комбинацию на доске.

1. ♖h8+ ♜:h8 2. ♕f5+.

Не приходится удивляться: это была эпоха шатранджа, предшественника современных шахмат, и слон в нем ходил так и именно так, на третье поле по диагонали,

даже перепрыгивая через свою или чужую фигуру.

2...♖g8 3.♜h8+ ♖:h8 4.g7+ ♖g8 5.♘h6x!

И это в позиции, где при своем ходе черные объявляли мат четырьмя способами!

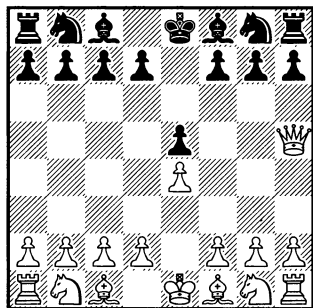
Вообще на эту тему много и красиво написано. Баллады, поэмы, фильмы сняты. Действительно, что романтичнее и почетнее силой ума завоевать себе любимую, или любовь, или, на крайний случай, какую-нибудь птицу Феникс, как сделал это наш предок Садко: то ли на дне Ильмень-озера, то ли в гостях у индийского магаджии. Тот, правда, играл в шахматы явно послабее своего отдаленного потомка Вишванатана Ананда...

А потом в мир властно вошли деньги, исключив романтику из многих сфер человеческого общения. И перед матч-реваншем за мировую корону, о котором речь уже шла, Ласкер и Стейниц внесли в Московский шахматный кружок по 200 рублей залога: в знак того, что от борьбы не уклонятся. Ставкой в турнирах стали и звание маэстро — так именovali первого призера, и огромная ваза Императорского фарфорового завода под Петербургом, презентованная Его Величеством Государем для мемориала Чигорина в 1909 году, и, естественно, суммы в любой национальной валюте.

Увы, росли они медленно, эти официальные ставки оргкомите-

тов, шахматными турнирами рекламировавшие открываемые вновь курорты — это и Сан-Ремо, и Блед, и Баден-Баден, и Кемери... Бывали, правда, и исключения. Так, в начале века нынешнего некий немецкий вино-водочный король расщедрился на 1500 рейхсмарок золотом в виде приза за одну-единственную партию. Но — сыгранную особыми шахматными фигурами: выдутые из стекла, те содержали в себе самые разные напитки, и «съеденная» фигура тут же должна была быть... выпита!

На это шоу пригласили чемпиона мира Эмануила Ласкера и еще одного интереснейшего по стилю немецкого гроссмейстера Карла Шлехтера. И у того глаза полезли на лоб, когда шахматный король, словно пижон начинающий, на втором ходу забросил своего ферзя далеко вперед, как это делают при желании непременно объявить знаменитый «киндер-мат».

Но еще больше удивился гроссмейстер, когда после 2...♘c6 Ласкер ответил 3.♚f7+?!! Ну

куда Шлехтеру, автору прекрасных комбинационных атак, было тягаться с доктором математики, видным в свое время драматургом и — главное — доктором психологии и карточным игроком мирового класса! Ласкер — по правилам этой единственной партии — тут же выпил пешку: граммов 8-10 какого-то ликера. Шлехтер же выпил ферзя, содержавшего в себе 100 граммов крепчайшей водки, и, благостный добропорядочный немец, через пяток минут был вдребезги пьян, поскольку по правилам никакая закуска не разрешалась! И даже без ферзя объявить мат черному королю, всячески избегая при этом «поедания и выпивания» черных вражеских фигур, чемпиону мира удалось с блеском!

Это — курьез, быть может, самая забавная страница в шахматной истории. Вообще же последнюю сотню лет те, кто отваживался полностью посвятить себя древней и мудрой игре, то и дело кончали жизнь в нищете, а до того — работали таксистами, как французский гроссмейстер Н. Россолимо, бухгалтерами, как знаменитый американец С. Решевский, преподавали в колледжах, школах и университетах, в наши дни — колесили и колесят по бесконечным «турнирам выходного дня», где счастье всегда обманчиво и непостоянно.

Правда, советские шахматисты долго стояли наособицу. Им,

фальшиво оформленным инструкторами физкультуры, а то и слесарями на заводах, платили среднестатистическую стипендию Госкомспорта, а особо выдающимся разрешали вне очереди купить машину и выстроить дачу в престижно-полуправительственном поселке под Москвой. Ботвиннику после одного из его лавровых чемпионских венков даже гараж дали неподалеку от дома: это была награда почище лауреатской! Но если отбросить смех сквозь слезы, то творцы теории, создатели шахматной красоты и лучшие игроки мира чувствовали себя не слишком-то уверенно.

За редким, впрочем, исключением. Так, например, Хосе-Рауль Капабланка-и-Граупера (красиво звучит, не правда ли?) «защитил» свой титул шахматного короля призовым фондом в 10 тысяч долларов: по меркам середины 20-х годов XX века — суммой почти сумасшедшей. Без нее претендент на корону и думать не мог про аудиенцию у Его Шахматного Величества. «Капа отгородился от всех золотым валом», — писали тогда газеты, и ставка действительно представлялась неимоверно высокой. Впрочем, как это часто случается в жизни: «Мне отмщение и аз воздам». Когда Александр Алехин сумел таки найти спонсоров и корону отобрал, он согласился дать Капабланке реванш... на тех же капабланковских условиях. Пере-

прыгнуть же собственный золотой барьер экс-чемпиону не удалось, а затем неумолимое время стало работать уже против него, хотя и примерно 10 лет спустя победы Капы на крупнейших турнирах — III Московском, в Ноттингеме (впереди Алехина) вызывали всеобщее признание.

По-настоящему шахматные ставки поднял Роберт Фишер, на которого и сегодня готовы молиться все шахматные профи. Надежда шахматного Запада, дважды побеждавший в матчах претендентов на корону с фантастическим, даже мистическим счетом 6 : 0, он отказался играть матч с Борисом Спасским за огромную по тем временам сумму в 125 тысяч долларов, и английский банкир Слейтер ради спасения поединка удвоил ее! К слову: ЦК КПСС исходил злобой, что «социалист» Спасский, к тому же проигравший «капиталисту» Фишеру, получил так много, но... Раньше копеечные призы у гроссмейстеров не отбирали, твердо-го закона не существовало, подобиру-поздорову этот антисоветски настроенный экс-чемпион хоть цент отдавать наотрез отказался.

С тех пор у организаторов турниров и матчей обратного хода уже не было. Конечно, ставки не всегда исчислялись сотнями тысяч, зато иногда — в матчах за первенство мира — и миллионнами. И совсем уж взвинтил призовой фонд нынешний Президент ФИДЕ и Президент Калмыкии

Кирсан Илюмжинов, выложивший участникам первого чемпионата мира по его, илюмжиновской, нокаут-системе аж 5 миллионов! Правда, он поначалу надеялся на спонсоров, но их так и не оказалось, и пришлось поддерживать данное слово исключительно собственным карманом. Что ж, честь ему и хвала. Следующий чемпионат в следующем, 1998 году, разыграет общий приз уже в 10 миллионов, пообещал при этом прилюдно Кирсан Николаевич. Затем все же сработал принцип «шагреновой кожи» — и в Лас-Вегасе в середине 99-го те же сто (!) участников (в принципе, столько претендентов на корону быть не может, все же шахматные короли — это «товар штучный» и на конвейере не выпекается) разыграли 3 миллиона долларов, то есть практически столько же, сколько Каспаров и Карпов в каждой из двух своих последних встреч на высшем шахматном уровне. Тут я к официальному призовому фонду, который учреждали Севилья и Нью-Йорк с Лионом (этим городам очень хотелось принять у себя матч), прибавляю самую оригинальную из виденных мною шахматных наград: платиново-золотую корону, усыпанную более чем тысячей белых и черных бриллиантов. Ее изготовила всемирно известная ювелирная фирма Картье — надо ли говорить, что основали «дело» на юге Франции бежавшие от боль-

шевизма *наши* люди?! То ли их наследники начисто забыли русский язык, то ли никогда и не знали его, но... Переплетение в зеркальном варианте двух букв К — в честь участников матча — образовало по сути русскую букву Ж, в латинском алфавите иную по начертанию, и это в говорящих по-русски пресс-центрах Нью-Йорка и Лиона вызывало немало иронических реплик не слишком печатного толка. Впрочем, от этого материальная ценность красивейшего приза (горжусь, что удалось подержать его в руках) никак не уменьшалась.

Метеором мелькнула на шахматном небосклоне корона. Сразу же после матча Гарри Каспаров положил ее в самую банальную дорожную сумку, прикрыв сверху спортивным тренировочным костюмом — от излишнего любопытства таможенников, и отвез из французского Лиона в соседнюю швейцарскую Женеву. Там ее купил еще не Президент ФИДЕ, но уже Президент Калмыкии Кирсан Илюмжинов, и корона нырнула до лучших — или, не дай Бог, худших времен в банковский сейф, надежно защищенный вековыми традициями и почти двухсотлетним нейтралитетом Швейцарии. Деньги же, за нее полученные, Каспаров отдал армянским беженцам из своего родного Баку, когда нерушимая дружба народов Советского Союза в очередной раз в полном

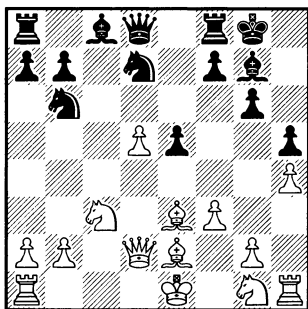
блеске ножей и кинжалов дала себя знать...

Ну, а самой курьезной ставкой в современной шахматной игре, наверное, надо признать ту, что учредил для Владимира Крамника с Алексеем Шировым организатор их матча — сеньор Луис Рентеро. В 1998 году этот поединок призван был определить соперника Гарри Каспарова в споре за титул сильнейшего шахматиста мира (впрочем, титул своеобразный, потому что Каспаров уже 5 лет как порвал с ФИДЕ, официально чемпионское звание потерял, но оставался непобежденным и действительно лучшим), и президент новоявленного Всемирного шахматного союза, около полугода просуществовавшего и ничего кроме этого матча не сделавшего, проблеме ставки решил по принципам... Зазеркалья. Он превзошел даже классическую чеканную формулу джекклондоновского героя: «Победитель получает все!» Здесь же все — точнее, свою долю — получал только... побежденный, а приз выигравшему как бы экстраполировался, переносился на «финальную» встречу с Каспаровым. Не по годам мудрый Крамник поначалу в шок впал от такого выверта: он по праву считался фаворитом и имел все шансы рассчитывать на успех. Но все же уступил своему приятелю, бывшему рижанину и ученику великого Таля, а к моменту матча уже «стажирован-

ному испанцу» Широву, и вышел на старт.

Вот тут-то и произошло чудо, лишний раз подтвердившее, что синица в руках всегда лучше журавля в небе. У Владимира игра не заладилась, всю дорогу его лихорадило, но все же доведи он до логического конца вот эту выигранную позицию — и...

В. Крамник — А. Широв

13.d6!

К этому моменту для белых сложилась благоприятная ситуация: Широв уже израсходовал больше часа времени, тогда как у Крамника было затрачено значительно меньше.

13...♟f6 (при 13...♚e8 надо считать и с 14.♞b5) 14.♙g5 (возобновляя угрозу g2-g4) 14...♚e8.

Напрашивалось 14...♙e6!?, допуская 15. g4. Однако до этого Крамник играл очень быстро и уверенно, и Широву, видимо, хотелось любым способом уйти от домашнего анализа. Возможно, причиной отказа от 14...♙e6 явился не сам ход 15.g4, который испанский гроссмейстер мог счи-

тать не опасным, а маневр 15.♞h3, и поскольку допускать консолидирующее 16.♞f2 нежелательно, то хочется сыграть 15...♙:h3, а это как бы связано с потерей времени.

15.♚d1!? ♙e6.

Выясняется, что на 15.♚e6 вновь неприятно 16.♞h3 ♙f8 17.♞f2, и черные не успевают забрать пешку: 17...♚d6 18.♙:f6! ♚:f6 19.♞fe4.

16.♞h3 ♞c4.

Не вполне мотивированное решение. В свете дальнейшего необходимо было предварительное 16...♚c8.

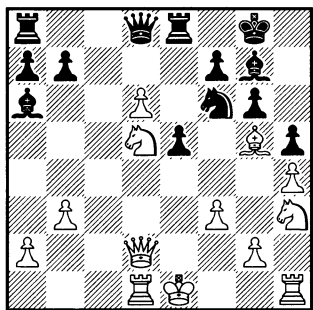
17.♙:c4 ♙:c4 18.b3 ♙a6?!

Хотя после 18...♙e6 19.♞f2 у белых заметно лучше, все же есть определенные гарантии, что движение пешки на время заблокировано.

Это был последний момент, когда Крамник мог сравнять счет в матче. Но одним из основных признаков плохой формы является отсутствие четкости в игре. Вот и теперь, начав расчет вариантов с самого обнадеживающего с виду 19.d7, он быстро прикинул, что достигает определенно-го, но все же не совсем решающего перевеса при 19...♚d7 20.♚d7 ♞:d7 21.♚:d7 e4 22.♞:e4? f5, и тотчас принялся за расчет других вариантов (19.♞f2 ♚d7 20.♙:f6 ♙:f6 21.♞d5 ♙d8 22.♞e4 ♚g7, и у белых ничего нет). Увы, Владимир забыл в конце концов вернуться к ходу 19.d7. При повторном переборе он бы легко

установил, что на 21...e4 практически выигрывало 22. ♘d5 ef+, после чего возможно и 23. ♕f2 и 23. ♘e7+. Вероятно, при 19.d7 черным пришлось бы остановиться на безрадостном 19...♖f8. Тогда 20. ♘f2, и у белых огромный перевес. В итоге противоречивых и сбивчивых расчетов родился ход.

19. ♘d5?

Ошеломляющее опровержение не заставило себя долго ждать.

19...e4!!

Жертвуя ладью, черные развивают эффектную и неотразимую атаку.

20. ♘:f6+.

Или 20.d7 ef+! 21.de♖+ ♖:e8+ 22.♖e3 ♘:d5 23.♖:d5 ♖c6! 24.♖d8+ ♖:d8 25.♕:d8 ♖c2 26.♖e8+ ♕f8, и, как нетрудно убедиться, у черных во всех вариантах найдется выигрыш.

20...♕:f6 21.d7 ♖b6!! (очень красиво!) 22.de♖+ ♖:e8 23.♖e3.

Конечно, еще быстрее проигрывает 23.f4 — 23...e3! с последующим диагональным шахом. Не помогает и 23.♖f2 ef+ 24.♕d2 ♖:f2+ 25.♘:f2 ♖e2+.

23...♕:g5 24.♖:b6 ♕:h4+ 25.♕d2 ab 26.fe ♖:e4.

Такие позиции уже не удерживаются.

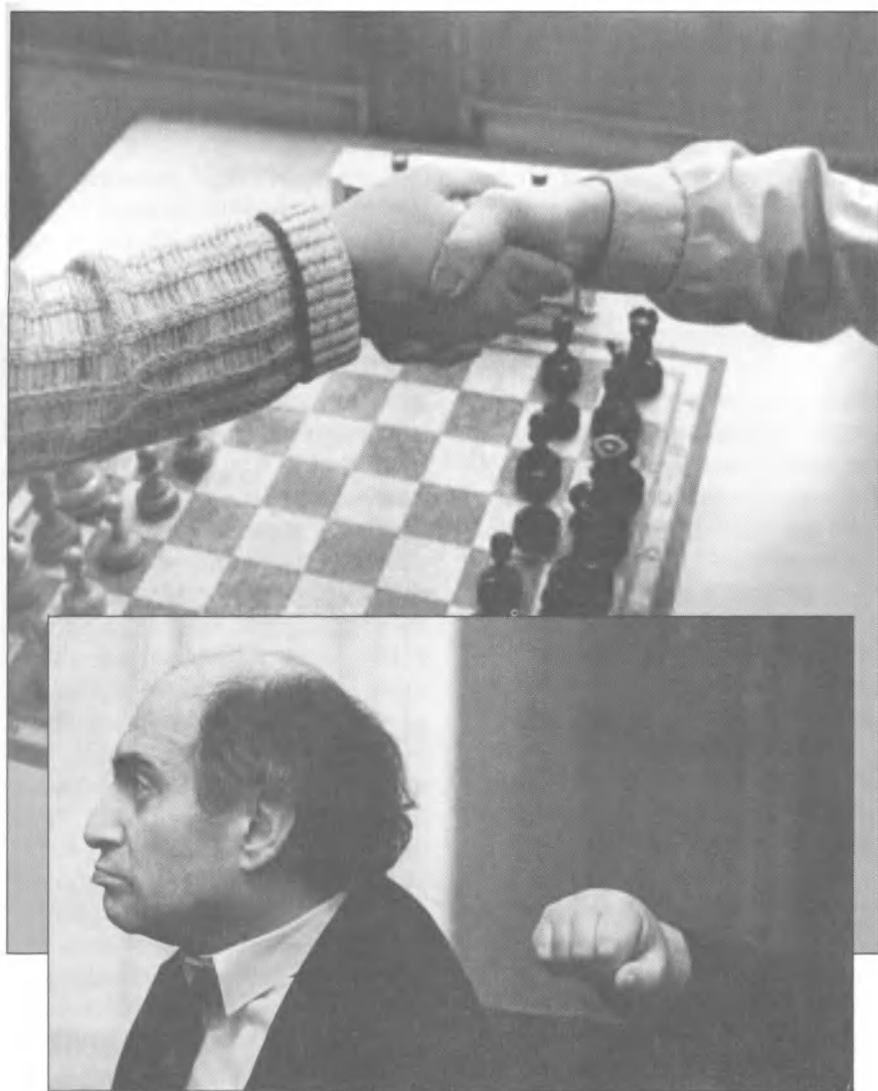
27.♕c2 ♖g4 28.♖d2 ♕e7 29.♖g1 ♕g7 30.♘f2 ♖f4 31.♘d3 ♖e4 32.♖gdl ♕b5 33.a4 ♕c6 34.♖e1 ♖:e1 35.♘:e1 ♕b4.

Выигрывается еще одна пешка, развязка близка.

36.♖e2 ♕:e1 37.♖:e1 ♕:g2 38.♕d2 h4 39.♕e3 ♕d5 40.b4 h3 41.♖e2 f5 42.♖d2 ♕e4 43.♕f4 ♕g2 44.♖d7+ ♕f6 45.♖h7 g5+ 46.♕g3 f4+ 47.♕g4 ♕e5 48.b5.

И, не дожидаясь ответного хода, белые сдались.

В итоге матч оказался проигранным, зато меньшая часть призового фонда, то бишь ставки — «выигранной» (хотя и не в обещанном объеме: сеньор Рентеро не удержался и некую толику все же недодал). Поединок же Каспарова с Шировым никого в мире, в том числе и правительство испанской провинции Андалузия не заинтересовал, не состоялся и... Словом, проигравший получил все! Все возможное...

**БЛАГОРОДСТВО
ШАХМАТНЫХ РЫЦАРЕЙ?**

Позвольте сначала поворчать о том, что генетически понятие «честная игра» растет из аналогичного ряда типа «горячий снег» или «горький мед». Не случайно ведь в первом, кажется, издании толкового словаря Даля глаголы «обыграть» и «объегорить» числились равнозначными. А откуда пошел второй из них — вся Русь ведала: жители нынешнего подмосковного Егорьевска очень лихо использовали положение своего городка на стыке трех древних княжеств и, обводя вокруг пальца сборщиков налогов, не платили ни полушки никому.

Доказательств в пользу моего ворчания — тьма. Посудите сами: когда форвард бьет пенальти в левый нижний угол ворот, а сам всячески показывает вратарю, что метит в правый верхний, — разве это не обман ближнего своего? А финты неповторимого Пеки — Петра Дементьева, когда он, оставив мяч на месте, увлекал за собой защитников вправо или влево, и те слепо шли за ним — это как называется? Возьмите, наконец, целую гору шахматных учебников: сколько глав в них так и озаглавлено — «Ловушки в дебюте». Словом, не обманешь — не победишь. А разве не в победе, не в самовыражении, не в самоутверждении с ее помощью — смысл и суть спорта?! Вот и получается, что неписаная заповедь — «Не обмани» — для нас с вами, игроки и болельщики, вроде бы действительно не писана. И что

самого термина «честная игра» просто по определению быть не может.

Но мы-то с вами понимаем, о чем на самом деле идет речь. И приветствуем финт, но освистываем подкат в ноги. Восхищаемся изяществом маневра, при котором на черно-белой доске пешки ловят ладью, но отворачиваемся от...

Тут не идет речь о сетованиях гроссмейстера (старшего мастера) Остапа Бендера во время его беседы с любителями шахмат в Васюках по поводу того, что Ласкер обкуривает соперников дешевыми сигарами и потому шахматный мир — в смятении. Нет речи и о том, как, проиграв Михаилу Талю три партии подряд на турнире претендентов 1959 года, венгерский гроссмейстер Пал Бенко пришел на четвертый их поединок в... черных очках, чтобы защититься от... гипнотического взгляда соперника (помогло это ему, как мертвому припарки). Нет, речь о том, что было, есть и, — увы — вероятно, будет в игре, которую традиционно называют не только древней и мудрой, но и — благородной...

Происходило это давным-давно. Шахматисты — народ внимательный — подметили, что примерно минут через 30-40 после начала игры самый именитый наш гроссмейстер отправлялся, извините за натурализм, в туалет. Регулярности этой акции все дивились до тех пор, пока много

времени спустя не приоткрыл тайну секундант этого гроссмейстера. Оказывается, тот, грозный в первую очередь своим исключительно абстрактным мышлением, чисто шахматной памятью на сложные дебютные варианты не блистал и... записывал их в маленькую книжечку, а ту держал в кармане пиджака. Остальное было делом техники, так сказать, туалетной...

Другой прорыв за черту узаконенных норм шахматной морали (впрочем, если, по-Ленину, в политике морали нет, почему она обязана присутствовать где бы то ни было вообще?) принадлежит другому московскому гроссмейстеру Давиду Бронштейну. Отложив одну из партий на турнире в тогда еще вполне советском Таллине, он по телефону продиктовал позицию в Москву, где его друг имел доступ к относительно мощному компьютеру, и наутро получил исчерпывающий анализ предстоящего эндшпиля. «Подсказка! Бесчестно! Ни в какие ворота не лезет!» — подобные оценки были, наверное, самыми мягкими в гроссмейстерском хоре. Но...

Много раньше, на Всемирной шахматной Олимпиаде в Болгарии, лидер нашей сборной Михаил Ботвинник просто вынужден был — титул чемпиона мира объявлял! — выйти на матч с американской командой, а ее возглавлял Роберт Фишер. 19-летний, он громогласно утверждал, что

играет сильнее всех на нашей маленькой планете и что отборочная система борьбы за корону годилась лишь до его, Фишера, появления, а сейчас просто дайте ему на матч чемпиона, и тот станет пресловутой черепахой в руках Бога.

Вот и послала судьба Фишеру Ботвинника. И юнец действительно выплеснул на соперника столько энергии, столько явных и потаенных замыслов, что... Словом, отложенная партия всеми без исключения — с Михаилом Моисеевичем вкупе — признавалась для него абсолютно безнадежной. Строго говоря, на судьбы шахматного мира это никак не влияло. Советская команда настолько превосходила все остальные, что золотые медали ей могли с чистой совестью вручить и перед началом Олимпиады. Но... Проигрыш Ботвинника венгру Портишу (такое бывало) рассматривался партруководством нашей страны как частное дело москвича, проигрыш аргентинцу Найдорфу — как досадная оплошность, так сказать, «эксцесс исполнителя», а вот неудача с Фишером была бы поражением советского образа жизни, капитуляцией Социализма перед Капитализмом. И хотя всеобщей чисто человеческой любви вся команда к своей первой доске не испытывала, началась «шахматная всенощная» — анализ отложенной позиции. Разбившись на пары, советские гроссмейстеры

искали невероятное, перебирая тысячи вариантов.

Озарение пришло под утро, и Ефим Геллер, в то время еще одессит, вдруг выдвинул постулат, по парадоксальности не уступающий эйнштейновской теории относительности: оказывается, разрозненные пешки в ладейном эндшпиле могут быть не слабее пешек связанных, то есть стоящих рядом и поддерживающих друг друга. А когда идея найдена... Словом, «была бы курочка, приготовит и дурочка»...

Уже через пару ходов после начала доигрывания юный американский гений все понял. Ломал голову, краснел, бледнел, но очко в таблице вынужден был разделить. Социализм, взяв очередной барьер и преодолев очередную объективную трудность, продолжил свой путь вглубь, вширь и наверх.

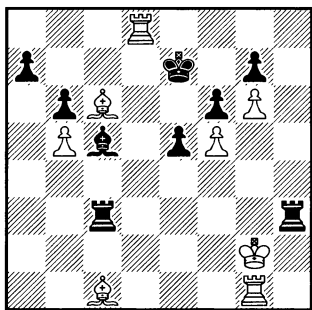
Так что с момента появления в шахматах института секундантов — впервые, вроде бы, к их помощи прибегнул голландец Макс Эйве во время своего победного матча за корону с Александром Алехиным в 1935-м году — можно считать узаконенной ту самую «подсказку», за которую многим из нас, наверное, на школьных уроках изрядно доставалось. Безусловно, есть секунданты, например, и у боксеров, и в перерывах между раундами они порой не столько гонят воздух в легкие своих подопечных, не столько обтирают их разгорячен-

ные торсы и лица, сколько советуют, советуют и советуют: куда и как бить. Но одно дело — слова, и другое дело — дела. Воплощает-то благие рекомендации в реальные удары *сам* боксер. Шахматист же зачастую, приступив к доигрыванию отложенной партии, выполнял роль робота, полностью или почти полностью запрограммированного своими секундантами — число их только ты, Господи, знаешь, потому что, к примеру, во время матча на первенство мира Анатолия Карпова с Виктором Корчным в Мера-но-81, принесшего советскому гроссмейстеру третий лавровый венок и орден Ленина, на подмосковной олимпийской спортивной базе в Новогорске сидела целая бригада консультантов во главе с такими титанами, как Ефим Геллер и Рафаэл Ваганян (это кроме штатных и нештатных секундантов непосредственно в команде Карпова «на поле боя»), и телефонный канал связи с Италией функционировал круглосуточно...

Вот так входили в историю шахмат партии Ботвинник — Фишер, Карпов — Каспаров и многие, бесконечно многие другие. Правда о «соавторах» этих «индивидуальных» творений далеко не всегда выходила на свет Божий.

Но иногда — выходила. В книге «Гроссмейстер Геллер» я рассказал о командном первенстве СССР 1966 года, когда ар-

мейские шахматисты впервые обрели золотые медали. Их лидер Е. Геллер по официальным данным набрал 6,5 очков из 10 в игре с чемпионом мира Т. Петросяном, экс-чемпионами мира М. Ботвинником, В. Смысловым, М. Талем, а также Б. Спасским, П. Кересом, Л. Штейном... Победить в таком турнире первых досок — само по себе спортивный подвиг. Но ведь Петрович, как дружно звали Геллера товарищи, выиграл как минимум еще одну партию. Отложенную, между армейцем Э. Гуфельдом и Я. Клованом из «Даугавы».

Белые записали очевидный и единственный ход **42. ♖d7+** и приступили к анализу возникающей после единственного ответа **42... ♜f8** позиции. Многочасовая работа показала, что в связи с матовыми угрозами королю белым надо форсировать вечный шах. Однако наутро улыбающийся Геллер, зайдя в номер гостиницы к Гуфельду, молча сделал на доске ход **43. ♕f4!!**, и выяснилось, что черные могут сдаться. В са-

мом деле, на **43...ef** они остаются без ладьи: **44. ♖d8+ ♜e7 45. ♖e8+ ♜d6 46. ♖d1+ ♖cd3 47. ♖:d3+ и 48. ♖d8+.** После **43... ♕:g1 44. ♖f7+ ♜g8 45. ♖e7** решает угроза мата на e8, а контратака черных, связанная с шахом ладьей на g3, отражена.

При доигрывании Клован в ответ на 43-й ход белых задумался почти на час, сыграл **43... ♖hd3** и после **44. ♖:d3 ♖:d3 45. ♖h1 ♜e7** (взять слона f4 нельзя из-за потери ладьи) **46. ♖h8** сдался.

Число таких примеров велико.

К слову, добру молодцу не в упрек, но... Включив партию в свою книгу, друг мой Эдик, человек редкой творческой экспрессивности, тем не менее про автора нокаутующего хода слонем помянуть забыл. С маниакальной, можно сказать, добропорядочностью в своих комментариях это делал едва ли не один Михаил Таль. К месту и не к месту всегда подчеркивал, что воспользовался дебютной идеей мастера А. или гроссмейстера Б., что ход при анализе отложенной партии предложил секундант В. или просто зашедший в гостиничный номер журналист П. Так ли, эдак ли, но такое совместное творчество со второй трети XX века в шахматах оказалось узаконенным...

До тех пор, пока не появились компьютеры. После забежавшего поперед батяки Бронштейна ими постепенно стали пользоваться — сначала шахматная

элита, затем просто все. В результате один из эндшпилей в матче за корону Гарри Каспаров — Анатолий Карпов в Лионе-90 умная шахматная программа просчитала, как говорится, до мата. Стало ясно: без реформы не обойтись, и — отложенных партий не стало! Рабочий день шахматиста удлинился с 5 до 7 часов, зато исчезли и бессонные ночи перед доигрыванием, и — на какие-то годы — вмешательство «железок» в игру. Почему «на какие-то»? Просто появились первые факты компьютерных подсказок уже во время самой игры! «Тут мат в 9 ходов», — неосторожно обмолвился однажды весьма средний шахматист: найти эту комбинацию было бы «не по карману» Андерсену с Чигориным и Алехину с Талем вместе взятым. Конечно, осталось вопросом — в дужку ли очков вмонтирован у него приемник или спрятан в прическе, но ведь это уже дело техники. А пока... Сначала раздавались голоса в пользу того, что пускать в игровой зал шахматистов и зрителей надо через некие металлоискатели, наподобие аэропортовых, но гораздо более чувствительных: чтобы «отлавливали» любую проносимую с собой технику. Потом эти механические контролеры стали реальностью, как, например, в Элисте на этапе Гран-при ФИДЕ в 2008-м; там же во время матча Крамника с Топаловым за коро-

ну игровой зал был заэкранирован от всех элетроволн, а сцена перегорожена таким барьером, который исключал... подсказку из зрительского амфитеатра. Смешно? Да, но не очень. Ведь еще в 70-х годах Фишер требовал, чтобы в зале зрители не пользовались... карманными шахматами. Или он тоже боялся подсказки? Знаком, жестом... Совсем как в те доморощенные времена, когда стократ сильнее игравшие мужчины в командных соревнованиях наставляли включенных в состав участниц: «Возьмусь за пуговицу — ходи конем, почешу нос — ходи ладьей. На какое поле? Следи за моей левой рукой...»

Впрочем, вопрос о подсказках однажды с такого вот пещерного уровня поднялся до вершин заоблачных, и в полном смысле слова весь мир, затаив дыхание, следил за очередным скандалом в «далеком Багио» — так аттестовалось в прессе место матча за шахматный трон между А. Карповым и В. Корчным, незадолго до того ставшим «невозвращенцем» (из-за рубежа) и, по чисто большевистской логике, изменником Родины. Где-то на 4-м часу игры Карпову принесли для подкрепления сил стаканчик йогурта — и грянул официальный протест делегации Корчного, использовавшей все мыслимые и немыслимые предлоги для очередной акции в адрес соперника, ставшего действительно идеоло-

гическим врагом. В качестве обоснования выступила вероятность... подсказки: если йогурт с клубникой — ходи конем, если с черной смородиной — ходи ладьей, ну а если без наполнителей — срочно предлагай ничью! Бредовость протеста понимали все, и тем не менее апелляционное жюри приняло поистине соломоново решение: поглощать йогурт Карпову можно, но — одного цвета и в одно и то же время. Подозреваю, что над этой «бурей в стакане йогурта» в душе смеялись даже сами незадачливые правопреемники действительно мудрого царя Соломона, с шахматами вроде бы незнакомого...

Зато знаю, как безудержно, до катания по дивану, хохотал на шесть лет раньше в Рейкьявике Фишер, когда однажды утром на сцене матча за корону появились два — в штатском — сотрудника посольства СССР в Исландии и, невзирая на беспомощные возгласы служителей театра, увезли с собой кресло американского претендента, чтобы досконально проверить его на предмет спрятанного излучателя Х-лучей, негативно воздействующих на игру советского чемпиона. Увы, я, рассказывая по Всесоюзному радио о каждой партии матча, в том далеком 1972-м ни слова об этом позорище произнести не мог.

Как почти никто не знает и о том, что на следующем матче, в Багио, целая группа из какого-то

технического отдела (или управления, или отделения — не знаю) КГБ специальными средствами экранировала виллу Карпова от возможного подслушивания разговоров в ней, и что аккредитованным на матче в роли корреспондентов супергроссмейстерам М. Талю и Л. Полугаевскому, жившим в гостинице, категорически было предписано все найденные для чемпиона мира идеи и варианты ни за какие коврижки вслух не обсуждать, а нести их в собственных головах «в бунгало» и только там, под защитой надежных электронных сетей КГБ, обнародовать.

А знаменитая шпионская эпопея на матч-реванше 1986 года в Лондоне и Ленинграде! Закончилась она отчислением из команды Гарри Каспарова одного из тренеров — гроссмейстера Е. Владимирова, одноклубника (!) Анатолия Карпова. И это правда, что армейское начальство всячески мешало тренерской работе своего подчиненного — не вообще работе, а конкретной, с Каспаровым...

Далее в «хорошо осведомленном узком кругу» бытовала легенда, что «по наводке» людей Карпова бедный Владимир был выслежен во время его отлучки с тренировочного сбора Каспарова в Ленинград, к любимой девушке, на что он, прапорщик в командировке, права не имел. Будто бы, выйдя из дома любимой, Евгений сразу попал,

несмотря на партикулярное платье, в руки военного патруля и под угрозой трибунала, путь из которого вел только в тюрьму, вынужден был согласиться на «шахматный шпионаж». В книге «Два матча», подаренной мне автором в день ее выхода в свет 23 декабря 1987 года, Каспаров дипломатично писал: «...В наших отношениях с Владимировым возник серьезный конфликт после 19-й партии. Мне показалось странным его поведение — переписывание анализов применяемых в матче дебютов. Я не могу ничего утверждать, у меня нет оснований обвинять, но я и не мог по-прежнему доверять Владимирову. Мы расстались как раз за день до того, как поступило сообщение о тайм-ауте Карпова...» Годом раньше, сразу после матча, Гарри говорил на пресс-конференциях и публичных встречах с любителями шахмат куда более резко и определенно. Затем обвинения в адрес Владимира поутихли, отступили в тень, и нашелся другой «шпион», тоже гроссмейстер и куда более именитый. Там фигурировали уже крупные суммы, которые поначалу Карпов вроде бы пожалел отдать, затем, проигрывая уже следующий матч, ассигновал... Словом, чести и достоинства все это шахматам не прибавило.

А допинг, который человечество на сегодняшний день твердо договорилось исключить из спорта! Осмелюсь на частное

мнение: хлопот с ним еще предстоит выше крыши. Например, в зеленом чае, без которого пакистанцев, туркменов и китайцев представить трудно, кофеина более чем, а он — в запретном списке. И вот перед Азиатскими играми их оргкомитет рассылает всем командам совет: пить в день не более одной чашки чая. Бред? И да, и нет.

Ну а какими реактивами определить, пили ли китайские пловцы эликсир из крови черепах с мягким, именно мягким панцирем — вроде бы первопричину целого водопада рекордов? А ведь в природе есть еще, например, змеи, и особо пятнистые, сваренные заживо, могут еще ускорить путь от старта до финиша...

В шахматах же допинг на бытовом уровне существовал всегда — я не имею в виду ситуацию с Алехиным в матче на первенство мира почти 60 лет назад, когда он временами едва держался на стуле. Но хотите где-нибудь на четвертом часу игры кофе (кофеинчику!) с бутербродом — пожалуйста! Чайку (танин + кофеин) с пирожным — ради Бога! Морсу кисло-сладкого — это уже из домашнего термоса, как все тот же Ботвинник. А вот если сверх того...

Такую попытку приобщить шахматистов к достижениям советской фармакологии совершил в начале 70-х годов врач сборной команды страны, ныне доктор

наук и, кажется, профессор Хорол (совсем недавно в какой-то из газет прочел я его статью о бывлых достижениях нашей спортивной медицины — одной строкой была там упомянута и работа с шахматистами). Под строжайшим секретом гроссмейстерам из сборных команд розданы были безымянные таблетки, призванные освежить, или улучшить, или осветлить то самое-самое таинственное, что называется человеческим мышлением.

Далее «за всю Одессу я вам не скажу», лишь за то, что знаю доподлинно. Генетически недоверчивый Виктор Корчной от них, что называется, воздержался. Предельно раскованная на язык Алла Кушнир, в те годы вторая в мире, весьма откровенно предложила ей лично заменить таблетки кое-чем иным, тоже стимулирующим и к тому же более приятным. А вот друг мой Михаил Таль... Он всю взрослую жизнь гробил себя, как мог, и при этом безропотно поглощал все пилюли, хоть кем-то ему рекомендованные. Эти исключением не стали. И на ленинградском межзональном 1973 года Таль, признанный фаворит турнира, чуть ли не сотню партий перед ним проводивший без единого поражения, начал «творить» нечто. Зевал мат в два хода чело-веку, которого обыграл бы и в сеансе одновременной игры. Не выигрывал у того, с кем расправился бы и вслепую. Буксовал на

ровном месте — при его-то шахматной культуре, знаниях, технике и опыте. И туров через шесть-семь стоял в таблице где-то очень и очень низко.

Первой против таблеток восстала его жена Геля. Вытерпела бурю, но на своем настояла. Еще с неделю далеко не богатый организм и гениальный мозг Таль очищались от «допинга», после чего он и обрел свою привычную скорость тех лет. Увы, дистанции не хватило, лидеров Таль не догнал, претендентами на шахматный трон оказались Анатолий Карпов, Корчной и очень средненький по классу игры американец Роберт Бирн, а вошел ли этот «честный» эксперимент над шахматными мозгами в какую-нибудь диссертацию — не ведаю.

Ведь легендарные грифы «Для служебного пользования» и «Секретно» до сих пор никто не отменял.

И даже не знаю: стоит ли после таких всемирных скандалов вспоминать о случаях, которые ни по Шахматному, ни по Уголовно-процессуальному Кодексу Российской Федерации не наказуемы. Даже в памятном людям старшего и среднего (до 45-ти) возрастов мертворожденном Моральном кодексе строителей коммунизма, широко в СССР пропагандировавшемся, об этом — ни слова, да и действительно вековые 10 заповедей Моисея по-

добное обходят по касательной. Речь идет об обмане, к которому в шахматах натуры артистические порой прибегают.

Широко растиражирована, например, в печати история о том, как совсем в ту пору юная, лет двенадцати от роду, милая и обаятельная В.С. — она и сейчас, уйдя на пенсию, такая же, и по-настоящему дружелюбна к людям, и умна, и хороша собой — во время партии «зевнула» ферзя и залилась по этому случаю горючими слезами. Ее соперница даже обратилась к судье: нельзя ли разрешить В.С. взять ход назад? Тот был непреклонен в своем служении Кодексу, соперница со вздохом ферзя «съела», после чего юная актриса вынула платочек, вытерла слезы и объявила мат то ли в один, то ли в два хода...

Но, быть может, что позволено начинающим (помните, новоявленный «старший мастер» О. Бендер даже ладью с доски крал), то не позволено корифеям? Отнюдь.

На международном турнире в Амстердаме 1954 года аргентинский гроссмейстер М. Найдорф, находясь в цейтноте, поставил под удар пешку и тут же в отчаянии схватился за голову. Менее опытный югослав С. Глигорич расценил поведение противника как вполне искреннее, быстро взял пешку и так же быстро проиграл. Оказалось, что Найдорф задумал коварную ловушку и для

лучшей маскировки разыграл эту сцену по всем правилам актерского искусства.

И тот же Найдорф, в принципе бесконечно любивший шахматы (он и умер-то в 88 лет от роду в очередной своей поездке на турнир уже не как участник — как зритель), подарил коллегам полный сарказма афоризм: «Если Решевский предлагает вам ничью, ищите мат его королю!» И вправду, такое за американским гроссмейстером, шахматным вундеркиндом, одним из сильнейших в мире в 30—40-х годах нашего века, водилось, хотя этика Игры ну никак не позволяет предлагать мир не только в проигранных, но и в просто худших позициях.

Зато никогда не прекращались хотя и локальные, но вековые конфликты вокруг одного из правил шахматной игры: «тронул — ходи», и поскольку все человечество сильно задним умом, то трудных коллизий с шахматистами, честью не дорожащими, более чем достаточно.

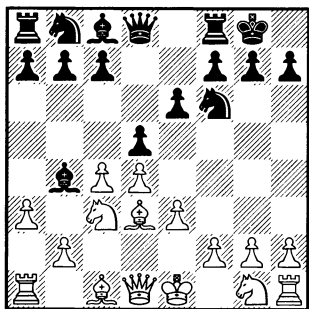
Так, например, в третьем туре I Московского международного турнира 1925 года встретились, как вспоминал потом секретарь Всесоюзной шахматной секции В. Еремеев, чемпион Америки Фрэнк Маршалл и самый молодой участник мексиканец Карлос Торре. В середине партии, когда Маршалл обдумывал ход, Торре пошел погулять по залу. Через некоторое время Мар-

шалл сделал очередной ход, пустил часы Торре, встал, обошел вокруг столика, посмотрел на свою позицию со стороны и увидел, что сделанный им ход — явно не лучший. Тогда Маршалл снова сел за столик, перевел обратно часы и взял свой ход назад. Случилось так, что в этот момент поблизости никого из членов турнирного комитета не было.

Но за партией следило немало зрителей, и о происшедшем тут же было сообщено арбитрам. Сомневаться в справедливости заявления не приходилось... И вот главный судья Николай Григорьев вместе с переводчиком подошел к Маршаллу, который все еще обдумывал свой «новый очередной ход» и тактично заявил, что взятый им обратно ход должен быть восстановлен. Маршалл вынужден был подчиниться, но очень удивился: каким это образом о его неэтичном поступке стало известно турнирному комитету.

Но не всегда счастье бывает на стороне правого. Однажды молодой тогда еще кандидат в мастера Эдуард Гуфельд играл в чемпионате Украины с тоже молодым мастером Юрием Коцем... Вспоминает уже ставший «сеньором» — так в шахматах именуют тех, кому за 60 — гроссмейстер Гуфельд.

«Были сделаны ходы: 1.d4 ♘f6 2.c4 e6 3.♘c3 ♕b4 4.e3 0-0 5.♕d3 d5 6.a3.

Здесь Коц каллиграфическим почерком записал в бланке ход 6... ♕d6 и уверенно поставил на d6... ладью с f8! Потом, уяснив разницу между ладьей и слоном, вернул фигуру на место.

Я потребовал: «Ладья ходит!» Соперник выдвинул неотразимый аргумент: «А кто видел?»

Тут подошел судья и велел, чтобы я продолжал игру «без фокусов». Я огорчился — несправедливо! — и проиграл.

Беда никогда не приходит одна. В следующем туре моим партнером был известный мастер Н. Копаев. В какой-то момент он взялся за ферзя, а пошел пешкой. Я спросил его шепотом: «Вы, наверное, шутите?»

«Мальчишка! — вскричал Копаев. — Вчера приставал к одному, сегодня — к другому!» Судья порекомендовал мне обратиться к психиатру.

После турнира я умолял своего товарища Коца сказать судье правду. Увы, Юра был неумолим.

На межзональном турнире в Сусе-1967 произошел аналогич-

ный случай. Югослав Милан Матулович в жестком цейтноте взялся за слона, и затем поставил его на прежнее место и сделал ход другой фигурой. Его противник гроссмейстер И. Билек запротестовал, но Матулович был непреклонен: «Я сказал «жадуб» («поправляю» — по-французски), но из-за сильного волнения слово застряло у меня в горле». Воспользовавшись замешательством судей, Матулович спас пол-очка.

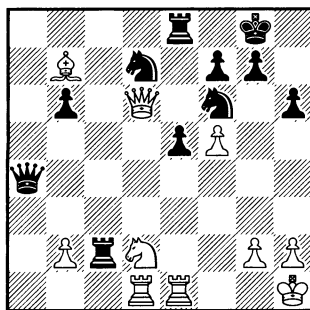
На следующий тур он опаздывал. Наконец появился и объяснил, что подавился за обедом и врач извлек у него из горла рыбью кость.

Я стоял рядом и поинтересовался: «А может, это было застрявшее слово «жадуб»? Более громкого и дружного хохота в шахматном мире мне слышать не доводилось...»

К этому можно добавить, что к прозвищу Матуловича «Железничар» (т.е. «железнодорожник»), полученному им за свою манеру знакомиться с провинциальными девушками на белградском вокзале, «в параллель» добавилось уже международное прозвище «Жадубович» — происхождение его объяснять не нужно.

Последний — по времени — громкий резонанс все на ту же тему получил эпизод из партии **Юдит Полгар — Гарри Каспаров** на турнире в Линаресе-1994. Без сомнения, потому, что главным

действующим лицом в нем выступил сам чемпион мира.

самых влиятельных газет страны — перепечатки немедленно пошли по всему миру, тему подхватили десятки радиостанций и телеканалов — заявил о том, что Каспаров отпустил коня, стоящего на с5, и, таким образом, взял ход назад. И что это вроде бы подтверждает существующая видеопленка.

Главный арбитр турнира, лично наблюдавший за цейтнотной партией, этого не подтвердил, Каспаров — опроверг, Полгар протеста не заявляла. На видеопленке в самом замедленном режиме просмотра видно, что чемпионские пальцы начали разжиматься над конем, стоящим на с5, но до конца ли? Этого определить было невозможно, шум постепенно затих, но, по словам Юдит Полгар, единственной в мире женщины, почти на равных сражающейся с наисильнейшими мужчинами, между ней и Каспаровым года три бегала невидимая черная кошка...

Но если вариации на тему «тронул — ходи» стары как мир, то мошенничество с индивидуальными коэффициентами стало возможным — и актуальным — лишь в самые последние годы XX века. Поскольку только в 1970-м ФИДЕ официально положила в основу квалификации систему венгерского американца профессора Арпада Эло, хотя и до него, и после возникали и продолжают возникать другие способы определения успехов и неудач. Нет

смысла даже мимоходом затрагивать математическую суть всех этих систем. Важно другое. В их основе — извечное стремление человечества удовлетворить самое поверхностное свое любопытство: кто «самее». Слон сильнее кита, или наоборот? Лемешев поет лучше Козловского, или нет? Алехин «грознее» Фишера, а Фишер — Каспарова, или все совсем не так, и они Филидору в подметки не годятся? При этом отбрасывается и решающий фактор Времени, в котором они жили и живут, и скорость шахматного прогресса, текущего не равномерной спокойной рекой, но бурным, прыгающим по камням и водопадам горным потоком. Все — неважно, все — побоку. Главное: кто «самее». И в веках, и — на сегодняшний день.

Вот и появились официальные рейтинг-листы ФИДЕ (и многих национальных федераций тоже), которые со временем стали чем-то вроде пропуска в соревнования престижные, с большими призами, и потому для всех желанные. Произошла обычная подмена понятий: телега забежала поперед лошади. В погоне за там называемыми турнирами высших категорий трудности по классификации ФИДЕ — XIX, XX, XXI — организаторы стали приглашать в них практически одних и тех же «гроссов» с наивысшими индивидуальными коэффициентами: возник «бродячий шахматный цирк», участни-

ки которого раз по 5-10 в году играют между собой и попасть в который можно лишь очень сильно «наварив собственный Эло».

Безусловно, это — стимул, и что в том плохого? Да лишь то, что наряду с «честным наваром» можно заняться и другим. Вроде бы всего 5 тысяч долларов стоил гроссмейстеру Азмайпарашвили организованный им четверной матч-турнир, где результат $+14(!)=4-0$ принес ему сразу 70 пунктов прибавки в табели о рангах и мгновенное приближение к высшему шахматному свету. Правда, многие потом года два ему руки не подавали, но стыд — не дым, глаза не ест. К тому же эта предприимчивость не помешала Зурабу войти в верховное руководство ФИДЕ. Естественно, не только по собственному желанию.

Да и честное наращивание... В нем все чаще и откровеннее стали проступать так называемые «черные технологии», и ни один арбитр в мире поделаться с ними ничего не может при всем желании. Вот, к примеру, что говорил об этом Лев Полугаевский, раньше других, быть может, почувствовавший ту угрозу, что исподволь — и исподтишка — напозла на вроде бы выстроенную и математически объективную систему оценок истиной силы шахматистов:

— Я направляюсь играть со своим рейтингом 2600 в турниры

и поначалу специально проигрываю несколько соревнований, пока не опущусь на отметку 2400. Затем, вздохнув свободно полной грудью, подбираю начальную дату своего спурта и подряд играю за полгода в пятнадцати 9-туровых «швейцарках» (турнирах по швейцарской системе) со средним рейтингом моих соперников 2400. Естественно, мои настоящие 2600 позволяют с легкостью набирать в каждом соревновании по 8—8,5 очков из девяти, каждый раз повышая свой «золотой запас» на 30—40 пунктов. В итоге после подсчета я перепрыгиваю планку на высоте свыше 2800 и становлюсь лидером мирового рейтинг-листа со всеми вытекающими отсюда приятными и выгодными последствиями!

Самое забавное, что эта фантасмогорийная схема была кое-чем проверена на практике, и полностью себя оправдала. И не только она одна! Вот и возник в мире полк не полк, батальон не батальон, но уж как минимум рота игроков с коэффициентом Эло, надутым как воздушный шарик.

А сколько появилось гроссмейстеров, играющих в силу кандидата в мастера? А набранные за полгода 200 (!) пунктов в рейтинг-листе совершенно неизвестным шахматистом?.. Словом, когда алгеброй попытались исчислить гармонию и подменили цифрами творчество, шахматный мир потерял ряд истинных цен-

ностей и обрел — ложную. И поделом: «Не сотвори себе кумира» — это ведь навсегда сказано.

Новоявленная арифметика вызвала в шахматах и еще один суперновый вид «бизнеса». Представьте себе, что в многократно упомянутой «швейцарке» вы выступаете так успешно, что даже поражение в последнем туре не мешает заработать балл международного мастера или гроссмейстера. Но тут подходит уже predeterminedный вам компьютером партнер и, нежно взявшись за пуговицу вашего пиджака, оповещает:

— Во-первых, искренне поздравляю. А, во-вторых, с вас столько-то долларов (марок, рублей, тугриков и т.д.) за то, что я завтра сяду с вами играть. Если нет, то я на последний тур не приду, вам поставят «плюс» в таблицу, но нужного для балла

числа сыгранных партий не получится и вы ничего не получите. Я ведь понятно излагаю, да?...

Постскриптум: только сейчас, столкнувшись с целым обвалом покупок и продаж Его Высочества Очка в таблице ради Его Величества Коэффициента деятельности ФИДЕ легонько зашевелились: что-то делать надо. Но, зная «их нравы», автор убежден: от шевеления пяткой до пробуждения ото сна, дурного математико-шахматного, — дистанция огромного размера...

Все это — те капли дегтя, которые видимо и невидимо капали и капают на нашу любимую шахматную доску. Подрывая порой авторитет самой Великой Игры, меняя блистательный имидж ее паладинов. Впрочем, в остальном, прекрасная маркиза, все хорошо, все хорошо...

ВЕХИ ВЕКА

Историю шахмат создают все шахматисты. Участники массовых соревнований и международных турниров, Всемирных Олимпиад и шахматных конгрессов. И все-таки главные, столбовые ее вехи — это поединки на высшем шахматном уровне, матчи за звание чемпиона мира по шахматам. Официально впервые это звание было присвоено в 1886 году победителю встречи Стейниц — Цукерторт.

...Строители, возводя дом, начинают с так называемого нулевого цикла работ — с фундамента. Пусть он будет потом не виден, но он существует. И в шахматном здании, возводимом из матчей на первенство мира, такой нулевой цикл был. В 1866 году, за двадцать лет до своего официального провозглашения чемпионом, Вильгельм Стейниц победил сильнейшего, по общему мнению (если не считать метеором промелькнувшего Морфи), шахматиста того времени Адольфа Андерсена. Матч состоялся в Лондоне, игрался до восьми выигрышей с контролем времени 2 часа на каждые 20 ходов и закончился с типичным для романтического стиля тех лет счетом: +8—6. Ничьих не было!

Своему партнеру в первом официальном поединке за корону Иоганну Цукерторту фактический чемпион Стейниц бросил вызов сам. Вообще Стейниц был единственным чемпионом мира, который не только не уклонялся

от вызовов сильнейших шахматистов своего времени, но подчас сам искал с ними встреч.

Этот матч шел в начале 1886 года по формуле до 10 выигранных партий без учета ничьих. Контроль был установлен в 2 часа на 30 ходов и час на каждые следующие 15 ходов. Местом поединка выбрали три города США: до 4 побед одного из противников партий играли в Нью-Йорке, в Манхэттенском шахматном клубе, до трех выигрышей одного из партнеров — в Сан-Луисе и последняя часть матча — в Нью-Орлеане. Начался матч за шахматным столиком, за которым сражался бессмертный Морфи.

Ньюйоркскую часть матча блестяще провел Цукерторт: +4—1. В Сан-Луисе Стейниц сравнял счет: +3=1. Новый Орлеан стал свидетелем его официальной коронации: Стейниц победил с общим счетом +10—5=5.

Своим вторым соперником Стейниц назвал в начале 1889 года великого русского шахматиста Михаила Чигорина. Матч игрался в Гаване на большинство из 20 партий и при счете 10,5 : 6,5 был прекращен: Стейниц выиграл 10 встреч, проиграл 6 и лишь последняя, семнадцатая, закончилась вничью!..

В конце 1890 — начале 1891 года в Нью-Йорке Стейниц сыграл свой третий матч — с Исидором Гунсбергом на большинство из 20 партий с довольно стран-

ным контролем времени: 1 час 45 мин. на 26 ходов и час времени на каждые следующие 15 ходов. Это было первое трудное испытание для Стейница: $11,5 : 9,5 (+6-4=9)$. Причем первые 5 партий дали перевес соискателю чемпионского звания — $3 : 2$. «Гунсберг не победил Стейница, но показал, что победить его можно», — писал по этому поводу Тарраш.

В начале 1892 года в четвертом матче на первенство мира Стейниц мог бы, вероятно, проиграть Чигорину, не случись в их последней партии трагическая ошибка. Матч вновь шел в Гаване, до 10 выигрышей. При счете результативных встреч $9 : 9$ по условию должен был играть тай-брейк до 3 побед. Это мудрое решение было принято для того, чтобы исключить в решающей партии случайные превратности судьбы.

Однако трагедия приключилась на тот вечер, когда счет был $+9-8=5$ в пользу Стейница. Лишняя фигура Чигорина сулила ему несложную победу, но он неожиданно отвел слона, защищавшего критическое поле, грубо «зевнув» двухходовый мат. Этот просмотр сохранил корону Стейницу.

Пятый матч весной 1894 года дал миру нового чемпиона — Эмануила Ласкера, которого сам Стейниц вызвал «к барьеру». Соревнование проходило в трех городах — Нью-Йорке, Филадельфии и Монреале; борьба шла до 10 выигранных партий. Заметим, что соперник Стейница Ласкер

родился два года спустя после матча Стейниц — Андерсен.

Матч закончился разгромом ветерана: нью-йоркский раунд он проиграл со счетом $-4+2=2$, филадельфийский — всухую: $-3+0=0$, и лишь монреальский свел вничью: $+3-3=2$. Общий счет матча $+10-5=4$ в пользу Ласкера.

— Трижды ура в честь нового чемпиона мира! — провозгласил Стейниц, сдав последнюю партию матча, а потом больше часа сидел, склонившись над шахматной доской в опустевшем зале. Он послал Ласкеру вызов на матч-реванш, который состоялся лишь через два с лишним года, в конце 1896 — начале 1897-го. Этот шестой и последний матч с участием Стейница не принес и не мог принести ему успеха. Ласкер начал поединок четырьмя рядовыми победами, а после 11 партий счет был уже $+7-0=4$ в пользу чемпиона мира. В дальнейшем Стейниц сумел дважды выиграть при трех поражениях и одной ни-чьей, и Ласкер отстоял свой титул: $+10-2=5$. Игрался матч-реванш в Москве, в помещении Московского медицинского общества на Большой Дмитровке, также до 10 выигрышей. Пресса отмечала, как достопримечательность, что здание, в котором проходил матч, «элегантно оборудовано и освещено электричеством».

Лишь десять лет спустя, в начале 1907 года, Ласкер впервые

Король «№ 3» и Король «№ 2»

поднял брошенную ему перчатку претендентом на титул чемпиона американцем Фрэнком Маршаллом. Однако силы соперников в седьмом матче были явно не равны: Ласкер одержал требуемые условиями 8 побед, сделав лишь 7 ничьих. Ни один из пяти городов Америки, в которых проходил матч, так и не стал свидетелем хотя бы единичного успеха сильнейшего шахматиста Соединенных Штатов.

В конце лета 1908 года Ласкер одержал в восьмом матче на первенство мира свою самую значительную победу. В поединке до 8 выигранных партий (час на 15 ходов, продолжительность игры 6 часов в день) он в упорнейшей борьбе продемонстрировал свое полное превосходство над Зигбертом Таррашем. Перед началом матча чемпион мира в открытую писал: «Мой и Тарраша стиль совершенно различны. Тарраш пишет о шахматах и соответственно играет с большим глубокомыслием, но без крепкой базы... Я поклонник силы, здоровой силы, которая идет на максимальную крайность для того, что-

бы достичь достижимого. Мы оба очень разные и, чтобы сказать правду, не любим друг друга».

Подвергнув таким образом сомнению и «научный» подход Тарраша к шахматам, и его умение вести борьбу, Ласкер за доской в Дюссельдорфе и Мюнхене подтвердил свою правоту. Его перевес был внушительным: $+8-3=5$.

Девятому матчу Ласкер — Давид Яновский (осень 1909 г.) предшествовала небольшая «репетиция», вселившая в претендента вполне определенные надежды. Менее чем за полгода до битвы, в «короткометражном» поединке из четырех партий каждый из партнеров одержал по 2 победы. Однако «главный» матч все поставил на свои места: в 10 партиях Ласкер набрал 8(!) очков: $+7-1=2$.

Уже через два месяца начался десятый спор за трон. В Вене и Берлине Ласкеру и Карлу Шлехтеру предстояло сыграть 10 партий, причем претенденту для получения короны надо было добиться перевеса в 2 очка.

Матч был полон трагизма. После четырех ничьих Ласкер неожиданно проиграл выигрышную 5-ю партию, а затем ничего не сумел достичь в последующих четырех встречах. Вероятно, он мог надеяться на ничью и в десятой партии, но при этом возникла весьма щекотливая ситуация: чемпион мира оставался... побежденный.

И Ласкер рискнул. Психологически точно построив схему борьбы, он вызвал огонь противника на себя и, совершив путешествие королем в центр доски, добился успеха и... счета $5 : 5$ ($+1-1=8$).

В конце того же 1910 года Ласкер вновь встретился с Д. Яновским. Одиннадцатый матч проходил в Берлине, и победа досталась чемпиону мира еще легче, чем в Париже. Счет шел до 8 выигрышей, и уже после 11-й партии все было кончено: $+8-0=3!$

Если все эти матчи были разделены по времени месяцами, то следующая встреча состоялась лишь 11 лет спустя. Первая мировая война зачеркнула назначенный на осень 1914 года интереснейший поединок Ласкер — Рубинштейн. Весной 1921 года в Гаване при счете $-4=10$ Ласкер по предписанию врачей сдал матч из 24 партий Хосе Раулю Капабланке. «Он вполне заслуживает того, чтобы быть чемпионом мира. У него превосходно выработанный стиль; он точен и находчив, логичен и энергичен», — сказал при этом экс-чемпион. По словам самого Ласкера, сохранявшего 27 лет титул шахматного короля, на его игру действовала тропическая жара Гаваны ($+32$ градуса в тени), как действовала она в свое время на Чигорина.

Тринадцатый матч принес в конце 1927 года в Буэнос-Айресе

прекрасную победу Александру Алехину, четвертому чемпиону мира. Алехин сумел преодолеть «золотой вал», которым окружил себя и свой титул чемпиона Капабланка (А. Рубинштейну собрать 10 000 долларов золотом не удалось), а затем выиграть гигантскую битву в 34 партиях до 6 выигрышей, причем претендент должен был добиться перевеса в 2 очка: при счете результативных встреч $5 : 5$ соревнование признавалось закончившимся вничью.

До матча Алехин ни разу не побеждал Капабланку в личных встречах, тем не менее почти все время отыгрываться приходилось Капабланке. Лучшие партии вошли в сокровищницу шахматной мысли всех времен.

Итог поединка: $+6-3=25$ в пользу нового чемпиона мира.

Соискателем чемпионского звания в четырнадцатом и пятнадцатом матчах выступал Ефим Боголюбов (Алехин отказал в реванше Капабланке, не встретился с имевшим на матч все права Нимцовичем). Оба они игрались на большинство из 30 партий.

В первом из них осенью 1929 года (различные города Германии и Голландии) Алехин победил после 25-й партии: $15,5 : 9,5$ ($+11-5=9$), во втором (весна 1934-го, разные города Германии) — после 26-й партии: $15,5 : 10,5$ ($+8-3=15$).

Шестнадцатый матч выдвинул пятого чемпиона мира Макса Эйве. Победа его осенью 1935

года была несколько неожиданной, тем более что первую стадию матча (7 партий) Алехин закончил с перевесом в 3 очка ($+4-1=2$). Следующие 7 партий дали такой же результат, но в пользу Эйве. Поражение Алехина ($14,5 : 15,5$, $+8-9=13$) надо отнести во многом за счет неподготовленности, недооценки соперника (хотя Эйве еще в 1926 году проиграл Алехину лишь с минимальным счетом $4,5 : 5,5$) и полного пренебрежения к элементарным требованиям спортивного режима во время игры, проходившей в разных городах Голландии.

Ровно два года спустя в семнадцатом матче (на тех же условиях) Алехин возвратил себе утраченный титул: $15,5 : 9,5$ ($+10-4=11$). Исход встречи был решен по существу в 6—10 партиях, которые принесли Алехину 4,5 очка. «Я просто одолжил Эйве на два года звание чемпиона», — так прокомментировал Алехин свое вторичное воцарение.

В восемнадцатом матче на первенство мира соперником Алехина намечался Михаил Ботвинник. Неожиданная смерть в 1946 году чемпиона, ушедшего из жизни непобежденным, сделала невозможным это единоборство.

Междуцарствие было прекращено матч-турниром, организованным по решению конгресса ФИДЕ весной 1948 года в Гааге (2 круга) и Москве (3 круга). Обогнав В. Смыслова, П. Кереса,

С. Решевского и экс-чемпиона мира М. Эйве, первым с отрывом в три очка финишировал М. Ботвинник (14 очков из 20 возможных, $+10-2=8$). Он выиграл индивидуальные матчи у всех своих соперников. 18 мая 1948 года Михаил Ботвинник был официально провозглашен шестым — и первым советским — чемпионом мира.

С этого момента в борьбе за первенство мира появились два новых существенных обстоятельства. Первое, записанное в протоколах конгрессов ФИДЕ: отныне и навсегда строго регламентируется порядок матчей на высшем уровне. Чемпион мира раз в три года обязан защищать свое звание. Ничто, даже болезнь, не может оправдать его уклонения от борьбы. Претендент на чемпионский титул отбирается системой международных соревнований, что исключает вероятность случайных встреч с чемпионом мира, бывавших прежде. Мировое первенство перестает зависеть от доброй или недоброй воли шахматных королей, от снисходительности меценатов и финансовых возможностей претендентов. Оказалась воплощенной в жизнь мысль А.Куприна о весомости, закономерности побед на шахматном Олимпе:

«Какое величие быть королем, властвующим не по правам престолонаследия и не по случайностям плебисцита, а в силу

остроты своего ума и всемирного, добровольного и добродетельного согласия, при котором нет ни единого избирателя, протестующего или воздержавшегося. Знаменитый шахматист, одолевший на всемирном состязании самого лучшего... (объективно отобранного — Я.Д.) игрока, по всей справедливости и без всякого колебания может гордо носить титул короля шахматной игры».

Эти слова большого русского писателя особенно актуальны в конце XX века, когда вновь все пошло наперекосяк. А тогда...

Установлен был и регламент матча: на большинство из 24 партий. Ничейный счет 12 : 12 сохранял за чемпионом его титул.

Второе обстоятельство нигде в официальных документах не записано, но... С 1948 года почти четверть века звание чемпиона мира оспаривали между собой только наши шахматисты. Они неизменно побеждали в турнирах претендентов, занимая не только высшую ступеньку пьедестала, но и все ближайшие подступы к шахматному трону.

Поэтому до поры до времени нет необходимости каждый раз указывать координаты последующих матчей на первенство мира. Их адрес — Москва.

Восемнадцатый матч проходил весной 1951 года в Концертном зале им. Чайковского.

Тогда шахматистам и в голову не приходило, что под ними на глубине в десятки метров таится личный бункер Сталина: никогда не посещаемый, но очень тщательно охраняемый. М. Ботвиннику противостоял самый молодой советский гроссмейстер 27-летний Давид Бронштейн. Начавшийся четырьмя ничьими матч принес в пятой партии успех претенденту, на что чемпион сразу же ответил двумя победами. В дальнейшем Бронштейн еще лишь один раз выходил вперед, зато это случилось после 22-й партии... Однако уже в следующем туре равновесие было восстановлено, а затем зафиксирован счет 12 : 12 «в пользу» чемпиона мира.

Девятнадцатый, двадцатый и двадцать первый матчи позволили миру стать свидетелем семилетнего единоборства М. Ботвинника и Василия Смыслова. Первый их раунд весной 1954 года также в зале им. Чайковского никому не принес перевеса: хотя борьба в нем велась «в добром старом стиле», с минимумом ничьих и максимумом результативных партий. Достаточно сказать, что на старте счет был 3,5 : 0,5 очка в пользу Ботвинника, и находились уже горячие головы, утверждавшие, что матч непременно закончится к 18-й партии...

Однако Смыслов сумел повернуть неблагоприятное для себя течение поединка. Впервые

в своей более чем 25-летней шахматной практике Ботвинник набрал в пяти рядовых партиях только пол-очка, потерпев одно за другим три поражения. После 11-й партии счет был уже 6 : 5 в пользу Смылова.

И вновь перетянула чаша весов Ботвинника. Он добился перелома и к двадцатой партии вел 10,5 : 8,5. Задача Смылова — набрать необходимые для победы 4 очка из 5 казалась нереальной. Тем не менее он почти выполнил ее, уравнив после 23-й партии счет: 11,5 : 11,5. Последняя встреча закончилась вничью, и М. Ботвинник в третий раз был увенчан лавровым венком чемпиона.

Второй раунд М. Ботвинник — В. Смыслов начался весной 1957 года. В третий раз Концертный зал имени Чайковского стал аренной бескомпромиссного шахматного боя. Лидировал в нем большую часть времени Смылов. Он начал выигрышем, а затем догнал ушедшего на очко вперед Ботвинника и уже с восьмой партии не упускал инициативу. Победив с перевесом в 3 очка (12,5 : 9,5, +6–3=13), Василий Смыслов стал седьмым чемпионом мира.

Весной следующего года М. Ботвинник, используя свое право на матч-реванш, вернул себе звание первого шахматиста Земли. Для его третьего раунда со Смыловым был выбран концертный зал гостиницы

М. Ботвинник поздравляет М. Талю с победой

«Советская». Уже на старте экс-чемпион мира ошеломил всех и в первую очередь своего соперника серией из трех побед. Конечно, само по себе это еще не обеспечивало выигрыш матча (вспомните матч 1954 года), но психологический эффект столь бурного спурта был очевиден. На втором (по Ботвиннику) этапе борьба шла с переменным успехом, но разрыв в три очка сохранялся. На третьем этапе в один момент перевес Ботвинника увеличился до 4 очков, а в 15-й партии матча произошел единственный в своем роде случай: в выигранном положении Ботвинник... забыл про часы и просрочил время.

На четвертом — Смылов сократил разрыв до 12,5 : 10,5 в пользу Ботвинника (+7–5=11).

Весной 1960 года Ботвинник вышел на сцену театра имени Пушкина на пятый в своей практике и двадцать второй по общему счету матч на первенство мира. На сей раз его сопер-

ником был двадцатитрехлетний рижанин Михаил Таль, совершивший за три года головокружительный взлет от мастера до гроссмейстера и чемпиона мира.

Таль умело завязывал тактические осложнения и добился успеха. После старта он имел перевес в 3 очка. Победами в 8-й и 9-й партиях чемпион мира по сути привел матч к начальному положению. Однако 11-й партией Таль закрепил лидерство, а грубый просмотр Ботвинника в 17-й партии — после серии из 5 ничьих — фактически завершил борьбу. Восьмой чемпион мира Михаил Таль победил 12,5 : 8,5 (+6–2=13).

Через год в двадцать третьем матче Ботвинник вторично сумел взять реванш. На сцене Театра эстрады разыгрался увлекательный, полный драматизма спектакль: диалог двух партнеров, один из которых в этот момент был вдвое старше другого.

Лишь первые восемь партий проходили относительно равномерно. Ботвинник вел на очко. Затем бурным спуртом он одержал три отличные победы подряд, и борьба по существу была завершена. Как и предыдущий, этот матч закончился после 21-й партии: 13 : 8 (+10–5=6, совсем как во времена Ласкера и Алехина) в пользу Ботвинника.

Конгресс ФИДЕ в дальнейшем на время лишил проигры-

вающего чемпиона права посылать вызов своему победителю.

Двадцать четвертый матч весной 1963 года передал корону мира Тиграну Петросяну, победившему Ботвинника 12,5 : 9,5 (+5–2=15). Интересно, что первую партию новый чемпион проиграл, но затем сумел взять инициативу в свои руки.

В двадцать пятом матче на сцене Театра эстрады встретились Петросян и Борис Спасский. Этот поединок оказался рекордным по числу ничейных (но не мирных) партий: их собралось 17. Из оставшихся — три выиграл Спасский, и четыре — Петросян, сохранивший свой титул: впервые со времен Алехина, точнее — с 1934 года.

Весной 1969-го пятиэтажный Театр эстрады вновь принимал тех же соперников. Упорства меньше не стало: «отдав» стартовый поединок, Борис Спасский после 8-й партии ушел на 2 очка вперед. Рядовыми победами Петросян сравнял счет, но в 17-м туре претендент начал свой финишный бросок. Два выигрыша, затем обмен ударами, и последний игровой день уже не понадобился: счет 12,5 : 10,5 (+6–4=13) возвел Спасского в звание 10-го по порядку чемпиона мира.

Следующий поединок летом 1972 года долго держал в напряжении весь шахматный — и не только шахматный мир. Трудно были переговоры претендента —

американского гроссмейстера Роберта Фишера с организаторами в Рейкьявике (Спасский на все соглашался и, по его словам, ехал на матч как на праздник). В конце концов с 9-дневным опозданием против назначенного срока игра началась поражением Фишера. На вторую партию он вообще не явился — впервые за всю историю таких соревнований!

Казалось, при счете 2 : 0 и обшей ничьей в свою пользу чемпиону уже ничто не грозит, но... Нет, не случайно мудрый Михаил Таль всерьез рекомендовал Спасскому... возратить «подарок» и не выйти на третью партию: дескать, «с нищих — не берем». Спасский со своими секундантами не послушался и... На дистанции с 3-й по 10-ю партии Фишер одержал 5(!) побед, и столь уверенных, что матч закончился досрочно: 12,5 : 8,5 (+7-3=11) в пользу 11-го шахматного короля. Это был двадцать седьмой поединок за корону, а вот следующий чемпион мира взшел на трон без генерального сражения. В 1975 году Фишер, не сыгравший в ранге сильнейшего шахматиста планеты ни одной официальной партии, выдвинул огромное количество требований: финансовых, по организации матча и — главное — по изменению его формулы. Вместо фиксированных 24 партий вновь, как встарь, предлагалось играть до

определенного числа побед. Разговор шел и о десяти, и о девяти, и чемпион мира явно не задумывался о том, что при современном, неизмеримо возросшем уровне защиты в сочетании с ушедшими вглубь дебютными исследованиями достигнуть, скажем, 10 выигрышей можно будет только к морковкину заговенью.

Тем не менее, конгресс ФИДЕ принял почти все предложения Фишера, превратил матч в безлимитный до 6 побед и ...ничего этим не достиг. Фишер играть отказался (хотя, вполне возможно, и установил мировой рекорд, вполне достойный книги Гиннеса: отправил в адрес конгресса телеграмму из 803 слов!), поскольку последнее его требование о сохранении звания при счете +5-5, то есть о перевесе претендента в 2 очка ФИДЕ все-таки отклонило. Киноплёнка сохранила тот момент, когда автор выскочил на закрытую теннисную площадку подмосковной олимпийской спортбазы в Новогорске со словами: «Толя, двадцать минут назад тебя провозгласили!...»

Двадцать восьмой матч за корону Анатолий Карпов начал летом и завершил осенью 1978 года: сражение по старо-новой формуле длилось 93 дня, и соперники максимально использовали все предоставленные им по регламенту тайм-ауты. По

ходу боя сменился даже главный арбитр — впервые за 80-летнюю историю матчей. Преодолен был рекорд по ничьим: чемпион мира и Виктор Корчной сделали их двадцать одну(!), в том числе — семь подряд на старте. Затем три тура лидировал Карпов, Корчной восстановил равновесие, но очень не надолго. 3 «равномерно» выигранные партии (и черными тоже) дали заметный перевес чемпиону, к 28-й партии одержавшему 5 побед против 2 у претендента. И тут случилось невероятное: набрав 3,5 очка из 4, Корчной сравнял счет! В высших властных кругах СССР воцарилось смятение, сравнимое чуть ли не

с началом Великой Отечественной: ведь Карпов играл с шахматистом, двумя годами раньше не вернувшимся домой и осужденным за измену Родине на максимальный по тем временам срок лишения свободы: по сравнению с ним американец Фишер казался уже чуть ли не близким другом советского народа в частности и социализма вообще...

Но последнюю партию выиграл Карпов: $+6-5=21$.

Протяженность встречи на Филиппинах, в Багио, доказала сомнительность безлимитной формулы, и все же в двадцать девятом матче — между теми же соперниками — вновь примени-

Сто тысяч первый автограф

ли именно ее. На сей раз все происходило иначе: в североитальянском городке Мерано осенью 1981 года 50-летний Корчной из стартовых четырех партий проиграл три при одной ничьей, и далее его отставание от Карпова не сокращалось менее чем на два очка. В итоге поединок оказался быстротечным: $11 : 7 (+6-2=10)$ в пользу чемпиона мира.

Зато юбилейный, 30-й по счету матч за корону побил все рекорды: и по продолжительности — 159 дней (более 5 месяцев!), и по числу сыгранных партий — 48(!), и по сделанным подряд ничьим — 17(!) один раз и 14(!) — другой. Да и счет возрастал уникально: чемпион мира четырежды выигрывал у самого молодого в истории претендента, 21-летнего Гарри Каспарова на дистанции всего лишь в девять партий. Произошло это в сентябре-октябре 1984 года на самой престижной сцене Москвы — в Колонном зале Дома Союзов, то есть там же, где 35 лет назад Михаил Ботвинник получил свой первый лавровый венок. Затем — неожиданно для всех — началась упомянутая уже рекордная серия ничьих, в 27-й партии счет возрос до $5 : 0$, в 32-й — изменился на $5 : 1$ и — второй длительный отрезок полного равновесия сил.

В январе 1985 года участников «переселили» в заурядный зрительный зал гостиницы

«Спорт» на южной окраине столицы. Там Каспаров одержал две победы подряд и ...матч прекратился при счете $+5-3=40$ в пользу Карпова. Такого тоже еще не случалось! Впрочем, подоплеку тому вы знаете из главы «Власть и шахматы»...

С идентичным счетом так называемых результативных партий ($+5-3=16$), но уже в пользу Каспарова завершился тридцать первый матч за корону, и она перешла от Карпова к 13-му, самому молодому чемпиону мира. В концертном зале имени Чайковского осенью 1985 года борьба шла уже по прежней, ставшей классической формуле: 24 тура, общая ничья — в пользу чемпиона (безлимитное сумасбродство, видимо, навсегда приказало долго жить). Каспаров стартовал победой, вскоре двумя рядовыми выигрышами Карпов вырвался вперед. Матчевый экватор два «гроссмейстера К.» пересекли, имея по 6 очков каждый, но затем инициатива в счете перешла к Каспарову ($+2-1$) и затвердилась его финишной удачей.

Но возвращение к такой системе борьбы шло, по настоящему Карпова, через реанимацию или даже воскрешение института матч-реваншей. Он состоялся летом и осенью 1986 года в Лондоне и Ленинграде: впервые два советских шахматиста часть своего единоборства проводили на чужой земле.

Из-за рубежа Каспаров привез одно очко перевеса; в Ленинграде после 16-й партии увеличил его вдвое и, казалось, все уже предопределено. Однако затем впервые в своей шахматной карьере проиграл три партии подряд, и лишь приводимая в главе «Наследство, растущее в цене» красивая атака позволила ему вновь выйти вперед. Со счетом $+5-4=15$ чемпион мира — впервые с 1897 года — отстоял в матч-реванше свое звание. Это был тридцать второй поединок на высшем шахматном уровне.

В тридцать третьем — на сцену севильского театра «Лопе де Вега» вышли те же действующие лица. Противостояние «двух К.» в октябре-декабре 1987 года достигло апогея: ни один из них не выходил вперед более чем на очко. Финиш получился драматическим: выиграв 23-ю партию, Карпов был в полушаге от «реставрации своего царствования» и по ходу последнего боя мог мгновенно сделать ничью, но... Каспаров сумел взять верх в безусловной «партии жизни» и при счете $+4-4=16$ сохранил корону.

Тридцать четвертый матч подводил итог удивительному единоборству 12-го и 13-го чемпионов мира: в октябре-декабре 1990 года первая его половина игралась в Нью-Йорке, вторая — на юге Франции в Лионе. Вновь упорнейшая борьба, но все же

при некоторой игровой инициативе действующего чемпиона мира. Причем своеобразная попытка захватить ее состоялась еще до того, как затакали шахматные часы: в оргкомитет первой половины матча (состав — впечатляющий: бывший президент США Р. Никсон, бывший госсекретарь Г. Киссинджер, мэр Нью-Йорка Д. Динкинз, супермагнат Д. Рокфеллер, владелец межнациональной телерадиогазетножурнальной империи Р. Мердок и т.д., и т.п.) ушло его заявление:

«Во время матча на шахматном столике с моей стороны будет маленький бело-сине-красный флажок — свидетельство моей солидарности с соотечественниками в России, отстаивающими каждый день право на свободу». На какую свободу и от кого? — это наглядно показала всему миру история отнюдь не шахматная. А в тот момент чехарда с символом государственной принадлежности — под свистопляску обрадованной желтой, полужелтой и любой иной серобуро-малиновой прессы — продолжалась три игровых дня. За это время чемпион мира повел в счете, после 7-й партии утратил перевес, и на вторую половину поединка в Лион партнеры были при полном паритете сил. При этом в отдельных встречах амплитуда колебаний маятника достигала апогея: к ничьей соперники приходили через пози-

ции, выигранные то для одной, то для другой стороны.

Кризис наступил на отрезке с 16-й по 20-ю партию. Каспаров вышел вперед, тут же проиграл, затем опроверг дебютную новинку Карпова и после ничьей черными в 20-й партии блестящей победой достиг перевеса в два очка. Отчаянный натиск Карпова лишь частично увенчался успехом, и чемпион мира свой последний матч со своим предшественником довел до победы — 12,5 : 11,5 (+4–3=17; в середине поединка было 8 ничьих подряд).

А вот тридцать пятый... Он все-таки прошел осенью 1993 года, но — «раздвоившись», в официальном и неофициальном вариантах. Дело в том, что по принятой ФИДЕ системе отбора — зональные и межзональные турниры и три ступени претендентских матчей — соперником чемпиона мира определился англичанин Найджел Шорт. Незадолго до матча за корону он и Каспаров объявили о своем разрыве с ФИДЕ и провели свой поединок под вывеской «Чемпионат мира «Таймс» — эта старинная английская газета выступила спонсором матча. В спортивном отношении то была неравная встреча: Каспаров доминировал и победил 12,5 : 7,5 (+6–1=13). ФИДЕ и ее президент Флоренсио Кампоманес, естественно, с таким поворотом событий не смирились и органи-

зовали под своей эгидой матч А. Карпова с голландцем Яном Тимманом: их обоих в претендентских поединках обыграл Шорт. Так возник титул «чемпиона мира по версии ФИДЕ» (матч «в одни ворота» выиграл Карпов: +6–2=13). Так после 45 лет упорядоченной, хотя и не всегда стопроцентно справедливой системы борьбы за корону вновь воцарился хаос.

Дальше какое-то время все шло по параллельным линиям. ФИДЕ вело отбор к матчу с Карповым, вновь образованная Профессиональная шахматная ассоциация — к матчу с Каспаровым. Драматизм и комизм ситуации определялся еще и тем, что кто-то из ведущих гроссмейстеров игнорировал либо ту, либо другую лестницу отбора, а большинство — играли и там, и там.

К Каспарову «на прием» провалился молодой индус Вишванатан Ананд, летом 1995 года в Нью-Йорке он на протяжении восьми партий поддерживал равновесие, затем даже вышел вперед и... покатился под откос: +4–1=13 в пользу Каспарова (две финальные партии матча не понадобились). Годом позже в Элисте наконец-то, состоялся долгое время висевший в воздухе поединок Карпова с некогда ленинградцем, ныне американцем Гатой Камским, и чемпион мира по версии ФИДЕ особых проблем не испытывал: +6–3=9, тоже досрочная победа.

Однако нет ни малейших оснований присваивать этим по шахматному весьма интересным поединкам порядковый номер, каким отмечены официальные встречи 1886-1990 годов.

В поисках выхода из тупика президент ФИДЕ Кирсан Илюмжинов предложил заменить традиционные, более века проводившиеся матчи за корону грандиозным по числу участников (100!) чемпионатом мира по олимпийской или нокаут-системе, то есть с выбыванием. Идею сразу же отверг Каспаров, приглашенный, как и Карпов, в полуфинал турнира — минуя первые 5 «кругов ада». В результате отказа и одного из сильнейших гроссмейстеров мира молодого Владимира Крамника Карпов... попал сразу в финал. Свежий, он обыграл в Лозанне в начале 1998 года (массовая

часть чемпионата, где в 1/64 финала можно было увидеть фактически кандидатов в мастера, проходила в декабре 1997-го в Гронингене) Ананда уже в серии из двух так называемых быстрых партий с контролем по 25 минут на весь поединок; основное же время матча с «нормальным» контролем времени — два с половиной часа на 40 ходов, час на 20 и полчаса до конца игры — завершилось вничью: $+2-2=2$.

Тут же, после окончания чемпионата президент ФИДЕ — и Президент Калмыкии — Кирсан Илюмжинов выступил с официальным заявлением:

«Мы сделали событие, сделали спортивное шоу для всех, и все были участниками этого спортивного спектакля. Я уже объединил шахматы! Мы создали систему, которая работает.

У входа в лондонский театр «Савой» висел стенд с портретами участников. Автор встал посередине...

Самое главное — это система. Она не зависит от желания того или иного шахматиста. Наши конгрессмены ранее приняли решение, что мировые чемпионаты будут проводиться раз в два года. Но сейчас все мы увидели, что интерес к соревнованиям, впервые за более чем 110-летнюю историю розыгрыша первенства мира, проведенных по новой системе, просто колоссальнейший!» Через много лет он же скажет: «Нокаут-система изжила себя».

Разумеется, любая иная оценка, даже иная, менее восторженная тональность в устах творца новой системы прозвучала бы неестественно. Однако несправедливость решения о льготах была так очевидна, что на следующий аналогичный (дважды переносившийся) чемпионат мира летом 1999 года в игровой столице США Лас-Вегасе Каспаров и Карпов были приглашены уже в 1/32 финала — наряду с группой других гроссмейстеров. Поочередно оба отказались: Каспаров — игнорируя саму систему, Карпов — в последний момент. В их отсутствие и отсутствие Ананда, ожидавшего гипотетический и сугубо коммерческий матч с Каспаровым, система Илюмжинова... скомпрометировала себя целиком и полностью. Уже в полуфиналах встречались шахматисты, имевшие всего-навсего 7-й и 36-й номера в рейтинг-листе ФИДЕ,

45-й и... куда более чем сотый! Фавориты — гроссмейстеры действительно высокого и высочайшего класса — проигрывали на тай-брейке «быстрые партии», иногда терпели явно нелепые (например, «зевок» фигуры) поражения в микроматчах, когда нет времени на реванш.

Строго говоря, лишь случайность спасла репутацию и предыдущего такого первенства: питерский гроссмейстер Халифман в один(!) ход не выиграл партию и матч у Вишванатана Ананда. В Лас-Вегасе же Александр Халифман оказался победителем, но пожалуй, мало кто в мире, исключая родных, близких и друзей, всерьез признал его чемпионом мира. Верно, и ранее в шеренге шахматных королей была одна «особая» фигура, но тем не менее молодой Макс Эйве, во-первых, числился среди лучших, а во-вторых, выиграл длинный матч пусть и у почти постоянно нетрезвого, но Алехина! Чемпион ФИДЕ-1999 ни тем, ни другим «оправдаться» не мог. Забегая вперед, то же самое можно сказать и о последующих чемпионах мира по версии ФИДЕ: украинце Руслане Пономареве, узбеке Рустаме Касымжанове. К слову: они стали кавалерами высших орденов своих стран.

Третий илюмжиновский нокаут-чемпионат был официально назначен на конец 2000-го года: он как бы подводил черту

под событиями уходящего века и даже уходящего тысячелетия. Функционеры ФИДЕ некоторым образом учли раздававшуюся в их адрес критику: финальный матч двух счастливых разделили не только во времени от предварительной лестницы отбора, но и в пространстве: основная, массовая часть чемпионата отдавалась родине шахмат Индии, заключительные аккорды должны прозвучать в Иране. Увы, все это оказалось в тени объявленного наконец-то поединка Гарри Каспарова с единственным достойным его соперником на сегодняшний день — Владимиром Крамником. Вы, конечно, помните: именно 16-летнего мастера Крамника Каспаров «за руку» привел в олимпийскую сборную России, именно его он пригласил в свои помощники во время упомянутого чуть выше матча с Анандом. Наконец, именно Крамника — и только его! — Каспаров однажды назвал своим возможным преемником на шахматном троне. Каком именно? За какую корону собрались вести спор безусловно сильнейшие шахматисты планеты? На эти вопросы не было ответа ни в те дни, когда организаторы лондонского — опять лондонского! — матча публично объявили о депонированных в банке 2000000 долларов призового фонда, нет ответа и за три месяца до начала поединка. Похоже, что в отличие

от Лондона-93, когда матч назывался «чемпионат мира “Таймс”», на сей раз вывеска никого не волновала: миру предлагалось единоборство гроссмейстеров, имеющих друг против друга равный счет и в классических, и в быстрых, и в молниеносных шахматах (тут даже у Крамника перевес в очко). Словом, эдакий поединок Морфи — Андерсен почти через полтора столетия: интерес огромен, ставки высоки, а титула, по крайней мере — официального, нет!

Но фактически общепризнанный титул был! Матч в Лондоне закончился в первых числах ноября победой Крамника с удивительным результатом $+2=13$ (8,5 : 6,5). Предсказания Каспарова воистину оказались пророческими... Означала ли смена чемпионов возможную ликвидацию той ситуации, о которой шла речь? В какой-то степени, да. 14-й шахматный король защитил свой трон от посягательств венгра Петера Леко, сравнив счет в последней партии, затем победил в скандально-известном матче болгарина Веселина Топалова и как-то безропотно расстался с титулом поздней осенью 2008 года в поединке с Виши Анандом: $+1-3=7$.

Можно искать истоки этого поражения в недостаточной подготовленности к матчу, в неполной дебютной вооруженнос-

ти, в ошибочном эпизоде стратегии, который спринтерская дистанция единоборства — всего 12 партий, 100 лет такого не было! — не позволила исправить. Но есть и более существенная, даже краеугольная причина, неоднократно Владимиру в глаза высказанная: ошибочен его переезд на житие в Париж. Знаю: Крамнику пушке горькой редьки надоели далеко не всегода праведные и бескорыстные блюстители порядка, останавливавшие его днем и вечером на столичных улицах под предлогом «изучения лица кавказкой национальности»: думаю, и в аду Гитлер порадовался появлению у нас, вроде бы интернационалистов, такого словосочетания; в поисках защиты Крамник попросил даже выдать ему на руки удостоверение заслуженного мастера спорта России, годами лежавшее где-то в аналах Спорткомитета.

Знаю: повлияли и еще некоторые обстоятельства чисто бытового плана, но... Только Москва давала Владимиру бесценную возможность ежедневного, даже ежеминутного общения с другими сильными шахматного мира сего: общения особого, чисто российского, практически невероятного на Западе. Только в Москве мог он дышать той исключительной шахматной атмосферой, ради которой, собственно, и приехал некогда из Туапсе. Конечно, и в Париже

или на Лазурном берегу Крамник проводил творческие сборы с приглашенными гроссмейстерами, только все же вольно или невольно оставался Антеем, сильным, талантливым и — оторванным от родной земли.

А с другой стороны... Именно в Париже он, вниманием женщин и прежде не обделенный, встретил свою Мари, свою Машеньку, свою Машку, и она подарила ему дочь Дарью — взамен утраченного шашматного трона. И на ближайшее время Крамник решил взять тайм-аут: ради дочки, ради семьи. Хотя в основном разговаривает с женой по-английски: русский запас ее слов укладывается в сотню, французский запас его слов измеряется немногим больше. Зато при венчании главное слово они сказали в одной тональности.

Может, все это даже важнее короны? Не мне судить...

А тем временем ФИДЕ в первые месяцы шахматного царствования Анаада, в разгаре очередного отбора претендентов стало видоизменять ею же объявленные правила, и, естественно, поднялась волна протестов тех, кто надеется бросить перчатку Виши — 15-му чемпиону мира. Так что штиль в бескрайнем шахматном море вновь отменяется.

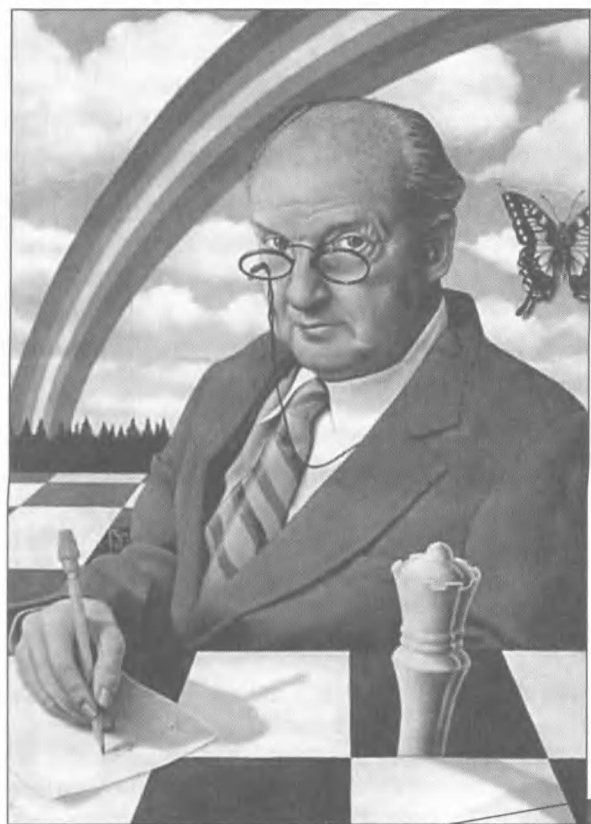
Неужели навсегда?

Так что, выйдя из хаоса взаимоотношений сильнейших, наш

Век шахмат в него и вернулся. По крайней мере, на день сегодняшней. Игра несет от этого ущерб невероятный, и когда-нибудь история и историки «воздадут должное» тем, кто в

личных одномоментных интересах затеял такую кутерьму. И все же... Шахматы вечны, они изобретены Homo sapiens, и умным — принадлежат.

А разум всегда побеждает. Хотя, порой, и с опозданием...

ПОКАЯНИЕ

Как говаривал еще бессмертный Козьма Прутков, нельзя объять необъятное, и, заметно превзойдя заранее оговоренный с издательством объем книги, автор на этом ставит точку. И искренне просит прощения у всех, кого помнит и о ком не сумел рассказать.

В первую очередь — это наши милые дамы. Несравненная Нона Гаприндашвили, по глубочайшему моему убеждению — лучшая шахматистка всех времен и народов. Бесспорно, что нынешний абсолютный лидер женских шахмат Юдит Полгар добивалась более звонких и весомых спортивных результатов, но не надо забывать, что именно Нона впервые выполнила мужскую гроссмейстерскую норму в доинфляционный период международных званий, и что она вообще во многом была первая. В том числе — в шахматных поединках с мужчинами (легендарная Вера Менчик все же не совсем в счет; шахматы до Второй мировой были несколько иными).

К слову, зная в деталях биографию Ноны, несложно понять и тот самый феномен грузинской женской шахматной школы, о котором в свое время так много судачил мир: и это — часть моего покаяния.

Не рассказано и о Майе Чибурданидзе, установившей, по видимому, вековый рекорд: чемпионкой мира она стала в 17 (!) лет. Но меня, откровенно го-

воря, впечатлило — и даже поразило не это, а соседство с Майей в пресс-центре одного из матчей Гарри Каспарова и Анатолия Карпова. Вокруг бурлили страсти, минимум с десятков мэтров, включая бывших претендентов на корону, выносили свои вердикты, подкрепляя их ж-ж-железными вариантами, но только королева, тихая и застенчивая, ход за ходом абсолютно точно прогнозировала ход борьбы, и я подумал: окажись этот удивительный ум в мужицком теле, выносливом, честолюбивом, целенаправленном — и совсем не факт, кто считался бы тогда высшим авторитетом в шахматном мире.

Не рассказано и о нынешних девчонках, которые — как Сашенька Костенюк, — в 13 лет становятся гроссмейстерами, а в 15, экстерном заканчивая школу, — студентками ВУЗов. Они — и их старшие подруги — опережают Время, выводя российские женские шахматы на пьедестал олимпийской пирамиды после того, как практически вся сборная СССР оказалась за границей — в Грузии.

Совсем не затронута в книге очень близкая и хорошо знакомая автору тема: о великих любителях шахмат. О-о, какие изумительные это были и есть люди, в своих областях жизни задающие тон, прокладывающие новые пути. Великий композитор Сергей Прокофьев и великий скри-

пач Давид Ойстрах — их довоенный матч в Москве вызвал интерес, близкий к ажиотажу, равно как и концерт, данный Сергеем Сергеевичем в честь победителя Давида Федоровича. Литератор Леонид Зорин: он не пропускал ни одного крупного турнира на территории СССР, и его можно было встретить в креслах зрительных залов Москвы и Ленинграда, Тбилиси и Львова (за рубежом замечательного драматурга, чьи пьесы шли на сценах чуть ли не всех континентов, власть не слишком-то выпускала: как же, в своей «Варшавской мелодии» он был не согласен с самим Отцом Народов!). Писатель Даниил Гранин: одним из минусов нынешней ситуации он считал гибель шахматных журналов (рижского, в частности) и «продиктованное властью сокращение интереса к шахматам». Кинорежиссер Марк Донской: по-моему, шахматы чем-то лечили ту его духовную травму, что опять-таки нанесла Советская власть после фильма «Алитет уходит в горы» (его племянник Дмитрий Донской, «экселенц фотографии» — это редкое международное звание, дал целую галерею глубочайших шахматных снимков; на них, в первую очередь, Анатолий Карпов и Гарри Каспаров). Станислав Говорухин, кинорежиссер, сценарист, политик, художник: знаю его с университетских лет, и всегда — почти полвека! — в его жизни не просто присутствуют,

но важную роль играют шахматы. Академик Леонид Абалкин, сильный кандидат в мастера: свою любовь к Игре он сотый раз доказал и нелегкой работой на посту президента шахматной федерации РСФСР. Академик Ролльд Сагдеев — о нем я уже вспоминал. Доктор медицины Владимир Лупанов, доктора филологии Владислав Ковалев и Харламий Баранов, академики Вильгельм Канеп из Латвии и Вахтанг Беридзе из Грузии, один из столпов статистики Станислав Струмилин, — как близко им шахматное искусство. А журналист Георгий Кофман... В его армейской газете на советско-финской войне зимой 1940-го родился... Василий Теркин, ставший народным героем Великой Отечественной — уже под пером Твардовского... А актер Николай Рыбников... О каждом — и о многих-многих других надо бы рассказать очень подробно: без них Век шахмат — не век, да что поде-лаешь...

Неполон этот Век и без рассказа о первой — и единственной пока — партии «Земля — Космос», за которую один из ее участников (и организатор!), легендарный летчик генерал-полковник Николай Каманин получил нагоняй от ЦК КПСС...

А какая прекрасная глава — шахматы в литературе, в живописи, в искусстве — от писателя Владимира Набокова, отменного к тому же шахматного композитора, до композиторов Бриттена

и Бласса с их балетами «на шахматной основе». И здесь — теасуфра — «моя вина», как говорили древние.

Лишь пунктирно осталась намеченной тема тех, без кого шахматы в СССР — России никогда не стали бы такими, какими стали: речь идет о тренерах и организаторах. Они создавали шахматные школы, шахматные объе-

динения: оттуда выходили чемпионы, гроссмейстеры, любители — все население шахматного королевства. В память о них играют сейчас мемориалы Владимира Зака, Вахтанга Карсладзе, Феликса Приписа... Скороговоркой о них — нельзя, подробно — не получилось.

Неисчерпаемы шахматы, бесконечен их Век...

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	5
ПРЕДТЕЧИ	9
Романтик	11
Посланец	13
Некоронованный король	15
СТОЛИЦА	19
Ренессанс	23
Шутка	26
РОССИЯ	33
Твои чемпионы, страна	37
«Потерянный след»	39
Великий молчун	41
Сомненью вопреки... ..	45
Учитель	50
ПЕРВОПРЕСТОЛЬНАЯ	61
ПРЕДТЕЧИ (продолжение)	67
Последний из могикан	69
СТОЛБОВОЙ ДОРОГОЙ ИГРЫ	83
Мудрость влюбленного	85
Любовь мудреца	92
На балу жизни	104
ВЛАСТЬ И ШАХМАТЫ	111
Орудие культуры. Пролетарской	113
Твои сыновья, ГУЛАГ	122
Заложники	130
Орудие культуры. Пролетарской (продолжение)	138
Когда гремели бои... ..	138
Когда отгремели бои... ..	142
Беспредел	146

СТОЛБОВОЙ ДОРОГОЙ ИГРЫ (продолжение)	149
«Но поражение от победы...»	151
Равный... Первый... или Воля Каиссы	157
Жизнь в борьбе	163
Борьба — не за жизнь	174
Гвардия	183
Вечно второй	184
Его красивая партия	189
Судьба	198
Поцелуй королевы	204
Смелость, риск, даже блеф — все это при нем	208
КОМАНДНОЕ ТОРЖЕСТВО СОЦИАЛИЗМА	213
Все на одного или Матч Века	221
Командное торжество социализма (продолжение)	238
Виват, Россия!	241
СТОЛБОВОЙ ДОРОГОЙ ИГРЫ (окончание)	249
Мастерство художника	251
Философия ограничения	260
Дурак... Святой... или Страсти по Фишеру	270
Человек первой попытки	279
«Я в мир пришел...»	286
«Дарование есть Поручение»	296
Трижды венчанный	305
ШАХМАТЫ И ВЛАСТЬ	309
Исход	311
«Заседание продолжается»	313
Злодей	332
НАСЛЕДСТВО, РАСТУЩЕЕ В ЦЕНЕ	341
Увертюра	343
Красота или ее миф	345
СТАВКА	363
БЛАГОРОДСТВО ШАХМАТНЫХ РЫЦАРЕЙ?	373
ВЕХИ ВЕКА	389
ПОКАЯНИЕ	409

Художественно-публицистическое издание
Серия «Chess idea»

ДАМСКИЙ ЯКОВ ВЛАДИМИРОВИЧ

ВЕК ШАХМАТ

**ЗАНОВО ПЕРЕЖИТЫЙ АВТОРОМ,
С КОТОРЫМ, НАВЕРНЯКА, НЕ ВСЕ СОГЛАСЯТСЯ**

Издание второе, испр. и доп.

Книга издана в авторской редакции

Ведущий редактор серии *Я. В. Дамский*
Художественное оформление: *А. Б. Архутик*
Компьютерная верстка *О. К. Склад*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 16.03.09 г.
Формат 60х90/16. Гарнитура «NewtonС».
Печать офсетная. Печ. л. 26,0.
Тираж 3000 экз.
Заказ № 1885

000 «Издательство «Этерна»
115477, Москва, Кантемировская ул., 59А.
Тел./факс: (495) 755-81-23

Е-mail: info@eterna-izdat.ru
www.eterna-izdat.ru

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Яков Владимирович Дамский – известный журналист, мастер спорта и международный арбитр по шахматам. Автор трех десятков книг, в том числе написанных вместе с Михаилом Талем, Ефимом Геллером, Львом Полугаевским, Владимиром Крамником. Его «Век шахмат» содержит не совсем обычный взгляд на древнюю игру и его героев.

